

РОССИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛЕКЦИИ В ПАРТИЙНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Право, политические процессы,
общество, образование и культура,
внешняя и оборонная политика

МОСКВА

2023

УДК

ББК

Россия: история и современность. Лекции в Партийном университете. Право, политические процессы, общество, образование и культура, внешняя и оборонная политика /Под редакцией Г.М. Михалевой. – М.: РОДП «Яблоко», 2022. –296 с.

Данное издание является сборником лекций, прочитанных в Партийном университете партии «Яблоко» в 2020–2022 годах известными учеными и политиками. Лекции были посвящены российскому и международному развитию в разных областях: историческому пути нашей страны, праву и законодательству, политической системе и политическому процессу, экономике, обществу, образованию и культуре, внешней, военной и международной политике.

Сборник предназначен для всех интересующихся развитием нашей страны, членов и сторонников партии, студентов, аспирантов, преподавателей, журналистов.

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Григорий Явлинский

Тридцать лет: альтернативы и развилки9

Николай Рыбаков

Политика в эпоху Z 18

Сергей Митрохин

Модернизация и архаика.

О причинах провалов и срывов российской модернизации26

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РОССИИ

Галина Михалева

Россия – неправовое государство 45

Елена Дубровина

Почему бойкот поправкам в Конституцию? 54

Илья Шаблинский

Избирательное право и избирательный процесс. История и закон.....59

Аркадий Любарев

Законодательство о выборах: между идеалом и реальностью 64

Александр Сунгуров

Права человека: основы концепции и нерешенные проблемы..... 76

Александр Верховский

Как устроено российское антиэкстремистское законодательство 85

Владимир Рыжков

Законопроект Клишаса – Крашенинникова92

Андрей Бабушкин

Что делать, если тебя преследуют правоохранительные органы.....95

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Владимир Гельман

Недостойное правление: политика в современной России..... 103

Николай Петров

Трансформация российского режима и механизм принятия решений 111

Александр Дука

Самовластие элит. Почему элиты склонны к нарушению норм и правил..... 117

Юрий Коргунюк

Партии и партийные системы: тренды и перспективы развития..... 125

Ольга Попова

**Российские партии: есть ли шансы
у дефектных политических институтов? 133**

Андрей Бузин

Роль выборов в становлении антинародного государства 142

Максим Круглов

Городская политика в современной России 151

Константин Киселев

Политик в оппозиции: как это возможно на местном уровне..... 155

Екатерина Ходжаева

Государевы люди: повседневность низового состава полиции 168

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Наталья Зубаревич

Территориальное неравенство в современной России 179

Игорь Николаев

Госрегулирование цен и инфляция 186

Евгений Гонтмахер

**Украинская «спецоперация»: последствия спецоперации
для экономики и граждан 192**

ОБЩЕСТВО

Ольга Власова

**Концепция справедливого мира и военная операция:
почему растет поддержка насилия в обществе?..... 199**

Елена Здравомыслова

Поворот к проблемам стареющего общества в российском контексте207

Анна Темкина	
Что такое гендер?	218
Алена Попова	
Феминизм в России: борьба системы против равноправия, почему власть боится женщин?	223
Юлия Островская	
Домогательства в профессиональной сфере	228
Денис Волков	
Почему россияне не прививаются от коронавируса	236

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Гасан Гусейнов	
Новояз из старояз	241
Александр Шишлов	
Болонская система: 20 лет спустя	246
Эмилия Слабунова	
Школа не должна быть местом вчерашнего дня	250
Николай Митрохин	
Русская православная церковь как социальная структура: что важно знать	256
Александр Гнездилов	
Театр военных действий. Кровапролитие в драматургии и драматургия кровапролития	261
Борис Вишневский	
Миры братьев Стругацких сегодня	280

МЕЖДУНАРОДНАЯ, ВНЕШНЯЯ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

Наталия Бубнова	
Американские выборы на пике эпидемии ковида и внутривполитического противостояния	289
Алексей Арбатов	
Оборона и безопасность России	297

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом сборнике – лекции, прочитанные в партийном университете партии «Яблоко» в 2020–2022 годах известными учеными и политиками. Лекции были посвящены российскому и международному развитию в разных областях: историческому пути нашей страны, праву и законодательству, политической системе и политическому процессу, экономике, обществу, образованию и культуре, внешней, военной и международной политике.

Конечно, в 2022 году наша жизнь кардинально изменилась, но даже в лекциях, прочитанных до конца февраля этого года, мы находим предвидения и прогнозы авторов, которые сбылись. Траектория развития части процессов осталась неизменной.

Публикуются (в подавляющем большинстве текстов) авторизованные расшифровки лекций или же вновь написанные авторами на основании прочитанных.

Вопросы слушателей (членов, сторонников партии, студентов и всех интересующихся) инкорпорированы в сами тексты лекций.

Эти тексты научно-популярные, поэтому, как правило, не содержат сносок. Однако с многочисленными научными работами авторов можно ознакомиться в интернете.

Полные записи лекций можно посмотреть на сайте партии «Яблоко»: <https://www.yabloko.ru/uni> или на канале партии в YouTube.

Работа Партийного университета продолжается, информацию о ней можно получить на сайте партии «Яблоко».

Сборник предназначен для всех интересующихся развитием нашей страны, членов и сторонников партии, студентов, аспирантов, преподавателей, журналистов.

Редактор издания

ГАЛИНА МИХАЛЕВА

*Руководительница Партийного университета партии «Яблоко»
Профессор, доктор политических наук*

gmmichaleva@gmail.com

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Уже почти 30 лет «Яблоко» представляет альтернативу. Не только альтернативу массовым (иначе тавтология) тенденциям и точкам зрения – мы были единственными в российской политике, кто предлагал думать! наших оппонентов зачастую не устраивали не столько наши взгляды и ответы на вопросы, сколько глубина самих вопросов.

Сейчас, когда страна оказалась в очевидном историческом тупике, именно честная интеллектуальная рефлексия стала, возможно, главным дефицитом. Однако шок и растерянность общества после 24 февраля 2022 года обязаны уступить место осмыслению причин и последствий случившегося. Без этого бессмысленно делать эскизы будущего страны.

Наверное, по сегодняшним временам, когда политика превращена в карнавальное шоу, в спортивное соревнование по набору лайков и скорости реакции на движение новостных лент, попытки партии «Яблоко» предъявить серьезный анализ выглядят едва ли не контркультурно.

Но у нас иное понимание политики. Прежде чем назначать тяжело больному организму курс лечения, неплохо бы не только верно поставить диагноз, но и понять причину недуга, заглянуть в историю болезни. Бессмысленно отстраивать аварийное здание заново с теми же ошибками в чертежах – это потеря исторического времени, сверх меры растраченного нашей страной в XX веке вместе с человеческими судьбами.

Сегодня у многих есть понимание, что проект постсоветской России нуждается в перезапуске, однако все инструкции перемен обычно сводятся к призывам нажать кнопку reload и заменить сисадмина. Только этого недостаточно. Если в самой системе защиты баги, вскоре мы снова устанем в темный экран. Эту программу надо не перезапускать, а переписывать, исправив ошибки и наполнив новым смыслом.

Жанр «Россия для чайников» тут не подходит. Под этой обложкой – наша попытка при помощи крупнейших российских экспертов – друзей, союзников и единомышленников партии «Яблоко» – не просто качественно описать российскую реальность-2022, но и понять, что привело к такой безрадостной картине. Что нужно исправить, чтобы получилась страна, о которой мечтаем мы и, уверен, большинство наших сограждан. Как привнести в политику ценности и сделать человека ее субъектом.

Получилась объемная картина современной общественно-политической ситуации (от экономики – до театра, от оборонной политики – до гендерных отношений) с набросками программы будущего, ради которого мы работаем.

НИКОЛАЙ РЫБАКОВ
Председатель партии «Яблоко»

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

*Основатель партии «Яблоко»,
председатель Федерального
политического комитета,
доктор экономических наук*

24 марта 2022 года¹

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И РАЗВИЛКИ

Говоря о причинах произошедшего с Россией в феврале 2022 года, анализируя пройденный за три десятилетия путь и ища ответы на вопрос, как обрести будущее для нашей страны, крайне важно понимать, что все случившееся не было неизбежным. На протяжении последних 30 лет на каждом этапе была альтернатива, возможность двигаться по пути создания современного государства и современной рыночной экономики.

Практически во все ключевые моменты и важнейшие периоды постсоветской истории реально предлагались альтернативы решения ключевых задач развития России – профессиональные, экономически обоснованные, базирующиеся на знании истории и понимании состояния нашей страны². В начале 1990-х это была альтернативная программа реформ, ориентированная на создание эффективной рыночной экономики, а также на интересы и потребности граждан. В последующие годы это были конкретные предложения по раз-

¹ Опубликованный текст в целом соответствует содержанию лекции, но включает обновления, полная публикация: <https://www.yabloko.ru/cat-news/2022/03/24>

² Здесь и далее речь идет только о принципиально альтернативных программах, предложениях и проектах, официально предлагавшихся Григорием Явлинским, его коллегами по Центру экономических и политических исследований («ЭПИцентр»), а с 1993 г. – подготовленных партией «Яблоко». В этом документе, как правило, не приводятся принятые законы и проекты законов, подготовленные партией «Яблоко» за десять лет работы в Госдуме в 1993–2003 гг.

решению политических кризисов в самые острые моменты, это были профессиональные, детально проработанные экспертами и специалистами программные альтернативы осуществляемой социально-экономической политике и политическому курсу.

Начиная с 1990 года альтернативные предложения напрямую передавались власти, как правило, вручались и разъяснялись непосредственно первым лицам государства – Борису Ельцину и Владимиру Путину. Альтернативные предложения по развитию страны и построению современной эффективной экономики представлялись обществу одиннадцать раз в качестве предвыборных программ на парламентских и президентских выборах.

1. ПРИНЦИПИАЛЬНО ДРУГИЕ РЕФОРМЫ 1990-Х

1.1. «500 ДНЕЙ»

В 1989–1990 гг. был разработан проект создания в СССР рыночной экономики – «500 дней» (изначально назывался «400 дней доверия»). Программа предполагала создание института частной собственности, конкуренцию, приватизацию, либерализацию экономической и политической жизни.

Приватизацию предлагалось начать с продажи гражданам за счет их сбережений, накопленных за десятилетия, мелкой и средней государственной собственности – объектов из «наименее концентрированных и монополизированных отраслей экономики», среди которых в плане были обозначены мелкая и средняя розничная торговля, сектор общественного питания и сектор строительных подрядов. Государственные предприятия должны были продать на рынке свои акции с поступлением доходов от продажи в казну государства. Предлагалось ввести режим льготного налогообложения для частных предприятий. Составители плана предлагали прекратить финансирование убыточных предприятий сельского хозяйства государством. Неэффективные государственные предприятия должны были быть расформированы или проведены через процедуру банкротства. В результате была бы достигнута сбалансированность спроса и предложения. Произошло бы важнейшее политическое событие, которое предопределило бы развитие страны – в России появился бы и был бы институционализирован средний класс.

Программа получила поддержку всех 15 республик СССР, но встретила сопротивление со стороны Совета Министров СССР во главе с Николаем Рыжковым, и в октябре 1990 года Верховный Совет СССР ее практически отверг.

1.2. «СОГЛАСИЕ НА ШАНС» И «ДОГОВОР ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ»

В 1991 году при содействии специалистов из Гарвардского университета была создана программа реформ – «Согласие на шанс». Программа предусматривала значительную роль в экономических реформах интеграции советской экономики в мировую и участие

в этом процессе развитых стран. Программа развивала положения «500 дней» и ставила целью сохранение реформированного Советского Союза в новых условиях. Программа, в частности, предполагала существенную финансовую помощь населению в период реформ, недопущение роста инфляции, безработицы и начало интеграции советской и российской экономики в мировую экономическую систему.

Президент СССР Михаил Горбачев отказался представить эту программу на встрече Большой семерки в Лондоне в июле 1991 года, и, соответственно, финансовая помощь не была выделена. Уже через месяц, в августе 1991 года, произошел путч.

Также в 1991 году был подготовлен договор об экономическом союзе советских республик. 18 октября 1991 года в Кремле главы восьми союзных республик, а также президент СССР подписали Договор об экономическом сообществе, затем к договору присоединилась Украина (подпись поставил украинский премьер-министр), а три балтийские республики подписали протокол соглашения в качестве наблюдателей. Договор был денонсирован в связи с подписанием Беловежских соглашений.

1.3. «ДИАГНОЗ» И «НИЖЕГОРОДСКИЙ ПРОЛОГ»

Явлинский и его команда считали серьезным и опасным провалом непрофессионализм плана реформ, начатых в 1992 году, в сочетании с непониманием особенностей постсоветской экономики. Результатом стала одномоментная либерализация цен в условиях сверхмонополизированной экономики, повлекшей гиперинфляцию, а также отказ от денежной приватизации малых и средних предприятий. Заявлялось о необходимости:

- предотвращения высокой инфляции (в декабре 1992 года годовая инфляция составила 2600%, что стало, по сути, конфискацией сбережений граждан);
- проведения другой приватизации (продажи гражданам собственности), балансировки спроса и предложения (вместо ваучерной аферы);
- появления среднего класса;
- реализации экономического договора с бывшими республиками (постепенное создание российского аналога экономической модели ЕС при сохранении политической независимости республик) и недопущения как спада производства, так и безработицы (иначе читается как недопущение спада безработицы).

Специалисты Центра экономических и политических исследований («ЭПИцентра») разработали программу «Диагноз», которая могла бы позволить стране выйти из кризиса с меньшими потерями, нежели правительственная программа приватизации. Одной из главных задач правительства Явлинский считал не создание рынка ваучеров, а создание условий для скорейшего формирования свободного рынка собственности – прямую продажу госсобственности гражданам.

Также в 1992 году в «ЭПИцентре» была подготовлена программа региональных реформ, разработанная непосредственно в Нижегородской области, для выстраивания новой экономической модели снизу, получившая название «Нижегородский пролог».

В 1993 году для продвижения альтернативной программы реформ был создан политический блок «Яблоко», в дальнейшем преобразованный в партию. Идеологическая основа нового политического объединения заключалась в том, что реформы должны проводиться профессионально, с пониманием российских реалий и исключительно в интересах большинства.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1993 ГОДА

2.1. ВРЕМЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ АКТ

В начале 1993 года преодолеть противостояние президента и парламента можно было с помощью принятия временного конституционного акта. Эта альтернатива конфронтации оставалась актуальной и предлагалась в ходе обострения противостояния между президентом Ельциным и Верховным Советом в сентябре 1993 года.

2.2. ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ «ДОВЕДЕНИЯ ДО БРАТОУБИЙСТВА»

Фракция «Яблоко» в Государственной Думе первого созыва выступила за парламентское расследование «доведения до братоубийства» и октябрьской трагедии 1993 года, которое, кроме достижения своей основной цели, способствовало бы повышению статуса и самостоятельности нового российского парламента. Однако власти договорились с коммунистами и ликвидировали комиссию по расследованию в обмен на объявление амнистии. Виновные не были названы, причины не были объяснены.

3. ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

3.1. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННЫХ И ПОПЫТКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

В декабре 1994 года «Яблоко» требовало не начинать войну в Чечне и предпринимало действия, направленные на ее предотвращение. В начале декабря делегация фракции отправилась в Чечню с тем, чтобы добиться освобождения российских военнослужащих, которые были захвачены в плен в ходе неудачной попытки свержения режима Дудаева в ноябре 1994 года и от которых отказались руководители российских силовых ведомств. Представители «Яблоко» привезли в Москву семь освобожденных из плена военнослужащих, а также тела их погибших товарищей.

18 декабря 1994 года на рассмотрение Государственной Думы был внесен проект закона «О делегациях по урегулированию вооруженного конфликта в Чеченской Республике», в котором предполагалось сформировать делегацию РФ по мирному урегулированию военных аспектов конфликта, наделить делегацию полномочиями на проведение переговоров с представителями вооруженных формирований, установить, что решения делегации являются обязательными для вооруженных контингентов министерства обороны, МВД и контрразведки. Законопроект не был принят Думой.

3.2. ТРЕБОВАНИЕ ОТСТАВКИ ПРЕЗИДЕНТА

В январе 1995 года фракция «Яблоко» призвала президента Ельцина добровольно уйти в отставку в связи с неспособностью мирно урегулировать чеченский кризис.

В мае 1999 года фракция «Яблоко» в Госдуме голосовала за отрешения Ельцина от должности президента на основе обвинений в развязывании войны в Чечне.

4. ЗАЛОГОВЫЕ АУКЦИОНЫ

Залоговые аукционы являлись криминальной приватизацией и предтечей олигархии.

Второй съезд партии «Яблоко», состоявшийся в сентябре 1995 года в преддверии выборов в Государственную Думу второго созыва, принял программу «Путь российских реформ», в которой давалась негативная оценка первым итогам преобразований по нескольким ключевым позициям:

- в политике вместо развития демократических начал возникли авторитарные тенденции, сопровождающиеся дезорганизацией и беспорядком;
- в экономике не был создан фундамент для экономического роста;
- в обществе вследствие ухудшения социальной обстановки и резкого падения уровня жизни стало расти недовольство и разочарование.

Альтернативное видение реформ было сформулировано в двух ключевых подходах. Во-первых, реформы должны проводиться для большинства населения, то есть приоритетными должны быть социальные цели реформ и определяющая в них роль социальной политики. Объяснялось и доказывалось, что достижение экономической эффективности и сбалансированности государственного бюджета без этого было невозможным. Во-вторых, реформы должны осуществляться как институциональные преобразования. Это предполагало, что приоритетную роль в преобразованиях должны играть структурная перестройка экономики, активная промышленная политика, институциональные изменения, а либерализацию экономики нужно проводить постепенно, неравномерно по различным отраслям экономики, в зависимости от их подготовленности к рыночной трансформации. Рынок же, по мнению «Яблоко», должен рассматриваться, прежде всего, как система институтов, регулирующих свободный обмен товарами и услугами.

5. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1996 ГОДА

На выборах президента в 1996 году была предпринята попытка остановить создание опасного для российского народа и соседей корпоративного олигархического государства. Демократическая оппозиция, которую в предвыборной кампании представлял Явлинский, в мае 1996 года предлагала власти и политическим силам, поддержавшим Ельцина, компромисс, но не личностный (поддержка в обмен на посты), а программный. 18 мая 1996 года Явлинский обнародовал программные требования к президенту Ельцину, которые могли стать основой политического союза. В пакет предложений входило прекращение

войны в Чечне, принятие закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию РФ о четком разграничении полномочий президента и правительства, соблюдение баланса властей, об ограничении единоличной власти; повышение минимальной зарплаты до двух третей прожиточного минимума; снижение ставок налогов; немедленное увольнение ряда коррумпированных членов правительства и администрации. Целью участия Григория Явлинского в выборах было занятие третьего места в первом туре, поддержка Ельцина во втором туре против Зюганова, получение должности премьера и изменение направления российской экономической политики. Чтобы не допустить такого развития событий, к предвыборной гонке в качестве кандидата был привлечен генерал Лебедь, который, заняв третье место в первом туре, поддержал Ельцина, получил должность секретаря Совбеза России и был уволен с этого поста через три месяца.

6. БЮДЖЕТНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

За годы правления Ельцина фракция «Яблоко» в Государственной Думе не поддерживала ни один федеральный бюджет, поскольку категорически возражала против проводимой президентом и правительством экономической политики. Однако отказ от поддержки бюджетов не означал устранения от участия в работе над ними. В государственный бюджет 1995 года фракцией были внесены поправки, увеличивающие объем средств, выделявшихся на современное техническое оснащение вооруженных сил, социальную защиту военнослужащих, образование, здравоохранение, повышение зарплат бюджетникам. В 1995 году «Яблоко», кроме поправок, впервые предложило альтернативную концепцию бюджета, которая была сконцентрирована на опережающей инфляцию индексации минимальной зарплаты и минимальной пенсии, выплате долгов государства ВПК и финансировании оборонного заказа, поддержке экспортоориентированных отраслей и малого бизнеса, финансировании реорганизации и санации предприятий³. В дальнейшем альтернативные проекты бюджета разрабатывались и предлагались фракцией регулярно.

7. ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

9 ноября 1999 года Явлинский заявил о необходимости приостановки крупномасштабной наступательной операции в правобережной Чечне для того, чтобы избежать массовых жертв среди российских военных и мирных граждан и использовать в полной мере ресурс политического урегулирования.

Многие либеральные политики и общественные деятели в 1999–2000 годах абсолютно осознанно и искренне поддержали Путина, шедшего к власти на волне второй чеченской войны. Так, один из лидеров «Союза правых сил» Анатолий Чубайс выступил с тезисом о «возрождении российской армии в Чечне», а противников путинской войны на Кавказе обвинил в предательстве России. Ожидание неких эффективных реформ в сопровождении «непопулярных мер» в либеральной среде растянулось практически на весь первый путинский срок – по крайней мере, до середины, а то и до конца 2003 года. Платой за эту возможность ждать стала полная утрата контроля за ходом второй чеченской войны и политикой на Северном Кавказе, результаты которой сегодня абсолютно очевидны.

³ «Реформы для большинства», отчет о деятельности фракции «Яблоко» в Государственной Думе 1994–1995 гг., М., 1995 г. – 253–349 с.

8. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2000 ГОДА

Прямым продолжением парламентских выборов стала президентская кампания, в ходе которой «Яблоко» оказалось единственной демократической организацией, способной противостоять кандидату от власти. СПС принял решение о поддержке Путина. 19 января 2000 года Явлинский был выдвинут в президенты инициативной группой из 210 граждан. 20 марта 2000 он опубликовал свою президентскую программу «Стратегия прорыва»⁴, которая предусматривала снижение налогов и социальных платежей предприятий, уменьшение подоходного налога для граждан до 10%. Особое внимание в программе уделялось установлению федерального контроля за ситуацией в регионах страны, чтобы не допустить возрождения в регионах России полицейского государства.

9. РАЗГРОМ НТВ

В начале 2001 года «Яблоко» выступило резко против новых кадровых назначений в компании НТВ. 4 апреля 2001 года фракция предложила Государственной Думе рассмотреть проект постановления в поддержку НТВ, организовывало многотысячные митинги в поддержку журналистов и дежурство депутатов в помещениях телекомпании.

10. ЕВРОПРО И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО С ЗАПАДОМ

В 1999 году Григорий Явлинский первым из российских политиков заявил о необходимости пересмотра подписанного в 1972 году советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны и создании совместной российско-европейской системы противоракетной обороны (ЕвроПРО). В последующие годы Явлинский и «Яблоко» неоднократно формулировали на разных политических уровнях и форумах необходимость построения совместной ПРО, как ключевого направления сотрудничества и снижения вероятности военного противостояния между Россией и НАТО.

21 февраля 2001 года в Москве Владимир Путин провел переговоры с генеральным секретарем НАТО Джорджем Робертсоном. В центре переговоров были предложения России относительно совместной системы ПРО. Таким образом, Робертсон увез из Москвы пакет российских предложений по системе европейской ПРО, сказав, что российские предложения будут рассмотрены. Однако ни предметного обсуждения, ни дискуссии, ни ответа со стороны НАТО не последовало. В дальнейшем Явлинский по поручению российского президента занимался подготовкой Договора о стратегическом сотрудничестве между Россией и США, который был подписан Владимиром Путиным и Джорджем Бушем-младшим в мае 2002 года. Ничего из этого договора впоследствии реализовано не было.

⁴ Российская газета, 22.03.2000.

11. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ДЕМОНТАЖУ КОРПОРАТИВНОЙ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И НАЛОГ НА СВЕРХДОХОДЫ

В ряде своих выступлений в прессе в середине 2000-х годов Григорий Явлинский говорил и писал о возможности выплаты бенефициарами т.н. залоговых аукционов денежной компенсации за производственные активы, полученные ими от государства, в сущности, мошенническим способом.

На выборы в Госдуму 2003 года партия «Яблоко» уже шла с программой демонтажа олигархической системы, включающей компенсационный налог на собственность, полученную в ходе криминальных залоговых аукционов, и, как следствие, введение реальных прав собственности, а также создание законодательной основы разделения власти и бизнеса. По сути, речь шла о публичном общественном пакте, в рамках которого все взаимодействующие стороны – федеральная власть, крупный бизнес и наиболее влиятельные общественные объединения (в частности, политические и профессиональные) – попытались бы если не снять, то упорядочить и сгладить взаимные претензии путем принятия на себя определенных обязательств, в первую очередь, относительно прозрачности и подотчетности взаимных контактов и отношений, и четкого разграничения сфер усилий и ответственности. Конечная цель действий в этом направлении – демонтаж корпоративно-олигархической системы как основы единоличной авторитарной власти.

12. АНТИКРИЗИСНАЯ СТРАТЕГИЯ «ЗЕМЛЯ – ДОМА – ДОРОГИ»

В качестве российского ответа на глобальный финансовый кризис 2007–2009 годов Явлинским была предложена концепция качественного экономического роста под названием «Земля – Дома – Дороги». Программа была разработана и одобрена Политическим комитетом партии «Яблоко» в 2009 году. В дальнейшем программа дорабатывалась и сохраняет свою актуальность до настоящего времени.

13. ПРЕОДОЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА И СТАЛИНИЗМА

В 2009 году была разработана и предложена обществу программа преодоления большевизма и сталинизма. В постановлении Политкомитета партии, опубликованном 2 марта 2009 года, преодоление большевизма и сталинизма называлось условием модернизации в XXI веке.

14. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВОЙНЫ

14.1. МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СТАТУСУ КРЫМА И ПЛАН УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА ДОНБАССЕ

В 2014 году «Яблоко», единственная из всех российских политических партий, выступила против присоединения Крыма к территории РФ, назвав это незаконной аннексией. В декабре 2014 года была предложена инициатива провести международную конференцию по решению вопроса статуса Крыма. В рамках конференции предполагалось выработать прозрачные механизмы проведения нового референдума в Крыму, с которым согласятся все заинтересованные стороны.

Осенью 2017 года был опубликован план Григория Явлинского «Урегулирование на Донбассе: 10 пунктов». План предлагался в качестве основы для дискуссии о возвращении мира на восток Украины. План Явлинского сохранял актуальность до 24 февраля 2022 года и был альтернативой эскалации насилия и возобновлению крупномасштабных боевых действий.

Этот план был одним из ключевых программных документов в президентской кампании Явлинского 2018 года. В Кремле были хорошо знакомы с этим планом, однако для его реализации была необходима политическая воля.

14.2. «ВРЕМЯ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ»

В 2017 году «Яблоко» организовало кампанию «Время вернуться домой», в рамках которой в различных российских регионах собирались подписи за прекращение участия России в гражданской войне в Сирии и направление финансовых ресурсов на обустройство и развитие нашей страны.

14.3. КАМПАНИЯ ПРОТИВ ВОЙНЫ

Избирательную кампанию на выборах в Госдуму в 2021 году «Яблоко» полностью посвятило антивоенной агитации. Выборы партия рассматривала, прежде всего, как плебисцит об отношении к войне и предупреждала, что поддержка таких ложных «альтернатив» партии власти, как КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», – это поддержка войны.

15. БУДУЩЕЕ РОССИИ

15.1. ПЕРЕОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

В начале 2011 года Григорий Явлинский поставил вопрос о необходимости переоснования российского государства и созыва Учредительного собрания для преодоления разрыва между народом и властью, избавления от наследия сталинизма и большевизма и продолжения естественного хода истории России как одной из ведущих европейских держав.

15.2. ВЫБОРЫ И ПРОТЕСТ

В сентябре 2011 года «Яблоко» выступило против бойкота парламентских выборов и голосования «против всех», призывая всех сторонников европейского будущего России объединиться для осознанных целенаправленных действий. Именно те, кто голосовал за «Яблоко» и был наблюдателем от партии на думских выборах 4 декабря 2011 года, стали основой протестного движения в 2011–2012 годах.

Партия также считала необходимым, чтобы это протестное движение выдвинуло и поддержало собственного кандидата в президенты, который бы жестко оппонировал Путину на президентских выборах 2012 года. «Яблоко» выдвинуло кандидатуру Григория Явлинского, однако его не допустили до участия в выборах, несмотря на собранные подписи.

15.3. ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ПУТИНА. КОНСТИТУЦИЯ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

В декабре 2017 года на съезде «Яблоко» Явлинский был снова выдвинут кандидатом от партии на предстоящих в 2018 году президентских выборах. Целью избирательной кампании было предотвратить превращение выборов в плебисцит одобрения политики Путина. На встречах с избирателями, публикациях в прессе и немногочисленных эфирах на федеральных телеканалах кандидат от демократической оппозиции говорил об опасности проводимого властью антиевропейского курса и предлагал программу радикального изменения направления движения страны.

Одной из главных составляющих президентской программы в 2018 году была новая концепция местного самоуправления. Такое самоуправление должно было стать фундаментом политической системы страны, непосредственно связать государство с обществом, будучи ориентированным на интересы и нужды людей. Для этого, в частности, предлагалось значительно увеличить полномочия и финансирование местного самоуправления. Однако самое главное заключалось в предложении изменить отношение к местному самоуправлению, соединить современную европейскую практику с традициями российского земства, сделать это направление ключевым для институционализации свободы человека и уважения к нему в России и, в конечном счете, основой российского государства, важным элементом в недопущении распада страны.

В начале 2020 года «Яблоко» выступило с резкой критикой предложенных Путиным поправок в Конституцию РФ – как по своей сути, так и по форме внесения – без всенародного обсуждения, без альтернативных предложений и путем проведения незаконного референдума. Уже в январе 21 января было объявлено о начале работы над альтернативным пакетом поправок к Конституции. В рамках этого проекта было предложено разработать и внести на суд общественности принципиально иные изменения в Конституции. Для этой цели был учрежден Общественный конституционный совет, в состав которого вошли политики, общественные деятели, журналисты. К работе были подключены ведущие эксперты в области конституционного права в России. В результате проделанной работы был подготовлен пакет поправок, которые, в отличие от путинских, были призваны укрепить Конституцию 1993 года, «реализовать идею расширения участия граждан в жизни государства, сформировать систему подлинного народовластия и верховенства права». Депутаты от партии «Яблоко» в региональных законодательных собраниях внесли альтернативные поправки на рассмотрение в Госдуму.

15.4. ПРОТИВ ПОПУЛИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА

В феврале 2021 года Григорий Явлинский выступил с предупреждением об опасности заигрывания активной части общества с популизмом и национализмом, об опасности потери перспективного видения, сведения политики к борьбе за власть между личностями, а не между принципиально разными направлениями развития, об угрозе скатывания к простым алгоритмам и количественным показателям.

На выборах в Госдуму осенью 2021 года популистское «Умное голосование» прямо способствовало избранию депутатов, которые безоговорочно поддержали спецоперацию, а потом единогласно проголосовали за аннексию ряда территорий Украины.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КАТАСТРОФЫ

29 сентября 2022 года политический комитет партии «Яблоко» опубликовал заявление о неотложных мерах по предотвращению возможного ядерного конфликта. На фоне продолжавшейся специальной военной операции России против Украины и накануне объявления об аннексии Российской Федерацией украинских территорий, в партии заявили о категорическом несогласии с политикой руководства страны и призвали принять такие первоочередные меры, как заключение соглашения о немедленном прекращении огня, обмен военнопленными по формуле «всех на всех», обмен телами погибших.

НИКОЛАЙ РЫБАКОВ

Председатель Российской объединённой демократической партии «Яблоко»

28 сентября 2022 года

ПОЛИТИКА В ЭПОХУ Z

«Ну как нам быть с эпохами упадка, когда пора развития и цветения миновала, и место исчезнувших преданности и веры заняла лживая фразеология, когда торжества сменили пышные спектакли, а принцип доверия к власти превратился в тупое равнодушие или же макиавеллизм? Увы, такие эпохи не представляют для мировой истории интереса. В анналах человечества записи о них будут все короче и короче, пока не будут вычеркнуты совсем как лживые и ненужные. Какое же несчастье родиться в такую эпоху, родиться только для того, чтобы на собственном примере узнать, что миром правит не Бог, а ложь и Сатана и что наверху общественной лестницы сидит Верховный шарлатан! Вы только представьте себе, как безотрадно мрачно мировоззрение нескольких, двух, иногда трех, живущих в такую эпоху поколений, с их точки зрения живущих, на самом же деле, в сущности, уничтожающих себя и при этом сознающих, что второй жизни для них не будет».

Томас Карлейл «Французская революция и история»

Речь идет про XVIII век, про время правления Людовика XVI, но я думаю, что очень многие сейчас услышав этот текст, прекрасно его могут отнести к нынешнему времени. И, собственно говоря, – нужно понять, что нам сейчас делать, понять, где мы, в каких обстоятельствах мы оказались, как нам изменить нашу жизнь. Вторая нам дарована не будет.

Что означает политика в эпоху Z? В мировом контексте, в российском. И что должна и может сделать партия «Яблоко» в это время.

ПОКОЛЕНИЕ Z

Никто так и не объяснил, почему же символом происходящих событий взята латинская буква Z. Но есть некие версии от Министерства обороны, что это потому, что «За победу!». Из этого, правда, совершенно непонятно, почему буква должна быть не русского алфавита, а латинского, и почему не какая-то другая буква из всех остальных.

В теории поколений Z соответствует тому поколению, которое сейчас приходит к активному участию в жизни общества. И через некоторое время придет к управлению. Это поколение Z, т. е. люди, которые появились на свет, по разным оценкам, начиная с 1995–1997-х гг., но скорее с 1997 года до 2012 года. И это люди, которые принципиально отличаются от предыдущих поколений, от поколений X, Y, поколения бэбибума.

Чем отличаются эти люди от прочих поколений? Это люди, совершенно по-другому воспринимающие информацию, иначе относящиеся к ее источникам, обладающие другими знаниями, навыками в области оценки информации. Проверки ее достоверности, доверия или скепсиса к тем или иным источникам информации. И возможно, в ходе сегодняшней дискуссии мы как-то поймем, каким образом психология приходящего в активную жизнь поколения Z отразилась на тех событиях, которые происходят в нашей жизни.

ДЕВЯНОСТЫЕ: ОШИБКИ, ЗАЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВАНИЕ НОВОЙ РОССИИ

Граждане поверили в реформы и были обмануты. В прошлом году от нас ушел Михаил Сергеевич Горбачев, которого много критиковали в т. ч. за то, что по его инициативе свободу слова людям дали, а как распоряжаться свободой слова, не научили.

Другое дело, что в истории нет такого примера, когда бы гражданам мирно, бескровно дали свободу слова и как-то научили бы ею пользоваться. Нет никакого учебника об этом, никто не знает, как можно учить свободе слова, тому, как этим распоряжаться, и как с этим жить.

Мы прошли от периода огромных надежд на лучшее, более справедливое, более свободное будущее – к резкому обрушению этих надежд. Через отпуск цен, гигантскую инфляцию, приватизацию – к тому, что большинство людей были вынуждены выживать, и для них, для их семей это становилось самой актуальной задачей. Люди поняли и почувствовали, что власть делает то, на что они могут влиять. В программе выживания она никак не помогла им. И именно тут начинаются истоки деполитизации нашего общества, размежевания людей с государством.

НУЛЕВЫЕ: «СВОБОДА В ОБМЕН НА КОЛБАСУ»

В силу различных естественных обстоятельств, таких как состояние мировой экономики, тенденции и изменения в политике, рост цен на нефть, период тяжелых 1990-х гг. сменился периодом комфортных 2000-х гг. И сменился он совершенно не благодаря тем действиям, которые предпринимались российской властью, – так сложилась мировая экономическая конъюнктура.

Граждане согласились и приняли для себя, что ужесточение режима и уничтожение демократических свобод, демократических правил, демократических начал в стране при-

водит к улучшению жизни. Невозможно оспорить, что в 2000-е гг. не происходило улучшение жизни людей, – оно, безусловно, происходило. Но это было произошло в силу удачно сложившихся внешних факторов.

Люди подумали: если твоя жизнь улучшается вне зависимости от того, что ты не участвуешь в политике, а может быть, даже благодаря тому, что они не вникают в дела государства и мудрые руководители определяют, что необходимо делать.

Граждане стали еще дальше отдаляться от принятия решений, от участия в политике, в общественной жизни. Больше всего, безусловно, это стало заметно на выборах.

Но, повторюсь: основа была заложена раньше: отсутствие сопротивления Чеченской войне, молчаливое одобрение вооруженного конфликта, неспособность организовать массовое антивоенное движение в огромной стране. Не было никакого массового сопротивления уничтожению НТВ. Люди довольно спокойно в большинстве своем приняли эти события и продолжили жить дальше своей частной жизнью.

При этом зачистки мирного населения, убийства граждан своей собственной страны, которые не были расследованы, а виновные не были наказаны, не шокировали большинство людей. Не были сделаны никакие выводы. И именно поэтому сейчас снова говорят о том, что такие методы могут и будут применяться.

ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ

Происходили ли раньше попытки размежевания общества и власти? Безусловно, происходили. Происходили ли они только в последние годы? Нет. Давайте вспомним. Первые социальные протесты – это монетизация льгот, когда люди начали выходить на улицы – 2005 год. В Петербурге пожилые люди перекрывали Невский проспект у Гостиного двора. Но это было связано исключительно с социальными требованиями. Никаких политических требований опять же выдвинуто не было.

Дальше – это пенсионная реформа. Фактически у каждого человека отобрали достаточно большую сумму денег. Что произошло? Ничего! Государство фактически сказало, что забирает деньги граждан, потому что они ему нужны. Теперь, кстати, понятно, на что они нужны... Но это тоже не произвело никакого эффекта.

Государство раз за разом тестировало, насколько далеко можно зайти в своих действиях. С пенсионной реформой тоже было понятно: залезают даже не физически в карман людей, а в какой-то их отсроченный доход.

Все эти действия никак не отразились ни на политических представлениях граждан, ни на выборах.

Но вот произошедшее сейчас, связанное с частичной мобилизацией, это все-таки принципиально другое. Потому что до этого говорили о каких-то мифических благах. Людям положены были льготные лекарства, но они все равно их не получали, потому что по факту в наличии их не было. Положено было санаторное обслуживание, взаимосвязанные с ним льготы, только их все равно не получали. Единственное, что «льготники» получали, – это проезд. С пенсионным возрастом – тоже самое: при достижении более почтенного возраста граждане получали бы свою пенсию. Тем более что большинство людей, откровенно говоря, все равно понимают, что они не смогут выживать на эту пенсию. Поэтому все, что происходило до начала частичной мобилизации, это не связано с прямыми интересами граждан.

ВОЙНА

Теперь государство коснулось самого прямого интереса человека, его права на жизнь!

Но в феврале 2022-го только часть людей поняла, что этот договор расторгнут, только очень небольшая часть. Еще определенная часть поняла это в начале частичной мобилизации». Договор государства с обществом был расторгнут.

Далеко не все сделали из этого какие-то выводы. Но, тем не менее, когда объявили о том, что мобилизационный резерв страны составляет 25 миллионов человек, то если прибавить к ним мужчин призывного возраста, а также их родителей, детей, жен, сестер, то как раз получится все население страны. Становится понятно, что мобилизационный резерв – это практически все граждане нашей страны, которых касается в той или иной степени мобилизация.

Но что произошло после этого? В общем-то, тоже ничего не произошло, потому что основное событие – это то, что граждане продолжают находиться в большой, огромной, всепобеждающей российской партии власти, которая называется партия «А что случилось?». У нас правящая партия не «Единая Россия», она на выборах получает относительно общего количества граждан страны не большинство голосов. Большинство каждый раз, на каждых выборах получает партия «А что случилось?», т. е. люди, которые остаются дома несмотря ни на какие события в стране.

Власть и граждане выборы воспринимают по-разному. Власть воспринимают как официальный опрос позиции граждан: что, граждане, вы думаете о нашей политике? Именно так они воспринимают. Граждане могут считать, что это не так, но это как раз так, даже если это не формирование институтов власти, потому что все равно существует электронное голосование, существуют три дня голосования... С формированием институтов власти как-то справятся, но сами они обязательно интересуются, сколько активных в стране граждан придет на избирательные участки реально. Не будут приписаны куда-то, а сами придут на избирательные участки, и что они реально скажут. Не те цифры, что запишут в протоколе избирательной комиссии, а кого поддержат.

Что происходит после этого? После этого происходят выборы в сентябре 2022 г. Что граждане делают на этих выборах в сентябре, когда специальная военная операция была в самом разгаре? Они на эти выборы не приходят, как обычно. Да, конечно, в Москве «Яблоко», наши кандидаты, в среднем получили 16%, при том, что использовалось дистанционное электронное голосование. Если убрать данные дистанционного электронного голосования, результат кандидатов от «Яблока» будет около 35–40%,. Но если не учитывать явку проголосовавших дистанционно, то явка составит чуть больше 10%.

Даже с учетом того, что было электронное голосование, не будем сейчас вдаваться в подробности, кто эти люди, кто голосует электронно, откуда эти списки, за кого они голосуют электронно, но в целом проголосовало около 35%. То есть почти 70% избирателей даже в этой ситуации не приходят на выборы. То есть выборы 2021 года, после которых началась специальная военная операция, граждан ничему не научили. В 2022 году ситуация на выборах снова повторилась.

А готовилось все примерно следующим образом. Президент дает понять: «Уважаемые граждане, я пишу статью о том, как я воспринимаю Украину, какими я вижу российско-украинские отношения в будущем». В этой статье черным по белому написано, что Украина – несостоявшееся государство, это российские земли, проживающие там граждане хотят в Россию, украинская власть – «бандеровская». И после этого через некоторое время проходят выборы. Ладно бы президент это написал где-то, и больше бы это нигде не транслировалось, но это же транслируется регулярно во всех средствах массовой информации.

Это была академическая статья, которая была темой ежедневных ток-шоу, обсуждений, выступлений депутатов, сенаторов и всех прочих. То есть людям показывают, что это государственное решение, это государственная позиция. И на выборах в парламент, которые случаются раз в 5 лет, вы можете сказать либо «да, мы это поддерживаем» либо «нет, мы это не поддерживаем».

И в списке партий, который, был довольно-таки обширным, была только одна партия, которая не поддерживала такую политику государства. И не сказать, что была толпа людей на избирательных участках, кто хотел бы проголосовать на выборах в Государственную Думу и проголосовать против политики государства.

Даже если вы не можете, не хотите проголосовать за «Яблоко» по каким-то причинам, можете проголосовать другим образом, вычеркнуть всех, сделать хоть что-нибудь! Но этого тоже не произошло. Хотя, неужели не понятно, что, если вы хотите свободы, то надо голосовать за свободу; если вы хотите мира, то надо голосовать за мир; а хотеть мира и свободы, но голосовать за партии против свободы и против мира, – ну, это либо глупость, либо результат, который в итоге получили.

В нашей с вами стране принцип «моя хата с краю» если не всепобеждающий, то очень активно используемый, многие годы, и до сих пор является очень важным фактором российской политики.

А причина такого голосования – не то, что люди не доверяют «Яблоку» или конкретному кандидату, а также главная проблема для нас и главное достижение власти – то, что люди не верят в сам институт выборов и не понимают, что на них необходимо ходить. И вот это действительно главное достижение власти за многие-многие годы, с которым очень сложно бороться и очень долго придется это делать.

Теперь мы подошли к следующему: как охарактеризовать реальное положение дел сейчас. Да, многие в Telegram-каналах видят публикации о протестах, которые происходят в национальных республиках, в Дагестане, в Бурятии. Имеет ли это какой-то массовый характер в стране? Не имеет. Что происходит с такими протестами в стране? Власть готовилась ко всему. Они были протестированы в Хабаровске: пожалуйста, вы можете собираться сколько угодно, мы вас даже не будем разгонять. Там несколько раз были небольшие столкновения, но, по большому счету, никого не разгоняли. Во-первых, это далеко, до Москвы не дойдут ни при каких обстоятельствах; из Дагестана даже пешком не дойдут до Москвы. Второе: если на протесте нет никакого политического требования, он абсолютно никого не волнует. А любые требования, которые высказывались на таком протесте, были неполитическими, потому что они касались одной конкретной ситуации.

К большому сожалению, примером можно взять и протест в Шиесе, как и протесты в Башкирии по защите Куштау и т. д.

Можно много привести таких примеров. Что в них главная проблема? Во-первых, они были точечными и касались конкретной проблемы, и если взять конкретно Шиес, то требование в Шиесе было: «Не надо строить вот здесь, в Шиесе». Не надо строить в Шиесе? Прекрасно, значит, построим в 100 километров в другую сторону, и уже ни при каких обстоятельствах не соберут там такого протеста, потому что энергия такого протеста не безгранична. И я даже не сомневаюсь, что этот полигон построен для этого предприятия, для этих нужд, просто в другом месте, где такой протест было не вызвать.

И как пример можно привести Челябинскую область тоже во время протестов. Там была примерно схожая ситуация: рядом с небольшим населенным пунктом, деревней, собирались строить полигон бытовых отходов. Это теперь так торжественно названо – «полигон», а по сути это все равно те же свалки, просто другие документы на них оформляются. Это была тишайшая деревня, по которой ходили куры с гусями по дорожке, а в дальнейшем пойдут нескончаемые КАМАЗы длинной вереницей и будет гигантский полигон отходов. Но

никто не протестовал, потому что вот в Шиесе была энергия людей сопротивляться, а в Челябинской области не было, и таких мест в стране огромное количество. Но главное, что все эти протесты, не превращались ни в какое политическое движение, ни в какие политические требования.

Если вспомнить 2021 год, когда шла кампания в Государственную Думу, «Яблоко» все время говорило, что самое ужасное, что может произойти, это если люди, которые вышли в январе-феврале протестовать на улицу, потом не придут на избирательные участки. Ровно это и произошло. И это удивительное совпадение действий людей, которые сопротивляются власти, и самой власти, потому что власть была очень заинтересована в том, чтобы показать немногочисленные протесты для масштабов Москвы и Петербурга, которые потом не привели ни к каким политическим изменениям.

Итак, мы находимся в состоянии, когда граждане отошли от государства. Потихоньку начинают вспоминать о том, что решения государства могут иметь влияние на их личную жизнь, на жизнь их близких, на их дом. У государства достаточно много инструментов, для того чтобы управлять этими гражданами. Государство ведет специальную военную операцию и призывает граждан для участия в этой операции.

В данный момент договор между гражданами и государством находится в состоянии, можно сказать, следующей проверки: он будет либо расторгнут, либо изменен, либо переписан, потому что он точно таким же оставаться не может. Потому что, еще раз, договор был: вы не вмешиваетесь в наши дела, а мы вас не трогаем. Все, вопрос «мы вас не трогаем» прекращен, больше такого нет, государство очень их сейчас трогает.

Не будем преувеличивать, что все этим недовольны. Вот последнее время в Telegram-канале Министерства обороны показывают матерей, которые поют песни отправляемым сейчас... не могу сказать куда, либо на сборы, либо дальше... нашим мобилизованным гражданам. Нельзя сказать, что все этому сопротивляются, далеко не все недовольны такому разрыву договора.

Если бы мы с вами разговаривали, и это была лекция до 24 февраля 2022 г., и была бы не «Политика в эпоху Z», а «Политика в 2022 году», то я бы, наверное, говорил о том, что главная задача политика в том, чтобы заниматься политизацией общества и рассказывать людям о том, насколько важно их участие в политике, насколько опасно такое отторжение от политики, уход от политики. Но за нас с вами это сделала сама власть. У нас бы все равно таким образом политизировать людей не получилось.

Сейчас мы можем только констатировать, что этот урок очень болезненный, и последствия этого урока никто сейчас предсказать не может, когда в стране с несформировавшимися институтами, с быстро разваливающимися неустойчивыми демократическими традициями, граждане уходят от защиты этих демократических институтов, демократических правил. Никто не знает, что дальше будет происходить, и какова цена этого урока. Но точно понятно, что нам нужно делать – работать таким образом, чтобы чудовищное осознание ухода от политики не прошло даром.

Потому что если в результате происходящего расторжения договора между гражданами и властью произойдет еще бóльшая эмиграция наших граждан либо за границу, либо к внутренней эмиграции, это приведет к еще более жестоким последствиям. И сейчас люди, очевидно, ищут для себя выход, что делать в этой ситуации. Все разговоры людей сегодня сводятся к тому, кто какого возраста, у кого какая специальность, в какой стране бывшего Советского Союза как подорожала недвижимость, где какая очередь на какой границе...

Да, наверное, это очень слышно в центре Москвы; в других городах, может быть, это и не так заметно. И все по-разному находят для себя выход из этой ситуации. Есть граждане (и здесь никого нельзя осуждать, потому что жизнь одна), которые уезжают из страны, для того чтобы физически себя обезопасить. Это понятный выход.

Среди уезжающих наблюдается две группы. Хочется спросить не у всех, а у первой группы отъезжающих: что происходит в сознании у человека, когда он наклеил букву «Z» и поехал? Это не фейк, а вот есть там такие люди. Еще есть другая часть людей, которые написали себе на машинах «Можем повторить» – что они там могут повторить теперь?

Вторая группа граждан тоже интересна. Конечно, не все, кто на границе, имеют к этому отношение, но таких там наверняка много. И хочется спросить у второй группы стоящих на границе: вы уверены, что самое важное сейчас в жизни – это дворец Путина и уточки Медведева? Вы до сих пор так считаете, или, может быть, вы все-таки что-то переосмыслили в том, что делать? Это – первая часть граждан.

Другая часть – это те, кто услышал, что надо поджигать военкоматы, административные здания. Посоветовали им все это уверенно граждане из-за границы. Этих граждан, конечно, начали находить, и к чему это дальше приведет, тоже совершенно непонятно.

Последний шанс у граждан на ближайший год мирно высказаться и сказать «нет» был исчерпан 11 сентября. Год не будет возможности прийти на избирательный участок и сказать всему происходящему «нет». Это можно будет сделать только в сентябре следующего года, когда будет много важных выборов. Поэтому должны быть и другие механизмы, что сейчас важно делать.

Может быть, это будет для кого-то удивительно, но необходимо готовиться к следующей избирательной кампании. Понятно, что сейчас это кажется каким-то очень далеким будущим, но так происходит каждый раз. Кажется, что президентские выборы еще не скоро, выборы в Государственную Думу еще дальше, региональные выборы совсем далеко... А потом они наступают через месяц, и выясняется, что опять времени на подготовку мало, и опять возникает у граждан вопрос «Почему вы не общались со мной все это время раньше и приходите только во время избирательной кампании?». Это очень правильно. Это справедливый, честный вопрос, потому что граждане хотят, чтобы с ними общались не только во время избирательной кампании, но и в другое время. А сейчас как раз то время, когда граждане хотят разговаривать и слышать альтернативу, слышать позицию той партии, за которую они голосуют.

Второе – продолжать отстаивать позицию ценности мира и необходимости достижения мира. Потому что продолжается ситуация, когда существует большой выбор партий, которые против мира, и всего одна партия, которая выступает за мир. И для людей это важно, чтобы было такое представительство.

Приведу один пример. На прошлой неделе я был в Великом Новгороде, где проходил конкурс на мэра Новгорода. Представитель «Справедливой России» вице-спикер областной Думы на вопрос, люди из каких партий будут работать в мэрии города, если он станет мэром, честно ответил, что не понимает различий между «Единой Россией», «Справедливой Россией», ЛДПР, КПРФ, потому что они все одинаковые: голосуют одинаково и позиция по вопросам голосования одинаковая. Про «Новых людей» никто там не помнит. Хорошо, что он не додумался, но это был бы совершенный абсурд и просто неправда, еще и «Яблоко» с ними перечислить, потому что в Думе Новгорода есть фракция «Яблоко».

И вот такая ситуация сейчас, что, с одной стороны, есть много совершенно одинаковых партий, и с другой стороны есть «Яблоко». И люди об этом знают, люди это видят, и очень важно, чтобы у людей была возможность иметь таких представителей и знать, что такие есть. Сейчас намного сложнее людям, которые живут в небольших городах и даже в больших городах вне Москвы, в селах, и занимают такую же позицию, как те, кто в Москве. Там людям намного сложнее найти таких единомышленников, которые тоже не побоятся в своих небольших городах занимать альтернативную позицию нынешней власти.

Чем еще важно заниматься «Яблоку» и какая может быть для нас практическая политика в это время? Это – правозащитная деятельность. Потому что все понимают, что про право в смысле закона почти забыли в нашей стране. Не совсем еще, периодически стараются соблюдать, это по сути это уходит в какое-то прошлое. Но права человека никто пока не отменил, и вряд ли сможет отменить, даже если о них не будет записано в законах. И добиваться защиты прав человека – это наша обязанность.

И в качестве примера могу только привести вчерашние события, которые иначе как нападением нельзя назвать – захват молодых людей, которые проводили акцию в Москве. К ним пришли силовики и жестоким образом с ними обошлись, было медицинское освидетельствование, отправка в больницу и все прочее. От нашей фракцией в Московской городской Думе отправлены соответствующие запросы. Больше никому все это сейчас делать. Таким образом, сложилась ситуация, что больше нет других организаций, которые должны бы это делать, и не только в смысле защиты прав граждан при мобилизационных мероприятиях.

Поэтому в любом случае граждане будут возвращаться в политику, и граждане будут возвращать свой интерес к тому, что происходит в политике. Наша с вами ответственность – показать им альтернативу. Сейчас из всех остальных политических партий они могут видеть только либо черное, либо очень сильно, густо серое... то тогда возвращение в политику будет скорее уходить в более жестокие формы, примеры которых за последние дни есть, и они понятны.

Есть еще несколько дел, которые может делать не в целом партия, а каждый человек непосредственно сам. Первое – это общаться с людьми. У нас есть возможность общаться сейчас между собой, но очень важно продолжать общаться с теми людьми, которые вокруг вас, чтобы они знали о вашей позиции, чтобы они слышали. Особенно важно общаться сейчас с теми людьми, которые сомневаются и ищут для себя ответы на вопросы.

Общаться сейчас с теми людьми, которые думают так же, как и вы, и так же, как и вы, оценивают происходящее. Убедать сейчас, 27 сентября 2022 года, тех, кто занимает ровно противоположную позицию, не имеет никакого смысла. Сейчас их ни в чем не переубедить, к сожалению, слишком мало времени прошло. Общаться нужно с теми людьми, кто сомневается и хочет получить больше аргументов, и наша задача эти аргументы людям давать.

Второе – это заниматься самообразованием. Потому что, как бы это ни было грустно, жестоко, но это факт: изменить события, происходящие во всем мире, на всей планете, мы не можем; мы даже вряд ли – объективно – можем сейчас влиять на то, что делает наш собственный президент. Но влиять на то, что делает каждый из нас, – это не то что можно, а это обязанность. Будет странно потом сказать, что «я не мог повышать свою квалификацию, не мог углублять свои знания, потому что я находился все это время в состоянии нестабильности, протрации».

И когда при изменении политики мы услышим, что пришло наше время заниматься политикой и вести ее по-другому, возможности отказаться по неопытности и только начать готовиться не будет. Поэтому каждый день нужно использовать для того, чтобы повышать свой образовательный, профессиональный уровень, пользоваться теми возможностями для образования, просвещения, которые есть.

И в любом случае, прежде всего – оставаться человеком и быть гражданином. Потому что каждый человек не может отвечать за поступки других людей, за то, что они будут делать. А за себя каждый может и должен отвечать, путь не перед другими людьми, не перед обществом, но перед собой точно каждый все равно будет отвечать. И поэтому сейчас, в такое непростое время, самому нужно остаться человеком.

СЕРГЕЙ МИТРОХИН

*Депутат Московской городской думы,
член Федерального политического комитета партии «Яблоко»,
кандидат политических наук*

18 июня 2020 года

МОДЕРНИЗАЦИЯ И АРХАИКА.

О ПРИЧИНАХ ПРОВАЛОВ И СРЫВОВ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Процесс модернизации начинается в Новое время, когда Запад становится центром институциональных и технологических инноваций, распространяющихся затем по остальному миру. Несколько по-другому можно сказать: Новое время отсчитывается с того момента, когда страны Запада, прежде всего Англия, начинают производить современность, т. е. совокупность признаков, отличающих окружающий нынешний мир от уходящей в прошлое традиции.

Погоня за этой современностью, которая обозначается на европейских языках словом с корнем *modern* с этого времени становится главной проблемой государства во всем мире. Императив модернизации с этого момента не может полностью игнорировать ни одна страна. Как он протекает в той или иной стране, зависит от ее исторического пути

(path dependency). От того же, как влияет модернизация на исторический путь, зависит ответ на вопрос, встречаются ли на этом пути революции. Более того, исторический путь во многом еще и предопределяет тот социальный порядок, который устанавливается после революции. В отстающей стране революция всегда, по сути, является радикальной версией ответа на вызов западной модернизации, так же как реформа – умеренной и бескровной формой такого ответа. Для России Новое время – это тоже эпоха реагирования на вызов Запада – одновременно трансфер западных инноваций и борьба с ним, конвергенция и размежевание.

Для того чтобы понять, в чем специфика ответа России на вызов Запада, надо сначала уяснить, в чем состояла специфика российского социума по отношению к западному.

Причины модернизации в Европе

Новые государства на руинах Западной римской империи создавались в условиях сложившейся и прекрасно организованной церковной иерархии с центром в Риме. В результате принятия христианства варварскими королевствами ни одно из них, ни даже сам император не могли взять полностью под свой контроль сакральный ресурс. Таким образом, на Западе не состоялось совпадение центров светского управления с центром управления религией.

Стремление светской власти подчинить себе духовную (и тем самым стать тотальной), безусловно, имело место и резко усилилось при Карле Великом, а затем при Оттонах. Как известно, папа Григорий VII и его последователи в XI–XII веках сумели нанести сокрушительный удар по этому намерению, в результате чего между церковью и государством произошло разграничение сфер ответственности и компетенции, получившее оформление как в церковном, так и в светском праве. Знаменитая борьба за право инвеституры – только один, хотя и весьма яркий, эпизод в процессе установления напряженного баланса в отношениях этих центров силы, ни один из которых так и не получил абсолютного перевеса. Потерпев поражение в борьбе за тотальную власть, императоры, а вслед за ними и короли, были вынуждены смириться с самостоятельностью папского престола; но и папство не одержало полной победы, что означало крах проекта теократической Европы, вынашиваемого Григорием VII.

Светские властители оказались в ситуации дефицита «сакрального ресурса», а духовные испытывали дефицит реальной – административной и военной – власти. Борьба этих центров силы друг с другом отвлекала их время и энергию от подавления других центров самостоятельной активности (субъектности) – аристократии, муниципий, городских корпораций и т. д. Наличие таких центров подразумевает существование «зон автономии», в которых развивается свободная активность, независимая ни от какого диктата «сверху». В этих зонах возникают своеобразные «ниши креативности» – экономические (ростки свободного рынка, вместе с которыми зарождается капитализм), культурные (художественное творчество, свободное от принуждения к канонам), научные (университеты, школы и т. д.).

В подобном «полисубъектном» социуме неизбежно возникновение политических институтов, балансирующих интересы разных центров силы (органы сословного представительства, в том числе парламенты). С другой стороны, чем больше самостоятельных субъектов, тем интенсивнее между ними разыгрываются «игры обмена» (термин Фернана Броделя). Эти игры выражаются в создающем феномен свободного рынка обмене – не только товарами, но и идеями, изобретениями, технологиями. Как и любые игры вообще, они нуждаются в правилах, которые под влиянием процессов, описанных далее, оформляются как своды законов и кодексов, создающих основу для возникновения правового государства.

Относительная слабость позиций политических субъектов диктует потребность в их постоянном усилении и укреплении. Данная потребность выливается в совершенствование не только системы управления, сбора налогов и формирования войска. Другая сторона этой слабости – дефицит легитимности. Он является проблемой не только светской, но и духовной власти. В «диктате папы» Григория VII выражено стремление к абсолютному господству понтифика, которого не было при нем и не возникло после. Это означает, что при всей своей «непогрешимости» авторитет папы не был абсолютным, т. е. имел место дефицит его легитимности. Императорами и королями (а вслед за ними и другими феодалами) он ощущался еще сильнее.

Все основные направления западной модернизации вытекают из стремления преодолеть дефицит легитимности. Одним из самых мощных источников его восполнения является наследие античной Европы. Оно-то и осваивается различными центрами власти и влияния с неизмеримым рвением и усердием. С самого раннего Средневековья Античность, оставившая следы в многочисленных областях повседневной жизни и сохранившаяся в памятниках философии и литературы, представляла собой неизбежный вызов господствующей церковной ортодоксии, поскольку являла собой не христианскую, языческую цивилизацию, гораздо более древнюю. Огромную роль в этом вызове играл латинский язык, который Западная церковь унаследовала от Западной Римской империи в качестве официального языка богослужения и религиозной жизни в целом. Клирикам, владеющим этим языком, было совершенно невозможно отгородиться от необъятного количества текстов, написанных на нем язычниками за все предшествующие столетия

Позиция церкви по отношению к Античности и ее авторитетам амбивалентна. С одной стороны, пафос ортодоксии требует блюсти чистоту веры и не допускать ее «замутнения» языческими образами и идеями. С другой стороны, как уже было сказано, надо «достраивать» догматическое здание веры до состояния всеохватной и полной гармонии. Второе стремление в силу указанных выше причин пересиливает, что побуждает церковь поддерживать не только схоластику, но и науку в более широком смысле, хотя амбивалентность при этом сказывается в гонениях против слишком отважных ученых, сожжении их книг, а иногда их самих. Тем не менее, институционально церковь поддерживает науку через благоволение к университетам, учредителем большого числа которых она становится.

Если освоение трудов Аристотеля и других античных классиков нужно для укрепления авторитета церкви в целом, то другая часть античного наследия – для преодоления дефицита легитимности претензий папства на светскую власть. Для решения этой задачи труды античных юристов гораздо важнее, нежели философов. Поэтому вновь открытый в конце XI века Кодекс Юстиниана активно используется церковью для обоснования широкого спектра своих политических, имущественных и прочих прав, а римское право наряду с Библией и Отцами церкви кладется в основу канонического. Не меньшие усилия по укреплению собственной правовой легитимности в условиях острого дефицита «сакрального ресурса» предпринимают и светские правители, которые по этой причине тоже заинтересованы в поддержке университетов и опоре на преподаваемую в них юриспруденцию.

Активные усилия различных политических субъектов европейского мира по укреплению своей силы и влияния, сокращению дефицита легитимности и других ресурсов, осуществляемые путем освоения различных пластов античного наследия, становятся причиной процессов, которые по своей природе не очень существенно отличаются от того, что принято называть «модернизацией», хотя этот термин обычно применяется к исторической эпохе, наступившей в Новое время. С наибольшей степенью точности этот термин применим к массовому общеевропейскому движению, связанному с освоением, осмыслением и систематизацией источников римского (в ряде стран также обычного) права, итогом

которого стало закладывание в охваченных им странах фундамента будущего правового государства. Этот процесс весьма обстоятельно и крайне убедительно описан в прорывном исследовании Гарольда Джона Бермана о «папской революции», к которому я еще не раз здесь буду обращаться. Ранняя правовая модернизация дала толчок развитию и дифференциации правовых систем европейских социумов, что привело к фиксации и юридическому оформлению прообразов европейских институтов, поддерживающих инфраструктуру правового государства (профессиональный автономный суд, городские коммуны и корпорации, парламенты и т. д.), а также – в первом приближении – целого ряда прав и свобод, очерчивающих автономию личности и ограничивающих произвол государства по отношению к ней. Когда под влиянием «военной революции», требующей расширения силового ресурса (армии), происходит усиление королевской власти, вся эта инфраструктура меняет конфигурацию, но не исчезает окончательно.

Несмотря на то, что контроль над резко усилившейся армией и разросшейся бюрократией увеличивает мощь монарха, в западном социуме сохраняются весьма существенные сдержки его могущества и противовесы его стремлению установить тотальный контроль над социумом. Указывая на эти «сдержки и противовесы», ряд историков отказывается признавать правомерным применение к этому периоду термина «абсолютизм». Соглашаясь с таким подходом, следует подчеркнуть, что вся эта система ограничений, которая при усилившихся монархах сдерживала их произвол, а впоследствии послужила фундаментом для создания правовых демократических государств, сформировалась не на пустом месте, а была продуктом ранней правовой модернизации, в рамках которой «донором» выступало античное наследие, а «реципиентом» – христианский мир средневекового Запада. Результатами этой «протомодернизации» стали не только вышеуказанная первичная инфраструктура правового государства, но и институциональные условия функционирования свободного рынка, капитализма и других элементов западной «мир-системы» Нового времени. Изменения ментальности значительной части социума выразились в том, что имеет в виду Ле Гофф, когда говорит, что в XIII веке в Европе «утвердилась личность как таковая».

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПРОРЫВЫ И ПРОВАЛЫ

Традиционный русский мир в границах Московского государства начиная с XIII и кончая серединой XVII века из европейского цивилизационного контекста был почти полностью исключен.

Византийское влияние на Русь было почти исключительно религиозным: православная конфессия, которая сыграла определяющую роль в формировании менталитета русского социума, его культуры, образа жизни и государственности. Главным содержанием византийского трансфера было не вовлечение Руси в культурную орбиту Византии, а насаждение в ней православной ортодоксии в таком формате, который не был характерен даже для самой Византии.

Огромные пласты античного наследия, сохранявшегося в византийской культуре, были отсечены от этого трансфера. Виктор Живов в своем исследовании данного вопроса доказывает, что даже религиозное наследие Византии транслировалось на Русь по преимуществу в своей наиболее консервативной ортодоксальной части. В то же время были

совершенно отброшены и не попали на Русь те традиции византийской культуры, которые именуется специалистами «гуманистическими». В силу этого античные авторы превращаются для славянского книжника в неведомые идола чужой культуры. В этом контексте античное наследие отождествляется с нечестивым язычеством, и какая-либо его ценность отрицается.

МОНГОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Монгольский порядок» покончил с раздробленностью по той причине, что вопрос о власти стал решаться не по итогам княжеских междоусобиц, а по воле хана, который в русских летописях именовался «царем». Определяющую роль монголы сыграли в трансформации принципа наследования княжеских столов. Они навсегда покончили с архаичным и крайне нестабильным «лестничным» принципом наследования великокняжеского престола и пресекали стихийную конкуренцию князей за верховенство над Русью. Ханская ставка являлась для русских князей своеобразным «университетом» управления нового типа, основанного совсем не на тех принципах, к которым они до того привыкли. В период пребывания в ставке они проходили школу управления подданными (включая ближайшее окружение) как рабами, причем такими же рабами в это время были и они сами. Покидая ставку, князья становились «вольнотпущенниками», правда, в отличие от римских вольнотпущенников, в любой момент могли превратиться обратно в рабов. Вполне естественно, что по возвращении домой они устанавливали подобные отношения в своих владениях, что делалось не только из подражания, но и в силу необходимости усиливать репрессивный аппарат с целью собирать дань для монгольских хозяев. В этих условиях уже не могла сохраняться та «полисубъектность», которая так сближает Киевскую Русь с Западной Европой. Полностью уходят в прошлое такие ее элементы как вече, княжеская дружина, боярская вольница и т. п. На смену «полисубъектности» бесповоротно приходит «моносубъектность» деспотической власти.

Совмещение в одном центре светской и духовной власти дает эффект ее сверхконцентрации, свойственный восточным деспотиям; возникает феномен «властозависимости» всех сфер жизни социума, исключающий зоны автономии, характерные для стран Запада, где светская и духовная власти сдерживали и «ослабляли» одна другую.

Монгольский трансфер создает весьма продуктивный и крайне живучий синтез с предшествующим ему византийским. Сформированный последним жесткий тип религиозности, основанный на крайней ортодоксии и ориентированный на бескомпромиссную собранность, находился в определенном противоречии с достаточно рыхлым и весьма «либеральным» политическим порядком Киевской Руси. Опрокинув этот порядок, монгольский деспотизм достаточно органично уложился в ментальную и социокультурную матрицу, отчеканенную византийской ортодоксией. Синтез византийского и монгольского трансферов, по-видимому, является главной причиной как той уникальности, которая позволяет относить русский социум к отдельной обособленной цивилизации, так и той удивительной прочности и устойчивости, которую обнаруживает наследие этой цивилизации до наших дней.

Фигура русского царя, по сути, совмещает в себе две непересекающиеся традиции властвования, одна из которых восходит к греческим басилевсам, а другая – к золотоордынским ханам, причем те и другие на Руси признавались царями, а исчезнув, передали

свою «царственность» русскому самодержцу. Из исторических аналогий подобного со- вмещения западных и восточных традиций власти в единое наследие можно припомнить только эллинистические монархии. Такой синтез стал возможным во многом потому, что оба трансфера – византийский и монгольский – при всей своей разнородности имели одну об- щую особенность: они изолировали социум от западного влияния. Византийский трансфер отгораживал Русь от Европы языковым и конфессиональным барьерами, монгольский – че- рез сооружение барьера геополитического.

Московский социум был изолирован от существенных европейских религиозных, куль- турных и прочих влияний в течение четырех столетий с XIII по XVII век. Имеет большое зна- чение, что эта изоляция была не естественной, т.е. связанной с природными факторами, а рукотворной. Многие поколения русской политической элиты, как духовной, так и светской, активно работали над усилением этой изоляции, формируя соответствующим образом и национальный менталитет.

Главным фактором изоляции русского социума от западноевропейских влияний, не- сомненно, являлся конфессиональный раскол. Различные концепции церковной власти и противоречия в догматике были причиной этого раскола, хотя во времена Киевской Руси они еще не превращались в глухой барьер, оставляя многочисленные каналы коммуни- каций между русскими князьями и их западными контрагентами. В непроходимый барьер этот раскол перерос во многом благодаря монгольскому завоеванию. Монголы подчинили Русь не только силой, но и своей толерантностью к любым религиям, закрепленной в каче- стве фундаментального закона в Ясе Чингисхана. Эта толерантность была продиктована той версией монотеизма, которую исповедовал вместе с остальными монголами Чингис- хан. Согласно этой религии, Вечное Небо поставило его и его потомков править миром. По сравнению с мощью этой религии, чьи послы получили столь очевидное подтверждение, все остальные были жалким лепетом, который нисколько не перечил «тенгрианству», если признавал власть монгольских ханов. Именно по этой причине взаимная религиозная не- терпимость, разъединявшая христианские народы и препятствовавшая их геополитиче- ским союзам, полностью отсутствовала во взаимоотношениях русских княжеств с Ордой. Данное «конкурентное преимущество» монголов перед европейскими силами позволило им привязать к себе православную Русь, усугубив ее отторжение от Запада. Тем самым к конфессиональному барьеру, возведенному вместе с расколом церковью, добавился еще и барьер геополитический.

В разнообразных концепциях «русского пути» обычно не очень много внимания уде- ляется языковому барьеру. Византийский трансфер привел к установлению одновремен- но религиозного и языкового фильтров. Он не включал в себя ни светских элементов ви- зантийской культуры, ни тех каналов доступа к античному культурному наследию, которые в Византии были встроены в систему государственного образования. И в таком виде он на несколько столетий «закупорил» культурное пространство русского социума. На католи- ческом Западе латынь была унаследована от языческой эпохи и поэтому не могла быть «заточена» исключительно под богослужение. В отличие от нее церковнославянский ис- кусственно создавался Кириллом и Мефодием как язык богослужения и тем самым оказался его придатком – языком исключительно сакрального применения. По этой причине до воз- никновения под западным влиянием светского литературного языка все светские знания на Руси автоматически вытеснялись и из пространства культуры либо размещались на са- мых нижних ярусах иерархии культурных ценностей. Пока церковнославянский оставался основой литературного, т. е. до XVII века, на Руси переводилась почти исключительно ор- тодоксальная религиозная литература. Из светских текстов в культурный оборот попадали только те, которые дополняли целостность религиозного взгляда на мир. Соответствующим образом было устроено и образование, которое носило исключительно катехитический

характер: образованность не вырастает здесь, как в Византии, из античной традиции, а поначалу целиком связана с миссией. Это отражалось и на составе книжности: подавляющая ее часть состоит из произведений духовной литературы. Образованность за пределы этого ограниченного корпуса не выходила, а элементарное образование сводилось лишь к овладению чтением, ориентированным на тот же корпус религиозных текстов.

Подобный культурный изоляционизм отсутствовал не только на Западе, но и в самой Византии, откуда шло основное влияние на Русь, и греческий в Византии, так же как латынь на Западе, был изначально «открыт» античному наследию, тогда как церковнославянский являлся по отношению к нему «изолирующим». Через латынь на Западе и греческий в Византии духовная и светская элиты подпитывалась богатствами античного наследия, которое было языческим по своему происхождению и основному содержанию. Владение латынью и греческим неизбежно расширяло кругозор образованных элит, выводя его за пределы религиозной догматики, так как открывало путь к освоению таких систем знания, которые были по происхождению языческими и тем самым представляли собой альтернативу западному католицизму и византийскому православию.

Языковая изоляция отсекала московский социум от светских источников античного знания, на основе которых могла бы возникнуть система их воспроизводства, включающая университеты, профессиональных юристов и специально образованных управленцев, светскую интеллигенцию и т.д. Одним из последствий подобной изоляции стало сохранение православной церковью монополии не только на религиозное, но и вообще любое знание, тогда как на Западе такая монополия была поколеблена университетами и свободными учеными. На языковую и религиозную изоляцию весьма органично накладывалась и геополитическая. В то время как в Европе шла рецепция римского права, на Руси осуществлялась рецепция монгольского деспотизма. Право в Московской Руси было только практическим инструментом управления и не являлось обширной и саморазвивающейся системой знаний, имеющей культурное значение и требующей для своего освоения университетов, а для применения – особого класса юристов.

По словам Живова, «Византийско-церковнославянское право непосредственно в судебной практике не применялось». Он говорит об «уникальности юридической ситуации Древней Руси: «право, лежащее в сфере культуры, не действует, а действующее право лежит вне сферы культуры». Этот результат столкновения римского и местного права «радикально отличается от того, которое можно наблюдать в различных областях Западной Европы. Там сосуществование разных юридических норм принимало форму их параллельного функционирования», которое «обеспечивало взаимовлияние этих юридических норм, процесс рецепции римского права, в котором законы Юстиниана приспособлялись к изменившимся историческим условиям средневековой Европы».

Ничего похожего на такие процессы в Древней Руси не происходило. Здесь отсутствовали все те институты, которые вызываются к существованию применением права, обладающего культурным статусом: юридическое образование, развитие науки права, формирование юридических корпораций. Эти институты не могли развиваться в области действующего местного права, поскольку оно оставалось в сфере быта, и были совершенно излишни для культурного заимствованного права, поскольку оно не применялось и не нуждалось в разработке.

Реальная правовая практика не нуждалась в «освящении». Право относилось не к сфере культурных ценностей, а к разряду властных практик. Данное обстоятельство делало немислимым сам процесс изучения права как дисциплины в каких-либо специальных образовательных учреждениях, а значит, и формирование какого-то подобия юридической отрасли знаний, правовой науки и класса юристов, освоивших ее с целью оказания

правовой помощи и консультаций. Тем самым отсутствовал специальный слой профессионалов, прививавших усвоенные им правовые понятия различным слоям социума, включая его элиту и саму власть, а также тех ее исполнителей, которые были ответственны за отправление правосудия. Право в гораздо большей степени употреблялось как инструмент поддержания порядка, чем как высокая ценность торжества справедливости.

Структура феодальных отношений на Руси до сих пор остается гораздо менее понятной, чем западная, поскольку первая в отличие от второй практически не была зафиксирована в законодательных актах. То положительное наследие, которое западный феодализм оставил государствам Западной Европы (парламенты, гарантии судебной защиты от произвола, ряд личных и корпоративных прав и т. д.), по-видимому, могло быть оставлено и русским родовым феодализмом, но только при условии письменной фиксации в нормативных документах, а именно она-то и отсутствовала в условиях «профанного» позиционирования права.

Важнейшей особенностью русского исторического менталитета, отлитого в горниле московской цивилизации, является, таким образом, правовой нигилизм. Речь идет не о сознательном отрицании права и закона, а о помещении этих категорий за пределы мира высокой культуры и сферы высших ценностей. Из этой фундаментальной установки вытекает нежелание выстраивать тот огромный массив правовых институтов, который возникает в ходе муниципальной революции, породившей бюргерскую (буржуазную) культуру Запада. Отсюда же произрастают свойственные русскому менталитету разнообразные стратегии обхода письменного права, делающие упор на неформальные (неписанные) межличностные отношения в гражданской, деловой и политической жизни. В современном социуме эта национальная особенность очень хорошо осознается, что получило отражение в речевом обороте «по понятиям», применяемом к поведению, отклоняющемуся от установленных правовых процедур.

Изоляция Руси от влияний ранней европейской модернизации означала «консервирование» таких пластов архаики, которые быстрее или медленнее изживались в странах, подвергшихся данному влиянию. Эта архаика не могла не получить отражение в структуре государства, ментальности народа; она не могла не наложить своего отпечатка на саму природу и «дух» русского социума. «Ранний модерн» в Московской Руси сочетался (уживался, создавал уникальные синтезы) с такими элементами архаики, которые в европейских странах в это время уже изживались более или менее быстрыми темпами.

Понятие «православие» является говорящим, если вспомнить его греческий оригинал – «ортодоксия». Уже на лингвистическом уровне это слово отличается от конфессионального антипода – «католицизм». «Католическая» вера – значит «вселенская», «универсальная»; а «православная» – значит «ортодоксальная», т. е. единственно верная. Универсализм в большей степени ориентирует на толерантность к инородному, в том числе даже языческому, стремление встроить это инородное в систему своих «универсалий». Ортодоксия тяготеет к замыканию на себе самой и отторжению инородного. Она стремится не впитывать в свои универсалии многообразие окружающего мира, а жестко навязывает себя этому многообразию, тем самым его уничтожая. Сказанное не означает, что католическая вера вообще чужда ортодоксии. Она тяготеет к ней в достаточном количестве областей и прежде всего – в вопросах догматики. Однако это тяготение не является настолько последовательным, как в православии. Флорентийский собор, создание Униатской церкви и другие события подобного рода свидетельствуют о том, что католические иерархи были готовы к компромиссу по вопросу обряда, а православные (за исключением случаев «непреодолимых обстоятельств», как в ситуации поздней Византии) по большей части встречали его в штыки, так как в вопросах обрядности были настолько же ортодоксальны, как и

в вопросах догматики. Большая гибкость католической церкви сказалась и в ее способности организовать внутри себя разнообразную палитру монашеских орденов. При жестком единстве догматики, которая объединяла эти ордена в единую церковь, сохранялся плюрализм в образе жизни: в монастырских уставах, манифестациях благочестия и т. д. Все это было совершенно невозможно в лоне православия как такового, но особенно русского. В истории религии не так-то просто найти аналог подобному единообразию «сакрального диктата». В исламе, особенно суннитском, при всем догматизме его проповедников, всегда наблюдался известный плюрализм, например, мазхабов (правовых школ), каламов (филологических школ), суфийских тарикатов и даже сект.

Русский менталитет несколько столетий формировался в атмосфере ортодоксального церковного догматизма. В XX веке марксизм сменил православие, а ортодоксия (как единство революционной власти и марксистской веры) осталась, причем такие революционеры, как Ленин, нисколько не стеснялись называть себя ортодоксальными марксистами.

Переместившись в «центр истины» после падения Константинополя в 1453 году, московское православие в представлении его носителей становится для всего человечества единственной надеждой на спасение. В этом заключается еще одно значение постулата «Москва – третий Рим». Следовательно, и весь православный русский народ получает эсхатологическую миссию и становится «богоносцем». Из этих ментальных сдвигов рождается такой мессианский комплекс, который резко отличает русскую ментальность от мессианских устремлений западных народов. В Европе религиозно окрашенные мессианские порывы, начиная с Крестовых походов, носят ярко выраженный «интернациональный» характер. Иначе и не могло быть в условиях, когда папство выступало в качестве наднациональной силы. Его «сверхценная идея» – обращение заблудшего человечества в свою «правду». В рамках данной парадигмы неизбежно противостояние с Западом, чья католическая церковь тоже настаивает на своей собственной исключительной миссии по спасению человечества именем Христа.

Отрицание «буржуазности» вырастает, в конечном счете, из негативного отношения ортодоксального человека к любой деятельности, связанной с автономией самостоятельного субъекта принятия решений. Изначально настроенная на «вручение себя» в подчинение высшим инстанциям, ортодоксальная личность с крайней нетерпимостью относится к отказу от такого подчинения со стороны кого-либо другого. Кроме того, раздражение и гнев вызывает обогащение лиц, ведущих экономическую деятельность, отклоняющуюся от незыблемых канонов тотального социума. Раз требование «беззаветной преданности» вышестоящим надличностным силам предъявляется ко мне, то оно должно быть не менее жестким в моих требованиях к другим. Данный императив нисколько не ослабевает после того, как во второй половине XIX века «высшей инстанцией» вместо Бога и Царя становится Революция и Социализм. Напротив, он даже усиливается, так как под него подводится «научная» основа в виде марксизма.

ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ И ЕГО ОТТОРЖЕНИЕ

Если понимать под типичной цивилизацией органически взаимосвязанную совокупность институциональных и культурных доминант, то русский социум в допетровские времена можно с достаточным основанием считать особой цивилизацией. Однако с началом

западного влияния в эту органическую совокупность привносится диссонанс. Ценности, подходы и институты, унаследованные от московской цивилизации, сталкиваются с западноевропейскими. В результате возникает необычный тип цивилизации, который с определенной долей условности можно назвать гибридным. Одним из ярких признаков гибридности становится цивилизационный раскол внутри русского социума, т. е. нарушается и разлагается лежащая в его основе соборная «гармония». Члены социума разделяются по признаку ориентации на разные цивилизационные модели. Наиболее резко при этом выявляется расхождение между крестьянством (шире – народом) и той специфической социальной группой, которая возникла в России из потребности осваивать, перерабатывать и транслировать культурные, интеллектуальные и технологические «поставки модернизации», волнами хлынувшие с Запада начиная с XVIII века. Впитывая в себя западные культурные влияния, эта группа, выделившаяся внутри и из дворянской элиты, постепенно переориентировалась на ее критику и трансформировалась в контрэлиту, к которой применимо привычное обозначение «интеллигенция».

Интеллигенция выделилась из досужего и праздного дворянства, той его части, которая была обращена к Западу в поисках интеллектуального содержания, необходимого для заполнения своего досуга (правда, очень быстро этот социокультурный тип стал прирастать выходцами из других социальных слоев). Совершенно очевидно, что это содержание оказалось полностью «перпендикулярным» тому Самодержавному, Православному и Соборному миру, который царил вокруг, опираясь на мощную инерцию российской традиции.

Противоречие между содержанием книжной продукции и действительностью подталкивало не к простому критическому противостоянию окружающему миру, а к его тотальному отрицанию. Термин «тотальное» здесь уместен не только потому, что все существующее отрицается полностью во всех своих аспектах, но и по той причине, что сам архетип отрицающей личности наследует родовые признаки прежнего «соборного» мировосприятия. Архетип фанатичной самоотдачи в форме служения, унаследованный от средневековой ортодоксальности, не исчез, а обострился в условиях, когда западный культурный трансфер вломился в привычный мир русского космоса и обесценил всю его атрибутику, внося сумятицу в прежнюю систему координат. Из этой сумятицы вытекали две взаимосвязанные ориентации. Первая заключалась в отрицании существующего порядка (нигилизм), а вторая – в потребности восстановления утраченной целостности (тотальности) в каких-то новых параметрах – того, что в советских учебниках русской литературы называлось «поиском положительного идеала».

Начавшуюся вследствие этого ценностную трансформацию очень схематично можно описать как трехэтапный процесс: разочарование (обесценивание старых ценностей) – тотальное их отрицание (нигилизм) – обретение нового идеала (переоценка ценностей).

Идеология западничества завладевает умами довольно большого слоя русской интеллигенции и получает дополнительный импульс после реформ 1860-х годов. Здесь наибольшее значение имели три реформы: 1) реформа университетского образования, давшая сильный импульс развитию академической и интеллектуальной свободы; 2) судебная реформа, которая положила начало правовой модернизации европейского типа, т. е. формирование в России основ правового государства; 3) земская реформа, положившая начало созданию системы самоуправления, в рамках которой европеизированная интеллигенция могла применить свой интеллектуальный багаж на практике. Эти три реформы обозначают вектор европейской модернизации гораздо четче, чем освобождение крестьян, которое сохранило компромисс с таким существенным элементом старого мира, как община.

Связка европеизированной западнической интеллигенции с прозападными элементами бюрократии была единственной социальной силой в российской элите, которая в соот-

ветствии с императивом времени работала на проект более или менее последовательной модернизации России. Но в решении этой задачи ей противодействовала не только правящая дворянско-бюрократическая элита, но и та часть интеллигентской контрэлиты, которая последовательно шла совершенно в другом направлении, заданном русским нигилизмом. По сути дела, западническое направление эволюции русской интеллигенции можно назвать преодолением русского нигилизма на пути более или менее последовательной европеизации. Из него вышло земское либеральное движение, впоследствии создавшее основу для формирования партии кадетов. В дальнейшем эта эволюция коснулась даже какой-то части социалистов. Однако данное направление эволюции контрэлиты было не только не единственным, но и не самым мощным.

Гораздо более влиятельными в российской контрэлите, как известно, оказались совсем другие настроения, вдохновленные тем, что Николай Бердяев назвал в «Вехах» «бессознательной религиозностью». Религиозная по своим истокам мания тотального отрицания не могла избрать объектом всеобщего самопожертвования, к которому она стремилась, мало вдохновляющие ее либо прямо ей антипатичные западнические «буржуазные» идеалы. Ненависть к «буржуазии», «торгашеству», а вместе с этим и к либерализму унаследована этой частью русской интеллигенции от все той же московской традиции и является одной из важнейших составляющих «тотального» наследия в национальном менталитете. Именно поэтому после 1861 года значительной частью интеллигенции либеральные ценности отрицаются с такой же яростью, как и самодержавие, которое помимо своей приверженности старому порядку подвергается анафеме еще и за либеральные нововведения.

Ортодоксальный архетип, лежащий в основе ментальности русского интеллигента, подчеркивается и другими авторами сборника «Вехи». Говоря о студенческой среде, Александр Изгоев констатирует, что «политические учения здесь берутся на веру, и среди исповедников их беспощадно карается неприятие или отречение от новой ортодоксальной церкви».

Еще одним ярко выраженным рецидивом «тотального наследия» в русской революционной интеллигенции является правовой нигилизм, который неизбежно сопутствует всей этой религиозной экстаике. Об этом феномене с исключительной ясностью и убедительностью пишет автор статьи «В защиту права (Интеллигенция и правосознание)» Богдан Кистяковский. Впрочем, наследником этого «родового признака» русской «азиатчины» в то время (да и по сей день) являлось большинство российского общества, включая ту часть интеллигенции, которая придерживалась проекта европейской модернизации. Генетическая связь революционной идеологии с традиционной ортодоксальностью имеет и социологическое подтверждение. По данным Бориса Миронова, 22% народников в 70-е годы XIX века происходили из духовенства – при его доле во всем населении страны всего 0,9%. Бывшими семинаристами были многие лидеры революционных движений, включая большевистское.

Потеряв опору в православии, ортодоксальная личность стремится обрести для себя новый незыблемый фундамент. При всей «чуждости» и «иностранности» содержания интеллектуальных заимствований с Запада, сам выбор этих заимствований был глубоко национальным, так как предопределялся поиском «утраченной целостности». У Адама Смита, которого читал Евгений Онегин, не было никаких шансов всерьез овладеть чаяниями и помыслами «русской души». «Невидимая рука рынка» – это совсем не тот идеал, который мог поместиться в центре самоидентификации тотальной личности. Подобные шансы мог иметь только интеллектуальный продукт, противопоставляющий повседневной реальности альтернативу «положительного идеала» с той самой «высокой страстью», в которой отражалась бы жертвенность и фанатичное целеполагание тотального человека. Именно такие

системы мировоззрений Ла Барр и называет «кризисными культурами». В пестрой палитре западных идейных влияний наибольшим шансом стать русскими кризисными культурами обладали социальные утопии, точнее – утопический социализм.

Поиск ортодоксальной личностью новой идентичности особенно ярко представлен в «шедевре» революционного нигилизма – «Катехизисе революционера» Сергея Нечаева. И слово «катехизис» в названии говорит само за себя. Еще одна религиозная параллель заключается в том, что Нечаев называет «поганым» современное ему общество. Слово «поганий» имеет этимологию «языческий». Служение новому Богу, которого Нечаев называет «полнейшим освобождением и счастьем народа» заключается в тотальном разрушении этого «поганого» общества. В его манифесте предельно ярко подчеркивается эта религиозная по своей природе функция русской революции: разрушить существующий общественный строй, пораженный скверной, принеся его в жертву религии всеобщего счастья. Чем ты радикальнее разрушаешь «поганий» строй, тем священнее данное действие. Смерть и разрушение как священнодействие и религиозный экстаз – вот основа революционного терроризма – как индивидуального, эсеровского, так впоследствии и массового, большевистского.

«Катехизис революционера» можно с полным основанием назвать манифестами русского нигилизма. Русский нигилизм отличается от европейского, феномен которого описывал Фридрих Ницше. Это глубоко национальное умонастроение подразумевает тотальное отрицание всего, что связано с окружающим миром: социального и политического порядка, власти и всей системы моральных ценностей. Используемый Ницше термин «переоценка ценностей» здесь полностью подходит. Но если в Европе эта переоценка осуществляется с холодным бесстрашием рационального индивидуализированного субъекта, то в России – с религиозной страстью ортодоксальной личности. Европейский нигилизм упирается в пустоту бесконечного отрицания, которую Ницше пытался заполнить мифом сверхчеловека, а русский – это порыв к восстановлению утраченной целостности, которую он обретает в квазирелигиозном социальном идеале.

Но именно в таком виде русский нигилизм представляет собой гораздо более разрушительную силу, так как этим общественным идеалом можно увлечь народные массы. Возникает конструкция, при которой абстрактная идея счастья этих масс оправдывает любые преступления – как самих этих масс, так и против них.

Западная литература, содержащая в себе концепции этого грядущего счастья, была востребована русским нигилизмом с гораздо большим энтузиазмом, чем умеренная либеральная идеология буржуазных классиков. В конкуренции за отзывчивость русской интеллигентской души могли победить только такие образчики западной мысли, которые предлагали, с одной стороны, наиболее радикальную сверхценную идею, а с другой – «научно обоснованную» методологию ее реализации, поскольку «научность» была одним из важнейших культурных императивов, пришедших в Россию в процессе вестернизации интеллектуальной элиты.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК «ПЕРЕЗАГРУЗКА» МОСКОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

Радикальная версия отрицания нынешнего мира во имя будущего счастья, предложенная марксизмом, в наибольшей степени отвечала религиозной экзальтации интеллигентской души. К тому же марксизм давал максимальноразвернутое наукообразное обоснование под стремление разрушить существующий социальный порядок и при этом рисовал такую же наукообразную картину «светлого будущего». Под влиянием научных выводов марксизма овладевшая его идеями часть интеллигенции сменила и «мессию» своей социальной религии. Это произошло, видимо, потому, что прежний «мессия» народников в лице русского крестьянства оказался слишком сложным объектом идеологической и политической обработки, что выявилось в результате провала эксперимента по «хождению в народ».

Теория Маркса логично объясняла, что пролетариат выполнит миссию «осчастливливания» человечества гораздо эффективнее. При этом данная установка отнюдь не отменяла привычного для интеллигенции народопоклонения, а только меняла фокусировку мессианизма с одного класса на другой. Однако, как это ни парадоксально, именно мировоззрение крестьянства, а не пролетариата, стало решающим фактором победы большевиков в 1917 году.

Длительное запаздывание с отменой крепостного права, а затем непоследовательность в процессе этой отмены привели к консервации архаической идеологии крестьянского социализма. Она предполагала полное отрицание частной собственности на землю, включая право ее продажи, уравнительную справедливость при распределении земельных участков, черный передел и сохранение полной власти общинного коллектива над личностью его члена. Революционный потенциал этой идеологии отметил Лев Толстой еще в 1865 г. В своем дневнике он пишет: «Русский народ отрицает собственность... собственность поземельную. Эта истина не есть мечта – она факт – выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков. Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик... Русская революция только на ней может быть основана. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности...». Он при этом еще замечает, что такому порядку вещей, при котором нет собственности на землю, «самодержавие не мешает, а способствует».

100 лет назад это пророчество сбылось полностью, в том числе и в части, касающейся самодержавия. Ведь село в начале 1917 года не бунтовало против царя, а в середине этого года бунтовало против Временного правительства и «де факто» поддержало деспотизм большевиков. Но это пророчество сбылось как раз по той причине, что в нем была сформулирована квинтэссенция крестьянской утопии, согласно которой «внизу» должна быть уравнительная справедливость крестьянской общины, а «наверху» ее должен гарантировать всеильный правитель. В этой идеологии нет ничего уникального. Она вообще свойственна традиционным деспотиям восточного типа. Под воздействием ускоренной индустриализации и запоздалых столыпинских реформ эта крестьянская идеология только укрепилась и консолидировалась.

По мере того, как традиционный русский мир разрушался, нигилистические подходы становились все ближе и понятнее народу. Финалом этого состязания стал 1917 год, когда

на финишную прямую на ристалище нигилизма вышли, по сути, только две партии: большевики и эсеры. У эсеров, казалось бы, было бесспорное преимущество в борьбе за село, с которым они работали все 15 лет с момента создания своей партии. У них в 1917 году был комитет в каждом уезде и ячейка чуть ли не в каждой деревне, в отличие от большевиков, которые на селе до 1917 года практически не работали. Они были партией, которая провозгласила самый понятный крестьянам лозунг социализации земли. Но как оказалось, одного только лозунга было недостаточно для полной смычки с массами. В условиях крушения старого социума для этого нужно было соответствовать самым сильным запросам пробудившейся архаики, а для этого – быть наиболее решительным в следовании императиву русского нигилизма, т.е. в вытравливании из себя последних остатков морали, совести и всех тех ценностей, которые противоречили архаическим порывам бунтующей толпы.

И вот в этот момент эсеры, бывшие самой близкой крестьянству партией на уровне лозунгов, вдруг оказались от него очень далеки. Дело в том, что их менталитет уже оказался слишком сильно захвачен процессами европеизации. Они хотели совместить свою близкую крестьянам антиевропейскую программу социализации земли с крайне далеким от них европейским правовым подходом: предложили разделить землю по закону. Именно поэтому они осуждали захваты крестьянами помещичьей земли и предлагали ждать Учредительного собрания. Их правовое сознание было уже продуктом судебной реформы 1860-х годов и сопутствующих ей культурно-идейных модернизационных влияний. Тем самым оно оказалось несовместимым с грубой архаикой крестьянских нравов, требующих отнять и поделить землю без всяких правовых процедур, не дожидаясь каких-то там собраний, а методом быстрой расправы, не по закону, а силой, не по суду, а методом основанного на обычном крестьянском праве «народного самосуда». Архаическое представление о справедливости – не только уравнилельное, но еще и спонтанное. Справедливость должна быть установлена не когда-то и не согласно каким-то письменным процедурам, а на основе скорого и устного суда, действующего по принципу «ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС». Самой адекватной «процедурой» с этой точки зрения является самосуд.

Вместе со свободой от власти крестьяне мгновенно взяли власть в свои руки и употребили ее в порядке самосуда, отнимая землю у помещиков и убивая их самих. У затронутых процессом европеизации эсеров не было желания активно поддерживать самозахват земли, к которому крестьянские массы приступили с осени 1917 года. В этом отношении их культурный и моральный уровень, сформированный веяниями прозападной модернизации, оказался на недопустимо большой высоте от реальных потребностей масс. Другими словами, они уже были не совсем нигилистами и основательно подзабыли заветы Нечаева, а Ленин со своей партией их не только не забыл, но и понимал, что именно сейчас-то эти заветы важны как никогда. Только последовательные нигилисты, которые отрицают не только традиционную, но и «буржуазную» мораль, могут поддержать грабеж и бандитизм земельных захватов настолько яростно, насколько это необходимо, чтобы понравиться крестьянам, а захват заводов – насколько это импонирует рабочим. И это должен быть именно немедленный захват, потому что революционное нетерпение есть оборотная сторона архаического самосуда, скорого на расправу. И самое главное – надо демонстрировать не просто решимость, а наслаждение в проявлении насилия, потому что в таком наслаждении от человеческих жертвоприношений заключается процедура катарсиса для первобытного человека.

Эсеры, в лучшем случае, выиграли конкуренцию за умы русского народа, прежде всего крестьянства, что и показали выборы в Учредительное Собрание. Большевики же выиграли конкуренцию за его архаические инстинкты и архетипы коллективного бессознательного, которые вышли наружу в ходе крушения русской цивилизации и властно потребовали восстановления ее основных параметров. Миссия большевиков при этом заключалась в том,

чтобы совместить решение данной задачи с задачами осуществления такого минимума модернизации, который был необходим для выживания государства. Решающим козырем большевиков в довершение этого набора преимуществ оказалось то, что они последовательнее всех остальных партий реализовали ключевой для русской цивилизации принцип абсолютного приоритета государства и государственного насилия над интересами и правами человеческой личности. Благодаря чему истерзанная страна именно в этих революционерах увидела альтернативу анархии. Победить в революции могла только такая сила, которая не только была самой революционной, но при этом еще и способной при помощи неограниченного насилия остановить саму революцию.

ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В результате октябрьского переворота по целому ряду крупных направлений произошел резкий откат страны назад. Здесь в первую очередь надо говорить о тех линиях развития, которые были намечены Великими реформами, а также аграрной реформой Столыпина. Самым крупным преступлением большевиков против прогресса было физическое уничтожение той части российского общества, которая несла в себе перспективу продвижения России по пути европейской модернизации. Машина государственного террора ликвидировала в первую очередь самых развитых, самостоятельных, обладающих наиболее широким культурным горизонтом, а значит, и более критично настроенных по отношению к властям, иными словами – русских европейцев; и лишь во вторую очередь всех остальных. С точки зрения последствий для будущего страны (не только в XX, но и в XXI, боюсь, также и в следующем, XXII веке) не менее катастрофическим было уничтожение независимой (пусть пока еще относительно) судебной системы, а вместе с ней и принципов верховенства закона и права, которые достаточно уверенно пробивали себе дорогу в Российской империи с 1864 года. Более того, есть основание полагать, что по критериям европейского подхода к праву советское правосудие было шагом назад более чем на 1000 лет, так как «Русская правда» представляет собой гораздо более прогрессивное явление.

Весьма странно, что многие западные лидеры общественного мнения, восхищающиеся нашей революцией, полностью игнорируют тот факт, что один из самых бесспорных пунктов прогресса современной цивилизации, заключающийся в принципе «rule of law» («верховенство закона»), был сожран и проглочен этой революцией настолько быстро и бесследно, что этого даже никто и не заметил. Не менее трагическим ударом по перспективам модернизации страны было уничтожение университетской (шире – академической) свободы (а вместе с ней и независимой науки) и земской системы, которые берут начало в тех же реформах. На место креативных (с точки зрения развития страны) зон автономии во всех этих сферах пришел тупой партийный диктат, который по степени своего деспотизма превосходил масштабы дореформенного самодержавия. К этому надо добавить еще и уничтожение гражданских свобод и системы свободных выборов, которые, кстати, ни у современников, ни у историков не вызывали сомнений с точки зрения их честности. Радикальным поворотом в сторону от прогресса было уничтожение института частной собственности, который, вопреки всем социалистическим утопиям, служит главным мотором мирового развития, начиная даже не с Нового времени, а с европейского Средневековья, если не с Античности.

Родовые признаки московской цивилизации, проступившие в советской, общеизвестны:

1. Монополия власти: преемственность от самодержавного деспотизма к партийной диктатуре.
2. Монополия собственности: преемственность от патримониального (вотчинного) распоряжения материальными активами страны монархом – к аналогичной патримонии партийного вождя.
3. Вытекающее из монополии собственности отсутствие института частной собственности как одного из генеральных факторов модернизации в мировой истории.
4. Монополия ортодоксии: преемственность от догматического православия к догматическому марксизму-ленинизму.
5. Изоляционизм и антизападничество: преемственность от противостояния с католицизмом к борьбе с мировой буржуазией.
6. Комплекс нарциссического мессианства («национальное самообожание» – термин Владимира Соловьева): пребывание в «средоточии истины», которой обделены другие народы, – с переходом от ее православной версии к редакции «единственно верного» марксистско-ленинского учения и лозунга «победы социализма в отдельно взятой стране»; таким образом, первоначальный большевистский интернационализм был обречен на удушье «русской системой».
7. Империализм: преемственность от религиозных лозунгов территориальной экспансии («Москва – Третий Рим») к идеологическим («освобождение трудящихся»).
8. Тотальность – абсолютный приоритет целого над частным, коллективного над индивидуальным, государства над личностью: преемственность от «соборности» к тоталитарности; полное и при этом еще и эмоционально насыщенное отрицание автономии личности в любых ее проявлениях, выражающееся в ненависти ко всему «буржуазному», «капиталистическому» и вообще «либеральному».
9. Правовой нигилизм: подчиненное положение закона по отношению к «высшим» религиозным (идеологическим) ценностям – переход от монархического принижения права к полному подчинению права принципу «революционной целесообразности».
10. Государственное крепостничество: преемственность от смешанной формы рабовладения (государственного и частновладельческого) к строго государственной, варьирующейся по своей жесткости – от всеобщего института прописки к прямому крепостническому закреплению крестьян за колхозами и рабству «в чистом виде» в ГУЛАГе;
11. Холуйство элиты, пресмыкательство перед начальством как доминирующий критерий подбора кадров на руководящие должности и шире – вертикальной мобильности;
12. Отсутствие либо слабость гражданского общества, пресмыкательство общества перед властью (холопство) и т. д.

Этот список можно было бы продолжать, но всего перечисленного достаточно для того, чтобы обозначить преемственность от «московской цивилизации» к советской в более или менее полном виде. Весьма характерно, что при этом большевики избавлялись от многих завоеваний той «гибридной цивилизации», которая сформировалась под влиянием Запада после петровских реформ. Здесь впору подчеркнуть такое глубоко символическое действие большевиков, как перенос столицы из Петербурга обратно в Москву. Отвлекаясь от прагматических целей, которыми при этом руководствовались, необходимо вспомнить о том, что строительство Санкт-Петербурга как новой столицы было одной из ключевых составляющих петровского проекта модернизации России по западному образцу. Перенос

столицы, таким образом, сам по себе символизирует отказ от данного проекта; наделение же данным статусом Москвы просто невозможно квалифицировать иначе, чем «возвращение к основам» одноименной цивилизации.

Если царское правительство при всей своей консервативной косности все же сумело во 2-й половине XIX века повернуть штурвал государственного корабля в сторону мейн-стрима мирового развития, то большевики и коммунисты так и не сделали этого на протяжении 70 лет своего господства. Именно поэтому последнее судорожное движение руля в эту сторону при Горбачеве и привело к коллапсу государства.

Для того чтобы убедиться, насколько архаичен общественно-политический строй современной России, достаточно еще раз бегло просмотреть вышеперечисленный перечень признаков московской цивилизации, унаследованных цивилизацией советской. Монополия власти сегодня очевидна так же, как во времена СССР. Тот же самый моноцентризм (моно-субъектность) социума выражается в отсутствии каких-то хотя бы минимальных противовесов президентской власти.

Монополия собственности, может быть, проявляется не столь жестко, как в прошлом веке, но советское наследие ощущается в гигантских материальных ресурсах, которыми государство управляет напрямую либо косвенно – через неформальное давление на бизнес.

Запоздавшее на века становление полноценного и равного для всех института частной собственности дало весьма неприятное наследие в виде условности прав собственности с одной стороны и их очевидного неравенства с другой. Уверенность в полноценном владении и распоряжении правом собственности зависит от целого ряда условий, не имеющих ничего общего с законом, – политической лояльности, неформальных отношений с властью имущими и т. д. Несоответствие этим условиям влечет за собой ограничения в реальном праве собственности – вплоть до его полного прекращения. При этом наиболее уязвимыми оказываются, естественно, мелкие собственники, например, представители малого бизнеса. Этому способствует еще одна наследственная линия – бесправие собственника, точнее – крайнее неравенство прав собственности в зависимости от близости собственника к обладателям власти. Но, с другой стороны, права собственности невозможно обеспечить в условиях господства правового нигилизма, побуждающего власть имущих игнорировать Конституцию не только на практике, но даже и в процессе законотворчества. И все это – при полном равнодушии народа, которому в силу перечисленных выше причин до сих пор неведома античная максима: «Народ должен защищать закон как стены своего города».

Что касается изоляционизма и антизападничества, то и они уже давно возродились – и снова чуть ли не в ранге господствующей ортодоксии, поскольку, с точки зрения власти имущих, являются традиционно испытанными для России средствами мобилизации народной поддержки. В ряд подобных средств недавно возвратился и традиционный империализм – когда аннексия Крыма вызвала столь горячую и восторженную поддержку в российском обществе. Само это общество остается традиционно исключительно слабым, крайне податливым как к прямому давлению власти, так и к всевозможным манипуляциям с ее стороны, арсенал которых становится все богаче. Посткрестьянское сознание в нашем народе до сих пор является главным тормозом модернизации страны, по-видимому, еще более мощным, чем во времена СССР, так как тогда инерции торможения можно было противопоставить возможности тотальной мобилизации, сегодня явно отсутствующие. Этот тип сознания не дает в полной и должной мере раскрепоститься предпринимательскому потенциалу российской нации, сохраняет в ней патриархально-патерналистскую власто-зависимость, парализует возможности развития гражданского общества.

Сохранение гигантского балласта архаики в сознании российского народа и его «коллективном бессознательном» сегодня не только тормозит модернизацию России (даже в ее «догоняющем» варианте), обрекая ее на необратимую отсталость, но и является одной из причин устойчивости таких паразитических формирований как нынешний путинский режим. В конечном счете, такое обилие «непереваренной» архаики может обернуться летальным исходом и для всего российского государства-нации. Подобная перспектива, таким образом, тоже лежит на совести большевиков (точнее – ее отсутствии) и является, пожалуй, наиболее опасным для будущего страны наследием Октября, который, ввиду всего сказанного, язык никак не поворачивается назвать «Великим».

The background features a large orange semi-circle on the left side, set against a green background. On the right, there are dark green and light green abstract shapes. A halftone pattern of white dots is arranged in a curved shape within the orange area.

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РОССИИ

ГАЛИНА МИХАЛЕВА

*Председательница Гендерной фракции партии «Яблоко»
Руководительница Партийного университета партии «Яблоко»
профессор Российского государственного гуманитарного университета
доктор политических наук*

29 октября 2021 года

РОССИЯ – НЕПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В 1-й статье Конституции, принятой в 1993 году, декларируется, что Российская Федерация – **правовое** государство, Конституция которого имеет высшую юридическую силу, а законы и другие правовые акты не должны ей противоречить (Ст. 15). Эта статья осталась неизменной и после внесения поправок в Конституцию на референдуме 2020 года. Юристы считают, что понимание принципа правового государства – не «технико-правовое», но – материальное. Это означает, что государство, государственная власть со всеми ее органами и институтами и во всей своей деятельности должны всеохватывающе руководствоваться правом, правами и свободами человека. Государственная власть в правовом

государстве в соответствии с принципом разделения властей подразделяется функционально и организационно и осуществляется в границах прав человека. Существенными элементами правового государства являются верховенство и прямое действие Конституции, ее соблюдение всеми государственными органами и должностными лицами, обязанность государства уважать и защищать достоинство человека, права и свободы гражданина, разделение властей, запрет произвола, принципы справедливости и соразмерности. Сюда же относятся полицейская, судебная, в т.ч. уголовно-правовая защита от посягательств на сограждан, соблюдение прав человека государством, требование соблюдения принципов определенности, ясности, однозначности правовых норм как таковых, а также принятых в системной взаимосвязи правил.

Ряд авторов подчеркивает, что правовое государство как институт в России находится в начальной стадии и пока является не более чем идеалом.

Первые идеи правового государства, ставящие под сомнение революционную целесообразность раннесоветского периода и последующий принцип приоритета государственных интересов над правами личности, появились в период перестройки и обозначались как «социалистическое правовое государство». В то бурное время никого не смущало, что это – очевидный оксюморон.

В постсоветское время понимание правового государства и общественного договора сначала носило отчетливые отпечатки марксизма и советских правовых традиций. Несколько позже пришло понимание, что проблемы правового государства и связанного с ним принципа верховенства права лежат глубже.

В России не сложилась традиция, согласно которой правовое государство признают нормативным принципом, связанным с либеральной демократией. Российская трактовка правового государства имеет гораздо больше общего с немецкой доктриной *Rechtsstaat* (от которой и произошел сам термин), чем с англо-американской теорией *the rule of law*. Понятие *the rule of law* базировалось на защите прав и свобод граждан от политического и правового произвола, парадигма *Rechtsstaat* делала первейший акцент на ключевой роли неделимой государственной власти в обеспечении равенства перед законом.

С институциональной точки зрения принцип правового государства закреплен в российской правовой системе довольно прочно. Нормы, касающиеся прав человека, признаются имеющими прямое действие (статья 18 Конституции); учрежден Конституционный суд, главной функцией которого является защита конституционных прав и свобод граждан. Высшие судебные инстанции, вынося решения, до последнего времени ссылались не только на международные и европейские источники права, но и на прецедентные дела Европейского суда по правам человека, а также на документы Совета Европы. Однако реальность и устремления правящей элиты воздвигают за красивым фасадом другие конструкции. Правовое государство подразумевает справедливость и обеспечение равенства перед законом, что составляет основную задачу государства. Но реальность такова: слияние бизнеса и власти при доминировании власти, постоянное увеличение роли силовиков, ограничение прав и свобод препятствуют утверждению общественного климата, благоприятствующего правовому государству. Правовой нигилизм распространен не только в верхних и средних, но и в нижних слоях населения, что проявляется, например, в повсеместной коррупции и взяточничестве и проведении «реформ» за счет населения («оптимизация» здравоохранения и образования, замораживание пенсионных вкладов, программа реновации и т.д.).

Большинство российских граждан уверено, что юридические институты, включая государство, не в состоянии обеспечивать справедливость или беспристрастное разрешение конфликтов. Россияне считают, что закон для них не обязателен, поскольку он служит частным интересам, а не благу всего общества. Негативное восприятие предопределено фундаментальным недоверием к институту права как таковому.

При Путине эта идея обретает новое прочтение: теперь речь идет о защите при помощи государства, которое ассоциируется с Добром. Следуя этой логике, чем мощнее государство, тем лучше для граждан. Такой подход предполагает огромный риск: до тех пор, пока права считаются дарованными властью, а не присущими людям изначально, они могут рассматриваться как нечто преходящее и потенциально упрямое. В сфере личных прав закон, основанный на воле государства, препятствует развитию государства, основанного на законе. Слабость гражданского общества, неспособного функционировать как независимый от государственной власти организм, влечет за собой неразвитость ценностей и установок, которые в нормальных условиях позволяют правовой системе функционировать бесперебойно и которые считаются гарантированными в зрелых демократиях.

Правовое государство воспринимается в России как метафора, идеология, инструмент для достижения государством политических и геополитических целей. При этом подчеркивается необходимость существования сильной власти.

Правовое государство начала XXI века в России стало заменяться сильным государством. Ослабление парламентаризма в целях мобилизации государственной власти в духе «политической симфонии» как одной из главных государственно-правовых идей Византии очень болезненно сказывается на верховенстве права.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ДИКТАТУРА, ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМ И ДЕЛЕГАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Сложившуюся правовую систему Андрей Медушевский называет **«конституционной диктатурой»**, которая всегда стремится к максимизации полномочий, преодолению ограничений и превращению из временной в постоянную, не скована никакими правовыми ограничениями, т.е. является противоположностью правовому государству.

Конституционная диктатура получила, с его точки зрения, юридическое выражение в ходе российской конституционной реформы 2020 года.

С одной стороны, данная система правления имеет общие черты со «стандартной» конституционной демократией: 1) признание демократической легитимности (народного суверенитета как источника власти); 2) формальное сохранение основ конституционного строя – гарантий прав и свобод личности; 3) сохранение принципа парламентаризма и ответственности правительства; 4) принцип разделения властей прямо не отвергается; 5) судебная власть формально сохраняет свою независимость; 6) политическая власть устанавливается на основе действующего Основного Закона, провозглашая опору на него и юридическую преемственность всех изменений; 7) принцип сменяемости власти, теоретически, сохраняется, а право на нее подтверждается (теоретически) на конкурентных выборах.

С другой стороны, эта система правления означает установление неограниченной власти главы государства, основанной на редуцированном и скорректированном механизме интерпретации демократических норм: 1) основы конституционного строя трансформируются «уточняющими» нормами, законами, интерпретацией и правоприменительной практикой до нужного ограничительного эффекта; 2) демократическая легитимность

сохраняется, но принцип представительства сведен до предоставления народом власти одному лидеру; 3) принцип разделения властей теряет эффект сдерживания, поскольку власть главы государства стоит над системой сдержек и противовесов – как по горизонтали, так и по вертикали; 4) парламентаризм превращается в фикцию, как и ответственное правительство (ответственность перед главой государства полностью вытесняет парламентскую); 5) судебная власть сохраняет независимость лишь в той степени, в какой не покушается на права и прерогативы верховной власти главы государства или значимые для нее вопросы; 6) установление этой власти идет путем последовательной трансформации смысла конституционных норм, а не прямого отказа от них; 7) принцип сменяемости власти обходится с помощью юридической казуистики, а конкурентные выборы предсказуемы в силу управляемого характера и абсолютного господства правящей партии. Общий результат этих корректировок – выведение главы государства из-под контроля конституционных ограничений и придание ему особого метаконституционного статуса с наделением прерогативы прямого плебисцитарного законотворчества. Юристы называют эту систему **«президентализмом»**, а политологи – **«делегативной демократией»**.

Президентализм – политическая система, в которой президент является доминирующим политическим актором, обладает полномочиями во всех ветвях власти и может создавать органы, не регулируемые конституцией и законодательством (администрацию, советы). Президент стоит над всеми властями, в российском случае – может издавать указы, подписывает принятые законы, председательствует на заседаниях правительства, назначает силовых министров и судей; является верховным главнокомандующим и гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти; является гарантом Конституции Российской Федерации. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти; определяет основные направления внутренней и внешней политики государства; представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

Система **делегативной демократии** – полиархия, в которой исполнительная власть на практике не ограничена другими институтами и не подотчетна другим ветвям власти. Концепцию делегативной демократии ввел в 1994 году аргентинский политолог Гильермо О’Доннелл для описания одной из разновидностей имитационной демократии. Для делегативной демократии характерно сильное централизованное государство во главе с харизматичным президентом, избранным в результате (в тенденции) честных свободных выборов и удерживающим прочный контроль над инструментами правления. Другие ветви власти не обязательно являются слабыми сами по себе, однако президент обходит или подавляет их. Делегативные демократии основываются на предпосылке, что победа на президентских выборах дает победителю право управлять страной по своему усмотрению, при этом он ограничен лишь обстоятельствами существующих властных отношений и определенным Конституцией сроком пребывания у власти.

Президент рассматривается как воплощение нации, главный хранитель и знаток ее интересов. Политика его правительства может слабо напоминать его предвыборные обещания. Предполагается, что эта фигура отечески заботится о всей нации, а политической базой президента должно быть движение, которое преодолевает фракционность и мирит политические партии.

Режим современной России – новый феномен, не сводящийся к воспроизводству предшествующих типов неограниченной власти (самодержавие, однопартийная диктатура или военная диктатура). Его предпосылки можно отыскать, начиная с принятия Конституции 1993 года, в общей логике трансформации постсоветского режима, провозгласившего на волне демократических преобразований правовое государство, но не справившегося с его консолидацией без усиления авторитарного вектора. В течение десятилетий власть тестировала ситуацию, последовательно ограничивая объем конституционных принципов и ожидая момента, когда количество перейдет в качество.

Этот момент наступил сейчас, с формальной фиксацией нового порядка – неограниченной власти главы государства не только *de facto*, но и *de jure*. Россия вписана поправками в круг стран, которые увидели выход из противоречий глобализации и порожденных ею диспропорций в создании конституционной диктатуры.

Отсутствие верховенства права в России по настоящее время является не одним из «признаков» в списке многих других, а фундаментальной особенностью российской цивилизации. И законы, и Конституция, и судебные решения становятся инструментом для осуществления, укрепления и охраны власти и изменяются часто в соответствии с текущими потребностями. Так, в числе изменений, внесенных в Конституцию на референдуме 2020 года:

«Требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции». Это означает приоритет Конституции над международным законодательством и международными договорами, решениями международных органов. Это стало, в т.ч., формальным основанием для начала спецоперации в Украине, т.к. политическая целесообразность подобных действий (с точки зрения власти) уже не была ограничена ни международными договорами, ни даже п. 4 Устава ООН.

Последовавший за изменениями Конституции выход/исключение России из Парламентской ассамблеи Совета Европы означает для граждан закрытие возможности оспорить судебные решения российских судов в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. Хотя процедура была достаточно осложненной, все больше россиян использовали ее, им удавалось выигрывать дела и Российской Федерации. В апреле 2022 года в ходе продолжения военной спецоперации Россия была исключена/ сама вышла из Совета по правам человека при ООН.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

По результатам конституционной реформы 2020 года было исключено конституционное ограничение сроков полномочий президента. Было убрано слово «подряд», позволявшее одному и тому же лицу занимать президентский срок более двух сроков при условии, что лишь число *последовательных* сроков не должно быть более двух. При этом с момента принятия поправок сроки президентства В.В. Путина «обнулялись», что означало возможность после 2024 года занимать президентское кресло.

В России, начиная с выборов 2000 года (за исключением периода, когда президентом был Медведев, а Путин – главой правительства) большинство избирателей голосовало за

Путина, а Государственная Дума, начиная с 2014 года, т.н. «Крымской весны», голосовала почти всегда солидарно, особенно по ключевым вопросам внешней политики и законам, ограничивающим права и свободы человека. Это означает, что база президента – не только «Единая Россия», но и все политические партии, представленные в Государственной Думе.

Однако есть одно существенное замечание, связанное со степенью честности и прозрачности выборов и вопросом, действительно ли подавляющее большинство граждан делегировало президенту свои права. Многочисленные свидетельства наблюдателей и аналитиков о применении административного ресурса и прямой фальсификации выборов свидетельствуют об обоснованности этих сомнений.

Внесение поправок в Конституцию означает не только существенную деформацию, но и во многом – отказ от базовых принципов Конституции.

Поправки изменили нормативную структуру Конституции: 10-ой статье об осуществлении государственной власти на основе ее разделения на самостоятельные – законодательную, исполнительную и судебную – противоречит новая Ст. 81 абз. 3.1. об «обнулении сроков» президента, практически в соответствии со Ст. 80 стоящего над Конституцией, обеспечивая «согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти».

Внесение поправок стало логичным завершением процесса, который начался гораздо раньше – с приходом к власти Путина. Перечислим только самые знаковые и важные шаги этой власти: вторая Чеченская война; ограничение свободы СМИ, начатое роспуском НТВ; федеративная реформа, ограничившая права субъектов Федерации и – в 2004 году отказ от выборности губернаторов, возвращенный с существенными ограничениями лишь в 2012 году; «равноудаление олигархов» с показательным делом «ЮКОСа»; неоднократное переформатирование избирательной и партийной системы с увеличением возможностей для доминирующей/правлящей партии «Единая Россия». Наконец, после массовых протестов 2011–2012 годов, связанных с фальсификациями на выборах, началось наступление на права граждан «по всему фронту».

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

В течение всего периода президентства Владимира Путина последовательно принимались законодательные ограничения конституционных прав и свобод человека.

В 2004 году был принят Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в который вносились изменения. Практически закон изменяет заявительный принцип организации массовых мероприятий на разрешительный. Возможными стали только одиночные пикеты, также жестко регулирующие (50 метров расстояния между пикетирующими, запрет на проведения пикетов у органов власти, судов). На практике часты были задержания и с одиночных пикетов.

В 2012 году в закон были внесены изменения, ужесточающие ответственность за «незаконные акции», увеличивающие штрафы и меру ответственности, вводящие заявительный, а не уведомительный характер акций. Это прямо противоречит Ст. 31 действующей Кон-

ституции, дающей гражданам право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Ограничения достигли пика после начала специальной военной спецоперации в Украине. Сюда нужно добавить и «ковидные» запреты, мотивированные опасностью заражения.

В 2012 году в закон была внесена поправка, позволяющая органам власти отводить специальные места для проведения публичных мероприятий (т.н. Гайд-парки), которая фактически сводила на нет права Ст. 31. Региональные и местные органы власти отводили для митингов парки и места, отдаленные от центра города, гражданам дозволялось митинговать «для себя», не беспокоя органы власти и не привлекая прессу.

Граждане отреагировали на это участившимися несанкционированными протестами – против коррупции начиная с 2017 года, сериями протестов в защиту Алексея Навального после его ареста, протестами по результатам выборов в 2020 в Москве и 2021 году (в Государственную Думу), региональными протестами в Хабаровске в защиту арестованного губернатора Сергея Фургала, в Шиесе против свалки, в Башкортостане в защиту природного памятника, в Екатеринбурге в защиту сквера и т. д. Власти реагировали по-разному: более жестко в Москве и Санкт-Петербурге – массовыми задержаниями, составлениями протоколов и судами – и менее жестко в регионах.

Так, в январе 2021 года на несанкционированной акции в поддержку Алексея Навального было задержано около 2 000 человек, по решениям судов они понесли административную ответственность в виде штрафов (от 10 000 до 300 000 руб. в случае повторного нарушения) и арестов (до 15 суток) или исправительных работ. В случае трехкратного нарушения штраф увеличивался до 1 000 000 рублей и до 5 лет лишения свободы в соответствии с поправками, внесенными в закон в 2021 году. Десятками тысяч начиная с 2010-х годов исчисляется число судебных решений по административным делам, связанным с задержаниями на протестных акциях. При этом судьи не рассматривают ни показания свидетелей, ни видеозаписи. Дела просто штампуются под копирку и начиная с периода пандемии имеют совершенно абсурдный характер.

В 2012 году был принят «закон об иностранных агентах»: НКО, выполняющие политические функции и получающие финансирование из иностранных источников, обязаны регистрироваться Министерством юстиции как «иностранцы агенты». Это противоречит не только духу, но и букве Конституции, Ст. 30 гласит: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется».

В этом же году была расширена статья о «государственной измене», которая не ограничивается сейчас шпионажем, но, как и все «резиновые статьи», может касаться любого контакта с иностранцами.

Был ужесточен и закон об интернете и интернет-технологиях, практически введена цензура интернета, запрещены призывы к террористической деятельности, оправдание терроризму, другие экстремистские материалы, порнография, культ насилия и жестокость и материалы, содержащие обценную лексику.

В 2017 году был принят закон, позволяющий объявлять СМИ иностранными агентами.

Дополнения 28 декабря 2018 года в состав преступления по разжиганию ненависти и вражды и унижения человеческого достоинства (Ст. 282 УК) как сформулированное так же в качестве административного правонарушения (Ст. 203.1.КоАП) не является актом подлинной декриминализации, но расширяет, как показывает статистика, перечень санкций за счет денежных штрафов и ограничений свободы.

Особого внимания заслуживают поправки в Закон о борьбе с экстремистской деятельностью, принятый еще в 2002 году, в который последние поправки были внесены в июне 2021 года. Закон активно применяется к представителям оппозиции.

Всего весной в Перечне общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых было принято решение суда на основании закона об экстремистской деятельности в апреле 2022 года, было 90 организаций, включая перечень нескольких десятков групп Свидетелей Иеговы под № 62. Среди них (судя по названиями) 46 националистических организаций – русских, украинских, татарских, башкирских и т.п. националистов, 29 религиозных организаций, включая мусульманские, 6 организаций футбольных фанатов, «Мужское государство», организации РНЕ и одно правозащитное движение, Фонд борьбы с коррупцией и штабы Алексея Навального.

ЗАВИСИМАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

Сильное государство не позволило судебной системе в России стать носителем независимой судебной власти, сделало судей разновидностью чиновничества. Примеров зависимости судей от исполнительной власти, их полной беспомощности перед политическим давлением можно во множестве найти в сообщениях СМИ и Интернета.

Суд остался объектом государственного управления, осуществляемого через председателей судов, которые распределяют дела между судьями, могут инициировать преследования и проверки и влияют на карьерный рост. Судьям, опасаясь отмены приговоров, дают понять, какое решение ожидается.

Это видно и на примере самых громких процессов: с отсутствующей, абсурдной или просто фальсифицированной доказательной базой, начиная от двух дел «ЮКОСа», когда Михаил Ходорковский и его партнеры по бизнесу по факту были два раза обвинены в краже нефти у самих себя, дел Алексея Улюкаева, бывшего министра развития РФ, и других высших чиновников, дел Алексея Навального – как первого, по фирме «Ив Роше», так и последующих, в т. ч. обвинение в «хищении» пожертвованных на деятельность ФБК денег. Примером могут служить и карельские дела «Петропита» и особенно петрозаводского «мемориальца» Юрия Дмитриева, обвиненного в «сексуальных действиях» по отношению к несовершеннолетней дочери. Очень часто суды становятся инструментом расправы федеральных, региональных и местных властей с неугодными.

Неудивительно в этих условиях, что российское правосудие сохраняет обвинительный уклон. На сайте Следственного комитета сообщается, что в 2021 году суды получили 73 тыс. уголовных дел с участием 82 тыс. обвиняемых, а общее число оправдательных приговоров в России по уголовным делам – менее 1%. Доля оправданных от общего числа подсудимых – 0,27%. Присяжные заседатели при этом оправдывают 32% обвиняемых.

Внедрение суда присяжных идет с большим трудом, закон был принят в 1993 году. До 2009 года суд присяжных мог рассматривать дела по 47 составам преступлений. В 2008–2013 годах произошло сокращение перечня составов преступлений, которые правомочны рассматривать присяжные.

Поправки 2013 года привели к тому, что количество дел, рассматриваемых коллегией присяжных, резко сократилось. Верховный суд Российской Федерации предложил ликви-

дировать в России суд присяжных, заменив его коллегией, состоящей из судьи и судебных заседателей.

Назначение и переназначение председателей судов всецело зависит от администрации президента, а застойные явления в судебной системе консервируются путем поддержки на высоких постах лиц, сохранивших верность режиму. Так, например, председатель Мосгорсуда Ольга Егорова находилась на своем посту с 2000 до 2020 года.

Еще один российский феномен – сращивание судов с правоохранительными органами. Практика применения пыток при проведении следствия, унаследованная от сталинской политики массовых репрессий, и в системе исполнения наказаний кардинально противоречит принципу правового государства. При этом пытки могут иметь форму как прямого физического воздействия (например, приковывание к батарее, изнасилование палкой от швабры), так и психологического и состоять в угрозах привлечения к уголовному делу и заключения под стражу.

Число таких случаев возросло в разы со времени начала спецоперации в Украине в феврале 2022 г., когда дела стали возбуждаться и рассматриваться на основании желто-голубых цветов в одежде, «лозунгов» без единой буквы (звездочки на плакате) или «Миру – мир», а также – записей и их перепостов в соцсетях.

Растет число лиц, признанных политическими заключенными. Если в 2020 году их было 362, то в августе 2021 года уже 420. Это тогда было сравнимо с их числом в позднем СССР, но очевидно, что оно существенно возросло. Суммарных данных за 2021 год нет, потому что уже некому этим заниматься.

Те некоммерческие организации и отдельные правозащитники, которые помогали гражданам в случаях незаконного задержания, предоставляли адвокатов для ведения судебных процессов, в том числе в Страсбурге, вели учет политических заключенных, признаются иностранными агентами, экстремистскими организациями и запрещаются в России («Мемориал», ОВД-Инфо, «За права человека», Лев Пономарев, Галина Арапова и др.). В 2021 году таких организаций было 76, физических лиц – 84.

В эту же категорию попали СМИ, специализировавшиеся на расследованиях, анализе работы судов, нарушениях прав человека. В 2021 году это был список из 43 средств массовой информации. После начала военной спецоперации закрылись влиятельнейшие в этой области телеканал «Дождь», «Эхо Москвы» с миллионной аудиторией и «Новая газета», основатель которой, Дмитрий Муратов, получил в 2021 году Нобелевскую премию мира.

В феврале 2022 года была принята Ст. 20.3.3 Административного кодекса, была внесена С. 280.3 в Уголовный кодекс – «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации», штрафы увеличились от минимальной планки в 30 000 руб. до 1 000 000 руб. и лишения свободы до 5 лет. Публичные мероприятия против военных действий, в поддержку мира стали практически невозможны. Тем не менее в ходе ряда несанкционированных протестов было задержано и привлечено к ответственности 13,5 тысяч россиян в разных регионах.

Новая статья 20.3.3. о «дискредитации...» – главный инструмент подавления антивоенного протеста. Она позволила правоохранителям выйти за пределы митинга и наказать не только за пикет/митинг (как по старой Статье 20.2), а за что угодно: там и посты в соцсетях, и устные высказывания, и крест в память о погибших в Буче, и книга «Война и мир». Лидерами репрессий по линии «дискредитации вооруженных сил РФ» являются Калининград, Томск и Краснодар.

Право окончательно уступило место политической целесообразности.

ЕЛЕНА ДУБРОВИНА

*Член Федерального политического комитета партии «Яблоко»,
кандидат юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации*

23 июня 2020 года

ПОЧЕМУ БОЙКОТ ПОПРАВКАМ В КОНСТИТУЦИЮ?⁵

Главы 1 и 2 Конституции России: Основы конституционного строя и Права и свободы человека и гражданина не могут быть изменены Федеральным собранием, как и глава 9: Конституционные поправки и пересмотр Конституции.

- Главы: 3. Федеративное устройство;
- 4. Президент Российской Федерации;
- 5. Федеральное Собрание;
- 6. Правительство Российской Федерации;

⁵ Текст подготовлен на базе презентации.

7. Судебная власть и прокуратура;

8. Местное самоуправление

могут быть изменены Федеральным собранием.

Порядок пересмотра глав 1, 2 и 9 Конституции таков: согласно статье 135 Конституции положения глав 1, 2 и 9 Конституции могут быть пересмотрены по предложению Президента РФ, Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства, законодательных органов субъектов РФ, группой не менее одной пятой от числа депутатов Госдумы или членов Совета Федерации, если будут поддержаны 3/5 голосов от общего числа депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. При этом:

1. Созывается Конституционное Собрание.

2. Конституционное Собрание либо подтверждает неизменность Конституции, либо разрабатывает проект новой Конституции.

3. Конституция принимается Конституционным Собранием (2/3 голосов) либо выносятся на всенародное голосование (референдум).

4. Конституция считается принятой, если во всенародном голосовании приняли участие более 50% избирателей и более 50% от принявших участие в голосовании избирателей проголосовали за новую Конституцию.

Порядок внесения изменений в главы 3–8 Конституции: согласно статье 136 Конституции поправки к главам 3–8 Конституции принимают в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, они вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации. При этом порядок внесения поправок в главы 3–8 Конституции установлен также Федеральным законом от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок в Конституцию РФ».

Стадии принятия изменений в этих главах следующие:

1. Проведение трех чтений в Госдуме.

2. Принятие поправки Госдумой 2/3 голосов от общего числа депутатов.

3. Одобрение поправки Советом Федерации 3/4 голосов от общего числа членов Совета Федерации.

4. Одобрение Закона о поправке законодательными органами субъектов Российской Федерации не менее чем двумя третями субъектов Российской Федерации.

5. Подписание Президентом РФ и опубликование.

Рассмотрим хронологию событий принятия Закона о поправке к Конституции от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке). Закон был внесен Президентом 20.01.2020; принят Государственной Думой 11.03.2020; принят Советом Федерации 11.03.2020; одобрен законодательными органами субъектов РФ 12.03.2020; подписан Президентом РФ 14.03.2020; Конституционный суд вынес Заключение 16.03.2020; указом Президента назначена дата всероссийского голосования на 22.04.2020; Указом Президента изменена дата голосования на 01.07.2020.

Масштаб изменений, внесенных законом в Конституцию, таков. В главах 3–8 Конституции 69 статей, из них 46 статей (более 2/3 текста) изменены:

15 статей приняты в новой редакции;

5 статей внесены дополнительно в текст Конституции;

в 26 статей внесены кардинальные изменения.

Внесено порядка 10 блоков поправок.

Закон о поправке к Конституции содержит ряд нарушений:

По содержанию – противоречит основам конституционного строя, фундаментальным правам человека и гражданина в РФ.

По форме – вместо одной поправки вносится большое количество несвязанных между собой. Нет объяснения, с какой целью вносятся поправки, какие проблемы они призваны решить. Значительная часть поправок внесена не в те части текста Конституции.

По процедуре – устанавливает в нарушение ст. 136 Конституции дополнительно две стадии прохождения законопроекта: Заключение Конституционного Суда и общероссийское голосование.

Нарушения по содержанию: нарушены Положения, содержащиеся в 1 Главе Конституции и являющиеся основами конституционного строя:

- о характере демократического и правового российского государства (ч. 1 ст. 1);
- о народовласти (ч. 1 ст. 3);
- о равенстве прав граждан в РФ (ч. 2 ст. 6);
- о разделении властей и самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти (ст. 10);
- о самостоятельности органов местного самоуправления (ст. 12);
- об идеологическом многообразии (ч. 1 ст. 13);
- о верховенстве Конституции и законов (ч. 1 ст. 15);
- о законности в действиях органов власти и должностных лиц (ч. 2 ст. 15);
- об общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договоров как составляющей части правовой системы России (ч. 4 ст. 15);
- о недопустимости противоречия никаких других положений Конституции основам конституционного строя (ст. 16).

Кроме того, нарушены положения, содержащиеся в Главе 2 Конституции и являющиеся основами конституционного статуса личности в России:

- О свободе мысли, слова (ч. 1 ст. 29);
- О свободе выражения своих мнений и убеждений (ч. 3 ст. 29);
- О свободе искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любыми законными способами (ч. 4 ст. 29);
- О запрете цензуры (ч. 5 ст. 29);
- О праве граждан быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32);
- О праве граждан обращаться в международные суды за защитой прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46);

- О возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина исключительно федеральным законом (ч. 3 ст. 55).

Нарушения по форме:

1. Под видом одной поправки в нарушение статьи 136 Конституции в Конституцию внесены многочисленные и разнородные поправки, друг с другом не связанные, что предполагает принятие не одного, а нескольких законов о поправке (что особенно недопустимо с учетом того, что голосовать за эти разнородные поправки избирателям предлагается как за одну поправку – пакетом).

2. Законопроект не сопровождается пояснительной запиской, которая бы убедительно объясняла необходимость внесения и суть каждой из предлагаемых поправок и их взаимосвязь.

3. Суть ряда поправок не соответствует их расположению в тексте Конституции: по своей значимости часть поправок должна быть помещена не в главы третью–восьмую, а в Главу 1 Конституции в качестве основ конституционного строя (например, о создании единой системы публичной власти, о Государственном Совете как органе государственной власти, о преемственности в развитии российского государства, о его правопреемстве по отношению к СССР, о необходимости соответствия МРОТ прожиточному минимуму и т. д.). Другая часть поправок должна быть внесена в Главу 2 Конституции в качестве положений о правах человека и гражданина (о допустимости брака как союза только мужчины и женщины, об ограничении избирательных прав граждан и права на равный доступ к государственной службе, о защите достоинства граждан и т.д.).

Указанное выше формальное противоречие влечет чрезвычайно опасные сущностные последствия: основы конституционного строя и права человека посредством включения в иные главы Конституции противоречащих им норм размываются и сводятся на нет незаметно, без открытого и честного обсуждения подмены.

Нарушения по процедуре:

Согласно статьям 2 и 3 Закона о поправке предусмотрены две дополнительные стадии принятия поправок в Конституцию:

1. Заключение КС о законности поправок и обнуления сроков Президента;
2. Общероссийское голосование по поддержке поправок в Конституцию.

Указанные положения противоречат ст. 136 Конституции, статье 125 Конституции, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ФЗ «О принятии поправок в Конституции».

Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» в российском праве распространяется исключительно на права человека и гражданина.

Государственные органы и должностные лица обязаны действовать строго в рамках полномочий, предусмотренных законом, и в строгом соответствии с процедурами, установленными законом, тем более Конституцией (ч. 2 ст. 15 Конституции).

Поддержка Конституционным Судом антиконституционных действий власти дискредитировала конституционный контроль как таковой (обнулила).

Всенародное голосование на федеральном уровне (на территории всей РФ) – институт, неизвестный российскому законодательству. Он значительно уступает в легитимности процедурам, предусмотренным для референдума – всенародного голосования.

Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» никогда не был реализован.

Основные отличия всероссийского голосования от референдума:

- Нет обязательного количества избирателей, принявших участие в голосовании (явки избирателей). На референдуме их должно быть не менее 50%.
- Нет понятия агитации за положительное и отрицательное голосование, в результате сторонники поправок за бюджетные деньги агитируют за поправки, при этом вводят избирателей в заблуждение по существу поправок (заведомая ложь) на всех теле- и радиоканалах и прочих источниках информации. На референдуме эти вопросы урегулированы на принципах равноправия.
- Нет наблюдателей от политических партий, являющихся основными субъектами общественно-политической деятельности, общественных объединений, созданных для наблюдения за выборами и референдумами.
- Наблюдатели назначаются от Общественных палат из числа профсоюзов, творческих союзов, объединений работодателей, общественных объединений (в том числе от партий) и др., могут быть лишены статуса наблюдателя.
- Наблюдатели вправе информировать избирателей о поправках к Конституции (заниматься агитацией).
- Нет обязательного видеонаблюдения – действенного инструмента фиксации нарушений (вбросов бюллетеней, каруселей и др.) на участке для голосования.
- Введено гибридное досрочное, в том числе вне помещения для голосования (на придомовых территориях и иных местах скопления народа), практически не контролируемое голосование.
- Не установлено максимальное количество стационарных и переносных ящиков для голосования.
- Введено электронное голосование, недоступное общественному контролю.
- Задействованы в процессе по подготовке и проведению голосования контролируемые властями информационные системы – Единый портал Госуслуг, Многофункциональные центры и др.
- Итоговый протокол по голосованию не содержит строк, позволяющих выявить манипуляции с досрочным голосованием, голосованием вне помещения для голосования и голосованием по системе «Мобильный избиратель».

Нарушение процедуры принятия поправок в Конституцию – опасное придание видимости народной поддержки антиконституционным действиям властей, которые создают на будущее прецедент грубого нарушения Конституции в деятельности органов государственной власти, то есть правового произвола. Нарушение Конституции высшими органами власти грозит разрушением правовой системы в Российской Федерации.

Участие в голосовании (независимо «за» или «против») – практическое признание антиконституционной процедуры, ее легитимация.

В действиях, нарушающих Конституцию, участвовать нельзя.

ИЛЬЯ ШАБЛИНСКИЙ

*Член Московской Хельсинкской группы⁶,
доктор юридических наук*

20 мая 2021 года

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ИСТОРИЯ И ЗАКОН

Проанализируем выборы с 1989 по 2019 – последний год, когда были однодневные выборы.

В 1989 году была проведена – по инициативе Горбачева – первая реформа избирательного законодательства. Выборы стали конкурентными, и была установлена мажоритарная система.

Существуют две основные избирательные системы. Мажоритарная система – система, при которой происходит соревнование индивидуальных кандидатов, а победителем становится набравший большинство (абсолютное или относительное) голосов избирателей. Про-

⁶ 23 января 2023 года Московская Хельсинкская группа была ликвидирована решением Мосгорсуда по иску Министерства юстиции.

порциональная избирательная система – система, появившаяся в середине XX века, при которой происходит соревнование партийных избирательных списков, каждый из которых получает количество депутатских мест пропорционально числу голосов избирателей. При этом отсекаются списки, не достигшие по числу голосов установленного порога (3–5%).

То, что существовало до 1989 года, выборами считаться не могло, это была имитация, которую Александр Солженицын в работе «Как нам обустроить Россию» назвал «мартышечными» выборами. С 1989 до 1993 года у нас была пропорциональная система. Появилась конкуренция. В Верховный Совет стали избираться люди, не относящиеся к номенклатуре. Например, в Ленинграде была большая сенсация, когда Юрий Болдырев победил крупного партийного функционера. Это была система двухтуровая, в первом туре обычно никто не получал абсолютного большинства – более 50%. Оказалось, что это очень дорого. И в 1991 году внесли поправку, что побеждает тот, кто получает относительное большинство голосов.

В 1993 году было предложено формировать Думу на основе смешанной системы. Смешанная система допускает одновременное использование мажоритарной и пропорциональной системы для избрания тех или иных частей депутатского корпуса (50/50, 60/40 и т.д.). В этом году 225 депутатов избирались в Думу по мажоритарной и столько же по пропорциональной системе. Эта смешанная несвязанная система выбрана была из-за того, что она проще связанной системы, где голоса, полученные по округам, влияют на результат пропорциональной части. Так было проще работать избирательным комиссиям.

Хотя и тогда, и позже были идеи вообще отменить выборы по пропорциональной системе, потому что партия власти не набирала нужных голосов – ни Выбор России, ни НДР.

В этих выборах впервые участвовал и блок «Яблоко» (партия образовалась позже) и получил около 7,86%, что было неплохим результатом. Это были революционные выборы – соревновались партийные списки, участвовало 13 партий. Выборы проводились по указу президента, потому что они проходили после тяжелейшей политической схватки, конституционного кризиса, который закончился кровавой бойней на улицах Москвы, на Пресне и в Останкино. После этих страшных событий было издано два указа – о выборах в Госдуму и о выборах в Совет Федерации. Одновременно шла кампания, связанная с референдумом по Конституции. 12 декабря все эти выборы и референдум прошли одновременно. Были политики, как Владимир Шумейко, которые требовали установить запрет на критику проекта Конституции с санкций в виде лишения регистрации.

В этих выборах было много ограничений. Но это было все-таки соревнование. Победителем стала ЛДПР, получив 22,92%, чего никто не ожидал. На втором месте была партия власти «Выбор России» – 15,51%, КПРФ была на третьем месте с 12,4%. Конечно, были ограничения, допускались фальсификации, давления. Власть тогда была бесконтрольна. Но избирательные комиссии не получали и не выполняли установку на фальсификацию результатов. Победила партия, которая в тот момент себя с властью не ассоциировала. А оппозиционная КПРФ отстала от «Выбора России». Всего в Думу прошло 8 избирательных объединений.

Это была разнообразная и интересная Дума, власти пришлось вести политический диалог. Эта Дума приняла закон об основных гарантиях избирательных прав и прав на референдум граждан России, пришедший на смену указам. Он был тогда небольшим, тоненьким, сейчас стал толще раз в десять. «Выбору России» пришлось искать компромиссы с КПРФ и ЛДПР. Результатом компромисса стал порядок формирования Центральной избирательной комиссии (ЦИК). В ее составе 15 человек: 5 от президента, 5 от Совета Федерации и 5 от Госдумы (каждая фракция может отправлять не более одного представителя). Был принят закон о Счетной палате и другие, которые стали результатом компромисса, потому что было относительное равновесие сил.

На выборах 1995 года было 43 участника, явный перебор. Был длинный бюллетень со списком участников, с тремя фамилиями у каждого списка. Бабушки садились и размышляли над этим длинным списком. В итоге голоса расплылись, и 5%-й барьер преодолело лишь 4 партии, а 49,5% голосов было потеряно, точнее, досталось четырем победителям. «Яблоко» получило 6,89%, партия власти – «Наш дом – Россия» – 10,3%, ЛДПР – 11,18% и КПРФ – 22,3%. Такое большое количество участников говорило о том, что институциональные фильтры не работали. Система оставалась прежней: смешанная, с 5%-м барьером. В большинстве субъектов Федерации в то время действовали мажоритарные системы.

В 1999 году появилось много новшеств. Были закреплены понятия избирательного блока – объединения нескольких партий, сплотившихся перед выборами и имеющих общий список, что позволяло небольшим партиям укрупнять свой формат. Был введен избирательный залог – важнейший инструмент, позволяющий участвовать в выборах во всем мире, денежная сумма, вносимая для регистрации кандидата (списка кандидатов). Возвращается, если кандидат (список) набрал более установленного количества голосов, обычно 2–3%. Этот институт позаимствован из гражданского права. Сбор подписей кое-где еще действует наряду с избирательным залогом. Последний – способ устаревший, потому что при оценке подписей неизбежен субъективизм, пристрастность избирательных комиссий. Любую подпись можно признать недостоверной. Это известно на протяжении 50–60 лет, многие партии судились в связи с этим. Для залога важен размер, законодатели разных стран тщательно продумывают, каким он должен быть. Залог меняется в зависимости от уровня выборов: в Германии больше – на федеральном, меньше – на местном уровне. В Великобритании на выборах в Палату общин он составлял 500 фунтов (около 1000 долларов). Это не мало, но и не так много. Если ты никому не известен, пожалуйста, трать свои денюжки и получишь 0,7%. Экономные немцы, англичане, голландцы просто так своими деньгами не разбрасываются.

Институт залога стал действовать в России с 1997 года. Суммы менялись, самый большой залог был установлен для выборов президента, последний раз применялся в 2004 году. Тогда представитель партии «Патриоты России» заплатил за участие 26 миллионов рублей (сейчас это было бы 76 миллионов). А на местных выборах залогов были невелики: 50–100 тыс. рублей. На федеральном уровне – 200–300 тыс. рублей.

В 1999 году на выборах было 26 участников, включая избирательный блок «Единство» (в скобках – «Медведь», так было написано в бюллетенях), в будущем – партия «Единая Россия», состоявший из разных партий, каких – сейчас уже не важно. Блок «Единство» вступил в политическую жизнь поздно, тогда недостижимым лидером считался блок «Отечество – Вся Россия» (лидеры – Евгений Примаков и Юрий Лужков). По закону всем участникам выборов должны предоставляться равные условия для выступления в СМИ. В рамках новостных политических выпусков никому из игроков не должно оказываться преимущество. А запрета вести контрагитацию по государственным каналам не было. В октябре 1999 года на экранах «Первого канала» появился Сергей Доренко. Он не нарушал законодательства, выпуск был не новостной. В авторской программе Доренко распространял информацию, дискредитирующую Примакова и Лужкова, и должен был наращивать рейтинг «Единства». Но для этого не нужно было говорить о премьер-министре Путине и «Единстве», достаточно было говорить о военных действиях в Чечне. Молодой председатель правительства ассоциировался, прежде всего, с военными действиями в Чечне, которые, в отличие от первой войны, складывались удачно. Выяснилось, что его противники совершенно бессильны. Они писали письма в ЦИК, в прокуратуру, указывая, что нарушается закон, предпочтение отдается одной политической силе, а они стали жертвами информационной атаки. Но письма перекидывались из одного ведомства в другое. Они недооценили, что владелец «Первого канала» Борис Березовский может полностью изменить медийную ситуацию. Интернета

тогда не было. Был канал «Россия», который пытался соблюдать условия для кандидатов. Было НТВ, которое симпатизировало Примакову и Лужкову, но не могло публиковать оскорбительные материалы в адрес Путина.

Стало понятно, что честных соревнований не будет, хотя партийная полемика еще возможна, но будет доминирование. Но победителем стала КПРФ (24,29%), «Единство» – 23,32%, ОВР получила 13,32%, «Союз правых сил» – 8,51%, «Яблоко» – 5,93%, ЛДПР – 11,45%. Президентом тогда еще был Ельцин, Избирательные комиссии были в растерянности, но указаний переписывать протоколы они не получали. Конечно, нарушения были. На Кавказе комиссии лишали КПРФ (они потом проанализировали все эти нарушения) части голосов. Но в Воронежской, Костромской, Ивановской и других областях «красного пояса» комиссии, скорее, что-то добавляли – со слов членов избиркомов, которые об этом рассказывали.

В 2003 году уже не было сомнений, кто будет доминировать в избирательном пространстве. И все еще это были выборы с выраженным соревнованием.

В 2007 году победителями вышли 4 партии, «Единая Россия» получила уже 64,3%. КПРФ – 11,57%, ЛДПР – 8,14%, созданная способом слияния трех партий «Справедливая Россия» (включая партию «Родина») – 7,74%. С 2003 по 2021 года состав победителей не менялся. Такое политическое меню предлагалось избирателю в течение почти двадцати лет.

В 2011 году с огромным отрывом победила «Единая Россия».

За это время с законодательством происходят изменения: убирается положение об избирательных блоках. Уже в 2004 году выяснилось, что на региональных выборах новая партия власти терпит поражение. Не всегда, но это не единичные случаи: в Алтайском крае, на Сахалине и т. д., проигрывая блокам, созданным из региональных отделений разных партий. Поэтому к 2005 году блоки подчистили. Был скандал, но он не помог.

Стоит сказать и о выборах губернаторов, которые избирались напрямую до 2004 года, потом выборы отменили на 8 лет. В 2012 году выборы формально вернули, но ввели муниципальный фильтр – необходимость сбора подписей муниципальных депутатов для выдвижения. Это отсекало фаворитов, таких случаев десятки: например, журналиста Максима Шевченко во Владимирской области или Сергея Ищенко в Приморском крае (он сначала победил, но выборы отменили, а второй раз его не допустили). Конституционный суд не нашел нарушений Конституции при использовании муниципального фильтра. Нас просто лишили прямых выборов губернаторов.

Постоянные изменения законодательства показывают, что правящая группа искала для себя оптимальную форму. Когда для партий норма по численности была 50 тысяч, целью являлось уменьшение числа партий. В 2007 и 2011 годах была чисто пропорциональная система, потому что «Единая Россия» набирала сказочный процент. В 2007 году она была представлена на выборах в федеральном списке вообще одним человеком – Владимиром Путиным. А в 2011 году выяснилось, что партия теряет популярность и ей нужны одномандатники. Т.е. изменения законодательства объясняются политической конъюнктурой и корыстью.

Этого же касается и отмена порога явки, и голосования «против всех». В администрации президента опасаются, что совсем мало людей будет приходить на какие-то выборы, районные и региональные. Какое-то время там законодательно установлен минимум – 20%. На федеральные выборы ходят 30–40%, как минимум. Что касается графы «против всех», кому-то показалось, что если будет высокий показатель 10–15%, это будет дискредитировать сами выборы. На самом деле такого риска не было, самое большое число было

4%. Но было и больше. В Приморском крае в 2001 году перед вторым туром лишили регистрации популярного кандидата Виктора Черепкова, тогда против всех проголосовали 20%. Главное условие явки – чтобы выборы были интересными.

Что касается штрафов за неучастие в голосовании. Штраф есть в немногих странах, например, в Новой Зеландии, где консервативный и дисциплинированный избиратель, но не думаю, что это – наш путь. Нужно создавать административный механизм, чтобы взимать эти штрафы. Нужно выяснять, уважительной ли была причина неучастия в голосовании. Все будут приносить справки, что причина была уважительной.

Есть региональные особенности. В части регионов выборов фактически нет, например, в Чеченской республике. А есть Москва, где много активных подготовленных наблюдателей. Здесь труднее переписывать протоколы и мухлевать, здесь фальсификаций значительно меньше. Если протоколы переписываются в УИКах, это сразу видно, у наблюдателей есть копии протоколов.

В целом все регионы получают сверху план – цифры, которые нужно получить. Результаты корректируются по-разному в территориальных комиссиях, а не на участках. На Кавказе, в Башкортостане, Татарстане было принято выполнять политические заказы. В 1999 году, несмотря на работу Доренко, в Башкортостане и Татарстане блок ОВР победил потому, что лидеры этих республик входили в блок ОВР. Сейчас эти различия стерлись, на особом положении остались Чечня и Москва.

Еще одна проблема ограничения избирательных прав – невозможность агитации против власти, у КПРФ билборды с критикой мэра на следующий день снимают. Возможности агитации для оппозиции в целом резко ограничены.

Отказ от залога и необходимость сбора подписей привели на выборах в Мосгордуму к тому, что 29 кандидатам отказали на основании недостоверности подписей.

Еще одна проблема – вообще не регулируется политическая реклама. На крупных магистралях стоят билборды ЛДПР.

Результат, запланированный на следующих федеральных выборах группой, которая отвечает за внутреннюю политику, таков. «Единая Россия» должна получить 60–70% мест в Госдуме. Главное, не допустить регистрации всех более-менее перспективных кандидатов, таких как Николай Бондаренко (КПРФ) в Саратовской области. От Зюганова будут добиваться, чтобы он запретил ему выдвигаться. В целом стараются устранить кандидатов от КПРФ и «Яблоко» на основании формальных предлогов.

АРКАДИЙ ЛЮБАРЕВ

*Кандидат юридических наук,
член совета движения «Голос» (признанного иностранным агентом)*

20 февраля 2020 года

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВЫБОРАХ: МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

1. ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 1988–2018

Российское избирательное законодательство за тридцать лет претерпело множество изменений. Начинаясь они в 1988 году. Я выделяю шесть периодов изменений:

- 1) 1988–1992 – подстройка советского законодательства под требования конкурентности;
- 2) 1993–1995 – создание нового законодательства;

- 3) 1997–2003 – «работа над ошибками»;
- 4) 2004–2007 – контрреформа;
- 5) 2008–2011 – нанодемократизация;
- 6) 2012–2018 – новая реформа и контрреформа.

Начнем с первого периода. В СССР существовали законы о выборах, но они, как и сами выборы, носили сугубо формальный характер. Нигде не было записано, что на одно место должен претендовать один кандидат, но это было неписаное правило, которое, тем не менее, строго выполнялось.

В 1988 году принято решение, что выборы должны быть альтернативными и конкурентными. И избирательное законодательство нужно было приспособить к требованиям конкурентности. Первыми выборами, которые проходили по новому принципу, стали выборы народных депутатов СССР в 1989 году, и под эти выборы был принят в 1988 году новый Закон СССР «О выборах народных депутатов СССР».

Закон этот не очень сильно отличался от прежнего советского закона. Он был достаточно кратким. Но отмечу и важные отличия. В частности, в этом законе было записано о возможности выдвижения нескольких кандидатов на один мандат. Это имело символическое значение, поскольку запрета не было и раньше, но практика была однозначная. Избирались 750 депутатов по одномандатным территориальным округам, 750 депутатов по одномандатным национально-территориальным округам и еще 750 депутатов избирались непосредственно общественными организациями (эта форма применялась первый и последний раз и была признана недемократичной).

Выдвигать кандидатов в одномандатных округах могли трудовые коллективы, общественные организации и собрания избирателей по месту жительства. Но организовать собрание по месту жительства было трудно: требовалось, чтобы на нем присутствовало не менее 500 человек. Общественные организации проявили мало интереса к выборам в одномандатных округах, поскольку у них были свои выборы. Так что основным субъектом выдвижения были трудовые коллективы.

Поскольку законодатели боялись большого числа кандидатов, они предусмотрели в законе специальный фильтр в виде окружных предвыборных собраний, которые должны были решать, кого из выдвинутых кандидатов регистрировать. На практике в редких случаях эти собрания принимали решение регистрировать всех, а чаще всего они пропускали небольшое число кандидатов – троих, двоих, а то и одного. В результате общий уровень конкуренции оказался невысоким: в среднем 1,9 кандидатов на один мандат; в 399 округах из 1500 выборы были безальтернативными.

Следующими были выборы 1990 года народных депутатов РСФСР и местных советов (областных, городских, районных и т.п.). Для этих выборов в 1989 году были приняты Закон РСФСР «О выборах народных депутатов РСФСР» и Закон РСФСР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР». В этих законах уже не было ни выборов от общественных организаций, ни окружных предвыборных собраний. Субъекты выдвижения кандидатов были те же, что и год назад, но и общественные организации, и собрания жителей играли большую роль. Трудовому коллективу разрешалось выдвигать кандидатов только по округу, на территории которого находилось соответствующее предприятие или учреждение. В результате в спальных районах выдвигалось меньше кандидатов, чем в центральных районах и районах с промзонами. На выборах народных депутатов РСФСР конкуренция была достаточно высокой – в среднем 6,3 кандидата на мандат, а безальтернативных округов было всего 33 из 1068.

В 1991 году состоялись первые в России президентские выборы. Для этих выборов был принят Закон РСФСР «О выборах Президента РСФСР». Одновременно избирались президент Татарстана и мэры Москвы и Ленинграда. На этих выборах впервые для поддержки выдвинутых кандидатов использовался сбор подписей избирателей. Затем в том же году был принят Закон РСФСР «О выборах главы администрации» (на основании этого закона прошли выборы всего в нескольких регионах в 1991–1993 годах).

В 1992 году был внесен ряд изменений в законы 1989 года. Среди этих изменений – отказ от требования 50-процентной явки, из-за которого был признан несостоявшимся ряд выборов, особенно повторные и дополнительные.

В 1993 году произошла избирательная реформа. Она была подготовлена инициативной группой во главе с народным депутатом РСФСР В.Л. Шейнисом и первоначально реализована в виде президентских указов. Позже основные новеллы были закреплены в Федеральном законе 1994 года «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» и законах 1995 года.

Новеллы были следующие:

- смешанная несвязанная (параллельная) система на выборах в Государственную Думу (с соотношением 225:225);
- в одномандатных округах – система относительного большинства;
- единый способ поддержки выдвижения кандидатов путем сбора подписей избирателей (выдвижение допускалось общественными объединениями и группами избирателей, позже было закреплено право на самовыдвижение);
- финансирование избирательной кампании через избирательные фонды;
- доступ всех кандидатов к государственным СМИ;
- изменение формы голосования: вместо вычеркивания нежелательных кандидатов избиратель должен был ставить значок рядом с данными желательного; одновременно появилась строка «против всех»).

В 1994–1995 годах первый созыв Государственной Думы сформировал новое избирательное законодательство. Это были федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (1994), «О выборах Президента Российской Федерации» (1995) и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (1995).

В 1997–1999 годах второй созыв Думы продолжил работу над избирательным законодательством. Сначала (в 1997 году) был принят новый Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В 1999 году в него был внесен ряд важных изменений, затем были приняты новые законы о выборах Государственной Думы и Президента.

Законы эти были более подробны, чем законы 1994–1995 годов, в них была попытка устранить пробелы, которые использовались для злоупотребления административным ресурсом. В целом избирательное законодательство в тот период демократизировалось, чему способствовали два обстоятельства. Во-первых, оппозиционный состав Государственной Думы, где наиболее активно борьбой за улучшение законов о выборах занимались фракции КПРФ и «Яблоко», страдавшие от административного ресурса. Во-вторых, противостояние федерального центра и региональных руководителей. Поскольку именно региональные и местные руководители активно применяли административный ресурс, федеральный центр в тот период был заинтересован в его ослаблении. Не случайно главное

сопротивление реформированию избирательного законодательства в этот период оказывал Совет Федерации.

Однако в этот период начали проявляться и негативные факторы. Бюрократия навязала законодателям в качестве приоритета борьбу с «грязными технологиями» и проникновением криминалитета во власть. Это особенно сильно проявилось в Федеральном законе от 30 марта 1999 года – о внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В результате были сильно расширены возможности для снятия кандидатов, и этими возможностями в регионах стали активно пользоваться, устраняя соперников административных кандидатов.

В 2000–2003 годах с приходом к власти В.В. Путина произошла политическая реформа, одной из составных частей которой стали появление закона о политических партиях и реформирование избирательного законодательства. Одна из задач состояла в повышении роли политических партий, она была сформулирована в докладе ЦИК России в октябре 2000 года.

В 2001 году был принят Федеральный закон «О политических партиях», а в 2002 году – новый Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В них был сделан ряд шагов по «партизации» выборов. Эти нормы вступили в силу в 2003 году.

Во-первых, партии стали единственным коллективным участником федеральных и региональных выборов. На муниципальных выборах допускалось выдвижение непартийными общественными объединениями. Группы избирателей были исключены из числа субъектов выдвижения, но право на самовыдвижение сохранилось.

Во-вторых, допускались только федеральные политические партии, возможность создания региональных и межрегиональных партий была исключена. При этом от партий требовалась численность не менее 10 тыс. членов.

В-третьих, на выборах региональных парламентов не менее половины мандатов должно было замещаться по партийным спискам. В результате в регионах стала применяться смешанная несвязанная система, аналогичная выборам в Государственную Думу (соотношение мажоритарной и пропорциональной частей чаще всего было равным или почти равным).

Одновременно в избирательное законодательство был внесен еще ряд изменений. Был изменен порядок формирования избирательных комиссий: окружные, территориальные и участковые комиссии стали формироваться вышестоящими комиссиями; в избирательные комиссии субъектов РФ и муниципальных образований нужно было включать выдвиженцев вышестоящих комиссий. Кроме того, председатели окружных, территориальных и участковых комиссий стали не избираться самой комиссией, а назначаться вышестоящей комиссией. Говорилось о создании тем самым «вертикали» избирательных комиссий, но фактически в каждом регионе появилась своя «вертикаль», зависимая от региональной власти, а влияние ЦИК на комиссии осталось весьма слабым.

Был принят ряд мер, направленных против снятия кандидатов. Отмена регистрации стала возможной лишь судом. Был сокращен и сделан закрытым перечень оснований для отказа в регистрации, ограничены сроки снятия и субъекты подачи иска. Но все эти меры уже не смогли остановить поток снятий неугодных властям кандидатов.

Возможность регистрироваться на основании избирательного залога факультативно была введена еще в 1999 году, но с 2002 года такая возможность появилась на всех выборах, кроме президентских.

Кроме того, было предусмотрено размещение в Интернете данных об итогах голосования. ЦИК сделала достаточно удобный сервис, позволивший гражданам, политикам и экспертам получать данные об итогах голосования и анализировать их.

Председатель ЦИК России А.А. Вешняков в этот период заявлял, что в избирательное законодательство вносятся последние серьезные изменения, после чего оно станет стабильным. Но в 2004 году началась контрреформа, и за последующие несколько лет были внесены изменения более серьезные, чем за предыдущее десятилетие.

В конце 2004 года резко (с 10 до 50 тыс.) повысилось требование к численности политической партии, причем на выполнение данного требования был отведен всего год. В результате число партий к 2007 году сократилось с 46 до 15, а в течение следующих двух лет – до семи. Также в конце 2004 года были отменены прямые выборы глав регионов.

В 2005 году был принят новый закон о выборах в Государственную Думу, который предусматривал переход на полностью пропорциональную систему. По примеру Госдумы и в нескольких регионах перешли на полностью пропорциональную систему, эту же систему, вместе со смешанной несвязанной, начали с 2005 года активно продвигать на муниципальных выборах.

Кроме того, на выборах в Госдуму заградительный барьер был повышен с 5 до 7%. Для региональных выборов величина барьера была ограничена 7%. Но в это время барьер выше 7% имели лишь несколько регионов, а в большинстве барьер составлял 5%. И по примеру Госдумы подавляющее большинство регионов вскоре подняло барьер до 7%.

В том же 2005 году было внесено большое число изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...». В частности, были отменены избирательные блоки, а также право непартийных общественных объединений направлять наблюдателей на избирательные участки. Были ужесточены правила регистрации кандидатов и партийных списков (ранее, с 2004 года, парламентские партии были освобождены от сбора подписей и внесения залога, и теперь они стали усложнять регистрацию для своих конкурентов). Были введены два единых в году дня голосования. Сняты все ограничения на использование технологии «паровозов».

В 2006 году в закон был внесен еще ряд изменений. Сначала отменена возможность голосовать «против всех», а затем и порог явки. Были приняты первые, не предусмотренные Конституцией РФ, ограничения пассивного избирательного права – в связи с судимостью и наличием иностранного гражданства или вида на жительство за рубежом.

Изменения 2008–2011 годов (в период президентства Д.А. Медведева) не имели единого вектора. С одной стороны, продолжилась тенденция предыдущих лет по снижению уровня конкуренции на выборах. Так, была отменена возможность регистрироваться на основании избирательного залога, а непартийным общественным объединениям было запрещено выдвигать списки на муниципальных выборах (право выдвигать кандидатов им оставили).

С другой стороны, были сделаны некоторые шаги в сторону демократизации, но настолько мелкие, что их стали называть нанодемократизацией. Так, требования к численности партий поэтапно снизили с 50 до 40 тыс. человек, что никакого эффекта не имело. Вместо снижения заградительного барьера была введена норма о предоставлении партиям, получившим между 5 и 7%, одного или двух мандатов. Лишь в конце 2011 года было решено снизить барьер на выборах в Государственную Думу до 5%, но это снижение не касалось уже шедшей кампании 2011 года.

Было отменено досрочное голосование на муниципальных выборах (на федеральных и региональных это произошло раньше) и уточнен порядок голосования по открепительным

удостоверениям. В 2011 году было принято требование избирать по партийным спискам не менее половины депутатов в крупных муниципальных образованиях.

После выборов в Государственную Думу 2011 года была объявлена новая политическая реформа. Она выглядела как ответ на резко поднявшееся в декабре 2011 года протестное движение. Но причины его, скорее всего, были в низком результате «Единой России» на этих выборах. Руководители политического блока президентской администрации осознали, что контрреформы предыдущих лет ударили рикошетом по ним. Снижение числа партий позволило консолидировать протестное голосование вокруг немногих оставшихся партий, а назначенные губернаторы, не прошедшие через выборы, не умели обеспечивать нужный результат. Сказались и некоторые другие события, в частности, решение Европейского суда по правам человека о незаконности ликвидации Республиканской партии России.

Основными шагами реформы в 2012 году стали возвращение губернаторских выборов и резкое снижение требований к численности партий. Однако губернаторские выборы были возвращены в искаженном виде. От кандидатов стали требовать преодоления муниципального фильтра, то есть собрать подписи муниципальных депутатов. При этом параметры фильтра были выбраны с таким расчетом, чтобы его невозможно было преодолеть без одобрения региональной администрации. Кроме того, регионам было разрешено не допускать возможности самовыдвижения, и в большинстве регионов самовыдвижения нет. Там же, где самовыдвижение разрешается, от самовыдвиженцев требуется преодолеть двойной фильтр – муниципальный плюс подписи избирателей. Таким образом, на этих выборах фактически сразу была в основном убита конкуренция, лишь в отдельных регионах и в условиях подъема протестных настроений конкурентность проявлялась.

Требование к численности партий оказалось сниженным сразу в 80 раз – с 40 тыс. до 500. Одновременно все партии были освобождены от сбора подписей избирателей на всех выборах, кроме муниципальных. Это привело к взрывному росту числа партий. К 2015 году оно достигло 75, и в региональных и муниципальных выборах 2013 года принимали участие до 24 списков.

В 2014 году был принят новый закон о выборах в Государственную Думу, вернувший смешанную несвязанную систему. Одновременно вернулось требование сбора подписей для большинства партий. Правда, в отличие от периода 2004–2011 годов, льготу имели не только парламентские партии, но и партии, успешно выступившие на региональных или муниципальных выборах. Для выборов в Госдуму число партий-льготников достигло 14, но на региональных и муниципальных выборах число льготников практически везде было меньше.

При этом доля требуемых подписей в одномандатных округах на выборах в Госдуму и региональных выборах была поднята до 3% (в 1995–2011 годах эта доля на выборах в Госдуму составляла 1%, а на региональных выборах не более 2%; в 2012–2013 годах она составляла 0,5% и касалась только самовыдвиженцев).

Параллельно принимались нормы, содержащие различные дополнительные ограничения. Уже в 2012 году были введены новые ограничения пассивного избирательного права, связанные с судимостью. В 2014 году их пришлось корректировать из-за решения Конституционного Суда, но в основном они остались. Кроме того, от кандидатов стали требовать закрытия счетов в зарубежных банках, что осложнило участие в выборах представителей бизнеса.

С 2013 года все основные выборы были перенесены на новый единый день голосования в сентябре, что усилило тенденцию по снижению активности избирателей. В конце 2013 года обязательная доля списочных мандатов на региональных выборах (кроме городов

федерального значения) была снижена с 50 до 25%, а в городах федерального значения и на муниципальных выборах требование обязательной списочной составляющей было совсем отменено. Этим сразу же воспользовались в Москве и во многих муниципалитетах, вернувшись к мажоритарной системе. Снижение доли списочной составляющей в регионах началось позже – в 2019 году.

Наконец, в начале 2016 года появился ряд ограничений на назначение наблюдателей и на присутствие на избирательных участках представителей СМИ.

В 2016 году во главе ЦИК оказалась Э.А. Памфилова, которая поставила в качестве одной из целей демократизацию избирательного законодательства. Однако реальной демократизации не произошло. На практике удалось лишь улучшить ситуацию с взаимодействием избирательных комиссий с наблюдателями, в частности, было сведено почти к нулю удаление наблюдателей. Были восстановлены видеочамеры на избирательных участках (появились впервые на президентских выборах 2012 года, но быстро исчезли) и введены такие же камеры в территориальных комиссиях.

Однако не удалось скорректировать муниципальный фильтр, сдвинуть на более поздний срок день голосования и отменить ограничения на назначения наблюдателей. Было введено направление наблюдателей общественными палатами, но эта новелла не улучшила качество наблюдения, а лишь способствовала его имитации.

Главной реформой Памфиловой стала замена открепительных удостоверений на голосование по месту нахождения на основании предварительно поданных заявлений. Это нововведение способствовало участию в выборах избирателей, фактически проживающих далеко от официального места регистрации. Однако оно же усилило принуждение граждан к участию в голосовании работодателями, зависящими от администрации.

Итак, мы видим, что избирательное законодательство в последние 15 лет правилось часто и в основном – конъюнктурно. В результате оно стало и бессистемным, и антидемократическим, нацеленным на несменяемость власти.

2. ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Первой попыткой создания единого российского избирательного законодательства стал пакет проектов, подготовленных в 1992 году в Верховном Совете РФ под руководством депутата В.А. Балалы. Он был раскритикован как сырой, но больше над ним не работали.

В 1994 году в Государственную Думу был внесен проект Избирательного кодекса РФ, подготовленный фракцией «Яблоко» под руководством депутата В.Л. Шейниса. Проект был отклонен, но многие его положения были затем включены в законы о выборах Президента и Государственной Думы. При этом в постановлении Государственной Думы от 23 ноября 1994 года разработка Избирательного кодекса была признана целесообразной.

В 2000 году в докладе ЦИК России было сказано, что после 2004 года можно будет решить вопрос о кодификации избирательного законодательства. И в 2004 году в план Научно-методического совета при ЦИК включили пункт о разработке концепции Избирательного кодекса. Но дальше этого дело не пошло.

В 2008 году за разработку проекта Избирательного кодекса РФ взялась Ассоциация «ГОЛОС» (позже объявленная за это «иностранным агентом»). Проект разрабатывался при активном участии общественности. Каждый раздел обсуждался на круглых столах в Москве и Санкт-Петербурге. В 2010 году промежуточная версия проекта обсуждалась на круглых столах в десятках регионов. Прошла также конференция в Институте современного развития (ИНСОР).

Окончательная версия проекта была издана в феврале 2011 года в виде книги с моими подробными комментариями. Она также размещена в Интернете (<http://kodeks.golosinfo.org>), и там же размещены промежуточные версии и другие материалы.

Кодекс призван заменить все существующие законы о выборах. Он направлен на демократизацию российских выборов и защиту избирательных прав граждан. Мы старались основываться на российской Конституции 1993 года и международных избирательных стандартах и при этом стремились сделать закон более понятным и удобным в применении, чем действующее избирательное законодательство.

Основными нашими подходами при подготовке проекта стали: приверженность Конституции 1993 года, сохранение основных принципов и подходов действующего законодательства (добровольность участия в выборах, система избирательных комиссий, ведущая роль политических партий и т.п.), комплексность, гибкость и поиск «золотой середины».

Наиболее серьезные содержательные изменения мы внесли в положения об избирательных системах (их мы специально выделили в отдельную главу, чего ранее не было), о выдвижении и регистрации кандидатов, о формировании избирательных комиссий, о голосовании и подсчете голосов.

В течение 2011 года мы пропагандировали наш проект, обращали на него внимание разных политических сил. И в феврале 2012 года наш проект (с небольшими правками) был внесен в Государственную Думу пятью депутатами из фракции «Справедливая Россия» (включая лидера фракции С.М. Миронова, который в это время баллотировался в Президенты РФ). Однако в апреле 2012 года проект был возвращен без рассмотрения из-за отсутствия заключения Правительства РФ – Совет Думы счел, что принятие проекта потребует увеличения бюджетных расходов. Позже заключение Правительства было получено, оно было отрицательным и не очень квалифицированным, но справедливороссы уже потеряли к проекту интерес и больше не пытались его вносить.

В 2018 году Э.А. Памфилова и С.В. Кириенко заинтересовались нашей идеей Избирательного кодекса. Но вместо того чтобы продолжить нашу работу, Российский фонд свободных выборов на деньги, выделенные Газпромом, заказал совершенно новый проект факультету политологии МГУ. Предполагалось, что этот проект в ходе подготовки будет широко обсуждаться. Но довольно формальные обсуждения прошли на начальном этапе, а основные детали широко не обсуждались.

Проект был подготовлен в течение года силами двух факультетов МГУ (политологии и юридического) и в 2019 году размещен в Интернете. В его основном тексте изменения касались только формы, а содержание осталось практически неизменным. Однако был подготовлен еще дополнительный текст, предлагавший ряд изменений по содержанию, часть из них мы оцениваем позитивно, а часть – негативно. Однако проект имел очень слабый резонанс и прошел почти не замеченным. Никакого дальнейшего обсуждения и попыток его продвижения не осуществлялось.

3. «ИДЕАЛЬНОЕ» ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Нам хочется создать «идеальное» избирательное законодательство. Но что значит «идеальное»? Мы в это понятие вкладываем в первую очередь то, что оно не должно служить интересам власти или какой-либо партии, а защищать права избирателей и способствовать демократическому развитию страны.

В то же время мы не пытаемся создать законодательство, рассчитанное на «идеальных» людей и «идеальное» общество. Мы понимаем, что у власти всегда есть соблазн злоупотребить административным ресурсом. Да и другие участники выборов готовы нарушать закон в свою пользу, если это можно сделать безнаказанно. Кроме того, мы понимаем, что избиратели не готовы тратить слишком много времени, чтобы детально разобраться в политических программах кандидатов и партий.

Ситуации, в которых действует избирательное законодательство, можно разделить на три типа. В первом случае власть открыто нарушает закон, пользуясь тем, что суды и другие органы, призванные защищать закон, слиты с правящей группировкой. Это ситуация, близкая к тому, что есть сейчас. И в такой ситуации улучшать законы бесполезно: они все равно будут нарушаться.

Противоположная ситуация: все законопослушны. Никто не пытается нарушать закон. Суд действует на основании закона и принципов справедливости. Для такой ситуации законы могут быть достаточно краткими. Но нашей стране до такого «идеального» состояния еще очень далеко.

Поэтому мы хотим создать законодательство для промежуточной ситуации. Ее можно образно охарактеризовать словами царя из сказки Леонида Филатова: «Действуй строго по закону, то бишь, действуй... втихаря». Правда, вместо «то бишь» чаще нужно использовать союз «или».

Суть в том, что участники выборов (и чаще всего – власть, у которой для этого больше возможностей) либо используют для злоупотреблений лазейки в законе, либо нарушают закон так, что их нельзя поймать за руку. И потому перед законодателями, которые хотят создать «идеальное» (в нашем понимании) законодательство, стоят две основные задачи. Во-первых, нужно, чтобы в законе не было лазеек для злоупотреблений. Во-вторых, нужно, чтобы все процедуры были прозрачны, чтобы нельзя было что-либо сделать «втихаря». Это касается практически всех стадий процесса, в частности, процедур регистрации кандидатов и процедур подсчета голосов.

4. ЧЕГО МОЖНО И НУЖНО ДОБИВАТЬСЯ В НЫНЕШНИХ УСЛОВИЯХ

Все предложения в избирательное законодательство, которые мы делаем, можно разделить на три группы – срочные, среднесрочные и на перспективу. Последние – это и есть проект Избирательного кодекса, то есть проект комплексного реформирования избира-

тельного законодательства. Среднесрочными можно считать предложения, основанные на идеях Избирательного кодекса, но реализующие их частично.

Срочные изменения – это то, что можно и нужно принять в самое ближайшее время, чтобы хоть как-то изменить ситуацию с российскими выборами. Но говорить о срочных изменениях довольно трудно. Тут, выбирая предложения, приходится использовать два критерия: 1) что наиболее важно, 2) что наиболее проходимо. Но парадокс в том, что чем важнее изменение, тем оно менее проходимо.

Все же наш опыт говорит о следующем. В ближайшей перспективе трудно, а иногда и бессмысленно бороться за существенные изменения институтов и процедур. Это имеет смысл делать только тогда, когда и законодатель готов принять все наши предложения в комплексе, и правоприменители готовы им следовать. Иначе все будет искажено. Примером может служить голосование по месту нахождения, которое появилось по нашей инициативе, но было реализовано в искаженном виде.

Поэтому предложения должны быть конкретными. И лучше всего бороться за предложения, выраженные в числах. Например, изменение требуемой доли подписей, изменение допустимой доли брака в подписных листах и т.п. Если они будут реализованы, то будет вполне конкретная польза.

5. КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТОВ

Один из главных дефектов российских выборов – подавление конкуренции с помощью системы регистрации кандидатов и партийных списков, то есть большие возможности для отказов в регистрации и отмены регистрации. Здесь требуется комплекс мер, поскольку законодательных ограничений и препятствий довольно много. Я выделяю следующие проблемы:

- льготы отдельным партиям;
- муниципальный фильтр на губернаторских выборах;
- регистрация по подписям избирателей;
- отказы из-за недостатков в документах;
- дополнительные основания отказов для партийных списков.

О муниципальном фильтре довольно много сказано. Я не знаю ни одного серьезного независимого эксперта, который бы его поддерживал в нынешнем виде. И от него, конечно, правильнее было бы совсем отказаться. Но его нужно чем-то заменить. И если заменять его на сбор подписей избирателей, то без реформы этого института такая замена будет мало полезной.

Система регистрации на основании подписей избирателей сегодня дошла до такого состояния, что отказать в регистрации можно любому неугоднему кандидату. Во-первых, допустимая доля брака (недействительные и недостоверные подписи) крайне низка – 5% на федеральных выборах и 10% на региональных и муниципальных ⁷. А брак в условиях

⁷ Уже после того как эта лекция была прочитана, допустимая доля брака на региональных и муниципальных выборах снизилась до 5%.

предвыборного цейтнота неизбежен. На тех муниципальных выборах, где нужно собрать всего пару десятков подписей, ситуация не такая критичная, но там, где число подписей составляет несколько сотен или тысяч, немалая доля брака неизбежна, особенно когда против кандидатов осуществляются сознательные провокации.

Во-вторых, закон предусматривает более 20 оснований для признания подписи избирателя недействительной. Часть из них вполне разумна, но некоторые явно придуманы с целью повысить возможности для произвола. Например, не собственноручное проставление избирателем даты.

В-третьих, подпись может быть признана недействительной или недостоверной экспертом-почерковедом, от которого, как показала практика, не требуется никакого обоснования его «заключения».

Отдельной проблемой является возможность отказа в регистрации из-за недостатков в представляемых кандидатами документах. От кандидатов требуется предоставить большое число документов, и к их оформлению предъявляются жесткие требования. В результате часто кандидатам отказывают в регистрации из-за недостатков в представленных документах. На этом же основании кандидаты могут исключаться из партийных списков. При этом практика такова: обычно избирательные комиссии не очень внимательно проверяют документы у кандидатов, иначе им пришлось бы отказывать большей части. Однако документы нежелательных кандидатов проверяются более тщательно, чтобы найти основания для отказа. Или, что бывает довольно часто, уже после регистрации в их документах находят недостатки, после чего их регистрация отменяется судом.

Основные предложения, которые мы подготовили, заключаются в следующем. Первое наше предложение – это возвращение избирательного залога. Я полагаю, что без возвращения залога мы не сможем решить проблему восстановления конкуренции на выборах. А с введением залога значительная часть проблем будет решена. Даже если останутся в неизменном виде муниципальный фильтр и регистрация по подписям (чего не хотелось бы), у оппозиционных кандидатов будет возможность регистрироваться по залогу.

Муниципальный фильтр, конечно, лучше всего отменить. Но если власть так уперлась и не хочет его отменять, лучше не биться об эту стену, а искать другие пути. Залог, о котором я только что говорил, – это один путь. А другой путь – существенно смягчить все параметры фильтра. Не только процент, который завышен в несколько раз, но и требования охвата $\frac{3}{4}$ районов и городских округов, а также запрет на поддержку нескольких кандидатов. Конечно, и в таком виде фильтр не будет работать хорошо, но можно надеяться, что он будет работать сносно.

По подписям избирателей нужно много изменений. Это, конечно, снижение доли подписей. 3% – явно чрезмерно. Венецианская комиссия рекомендует не более 1%. Думаю, что для России, где сбор подписей усложнен, нужно еще меньше – 0,5%. Но это для традиционного сбора подписей.

Для больших округов мы предлагаем изменить порядок сбора, введя два новых механизма – сбор подписей в выделенных местах под наблюдением избирательных комиссий и сбор подписей через электронные сервисы⁸. Лучше всего использовать оба механизма параллельно. Но при этом число собираемых подписей нужно уменьшить еще раз в 5 или 10.

Нужно изменить правила проверки и выбраковки подписей. Увеличить допустимую долю брака (до 20%), сократить перечень оснований для признания подписи недействи-

⁸ Возможность сбора подписей через портал Госуслуг вскоре была введена, но в таком ограниченном виде, что не сыграла никакой роли.

тельной (не должно быть, в частности, проставления даты не той рукой). И закон не должен допускать возможность произвола со стороны почерковедов и других сотрудников МВД.

Наконец, нужно изменить правила, которые позволяют снимать кандидата за незначительные и устранимые нарушения в представленных им документах.

И последний вопрос: как добиваться всех этих изменений? В 2019 году большое количество москвичей вышло с протестами после того, как их кандидаты получили отказы в регистрации. Но ведь все возможности для отказов были заложены в законе, и это было заранее известно.

Может быть, правильнее действовать не столько реактивно, сколько проактивно? Требовать заранее необходимых изменений законодательства. Начинать гражданскую кампанию за демократизацию избирательного законодательства.

АЛЕКСАНДР СУНГУРОВ

*Профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
доктор политических наук*

12 марта 2021 года

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В рамках Центра «Стратегия» мы с 1990-х годов занимались развитием института уполномоченного по правам человека. Сейчас я – председатель Комитета по правам человека Международной ассоциации политической науки и обсуждаю эту тему со своими коллегами из России и других стран. Я связан и с правозащитным движением, в клубе по правам человека при Московской Хельсинской группе⁹ мы читаем лекции по этой теме.

Законченной концепции прав человека не существует. Британская энциклопедия (1998 г.) так определяет права человека: это права, принадлежащие индивиду вследствие того, что он является человеком. Они соотносятся с континуумом ценностей и в некотором смысле присущи всем человеческим существам. Российский юридический словарь примерно того же года дает такое определение: права человека – понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, политической и культурной сферах. Права человека носят естественный и не-

⁹ 23 января 2023 года Московская Хельсинкская группа была ликвидирована решением Мосгорсуда по иску Министерства юстиции.

отчуждаемый характер. Свободное и эффективное осуществление прав человека – один из основных признаков гражданского общества и правового государства.

Существует пять разных подходов к правам человека:

– как синоним свободы (при этом свобода бывает например, от насилия, и свобода для того, что ты хочешь делать, когда будешь свободным. В русском языке есть синоним слова «свобода» – воля);

– как отражение достоинства личности (достоинство дано человеку в равной степени, можно ли говорить о достойной и недостойной жизни, о чем говорит церковь, или – достоинством обладают все люди, независимо от того, что они делают – насильники, наркоманы, те, кто ничего не делает и живет на шее своих родственников);

– как притязание на обладание определенными возможностями (насколько оправданы эти притязания, чего я хочу, имею ли я на это право, для большинства людей отсутствие прав означает, что их надежды нарушены);

– как характеристика отношения личность – государство (человек – слуга государства, или государство должно обеспечить ему достойную жизнь, здесь и вопрос о справедливости судов);

– как инструмент ограничения власти (это вектор изменения власти, чтобы она была более очеловеченной).

Права человека тесно связаны с понятием свободы. Оно отражает как само достоинство человеческой личности, так и притязание на возможности, позволяющие сделать жизнь личности достойной. Права человека являются одновременно и характеристикой отношения человек – государство и инструментом ограничения власти правительства (государства) над человеком.

Джек Донелли, один из классиков этого научного направления, писал: требования соблюдения прав человека сущностно экстралегальны (т.е. выходят за требования правового поля), их требование – поставить под сомнение или изменить существующие институты, практики и нормы, особенно – правовые институты.

Существует три подхода к понятию «права человека»:

– либеральный;

– социал-демократический;

– государственный (этатистский).

Либеральный подход рассматривает права человека как нечто исходно наличествующее, присущее ему от рождения, как свойство, данное ему природой (Богом). Поэтому никакая власть и государство не вправе на них посягать.

Социал-демократический подход рассматривает права человека как результат гласного или негласного общественного договора. Изменения этого договора могут привести к изменению сути обсуждаемого концепта. Пример. В рамках центра «Стратегия» у нас был семинар по работе Европейского суда, и европейский эксперт рассказывал, как трактуется европейская конвенция по правам человека. Пришла жалоба на нарушение 2-й статьи Конвенции: права на жизнь. В Варшаве человеку стало плохо с сердцем, вызывают скорую, но она приезжает через час, человек умирает. Родственники умершего подают жалобу в Страсбург на нарушение Ст. 2. Он сказал, что еще недавно, в 1990-ые годы, эту жалобу точно бы не приняли (пробки, бензина не было). Но сейчас, сказал он, мы ее приняли, потому что государство должно обеспечить приезд скорой вовремя. Т.е. отношение к правам человека меняется в течение нескольких лет.

Государственнический или этатистский подход – это те права, которые человеку предоставляет государство в лице суверенного монарха или избранного народом парламента. Соответственно, тот, кто эти права дал, может их и забрать.

Гаагские мирные конференции прошли по инициативе Николая II в 1899 и 1907 в Гааге. Их целью было ограничение роста вооружений и мирный способ разрешения международных конфликтов. В них участвовали 26 стран Европы, Азии и Америки.

В 1919 году была создана Лига наций, которая прекратила работу в 1939 году. А формально была распущена в 1946 году. Одним из инициаторов ее создания был Вудро Вильсон, но США в нее не вошли. СССР пригласили, но исключили после Финской войны. Лига наций традиционно не вмешивалась в дела суверенных государств и не смогла предотвратить приход к власти нацистов. Следование нерушимым принципам суверенитета и невмешательства не позволило предотвратить Вторую мировую войну и преступления нацистов, в том числе – против собственного народа. На «законных основаниях» были уничтожены миллионы евреев, полмиллиона цыган, сотни тысяч несогласных с нацистским режимом.

Этот урок был выучен. В основах новой международной организации было положение о правах человека. В преамбуле Устава ООН (26.06.1948) было зафиксировано:

МЫ, НАРОДЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

- преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принеших человечеству невыразимое горе
- вновь утвердить веру в основные права человека и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и равенство больших и малых наций
- и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обстоятельствам, вытекающим из договоров и других источников международного права.

Еще ранее был вынесен приговор нацистской Германии на Нюрнбергском процессе. В его основу было положено понятие «естественных прав человека», нарушать которые не дано право никакому государству и государственным структурам. Нюрнбергский трибунал стал одним из творцов международного права. Его приговор положил основу Декларации прав человека. Понятия права человека, геноцида возникали при подготовке приговора Трибунала. Существовали серьезные возражения в связи с проведением процесса, потому что не были сформулированы те нормы, которые нарушали нацисты. Раньше не было понятия «преступление против человечности». Черчилль даже предлагал расстрел любого нацистского генерала без суда. А Сталин выступал за то, чтобы был Нюрнбергский процесс. Как пишут, потому что он видел большой пропагандистский эффект от процессов 1937 года в Москве. Но применение этих понятий до их принятия ставит вопрос о легальности Нюрнбергского процесса, хотя с точки зрения легитимности он абсолютно законен. Это можно сравнить с событиями 1993 года: абсолютно легальным был Хасбулатов, но есть вопросы к его легитимности.

Когда сейчас кто-то говорит, что нужно отменить права человека, я говорю, что тогда надо отменить и результаты Нюрнбергского процесса.

Как концепция прав человека соотносится с концепцией права, идеологий и международных отношений. Право должно быть отражением соотношения дозволенного и недозволенного. Есть две концепции права. Одна – это совокупность законов в данной стране (позитивистская). В рамках этой концепции невозможно говорить об универсальных правах человека. Если законы меняются, меняются и права. Например, нельзя просвещать граждан без разрешения начальства, Дума проголосовала – и это право исчезло. Такая концепция не со зла. Когда происходило становление общественных наук в XVIII–XIX веке, их стара-

лись сделать такими же точными, как естественные. Огюст Конт, развивая социологию как науку об объективном знании, считал, что мы отбрасываем метафизику, а наше дело – изучать реальную жизнь. Такой герой выведен в русской литературе, это Базаров у Тургенева. Только в начале XX века Павел Новгородцев, правовед, историк и философ, который отдал дань позитивизму, написал перед революцией, что без понимания естественных прав мы ничего не найдем.

В Советском Союзе тоже господствовала позитивистская концепция, как сказал прокурор СССР Андрей Вышинский, это – воля господствующего класса, выраженная в форме закона. А волю господствующего класса выражает Политбюро во главе с товарищем Сталиным. В голове юристов это по-прежнему осталось, с чем бороться очень сложно.

Вторая: естественного права, рожденного естественным ходом вещей, совокупности прав и ценностей, продиктованных самой природой человека, и в силу этого не зависящих от признания или непризнания в том или ином государстве. Эти концепции, родившись больше 2000 лет назад, существовали параллельно.

Наличие норм естественного права не отрицает наличие норм позитивного права, источником которого является воля суверена, получившего право законодательствовать в результате естественного договора. Естественное право не столько критерий права позитивного (что актуально в период революций и кардинальных реформ), но выступает в единстве с ним.

Нормы естественного права чаще всего отождествляются с нормами частного права, естественно рождающимися во взаимоотношениях с людьми как с частными лицами. Нормы естественного и позитивного права выступают как рационально-этические принципы, следовать которым есть веление правового разума. Позитивное право получает морально-рациональную легитимацию.

Права человека – часть концепции либерализма. Если рассматривать историю современности как процесс освобождения человека, то свобода становится критерием изменений. Именно либерализм является идеологией свободы, а не бунта. Принцип свободы как естественных прав человека впервые был зафиксирован в Декларации независимости США.

Есть несколько т. н. поколений прав человека. Первое поколение прав человека – это личные, гражданские и политические права. Те самые, которые появились исходно, о которых писали классики либерализма конца XVIII века. Второе – социально-экономические права, которые возникли в начале XX века на основе опыта СССР, о них стали говорить в 1950–60-х годах XX века. Третье поколение – коллективные права, о них говорят с 1970–80-х годов XX века. Затем появились четвертое и последующие поколения.

Исторически концепция прав человека определяла, прежде всего, границы вмешательства государства в личную жизнь человека – право на жизнь, свободу, собственность, справедливый суд. Это «негативные» права, то, что нельзя делать против меня насильно. А также гражданские права – право избирать и быть избранным, право на свободу средств массовой информации, все то, что обеспечивает демократический характер политического режима, дающего гарантию на соблюдение личных прав. Это – первое поколение прав человека. Их еще называют абсолютными правами.

1. Личные права и свободы:

- на жизнь и свободу;
- на неприкосновенность личности;

- на тайну личной жизни;
- на защиту чести;
- на свободу передвижения и места жительства;
- на свободу совести (верить во что-то конкретное или не верить ни во что);
- на свободу мнений.

2. Права, которые обеспечивают условия их реализации:

- свобода слова и право на информацию;
- избирательные права;
- свобода ассоциаций;
- свобода митингов и демонстраций;
- свобода обращений.

Дальше – уже спорно, потому что сюда относят и часть экономических прав.

3. Экономические права:

- право частной собственности (как условие соблюдения других прав).

Следующие параметры – скорее, лозунги либертаристов (либертарианцев?), возможность тройственного соглашения между правительством, предпринимателями и профсоюзами и свобода контрактов при выполнении этих соглашений:

- свобода предпринимательства;
- свобода распоряжаться своей рабочей силой;
- свобода контракта.

Пример. Второй день путча, у Гостиного двора человек стоит с плакатом «Свободная Россия без власти коммунистов». Этот человек вышел с очевидным риском для себя. Для меня это знак борьбы за собственное достоинство.

Второе поколение прав человека – конец XIX – первая половина XX века. Они основаны на позитивной концепции свободы, предполагающей реальную возможность осуществить свою волю наряду с другими людьми. На государство и других агентов накладывается обязательство обеспечить материальные условия для обеспечения некоторых экономических, социальных и культурных прав. Отсюда подразумевается аккумуляция ресурсов и дистрибутивная справедливость. Кто это определяет? Каким законом?

Это еще называют правом на достойную жизнь или относительными правами. К ним относятся:

Экономические права:

- право на труд,
- на справедливые и благоприятные условия труда,
- на защиту от безработицы,
- на отдых и др.

Социальные и культурные права:

- на охрану здоровья,

- на социальное обеспечение,
- на образование,
- на жилище,
- на доступ к культурным ценностям и др.

Очень многие из этих прав записаны в нашей Конституции, но не всегда реализуются. Для большинства наших граждан именно эти права первичны.

Третье поколение прав человека (конец XX века) называют правами солидарности.

Ими индивиды обладают коллективно, в силу принадлежности к определенной социальной группе или – коллективные права, которые могут осуществляться общностью, нацией, коллективом.

Это – права народов:

- на существование,
- на развитие,
- на суверенитет над своими природными ресурсами,
- на благоприятную окружающую среду,
- на равноправие с другими народами,
- на развитие и т.д.

На одной из конференций ООН была принята резолюция о необходимости репараций народам Африки, которые были угнетены колониализмом (около трех триллионов). Но работорговля была бы невозможна без содействия африканских вождей.

Вторая часть – это права маргинальных групп, хотя некоторые из них совсем не маргинальные:

- тех, которые в силу физиологических или социальных причин не имеют равной с остальными возможности в осуществлении прав и свобод,
- детей,
- женщин,
- молодежи,
- престарелых,
- инвалидов,
- беженцев,
- представителей расовых и национальных меньшинств и др., включая гендерные (квир-сообщества).

С третьим поколением прав существуют проблемы. Кто является субъектом прав человека: исключительно индивиды или индивиды и группы, могут ли права народов рассматриваться по аналогии с правами индивида? Являются ли права человека универсальными или культурно-особенными, отражающими специфический опыт западных стран? Должны ли в вопросах прав человека учитываться особенности конкретных стран и групп? Правомерна ли «позитивная дискриминация»?

Многие правозащитники, например, Марке Новицкий (Польша) и Сергей Ковалев (Россия), считают неправомерным говорить о коллективных правах человека. Правильно говорить о нарушении прав конкретного индивида в связи с его принадлежностью к определенной этнической и социальной группе.

Есть и другая точка зрения – холистская. Она заключается в том, что разделение прав человека на поколения – реликт Холодной войны. Декларация совещания по правам человека в Вене 1993 года, в статье 5 которой написано, что «все права человека универсальны, неразделимы и взаимосвязаны», а международное сообщество должно соблюдать права человека глобально, в честной и равной мере и одинаковым образом.

Поэтому о четвертом поколении прав почти не упоминают. В.И. Крусс (Тверь) поставил вопрос о существовании «соматических» прав человека, т.е. права распоряжаться собственным телом, осуществлять его модернизацию, реставрацию, фундаментальную реконструкцию, изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными или медикаментозными средствами. Сюда могут относиться право на смерть, изменение пола, трансплантацию органов, гомосексуальные контакты, употребление наркотиков и психотропных средств. А также право на искусственное репродуктивное, аборт, стерилизацию, клонирование, а затем – и виртуальное моделирование в смысле полного дублирования (утверждения себя) в неметрической форме объективного существования.

Нерешенные проблемы прав человека связаны с рядом трудностей. Это соотношение универсальности и принципа мультикультурализма, граничными условиями права на жизнь и тем, должен ли быть баланс между правами и обязанностями человека.

Можно ли говорить о том, что права человека едины для всех народов, культур и цивилизаций? Если едины, то как это согласуется с представлениями Монтескье «О духе законов»? Не является ли этот подход европоцентристским «прогрессорским» подходом («мы сделаем вас счастливыми, хотите вы или нет, вне зависимости от вашего понимания о счастье»).

Если представления едины, тогда оправданы гуманитарные интервенции. Но опыт Косово показывает на сомнительность этого подхода. Если существует национальная специфика, не будет ли это оправданием тоталитарных и авторитарных режимов?

Одна из идей, связанных с культурной спецификой: права человека – западный конструкт, придуманный в США, и неприменим для тех культур, которые не разделяют матрицу либерального индивидуализма, т.е. тех культур, где в основе лежит семья, государство, но не индивид.

Еще одна проблема, не менее сложная, – граничные условия. Когда начинается право на жизнь (связано с отношением к абортам)? В Англии опыты с оплодотворением *in vitro* запрещены через две недели после оплодотворения, потому что пришли к выводу: через две недели это уже – живое существо, которое в пробирке развиваться не может. Это проблема, которая требует дискуссий и обсуждений. Например, после запрета абортос Euronews транслировало интервью, взятое у разных жителей Польши. Один из священников говорил, что мы за жизнь человека, за ее сохранение.

Когда оно заканчивается? Кто может принять решение об отключении искусственного дыхания? Есть ли у человека право на смерть (связано с эвтаназией)? Мой друг, анестезиолог, сказал, что он сам несколько раз в месяц принимает такое решение – отключение от аппарата искусственного дыхания.

Еще одна проблема: должен ли существовать баланс между правами и обязанностями человека. В основах «Учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека», принятом в 2008 году на Архиерейском соборе, поднимается вопрос о балансе между правами и обязанностями личности, о связи понятия прав человека и его достоинства. В этой концепции есть два типа достоинства. Одно – от Бога, получаемое от рождения, оно есть у всех, и второе – как человек живет, достойно или недостойно. В классической концепции все обладают достоинством, вне зависимости от того, что они делают в этой жизни. Наши правозащитники возмутились и считали, что РПЦ не имеет права говорить о правах человека.

Есть две концепции прав человека, одна – мягкая, другая – жесткая. Мягкая – что человек первичен, но и к животным надо относиться гуманно. А вторая базируется на идее переселения душ, близка к буддизму. Она подразумевает запрет любых опытов на животных. Она имеет большое распространение.

Еще одна тема – концепция правосудия переходного периода, малоизвестная у нас и развитая на Западе. Это переход от авторитаризма, когда права человека нарушались, к демократии, когда они не нарушаются. Правосудие переходного периода – это ряд мер, связанных с систематическими или массовыми нарушениями прав человека, который обеспечивает возмещение жертвам нарушений, наказывает преступников, а также создает возможности или обеспечивает трансформацию политических систем, конфликтов и условий, которые, возможно, лежали в корне злоупотреблений.

Правосудие переходного периода сочетает две цели: обеспечить определенный уровень правосудия для жертв и укрепить условия для мира, демократии и примирения. Для достижения этих двух целей оно сочетает в себе меры уголовного, восстановительного и социального правосудия. Сегодня целостный подход включает:

- уголовное преследование,
- комиссии по установлению истины,
- программы репарации,
- реформу системы безопасности,
- меры по сохранению памяти.

Легко увидеть, что реализуется у нас. Есть меры по сохранению памяти, реформа системы безопасности почти не проводится, жертв осталось мало. Комиссии по установлению истины у нас тоже слабо работают, а в странах Восточной Европы они гораздо развитее. Репарации носят тоже очень ограниченный характер.

Правосудие переходного периода предполагает, что мы опрокидываем в прошлое нормы, которые сейчас сложились, возможность осуждения за поступки, за которые 20 – 30 лет назад никто не осуждал. Значит, никто не может запретить опрокидывать проблемы еще в более дальнее время, осуждать США за то, что там были рабы.

Это очень опасная тенденция. Недавно в фейсбуке было обсуждение лишения Навального статуса узника совести. Они пришли к выводу, что правила, которые действуют в американских кампусах, транслируются на весь мир. Это представление, что мы лучше знаем, что людям нужно во всем мире. Невозможно переписывать историю и оценивать события в прошлом с точки зрения дня сегодняшнего. Это, во-первых, несправедливо, во-вторых, вызывает ответную волну. Например, движение Трампа основано на этих перегибах.

Негативная тенденция и – травля в сетях, когда кто-то берет на себя функции «либерального обкома». Травля, как и буллинг в школе, недопустимы.

Главная проблема в этой области: в рамках этой концепции невозможными оказываются «круглые столы» или иные формы мирного ухода диктаторов или авторитарных лидеров от власти (как в Испании, Чили, Польше). Но все эти договоренности были потом перечеркнуты судьями из других стран, начавших процессы против них. Например, в Чили: известный испанский судья Балтазар стал возбуждать дело против Пиночета за нарушение прав человека, когда он устроил переворот, и требовал его ареста, когда Пиночет был на лечении в госпитале в Англии. Над ним начался процесс, но он умер в своей постели.

70 лет советской власти вытравили у нас представление о естественных правах. Мы хотели изменить все быстро, но никто не был готов к этим переменам. На выборах в Ленинграде в горсовет мы получили 65% голосов, хотя все были уверены, что победят коммунисты. В 1991 году люди выходили на улицы, хотя благодаря Собчаку некоторые предприятия дали транспорт и привезли рабочих. Но благодаря генералу Аркадию Крамореву, который сказал, что будет действовать в рамках закона, никого не стали разгонять. Сейчас общество другое, но второго Крыма у Путина в запасе нет, и созревает готовность к протестам. К тому же состояние людей нестабильно из-за нового солнечного цикла и состояния магнитосферы.

Идеальным был бы раскол элит, но пока он не начался. Меня беспокоит, что люди будут повторять наши ошибки тридцатилетней давности.

АЛЕКСАНДР ВЕРХОВСКИЙ

*Директор Информационно-аналитического центра «Сова»
(ООО Центр «Сова» включена в «реестр некоммерческих организаций,
выполняющих функцию иностранного агента»)*

11 мая 2020 года

КАК УСТРОЕНО РОССИЙСКОЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В России с 2002 года существует, как известно, закон «О противодействии экстремистской деятельности». Он вводит юридическое определение такой деятельности (отождествляя ее с «экстремизмом») и служит общей рамкой для множества связанных с ним норм – как в УК и КоАП, так и во многих отраслевых законах: о СМИ, о свободе совести, о выборах и т.д. (Почти полный свод норм можно найти на сайте Центра «Сова» по адресу: <https://www.sova-center.ru/directory/2022/08/d46742/>.)

Закон этот не включает никакого родового определения экстремизма, ограничиваясь перечнем видов «экстремистской деятельности», так что мы вольны сами попытаться понять, чем именно является «экстремизм» с точки зрения законодателя. Легко предположить, что речь идет о широком спектре покушений на государственную и общественную безопасность, но не обо всех таких покушениях, а о тех, которые могут быть сочтены идейно мотивированными. Например, шпионаж не относится к экстремизму, и мы знаем, что шпионы чаще всего шпионят по корыстным, а не идейным соображениям, или просто являют-

ся агентами спецслужбы другой страны. А вот терроризм в целом включен в понятие экстремизма, хотя для него есть отдельное достаточно подробное законодательство. Можно также сказать, что экстремизм – это совокупность идейно мотивированных покушений на конституционные ценности, по крайней мере – так, как они понимаются законодателем.

Наверное, в былые времена ту же совокупность деяний описали бы как «политические преступления». Кстати, когда Парламентская ассамблея Совета Европы давала свое определение экстремизма (не имеющее, правда, юридического значения), она тоже перечисляла именно разновидности идейно мотивированных покушений на конституционные ценности, на которых базируется Совет Европы.

В целом в демократических странах термин «экстремизм» не так редко используется именно в этом значении. Например, он является вполне официальной учетной характеристикой для правительств Германии или Чехии. Но уже на уровне международных организаций, например Совета Европы или ОБСЕ, термин постоянно оспаривался и вскоре был полностью вытеснен термином «насильственный экстремизм», который, впрочем, тоже так и не обрел никакого внятного определения. И причина всей этой критики и дискуссий – опасения злоупотреблений и излишних ограничений гражданских свобод.

В России же решились на то, чтобы юридически определить экстремизм. Глядя из сегодняшнего дня, постоянно слыша о масштабных злоупотреблениях антиэкстремистским законодательством, мы можем заподозрить, что это был своего рода законотворческий заговор против гражданских свобод, но следует признать, что исторически это было не так, да и последствия возникновения нового законодательства были не столь однозначны.

В политическом смысле противодействие экстремизму даже терминологически восходит к середине 90-х годов, когда после событий 1993 года федеральные власти были обеспокоены угрозой повторения силового противостояния с теми силами, которые тогда назывались «красно-коричневыми» и которые уже показали, что способны прибегать к политическому насилию путем мобилизации низовых группировок и движений радикального толка. Поскольку эти силы в той или иной степени отрицали либеральные ценности, противодействие им рассматривалось как защита этих ценностей, а не просто как борьба за сохранение власти.

Некая правовая база для противодействия так понимаемому экстремизму уже была. Статья 70 тогдашнего УК говорила о призывах к свержению конституционного строя, а ст. 74 включала разом и «возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды или розни», и унижение достоинства или пропаганду превосходства, и даже нарушение равноправия, то есть дискриминацию, по тем же категориям. В ст. 102 («Убийство») был добавлен мотив «национальной или расовой вражды или розни». Но эти нормы применялись очень редко.

При этом в 90-е годы практически никем не ставилось под сомнение само существование указанных норм уголовного права. Они не рассматривались как наследие репрессивного советского режима (та же ст.70 была радикально изменена). Россия, как и РСФСР до нее, была обязана иметь в том или ином виде статью УК о возбуждении ненависти, так как этого требовали ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, ч. 2 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, а с момента вступления в Совет Европы – и ч. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Уже тогда возник вопрос о создании специального рамочного антиэкстремистского законодательства, но специально назначенная президентом Ельциным комиссия пришла к выводу, что таковое не является необходимым, и его принятие породило бы риск злоупотреблений. Впрочем, это не помешало на протяжении нескольких лет в конце 90-х и начала

2000-х обсуждать разные варианты именно рамочных законов. К тому же в то время идея создания комплексного законодательства против политического экстремизма дополнилась, по понятным причинам, темой «религиозного экстремизма». Никакой вариант закона не принимался только из-за безнадёжного противостояния Ельцина и затем Путина с КПРФ. Рамочный закон был принят только в 2002 году, когда КПРФ начала сдавать позиции.

После поправок 2006 и 2007 годов этот закон принял тот вид, в котором, с не принципиальными изменениями, действует и донныне. В 2002 и 2007 годах был также принят целый ряд поправок в УК и КоАП. Наконец, к исходу этого периода были созданы и заработали специализированные подразделения в системе МВД – всем известные центры «Э», в которых сосредоточились оперативники, учащиеся разбираться – и научившиеся более или менее – в такой непривычной для полиции сфере, как идейно мотивированные деяния, и с тех пор машина антиэкстремистского правоприменения стала набирать обороты.

Антиэкстремистское законодательство охватывает несколько довольно разнородных видов правонарушений:

- попытки мятежа, сепаратизм и т.п.;
- террористическая в обычном смысле слова деятельность (охватывается также отдельным законодательством);
- преступления ненависти, то есть обычные уголовные преступления, но совершаемые по мотиву какой-то идейной вражды – расовой, религиозной, этнической, политической и т. д.;
- призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти по ряду признаков – от расы до пола, но исключая политическую и идеологическую вражду;
- иные публичные выступления идейного характера, которые власти сочли нужным криминализовать;
- организационная деятельность, направленная на все перечисленное;
- другие смежные правонарушения, среди которых особо надо выделить распространение «информационных материалов», запрещенных судами как экстремистские (об этом см. ниже), и демонстрацию символики запрещенных за экстремизм организаций или сходной с нацистской.

За любое из этих деяний, особенно повторное, но не обязательно, можно закрыть СМИ или запретить организацию, что создает довольно широкое поле для произвольных решений, так как формулировки в определении экстремизма часто довольно размыты. Например, конституционная формулировка об «утверждении превосходства или неполноценности» людей по религиозному признаку авторами Конституции, вероятно, понималась как норма о недопущении религиозной дискриминации, а вот в антиэкстремистском правоприменении эта формулировка позволяет запрещать религиозные тексты и целые организации только за утверждение, что их вера правильная, а остальные – ложные.

Конкретных людей, в отличие от организаций, привлекать прямо «за экстремизм» нельзя, конечно: должна быть использована конкретная статья УК или КоАП. Но, строго говоря, не существует официального перечня деяний, относимых к экстремистским. «Преступлениями экстремистского характера» УК называет любые преступления, совершенные по мотиву ненависти того или иного толка, но это определение не решает вопрос. Есть список статей УК, которые Генпрокуратура относит к этой категории в целях отчетности, но это всего лишь внутреннее ведомственное решение. Можно также ориентироваться на то, какими делами занимаются центры «Э» и соответствующие профильные подразделения ФСБ и прокуратуры, – возможно, это и будет самым правильным пониманием «границ экстре-

мизма». Но официально их, повторяюсь, нет. Поэтому можно к ним относить любые действия, которые резонно счесть идейно мотивированными.

Кстати, целый ряд новых репрессивных норм, добавленных в УК и КоАП начиная с марта 2022 года, тоже в большинстве своем относится к этой категории, хотя формально они не связаны с законом «О противодействии экстремистской деятельности».

За вычетом новаций 2022 года, антиэкстремистское законодательство не столь оригинально, как обычно представляется его критикам. Оно состоит из элементов, преимущественно широко представленных в демократических странах, отчасти – из изредка там встречающихся, но имеет и действительно оригинальные элементы.

Во-первых, наше антитеррористическое законодательство, по сути, связанное с антиэкстремизмом, в целом довольно обычно для европейской традиции. То же относится и к нормам о мятеже, например.

Во-вторых, понятие «преступлений ненависти», хотя и не столь укоренено в европейской традиции, но за последние два-три десятилетия вполне укоренилось и в Европе (почти везде), и в США. Усиленное преследование за насилие и иные преступления, мотивированные враждой к каким-то группам, было вполне усвоено и в России после 2007 года. В сочетании с активностью центров «Э» это позволило за несколько лет сбить волну уличного расистского насилия.

В-третьих, преследование «за слова» в Европе, в отличие от США, общепринято и, как выше уже говорилось, освящено международным правом. Иное дело, что формулировки статей могут быть четче или туманнее, шире или уже. Наша статья о призывах к терроризму (ст.205.2 УК) мало отличается от европейских собратьев, но с ней есть та проблема, что «террористической деятельностью» у нас считаются отнюдь не только сами теракты. Или, скажем, наиболее популярная до 2018 года ст.282 УК (возбуждение ненависти) сформулирована довольно типичным для европейских стран образом, хотя к ней, как и ко многим ее европейским родственникам, можно предъявить претензию в излишней широте состава: помимо «возбуждения ненависти», которое международное право предписывает криминализовать, ст.282 (и соответствующая ей «для первого раза» ст.20.3.1 КоАП) включает некое «унижение достоинства», которому, как кажется, место скорее в гражданском законодательстве. То, что по смыслу Международного пакта о гражданских и политических правах, не любое возбуждение ненависти заслуживает криминализации, в статье тоже не отражено, но это, увы, типично для уголовных кодексов. Также совершенно не уникальна имеющаяся в нашем законодательстве проблема открытого списка типов групп, к которым можно возбуждать ненависть. Но, конечно, набор антиэкстремистских норм о публичных высказываниях далеко не ограничивается этой статьей УК, и об этом речь пойдет далее.

В-четвертых, преследование за деятельность, связанную именно с организациями или сообществами, которые правосудие признает экстремистскими или террористическими, тоже встречается в законах ряда стран. Хотя, следует признать, хорошую аналогию российскому законодательству можно найти только в германском; очевидно, оно и было источником вдохновения.

Здесь уместно поговорить о тех антиэкстремистских нормах, которые имеют аналоги в демократических странах, но имеют и существенную российскую специфику, не считая даже особенностей правоприменения.

Российское уголовное право различает два вида преследования за участие в организованном сообществе. Один вариант (ст.282.1 УК) – если суд признает, что данное сообщество существует для совершения именно преступлений экстремистской направленности. Тогда участие в нем при условии участия хотя бы в одном таком преступлении – уже криминально. Это аналог обычных норм об организованной преступности, и он сам по себе

вполне логичен. Второй вариант (ст.282.2 УК) – если сообщество уже запрещено судом как экстремистское, но человек не внял запрету и продолжил в нем участвовать в той или иной форме. Тогда сам факт этого неповиновения решению суда, вне зависимости от участия в иных противоправных действиях, становится весьма серьезным преступлением, что, надо признать, кажется совершенно чрезмерным, притом что формы «участия» никак не оговорены. А применение этой статьи носит ведь массовый характер. К тому же во многих случаях не так просто понять, является ли деятельность человека именно продолжением деятельности запрещенной ранее организации или просто похожа на ее деятельность.

Аналогично, любая демонстрация символики запрещенной организации, как и символики, сходной с нацистской, является правонарушением (весьма популярная ст.20.3 КоАП) вне зависимости от контекста и намерения человека. В 2020 году законодатель слегка смягчился и допустил демонстрацию такой символики, если при этом явно критикуется соответствующая идеология. Но, очевидно, множество случаев, когда символика была продемонстрирована с какой-то вообще иной целью или просто случайно, остались наказуемыми.

Во многих европейских странах есть нормы, криминализирующие «исторический ревизионизм» (часто их ошибочно называют криминализацией оправдания Холокоста). Эти нормы весьма разнообразны, их формулировки много дискутируются. Есть такая статья и в УК РФ. Однако с самого начала к довольно обычному для Европы составу – оправданию или прославлению преступлений, признанных таковыми Нюрнбергским и последующими трибуналами, – в этой статье (ст.354.1 УК) была добавлена клевета на «деятельность СССР в годы Второй мировой войны». Также к статье приписали «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично». Эта формулировка покрывает и соответствующие акты вандализма, и какие-то нелицеприятные («выражающие явное неуважение к обществу») высказывания об этих датах и символах. При этом списки упомянутых дней и дат малоизвестны, а списка символов не существует вовсе. Уже в 2021 году статья была ужесточена и еще расширена за счет «унижения чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны» и даже «оскорбления памяти защитников Отечества» в целом, без оговорок о том, о каком эпизоде защиты Отечества идет речь. И сама-то по себе криминализация «исторического ревизионизма» проблематична как явно идеологическое законотворчество, но в современной российской версии она стала сугубо идеологическим инструментом (что, кстати, видно и по практике применения этой статьи).

Также в доброй половине европейских стран существует криминализация той или иной формы кощунства или богохульства. Российская версия – «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» (части 1 и 2 ст. 148 УК) – сравнительно секулярная: она защищает от хулиганских по форме действий не сакральные объекты сами по себе, а чувства определенной категории граждан. Но поскольку светский закон не в силах определить такую категорию как «религиозные чувства верующих», правоприменение по этой статье отличается произвольностью и явным пропагандистским уклоном.

Публичное осквернение государственной символики наказуемо во многих странах. Но лидеры государства, политики и чиновники обычно не имеют дополнительной защиты от оскорбительной критики, более того, считается, и это закреплено в практике ЕСПЧ, что государство должно быть максимально терпимо даже к такой критике. Но в России два этих вида действия объединили в один состав и приписали к мелкому хулиганству: части 3–5 ст.20.1 КоАП предусматривают наказания за «явное неуважение» к обществу, государству, официальным государственным символам, Конституции и органам власти, если оно выра-

жено «в неприличной форме». Впрочем, надо признать, в правоприменении эта норма довольно сильно забуксовала и стала использоваться совсем редко.

Наконец, антиэкстремистское законодательство породило и вполне оригинальные отечественные правовые конструкции.

Во-первых, это крайняя неопределенность статьи 280 УК (призывы к экстремистской деятельности). Кстати, сейчас она стала самой популярной в правоприменении. Если до 2002 года статья говорила о попытке насильственного изменения конституционного строя и не вызывала нареканий, то с тех пор состав статьи отсылает к определению экстремизма, а оно весьма длинное и изменчивое. Оно включает, среди прочего, действия, которые являются лишь административными правонарушениями, а ст.280 делает, по крайней мере, в теории, призыв к таковым серьезным уголовным преступлением. Наконец, определение экстремизма местами весьма туманно, чего стоят только формулировки об утверждении социального или религиозного превосходства.

Во-вторых, закон 2002 года ввел уникальный для Европы механизм судебного запрета книг и иных материалов (листовок, видео, картинок, песен и т.д.) с последующим наказанием за их массовое распространение, правда, не уголовным, а административным (ст.20.29 КоАП). Механизм этот основан на представлении, что книги и иные произведения играют основополагающую роль в функционировании опасных для общества движений, и потому устранение этих произведений из общественного оборота само по себе важно и эффективно.

Трудно отрицать важность книг и иных форм пропаганды, хотя стоит усомниться в том, что радикализация любого толка имеет причиной именно пропаганду. Но вот в эффективности судебных запретов в этой сфере сомневаться не приходится – ее просто нет. Републикация запрещенного произведения с самыми незначительными изменениями требует нового судебного рассмотрения, так что любая заинтересованная группа активистов легко может породить множество таких републикаций, которые суды не будут успевать запрещать, особенно если републиковать в интернете. И действительно, мы не видим, чтобы механизм запрета материалов останавливал распространение какой бы то ни было пропаганды. Зато масштабная деятельность прокуратур и судов в этой сфере – список запретного уже перевалил за 5300 пунктов – не может не породить множества ошибочных и просто нелепых запретов. Не говоря уже о том, что такой длинный список не может быть ориентиром для законопослушного гражданина, тем более список этот в очень значительной своей части просто непонятен.

Заведомая неисполнимость запрета материалов в интернете стала импульсом к созданию масштабного механизма блокировок доступа к тем или иным материалам онлайн. Сама по себе практика таких блокировок, в том числе и внесудебных, отнюдь не является российской спецификой, но в России основания для внесудебной блокировки стали практически безграничными, включив не только все виды как-то наказуемого контента, от публичных казней ИГИЛ до объявления о несогласованном митинге, но также любые ссылки на него и такие внеправовые (пока, по крайней мере) основания, как «оправдание экстремизма».

Непривычная юридическая механика антиэкстремистского правоприменения разогналась с 2002 года медленно, но с созданием центров «Э» дело пошло лучше. Надо сказать, что первые годы своего существования эти центры были в основном заняты борьбой с реальной преступностью – преступлениями ненависти, хотя занимались, как им и положено, также и всеми другими разновидностями «экстремистской деятельности». С начала 2010-х годов преступления ненависти под давлением полиции пошли на спад, и с тех пор их уровень понизился на порядок. Но созданная машина не могла остановиться: во-первых, как раз в 2012 году начались массовые протесты, во-вторых, что не менее важно, деятельность государственного органа зависит от отчетности, и она должна улучшаться. Отчетность у всех антиэкстремистских подразделений была (и, видимо, остается) суммарной – по всем

видам экстремизма, так что оказалось возможным замещать в разработке убывающие насильственные преступления никогда не иссякающими публичными высказываниями; к тому же некоторый опыт расследования дел о высказываниях, особенно в интернете, уже был накоплен.

С этого момента количество дел о высказываниях непрерывно росло, и число осужденных за них (только по основной статье обвинения) подошло в 2017 году к отметке 660 человек в год. Между тем реальные пропагандисты ненависти под давлением полиции стали выражаться аккуратнее или просто анонимно, так что правоприменительная машина все чаще захватывала довольно случайных людей. Да, большинство из них допускали реально грубые и интолерантные высказывания, но общественная опасность этих высказываний, учитывая личность авторов и прочие обстоятельства, выглядела в среднем все более сомнительно. А некоторые приговоры выносились явно неправомерно, и происходило это тогда все чаще. Достаточно широкое возмущение привело к тому, что власти в 2017–2018 годах приняли ряд решений, резко сокративших уголовное преследование за «экстремистские высказывания» в пользу роста числа административных преследований.

Правда, потом количество уголовных дел за высказывания снова стало расти. В 2021 году соответствующие статьи УК фигурировали в приговорах у 651 человека, по данным Верховного суда. Для сравнения – в пиковые 2016–2018 годы это было от 714 до 864 человек, но в 2020 году – 392. 2022 год, судя по официальным данным первого полугодия, не будет сильно отличаться от предыдущего.

А вот динамика преследования за участие в экстремистских сообществах и организациях привлекает меньше общественного внимания и не имеет столь явных поворотов (практику по аналогичным антитеррористическим нормам мы тут не рассматриваем). Но в последние годы здесь тоже наблюдается быстрый и существенный рост, в основном – за счет доведения до суда многочисленных дел Свидетелей Иеговы, которые стали самым масштабным (хотя и не единственным) примером организации, совершенно безосновательно запрещенной за экстремизм. В 2021 году число людей, у которых в приговоре фигурировали соответствующие статьи (ст.282.1, 282.2, 282.3 УК), перевалило за 160.

О количестве людей, привлекаемых в разные годы за преступления ненависти, нет официальных данных, так как статистика Верховного суда не позволяет их вычленивать, но по данным Центра «Сова» этот род правоприменения сокращался, хотя и неравномерно, по мере сокращения самого числа таких преступлений. Сейчас можно говорить, максимум, о десятках осужденных за такие преступления.

Наконец, антиэкстремистское административное правоприменение все эти годы идет только на подъем. Хотя по ст.20.29 пик был пройден в 2018 году, и сейчас наблюдается спад, в сумме по административным статьям наказывают с каждым годом все чаще, и в 2021 году число таких судебных решений перевалило за 5400 (в основном за счет запретной символики – почти 3200 решений). А в 2022 году, если считать с учетом новой ст.20.3.3 о «дискредитации армии», эта цифра может чуть ли не удвоиться.

2022 год принес дальнейшее расширение репрессивного законодательства, в том числе и связанного с темой антиэкстремизма. Между тем, практика правоприменения наталкивает, скорее, на мысли о необходимости сужения законодательной базы в этой сфере – отказа от не оправдавших себя норм (в первую очередь от списка экстремистских материалов) и сужения состава хотя бы некоторых нечетко сформулированных статей. Дискуссии более общего характера, например, о том, нужно ли вообще рамочное антиэкстремистское законодательство, стоит отложить на будущее. Впрочем, сейчас с участием представителей государства сложно обсуждать любые предложения, которые могут быть поняты как смягчение репрессивного законодательства.

ВЛАДИМИР РЫЖКОВ

*Депутат Мосгордумы,
кандидат исторических наук*

9 декабря 2021 года

ЗАКОНОПРОЕКТ КЛИШАСА – КРАШЕНИННИКОВА

В сегодняшней лекции речь пойдет об очень сложной теме, поэтому я постараюсь максимально простым и понятным языком объяснить, о чем мы поговорим. Я начну с того факта, что сегодня восьмое декабря (2021 года), и сегодня последний день, когда к закону, о котором я буду рассказывать, можно направить поправки. Поправки в нашей стране могут направлять депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, правительство, президент. Но самое главное, что к данному закону могут направлять поправки регионы. Закон был принят в первом чтении в Государственной Думе и относится к полномочиям совместного ведения центра и региона. Что такое полномочия совместного ведения? По нашей Конституции, есть исключительные полномочия федерации, совместные полномочия федерации и регионов, все остальное могут регулировать сами регионы. Так вот, закон Клишаса–Крашенинникова, о котором я буду говорить, относится к совместному ведению. И он, как я покажу далее, радикальным образом затрагивает статус регионов, их полномочия, интересы.

На сегодняшний день ни один регион не прислал свои поправки, что в принципе свидетельствует о смерти федерализма в России. Закон грубейшим образом вторгается в полномочия регионов, а те, в свою очередь, молчат. Это означает, что политическая субъект-

ность у них атрофирована. По моей инициативе фракция «Яблоко» подготовила поправки к этому закону. К сожалению, поправки не были вынесены на обсуждения. Это значит, что московский парламент уклонился от обсуждения этого закона, который в том числе затрагивает и интересы Москвы. Справедливости ради отмечу, что были и отрицательные отзывы на данный законопроект. Против выступили Якутия и Татарстан.

Россия по Конституции является федеративным государством, и в России гарантировано местное самоуправление. Федеративное государство означает, что народный суверенитет, который формирует власть и наделяет ее полномочиями, делится на два уровня. Народный суверенитет формирует федеральные органы власти, но одновременно с этим народный суверенитет наделяет полномочиями избираемые народом региональные власти. Федерализм также означает, что власть разделена между федеральным центром и регионами. Федерализм означает, что за пределами своих полномочий федеральный центр не может вмешиваться в работу регионов. Регионы могут принимать свои законы и бюджет, формировать свои органы власти, определяют избирательную систему. Федерализм предполагает широкую самостоятельность регионов. Так вот, закон Клишаса–Крашенинникова завершает процесс ликвидации российского федерализма. Весь смысл этого закона заключается в том, чтобы окончательно достроить вертикаль власти от Москвы до самых окраин. То, что регионы не выступают против, говорит о том, что они уже полностью подчинены федеральному центру.

Если говорить конкретнее, то данный закон реализует новый вариант Конституции, принятой в прошлом году. В новом тексте Конституции появилось понятие единства публичной власти, которого не было в тексте Конституции 1993 года. На самом деле автором этого закона является Администрация президента. Этот закон предполагает, что вертикаль власти, которую выстраивает Владимир Путин, будет доведена до полного завершения. Мы увидим, что регионы попадут в полную политическую, экономическую, социальную зависимость от федерального центра.

Основные пункты данного закона:

1. Регионам из центра определяют структуру органов власти, им предписывают, какое количество депутатов будет в региональном парламенте, какая избирательная система; губернаторов можно будет снять с должности указом президента по утрате доверия без всяких оснований и назначить своего врио на неопределенный срок.

2. Президент получает право роспуска регионального парламента по упрощенной процедуре, депутаты региональных парламентам могут быть лишены мандата за малейшую неточность в декларации.

3. Федеральный центр получает впервые полномочия по участию в формировании органов исполнительной власти регионов.

4. Вводится новая глава «Государственный надзор и контроль», которая позволяет проводить плановые и внеплановые проверки регионов, требовать документацию и отчеты. Регионы лишаются возможности планировать свое развитие.

5. Ужесточается муниципальный фильтр для губернаторских выборов.

6. Региональные депутаты не смогут проводить встречи с избирателями. Депутат должен будет заранее согласовывать такую встречу.

7. Губернаторы становятся федеральными госслужащими.

8. Региональные депутаты также становятся госслужащими.

9. Вводится список негативных санкций от президента по отношению к губернаторам.

10. Регионы лишаются возможности принимать собственные программы, они будут приниматься директивно из федерального центра.

В целом, можно сказать, что вся власть над регионами будет сосредоточена в руках президента. Идея Путина о сильной вертикали власти воплощается в жизнь. Основная часть этого закона начнет действовать летом 2022 года. Что касается местного самоуправления, то авторы закона уже объявили, что такая же инициатива затронет местное самоуправление. Скорее всего, губернаторы получат право снимать с должности мэров городов и глав районов, будет упрощен порядок лишения мандата депутатов местного уровня, губернаторы получат право участвовать в формировании местных администраций, полномочия местного самоуправления по решению локальных проблем также будут встроены в вертикаль власти, администрации регионов получат возможность диктовать местному самоуправлению свою волю. Все это противоречит Конституции, так как первая глава осталась неизменной, она гарантирует регионам самостоятельность. Конституция говорит о том, что разграничение полномочий может осуществляться только конституцией и федеративным договором. Если говорить в целом, то для федерализма и региональной демократии этот закон – абсолютный ужас, еще больший ужас заключается в том, что по этому поводу все молчат. Еще важная составляющая этого закона: сейчас, когда принимается первая часть этого закона, у регионов есть месяц на то, чтобы отправить свои замечания. После его принятия этот срок уменьшается до 15 дней. Это значит, что у регионов физически не будет возможности оперативно собраться и провести экспертизу законопроекта.

О перспективе оспаривания закона в Конституционном суде:

Я напомним, что после поправок изменился и статус Конституционного суда, и его фактически формирует президент. В законе о Конституционном суде сократили возможность оспаривания федерального закона для граждан. Потребуется серьезная работа по составлению и оформлению иска в Конституционный суд.

Сейчас только в нескольких регионах нет выборов губернаторов. Там главы регионов избираются региональным парламентом. После принятия закона Клишаса–Крашенинникова будет возможность как всенародных выборов, так и избрания парламентом региона. То есть возможность отмены выборов распространяется на всю страну. Более того, если регион принимает решение избирать главу депутатами, а не народом, то в дело вступает президент. Партии, представленные в парламенте, представляют кандидатуры, а президент из них выбирает трехкандидатов, и уже тогда парламент из них выбирает главу региона.

О реакции на закон:

Сейчас все молчат, никто не выступает, а когда этот закон вступит в силу, будут молчать еще больше, опасаясь увольнения указом президента. Точно так же может быть распущен региональный парламент. Сейчас против закона может высказаться и губернатор, и региональный парламент. По новому закону, если губернатор поддержал закон, а законодательное собрание против, мнение региона не учитывается.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что данный закон приведет к максимальной централизации, унификации, вертикализации власти и лишению регионов остатков полномочий. Политику будет определять федеральный центр, регионы станут лишь придатком. Президент получит еще более расширенные полномочия.

АНДРЕЙ БАБУШКИН¹⁰

*Председатель Комитета за гражданские права,
член Совета по развитию гражданского общества
и правам человека при Президенте РФ, член Бюро РОДП «Яблоко»*

11 апреля 2022 года

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ТЕБЯ ПРЕСЛЕДУЮТ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

ЕСЛИ ПРИШЛИ ДОМОЙ С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ

Это имеет право делать ФСБ. У полиции такого права нет. Если вы виноваты, то подписываете, если нет – подписываете, но дополнительно указываете, с чем вы не согласны. Это не оперативно-розыскная мера, не мера административного воздействия, а именно – предупреждение. Ко мне с такими предупреждениями приходили четыре раза, когда мы подавали заявки на митинги и пикеты. Приходили почему-то сотрудники отдела по экономическим преступлениям и борьбе с коррупцией и очень при этом извинялись. Полиция,

¹⁰ Андрей Бабушкин скончался 14 мая 2022 года.

в соответствии с законом, имеет право проводить профилактические беседы в связи с каким-то преступлением. Этот документ (предупреждение) нужно получить и затем обжаловать в суде в соответствии с кодексом административного судопроизводства (что нужно упомянуть в заявлении) из-за того, что он незаконен и наносит моральный вред. Я знаю два таких случая, в Ростовской области и в Северной Осетии. Людям в присутствии коллег по работе и родственников вручили такие предупреждения. Они написали, что это является умалением их достоинства и деловой репутации и причиняет моральный вред, и взыскали в одном случае 10 тысяч, в другом – 22 тысячи рублей. Наверное, по стране таких случаев больше.

ЗАДЕРЖАНИЕ

Есть три вида случаев, когда человек встречается с полицией в служебном помещении помимо своей воли. Первое – привод, когда он является должником, свидетелем или обвиняемым в случае, если он уклоняется от явки в полицию или возникает впечатление, что он уклоняется. В законе не указано, как долго он может находиться в полиции, но будем считать (по аналогии), что не более трех часов. Это не задержание, и в книге дежурной части не фиксируется.

Второй тип – доставление помимо его воли, что фиксируется в книге дежурной части. Книга учета доставленных и считается реестром задержанных. Но люди, которых задержал участковый, уголовный розыск и т.п., в книгу доставленных не попадают. Ну, например, спрашивают дежурную часть: у вас есть Михалева и Бабушкин, отвечают, что нет, т.к. нет записи в книге. А при этом Михалева сидит на втором этаже, в отделе уголовного розыска, а Бабушкин – на третьем, в отделе дознания, но дежурный о них ничего не знает. Инициатива партии «Яблоко» и СПЧ – создание единого реестра задержанных, не по району или округу, а по субъекту Федерации, а не какой-то его обособленной части. Чтобы человек, в ужасе принимая валидол, не искал своего брата, свата, отца по всем отделам полиции. Эта задача сегодня, к сожалению, пока не выполнена. По доставленным составляется протокол, и их отпускают не более чем через три часа.

Задержанные – это те, кого оставили в отделе более чем на три часа, повезли в суд, в спецприемник. Они, например, являются подозреваемыми в совершении уголовного преступления.

В зависимости от того, к какой категории относится человек, меняется тактика поведения. Если человек является задержанным по административному или уголовному делу, без адвоката он справиться не может. Ст. 51 УПК РФ дает вам право в течение пяти дней приглашать своего адвоката. Если вам следователь-дознатель предлагает адвоката, вы можете отказаться и пригласить своего. Другое дело, является ли это целесообразным. Если вы действительно виновны, и следователь знает, что вы это совершили, то и предлагаемый им адвокат может вполне подойти.

Если вы просто доставлены, и группа дознания, состоящая, например, из представителя ППС, участкового и т.п., ничего вам не приписывает и стремится отпустить вас домой. Если вам, хотя вы просто смотрели на храм Христа Спасителя, пишут, что вы кричали: «Путин под суд, Михалева в президенты, Бабушкина в мэры Москвы!» – другое дело. Но если пишут адекватное, то, что вы говорите, тогда адвокат не нужен. Но если вы адвоката будете требовать, то адвокат придет с пальцами веером, и вы вместо двух пробудете там 22 часа.

Но в любом случае при любом контакте с полицией, как и с другим государственным органом, всегда все фиксируйте. Записывайте в блокноте, кто вас остановил, номер его удостоверения, фамилию, имя и отчество, должность, звание, служебный телефон. Сотрудник полиции, по приказу МВД, обязан вам предоставить номер своего служебного мобильного телефона. Где вас задержали, кто свидетели, что за люди находились рядом, была ли видеочасть. Есть портал открытых данных, где указано нахождение видеочастей и работают они или не работают. Это важно для аргументации в суде, где часто о записях журналистов говорят, что не знают, когда это было снято, может быть, 250 лет назад. На это есть ответ: что это камера с таким-то номером, расположенная на таком-то доме, трубе, вышке сотовой связи. Это – с портала «Безопасный город», вот скриншот портала. Но нужно учесть, что данные на этом портале хранятся в течение пяти суток, а потом стираются. Можно позвонить в колл-центр этой системы и попросить, чтобы они в течение десяти суток запись не стирали. Получить записи сами вы, конечно, не сможете, но сможете их сохранить и сделать запрос на использование. Если вас повезли в отдел, известите максимальное количество людей. Если вы виновны, то, наоборот, шума поднимать не надо. То, что хорошо в одном случае, может быть плохо в другом.

Срок задержания, в соответствии со ст. 14 Закона о полиции, начинается с момента, когда была ограничена ваша свобода: остановили, отняли паспорт, посадили в машину (это если вас задержали в связи с уголовным преступлением). Но если вы задержаны в связи с административным правонарушением, то срок отсчитывается с момента вашего прибытия в отдел органа внутренних дел, дежурного отделения, где вас могут содержать не более трех часов. Вы имеете право на один телефонный разговор в течение 15 минут. Вменяемые сотрудники разрешают и больше, невменяемые – вообще не разрешают. Если вас поместили в камеру, там должно быть не менее четырех метров на одного человека. Питание должно быть по нормам, установленным для ФСИНа. Но в Москве нам этого добиться не удалось, питание идет сухим пайком. Он не испорченный, съедобный, я его регулярно пробую, когда посещаю отделы полиции. Паек может быть один, если его пищевая ценность более 2,5 тысяч килокалорий, либо – три, если ценность менее тысячи килокалорий. Должны выдаваться спальные принадлежности: матрас, одеяло, подушка, постельное белье, в Москве вам еще должны выдавать тапочки.

Защитником по административным делам может быть любой человек, имеющий от вас доверенность. Они сейчас говорят, что это должен быть юрист, но КоАП такого требования не содержит. Моя рекомендация – заранее разработать структуру поддержки, чтобы не писать доверенность на промокашке и не ломать голову, как ее передать.

В приказе № 389 от 2012 года написано, в основном, что должен делать дежурный, но забыли, например, о постельных принадлежностях. Но там есть важное положение: дежурный обязан провести проверку обоснованности вашего доставления, в том числе зафиксировать, что это было незаконно. Но таких отделов со смелыми дежурными немного: Нагорный, Китай-город, еще несколько. Там держали минут 40, а потом отпускали, принося извинения и сказав, что незаконно задержали.

Каков алгоритм действий: сначала вы где-то сидите, и на вас пишут рапорт, потом рапорт с вашим паспортом отдается в дежурную часть. Дежурный фиксирует вас в журнале доставленных, потом вы попадаете в отдел разбора. Если вас двое, этим занимается помощник дежурного, если больше – присоединяется инспектор. Мы долго этим занимались, такие группы созданы по нашей инициативе. Если это целая толпа оппозиционеров, то все продолжается безумное количество времени. В результате принимается решение: отпустить вас или везти в суд, чтобы подвергнуть административному аресту, а потом везут в спецприемник.

В Москве три спецприемника, первый – на Симферопольском бульваре, второй – в Хорошёве-Мнёвниках и третий, окружного подчинения, – в Бирюлеве Западном. А когда задержанных очень много, и они в этих «дворцах» не помещаются, их везут в центр для иностранных граждан на территории Новой Москвы, в центр Сахарово, где места много. А если и там не хватает места, то везут в Московскую область.

Права административно арестованных у нас регулируются 67-м законом, но часто они не соблюдаются: право на свидание, на посещение следователя, ежедневное получение книг и т.д. Самое главное право – на звонки, не ясно, это один звонок или несколько. Есть три важных момента. Первый – в Москве ИВС не приспособлены под попадание большого числа людей одновременно. Предполагается, что в день к ним привезут человек десять. А привозят двадцать. Предполагается, что один сотрудник их принимает. Очередь растягивается, был случай – на 27 часов. Естественно, возникают сложности с питанием, с туалетом. И нужно, чтобы было требование от партии, от родственников прислать дополнительных сотрудников. Группы по разбору созданы, но группы по приему создавать забывают.

Очень важно фиксировать время задержания – когда ты пересек порог отдела.

Надо иметь в виду, что там есть второй выход. Часто родственники и друзья ждут с тортом у основного выхода, а человека выводят через другой.

О задержании на основании распознавании образов. Система создавалась для задержания террористов и бандитов, учитывая внешний вид, походку и т.п. Но бандитов задерживать не удастся. Они меняют походку, фигуру, черты лица, рост и вес. А политические активисты – они все не изменяются и попадают. Когда вы проходите рамку, срабатывает камера, и они на телефон получают информацию.

Если вас задерживают, обычно говорят, что товарищ майор разберется, и везут в дежурную часть. А оттуда уже могут увезти в спецприемник. При этом руководствуются не тем, виноват ли человек, а тем, есть ли место в приемнике или нет. Здесь важны три момента. Первый – что вы им рассказали, второй – что они записали, и как вы на это отреагировали, и третий – наличие политической поддержки. Если у вас есть большая политическая поддержка, если им беспрерывно звонят, что-то требуют, то они от вас отступятся. Отпустят и скажут, что ничего больше не надо нарушать.

В дежурном отделе есть камера административно задержанных, там – оргстекло, скамейки и решетка, и второе помещение, где металлические двери, там можно людей держать максимум 48 часов. Когда мы приходим туда с проверкой, выясняется, что их не вносили в список доставленных и не вносили в список выдачи сухих пайков. Есть такая практика, что когда человеку дали сутки или двое, его, по его требованию, можно отправлять в спецприемник.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Эта функция есть у ФСБ и судебных приставов. В этом случае нужно обращаться по ведомственной линии или в прокуратуру, если не было оснований. И хорошо сделать видеозапись этого разговора, задавая вопросы о том, кто дал такое указание, почему вы думаете, что я нарушу, понимаете ли вы, что нарушаете мою честь и достоинство и т.д.

ОБ АДВОКАТАХ

Среди них три вида. Первый – защитники из числа не адвокатов, которые действуют по вашей доверенности по административному делу, часто от них требуют наличие юридического образования, но это незаконно. Это не предусмотрено КоАПом, а только этот кодекс регулирует административные правонарушения. Второй – адвокат, которого вам предоставил представитель группы разбора по вашему требованию. Правило пяти суток (срок предоставления адвоката) действует только по уголовным делам, но не по административным. И третий – адвокат, которого вы заранее попросили, чтобы он вам помогал. Хорошую адвокатскую помощь предоставляет ОВД-Инфо, и хотя их признали иноагентом, они продолжают работать. Если дело уголовное, то вы имеете право в течение пяти суток получить адвоката, у следователя есть обязанность предоставить вам адвоката по вашему требованию. Сегодня все сделано для того, чтобы человек максимально держал кошелек раскрытым, чтобы оплатить услуги своего защитника. Мы пытались восстановить институт общественного защитника, предоставляемого общественным объединением при согласии самого обвиняемого, но не преуспели. Если бы мы этого добились, то это был бы огромный сдвиг в деле защиты людей.

ОБ ОБЫСКЕ

Сегодня санкции суда на проведение обыска не требуется, следователь сам может вынести постановление о проведении обыска. Есть несколько видов – досмотр, личный обыск и обыск в помещении, когда могут обыскивать и находящихся там людей. Их приходит много, и они разбегаются по офису, как тараканы. И если вы утрачиваете визуальный контакт, они могут найти у вас что угодно. Если, например, сотрудник отошел в туалет и говорит, что что-то там обнаружил, немедленно надо писать заявление о видеофиксации обыска. Если кто-то пошел в туалет, требуйте приостановки обыска. А до этого туалет надо осмотреть. И самое главное – нужно писать замечания. Они будут говорить, что ладно, можно не читать. А они изъяли ноутбук и коробку опечатали, а там обнаружили полкило героина, взрывчатку и т.п.

Что касается офиса, нужно завести книгу визитов полиции и фиксировать их, ссылаясь на собственные инструкции: кто приходил, должность, цель визита, какие были вопросы. В этом случае они начинают вести себя адекватно.

У нас были разработанные методички о поведении в таких ситуациях, но после принятия Закона о полиции они устарели.

Очень важны опыт и навыки, в состоянии стресса многое забывается. Когда меня задержали в 1988 году, когда я проводил митинг в поддержку Ельцина, и сразу повезли в суд, я все забыл. Может быть, нужно даже провести деловую игру, чтобы у людей эти навыки были.

Если человек попадает в СИЗО, он должен быть обвиняемым по уголовному делу. Ему лучше иметь с собой бумагу, ручку, телефон, лучше два. Если этого нет, то он может обратиться к оперативному дежурному, но все зависит от его добросовестности. Если он недобросовестен, записывайте его ФИО и должность. Звание не важно, от него ничего не зависит – сержант или маршал. Фиксируйте, что это за люди, что они сделали, потому что потом у вас в голове будет каша, и вы все забудете. Если вы попросили бумагу, а человек вам ее не дал, запишите это. Есть способы научить этого человека выдавать бумагу всем.

О ПИКЕТАХ

Сейчас существуют (незаконные) коронавирусные ограничения. Почему-то решили, что если человек проводит пикет, он становится чрезвычайно заразным. Он может ходить на работу, стоять у кассы в магазине в очереди в двадцать человек, забиваться в метро, где люди стоят чуть ли не в обнимку, там коронавирус не действует. Но как только он начинает проявлять общественно-политическую активность, вирус возбуждается. Это установил С.С. Собянин, и, заботясь о здоровье москвичей, решил запретить даже одиночные пикеты. Я написал письмо уполномоченной по правам человека в Москве Татьяне Потяевой, надеюсь, что ситуация изменится. Что касается серии одиночных пикетов, когда люди сменяют друг друга или выходят одновременно, требование – они должны быть на расстоянии 50 метров друг от друга. Часто сотрудникам полиции не удается правильно посчитать это большое число. УВД Тверское задерживало людей, в т. ч. депутата МГД Сергея Митрохина на этом основании. Полицейские объясняли, что они ориентировались на фонари, расстояние между которыми – 52 метра. Стали разбираться, выяснилось, что расстояние между фонарями другое.

Выяснилось, что серия одиночных пикетов тоже может быть признана единым мероприятием. Это решение принято городским судом г. Орла. Основанием для такого признания должно быть единство замысла, оформления и задач мероприятия.

Если вы проводите массовое мероприятие – два и более человек, вы должны указать, кто отвечает за пожарную безопасность, взаимодействие с полицией, медицинскую помощь.

Большая часть полиции – добросовестные люди, с ними можно найти общий язык. Но возникают следующие проблемы. Первое – действия полиции законны, но их законность не очевидна. В 70% случаев, когда граждан останавливают на улице (это не касается иностранных граждан, которых все время в чем-то подозревают и задерживают), мы не знаем, на каком основании это происходит. Второе – когда сотрудники Росгвардии или полиции сами находятся не в очень хорошем состоянии. Их накачали, им объяснили, что все, кто выходит на эти митинги, проплачены Госдепом или еще хуже. Их заставили работать после смены и сказали, что все понятно, но вот эти – такие гады... Они действуют не на основании здравого смысла, а настроя, который у них смогли сформировать. И третье – если требования незаконны, нужно связываться с его начальством. В этой ситуации вы половину случаев сможете решить на месте, без доставления в отдел. Начальник, поняв, что сотрудник перегнул палку, принесет вам извинения. Публичность и вынесение в гласное пространство не всегда лучший способ. Если это жалоба на сержанта, энергия уйдет на то, чтобы поставить его на место. Если дело получает публичный резонанс, главной задачей становится доказать прокурору, что сержант все сделал правильно. Это значит, что цели и методы действий находятся в диалектическом единстве, которое не всегда очевидно и просто, но является эффективным.

КАК УБЕДИТЬ В НЕЗАКОННОСТИ ДЕЙСТВИЙ?

Иметь при себе Закон о полиции и показывать, что действия законом не предусмотрены. Они отвечают: «У меня приказ МВД». Возражение: приказ не может выходить за рамки закона. Просите позвонить начальнику, потом звоните в дежурную часть, в службу доверия (хотя они сейчас не очень хорошо работают), потом – дежурному по прокуратуре. Желательно все эти телефоны иметь. В регионах телефон дежурного прокурора стабилен, а в Москве меняется, т.е. нужно звонить заранее и узнавать, иначе не найдете.

Самое главное в деятельности полиции – открытость. В законе записано, что деятельность полиции должна быть понятна для граждан. По требованию гражданина полицейский обязан представиться. Наши полицейские этого часто не знают.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

*Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге
и Университета Хельсинки*

21 октября 2020 года

НЕДОСТОЙНОЕ ПРАВЛЕНИЕ: ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

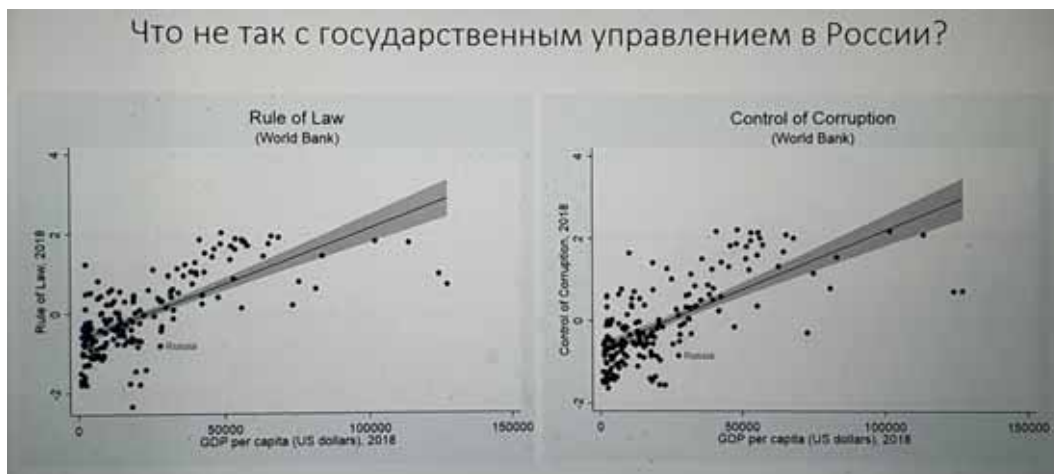
Я расскажу об основных положениях своей книги, которая вышла в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге, она называется «Недостойное правление: политика в современной России» и доступна для приобретения в бумажной и электронной версии. Мы начнем с названия книги и для этого обратимся к изображению на ее обложке.

Эта фреска Лоренцетти, «Аллегория плохого правления», была заказана городским советом Сиены, итальянского средневекового города-государства в 1339 году, и до сих пор висит на стене зала городского совета. Там есть еще и вторая фреска – аллегория хорошего правления. На фреске внешность центрального персонажа напоминает внешность нынешнего президента России. Автор считал, что это – символ тирании, ниже – символы тех, кому тирания покровительствует. На нижнем ярусе – спеленутая фигура, изображающая справедливость. Это такой нормативный антиидеал.

Что не так с государственным управлением в России, почему его нужно называть недостойным?

Какие оценки дает качеству управления в России Всемирный банк?

Качество управления в разных странах оценивается по различным параметрам. Есть закономерность: чем зажиточнее страна, чем выше в ней ВВП на душу населения, тем лучше качество управления. Это видно на обоих графиках. Какие-то страны управляются лучше, чем можно было бы ожидать, а какие-то хуже. По обоим графикам видно, что Россия, у которой душевой доход выше среднего, управляется намного хуже, чем можно было бы ожидать.

С кем корректно сравнивать Россию, если не с сопоставимыми по уровню развития странами?

Почему Россия не Буркина Фасо?

- Буркина Фасо (до 1984 – Верхняя Вольта; СССР как «Верхняя Вольта с ракетами»);
- Rule of Law Index, 2020 (World Justice Project): Burkina Faso 0.51 (70-е место в мире), Russia 0.47 (94-е место в мире)
- Corruption Perception Index, 2018 (Transparency International): Burkina Faso 40 балл из 100 (85-е место в мире), Russia 28 баллов из 100 (137-е место в мире)
- Rule of Law Index, 2017 (World Bank's WGI): Burkina Faso -0.40, Russia -0.79 (здесь и далее шкала от -2.5 (минимум), до 2.5 (максимум), везде приведены отрицательные величины)
- Regulatory Quality Index, 2017 (WGI): Burkina Faso -0.40, Russia -0.48
- Government Effectiveness, 2017 (WGI): Burkina Faso -0.59, Russia -0.08
- Control of Corruption, 2017 (WGI): Burkina Faso -0.11, Russia -0.89

Например, Буркина-Фасо (до 1984 года – Верхняя Вольта). Именно в 1984 году журналист Financial Times назвал СССР «Верхней Вольтой с ракетами». Он несправедливо «приложил» СССР, но публицисты не всегда думают о корректности сравнений. Прошло почти 40 лет. На слайде представлены шесть параметров оценки. Это не только Всемирный банк, но и Transparency International, а также World Justice Project, международный проект, который оценивает состояние верховенства права.

Так, по индексу верховенства права от WJP у Буркина-Фасо 0,51 (70-е место в мире), а у РФ – 0,47 (94-е место в мире); по данным Всемирного банка у Буркина-Фасо – -0,40 (шкала от -2,5 минимум до +2,5 максимум), у РФ – -0,79 (т.е. везде отрицательные величины). По индексу восприятия коррупции TI у Буркина-Фасо – 40 из 100, у РФ – 28 (137 место в мире). Качество управления (по данным Всемирного банка): Буркина-Фасо – -0,40, РФ – -0,48. Эффективность работы правительства: Буркина-Фасо – -0,59, РФ – -0,08. Контроль коррупции: Буркина-Фасо – -0,11, РФ – -0,59. Мы видим, что почти по всем параметрам Россия управляется хуже, чем Буркина-Фасо. И это обидное сравнение, потому что Буркина-Фасо – очень бедная страна (там есть проблемы с грамотностью, с доступом к питьевой воде), даже по африканским меркам. Ее душевой ВВП в разы меньше российского.

Конечно, можно сказать, что все эти индексы придумали специально для того, чтобы унижить Россию, как сказал российский президент. Но на самом деле в начале 2000-х годов мы могли наблюдать позитивную картину, параметры верховенства права и качества государственного регулирования в России улучшались. А с 2011 года началось их падение.

Есть проблема: мы ожидаем, что Россия будет управляться лучше, чем она управляется на самом деле. Почему возникает и усугубляется этот разрыв? Существующие ответы на этот вопрос можно разбить на два больших блока. Первый: во всем виноват Путин (есть об этом ряд академических и публицистических работ). Смысл этих утверждений состоит в том, что Путин создал вместе со своими соратниками клептократический режим (власть «жуликов и воров»), и все беды России исходят лично от Путина и его окружения. Но это недостаточное и не вполне точное объяснение. В первые годы путинского правления ситуация была совершенно иная, проводились многие полезные для России реформы. Более того, если мы посмотрим на другие страны, на российских соседей, то увидим, что они, по данным того же Всемирного банка, управляются не лучше, а порой еще хуже. Это относится как к демократическим странам, как сегодняшняя Украина, так и к недемократическим, как Казахстан. Конечно, личность в истории важна, но руководители могут играть разную роль.

Второе объяснение: во всем виновата Россия. То ли там плохое наследие Советского Союза, существование вечного советского человека, то, что отстаивает Левада-Центр, то ли, как говорят некоторые историки, у нас всегда было и всегда будет вотчинное правление, не соблюдались права человека и права собственности. Это – детерминистское и не подтверждающееся фактами объяснение. Даже на нынешнем негативном фоне в России наблюдаются примеры успешных преобразований, отдельных политических курсов, государственных проектов и программ. Их настолько много, что нельзя рассматривать только как исключения, подтверждающие правило. В литературе эти примеры называют «карманами эффективности». И их необходимо изучать.

Поэтому стоит прибегнуть к более сложной схеме анализа. Что такое недостойное правление? Это политико-экономический порядок управления государством, цель которого – извлечение ренты правящими группами и связанными с ними лицами. Они управляют государством, чтобы расхищать как можно больше и как можно дольше. Для такого правления характерны нарушение и/или извращение верховенства права, низкая эффективность правительства, низкое качество регулирования и коррупция – они являются механизмами, обеспечивающими поддержание и функционирование недостойного правления. Если говорить проще, то в основе таких подходов к управлению государством лежит стремление правителей извлекать ренту как можно больше и как можно дольше.

Индикаторы, которые использует Всемирный банк, показывают поддержание недостойного правления в России и ряде других стран. Если Всемирный банк говорит о коррупции как безусловном зле, то с точки зрения недостойного правления важен механизм, который поддерживает этот политико-экономический порядок. Проще говоря, если у правителя все подчиненные коррумпированы, то они лояльны, потому что подчиненного в любой момент времени можно обвинить в коррупции и привлечь к ответственности. Это в России время от времени случается с губернаторами, министрами и другими чиновниками, если с чьей-то точки зрения они неправильно себя ведут. Те люди, которые вовлечены в коррупцию, заинтересованы в сохранении этого порядка. Мы изучаем это не с нормативной точки зрения (как должно быть), как это делает Всемирный банк, а иначе – как именно механизмы управления государством функционируют на самом деле, и тогда картина предстает совершенно иной.

Мы сталкиваемся при таком подходе с определенными сложностями. Срок жизни авторитарных режимов ограничен, как правило, сроком жизни правителей – диктаторов. Такие правители склонны вести себя хищнически, если их произвол ничем не ограничен. Конечно, если правитель уходит из жизни, то его может сменить другой авторитарный правитель, но это уже не тот же самый режим. Я буду говорить «он» не потому, что я гендерно нечув-

ствителен, а потому что в современном мире все диктаторы – мужчины. В монархиях такая проблема не возникает, потому что вопрос власти решается через наследование, хотя и не всегда. Есть известная работа Мансура Олсона, который сравнивает монархии и другие автократии, называя правителей первых «стационарными», а вторых «кочевыми» бандитами. Кочевые бандиты – автократы, которые знают, что их режим будет жить столько, сколько будут жить они сами, поэтому у них нет стимула развивать свои страны.

Возникает вопрос, почему в современном мире не все правители ведут себя как кочевые бандиты? На этот вопрос дают ответ исторические социологи, отмечая, что в прошлом важную роль играли внешнеполитические ограничения, потому что угроза военных поражений заставляет управлять эффективно. Если вы управляете плохо, то враги могут лишиться вас части территории или вообще завоевать вашу страну. По мнению известного социолога и историка Чарльза Тилли, война – двигатель успешного развития, потому что вам нужна эффективная армия, нужны вооружения и грамотные солдаты, которые могут с ними обращаться, – значит, нужны вложения в образование. Нужно лечить раненых – нужны вложения в здравоохранение.

Другое важное ограничение – внутривластное. Если вы неэффективным правлением довели свою страну до упадка, то с большой долей вероятности вы можете столкнуться с неограниченным насилием: конфликтами, бунтами, гражданскими войнами, и вам нужно поставить барьеры на этом пути. Это аргумент Дугласа Норта, который писал о том, почему возникло верховенство права в Англии в конце XVII века.

Так это работало в прошлые века. Но сейчас эти ограничения оказываются все слабее. Большие войны ушли в прошлое, поэтому риск, что твою страну захватят враги, не очень высокий. Внутренние конфликты стали менее драматичными, ими научились управлять без неограниченного применения насилия.

Изменившуюся ситуацию анализировали два американских политолога, Брюс Буэно де Мескита и Алистер Смит. В «Методичке для диктаторов» они анализировали деятельность Каддафи и других африканских диктаторов и написали эту книгу в стиле вредных советов Григория Остера. Вывод такой: чем хуже вы управляете своей страной, тем это выгоднее для вас с точки зрения сохранения власти. Конечно, можно сказать, что не все диктаторы такие, среди них есть и те, кто своими странами управлял успешно. Но таких стран немного. Как сказал американский экономист Дани Родрик, «на каждого Ли Кван Ю в Корее приходится много Мобуту в Конго». Конечно, есть пример Китая, но это особый случай.

Россия не похожа ни на успешный Сингапур, ни на полный упадок в Конго-Заире. Она находится где-то посередине. Много примеров успешной государственной политики, «карманов эффективности». Например, Центральный банк успешно проводит борьбу с инфляцией. Налоговая реформа Кудрина – Грефа также была успешна с точки зрения развития страны.

С 1990-х годов разные правительства в России пытались воплотить в жизнь стратегию «авторитарной модернизации». Наличие авторитарного режима рассматривалось как условие для проведения правильного политического курса, а когда значимые результаты будут достигнуты, можно будет заботиться и о политических свободах. Этот курс не дал желаемых результатов, потому что на его пути стояло несколько ограничений. Во-первых, это низкое качество государственной бюрократии, которое куда ниже, чем, скажем, в странах Юго-Восточной Азии. Во-вторых, это электоральный авторитаризм, сочетающий недостатки демократии и диктатуры, в отличие от военных диктатур типа Тайваня времен Чан Кайши или однопартийной диктатуры в Китае. У электорального авторитаризма есть недостатки, присущие в том числе и демократиям с точки зрения проведения политического курса. Один из недостатков – бизнес-цикл, т.е. весь календарь принятия и реализации

решений привязывается к выборам. Нельзя принимать непопулярные решения, даже если они правильные, перед выборами. Если принимается решение с длительным сроком действия, то определить, как будут распределяться его издержки, тяжело. Приоритет отдается решениям, дающим краткосрочный позитивный эффект. Там, где нет выборов, у правительств развязаны руки. При электоральном авторитаризме, помимо этого, существует, как и в некоторых демократиях, борьба за распределение бюджета между распределительными коалициями. При электоральном авторитаризме лидеры могут принимать произвольные решения, которые приносят вред развитию страны. Пример: аннексия Крыма и введение контрсанкций, что при демократии было бы практически невозможно. У автократов есть тенденция перераспределять ресурсы и власть в пользу близких им людей, назначать на ключевые посты лоялистов, что в условиях демократии осложнено. Электоральные авторитарные режимы в целом более уязвимы с точки зрения качества управления, чем неэлекторальные.

Третье: какие идеи движут политическими лидерами. Нормативный идеал, который преобладает в политических элитах нашей страны, – «хороший Советский Союз», т.е. политико-экономический порядок, напоминающий поздний СССР, но более эффективно функционирующий. Этот идеал ретроспективен и неадекватен современным реалиям.

Хотя авторитарной модернизации и не получилось, российские руководители понимают, что управление страной – сложная задача, и в отличие от советских лидеров, которые часто проводили неадекватный политический и экономический курс, то ли руководствуясь индивидуальными предпочтениями (волюнтаризм Хрущева) или нежеланием делать что-то вообще (последние годы правления Брежнева), понимают, что есть чувствительные зоны, где необходима «защита от дурака». Есть спрос правящих групп на технократические решения в области экономики и финансов. Поэтому во главе Центробанка находится Эльвира Набиуллина, и Путин не назначает на этот пост, например, Игоря Сечина. Потому, что грамотная антиинфляционная политика важна для государственного управления. Это создает возможности для технократов, которым удается воплотить в жизнь грамотные и адекватные решения. Такие случаи оказываются редкими, потому что за этими решениями стоит политический патронаж. Например, налоговая реформа начала 2000-х годов не была бы воплощена в жизнь, если бы не хорошие отношения Кудрина и Грефа с Путиным.

У любого политического руководителя – демократического или авторитарного – не так уж много приоритетных направлений, которые он может курировать. Обратной стороной успеха налоговой реформы был неуспех других реформ.

Интересно посмотреть на «истории успеха», когда появляются деятели, которые энергично продвигают свои программы и добиваются успеха благодаря поддержке высшего политического руководства. В книге я привожу примеры успешной советской программы – космической и неуспешной – попытки создания советского эквивалента Интернета. Королеву, через поддержку со стороны патронирующей космическую программу Хрущева, удалось сломить сопротивление военных, потому что с их точки зрения полет человека в космос был пустой тратой денег.

Сегодняшние примеры: Высшая школа экономики – созданный с нуля университет с новым подходом к руководству, с новым менеджментом. Но этот успех оказался ограниченным во времени.

Такие «истории успеха» остаются частичными и редко распространяются за пределы «карманов эффективности». Когда руководство попыталось создать несколько аналогов ВШЭ, то на этом пути возникли непреодолимые препятствия. И программа 5/100 желаемого результата не дала.

Что мы можем ожидать в будущем? Самый вероятный сценарий – недостойное правление будет продолжаться и его патологии будут нарастать, продолжится загнивание режима. С какой скоростью будет идти этот процесс, сказать трудно. Власти понимают, что страна управляется плохо, и предпринимают усилия, чтобы бороться с какими-то патологиями. Какой выход из ситуации они предлагают? Я называю это подходом 3D: дерегулирование, дигитализация, децентрализация. Идея дерегулирования состоит в том, чтобы убрать наиболее одиозные препятствия для экономической деятельности. Идею дигитализации, т.е. цифровизации, продвигают очень бурно. Это хорошо и правильно, но она может работать в дополнение к хорошему качеству государственного управления, а не выступать его заменителем. Продвижение цифровизации часто оборачивается злоупотреблениями. Это и электронное голосование, и попытки контролировать высказывания граждан в Сети и т.д.

И децентрализация, о которой время от времени говорят, дает ограниченный эффект, если она не связана с демократизацией. В России сначала, в 1990-е годы, была обвальная децентрализация, которая имела скорее негативные последствия. В ряде регионов сформировались авторитарные режимы. Региональные лидеры способствовали протекционизму, создавая препятствия бизнесу. В 2000-е годы из одной крайности перешли в другую: создали вертикаль власти, определяющую и политику, и экономику. Но, надеюсь, в будущем баланс все-таки удастся найти. Конечно, в России всегда будут более или менее успешные территории, но одной лишь децентрализацией проблемы низкого качества управления не решить.

Опыт демократизации Украины после свержения Януковича говорит, что сдвиги в государственном управлении произошли, но они пока незначительны. Это касается, например, реформы судебной системы. Однако открытость позволяет, по крайней мере, некоторые злоупотребления выводить «на чистую воду», придавать огласке, и с проявлениями недостойного правления бороться легче. Но с системными проблемами бороться тяжелее, поскольку демократизация не дает быстрых успехов.

Что касается гражданских протестов, те из них, которые приводили к успеху, носили локальный характер и важны для конкретного города или региона. Но есть проблема. Героическое сопротивление в Шиесе привело к тому, что проект создания свалки там был приостановлен. Но такой проект не может быть реализован в любом другом месте, где сопротивление не будет сильным, где удастся подкупить или запугать лидеров мнений. Одно-го протеста местных жителей для улучшения качества управления недостаточно, необходимы механизмы, которые переводили бы протесты жителей в политические решения. Пока эта проблема не решена, местные протесты на режим не повлияют. А на пути создания общенациональной гражданской сети существует много барьеров, в том числе это размер страны. Протесты в Хабаровске сопровождались лишь единичными акциями поддержки в других регионах. Шиес поддерживали те, кто озабочен экологией, а большинство смотрело на эти протесты как болельщики на спортивных соревнованиях. Интернет тоже не стал механизмом мобилизации. От перехода недовольства из режима онлайн в оффлайн – очень большая дистанция, хотя она и может сокращаться со временем. В Государственной Думе невозможно решить никакой местный вопрос, пока не решаются вопросы общенациональные: а их, в свою очередь, невозможно решить без реформирования зарегулированного государства (при котором плотность регулирования высокая, а эффективность очень низкая).

Власти видят для себя и опасности в системе высшего образования. Образованные молодые люди критично относятся к режиму, это показывают все опросы. Вместе с тем есть потребность государства в квалифицированных кадрах, есть потребность в развитии высшего образования. Нет ответа на вопрос о том, как совместить эти требования. Полностью

контролировать высшее образование невозможно. Поэтому наносятся точечные удары по конкретным вузам и преподавателям. Увольнения преподавателей ВШЭ – оборотная сторона достижений этого вуза в такой стране, которой сегодня является Россия. Но самостоятельно мыслящие люди есть во многих российских вузах.

Никаких признаков демократизации сверху нет и не предвидится. Для этого необходимо массовое давление граждан. Свергнуть «на раз» авторитарные режимы тяжело, это требует больших усилий. Телеграм-каналов для этого недостаточно, придется создавать новые формы мобилизации. А старшее поколение, в отличие от молодежи, по-прежнему смотрит ТВ, а не ориентируется на Интернет. Да, политические ценности и установки меняются со временем, но этот процесс часто растягивается на долгие десятилетия.

Обычно борьба за демократизацию проходила в несколько раундов, первый сопровождался репрессиями со стороны автократов; потом демократическое движение снова выходило на авансцену. Я не жду свержения авторитарного режима здесь и теперь, но через какое-то время – скорее да, чем нет.

Российское руководство очень болезненно реагирует на протесты в сопредельных странах и начинает все больше их бояться. Нет оснований полагать, что в России будут протесты, сравнимые с белорусскими. Но смена режима в соседней стране очень волнует российское руководство, так бурную реакцию вызвало свержение Януковича: Крым, война на Донбассе и т.д. Но что мешало Путину сразу после свержения Януковича договориться с Порошенко, что Украина останется нейтральным государством, а российский флот будет базироваться в Севастополе, как и раньше? Это, видимо, был подсознательный страх, что сегодня пришли за Виктором Януковичем, завтра придут за нами.

Недостойное правление интересно изучать, но жить при нем – позорная практика.

Мир автократий сильно различается. Некоторым странам удалось выработать барьеры для недостойного правления. Например, как устроено управление китайскими провинциями? Там есть партийные секретари, которые назначаются на определенный срок. После истечения этого срока у них есть две опции: или они идут на повышение – в ЦК, или занимают менее значимые должности. Наверх можно попасть на основе конкуренции. Места в ЦК получают те, кто обеспечивал большие темпы экономического роста, лучшие экологические показатели и т.д. Если вы врете и обманываете начальство, ваши конкуренты в других провинциях вас разоблачат. И вместо повышения по службе вы отправитесь в места не столь отдаленные. Руководители провинций поэтому вынуждены что-то делать, чтобы провинции развивались. И этот механизм работает, о чем писали работающие в Германии исследователи Александр Либман и Михаэль Рохлиц в книге «Федерализм в Китае и России: история успеха и история провала?». По их мнению, как раз Китай перенимает сейчас худшие российские практики, в том числе – связанные с отменой ограничения сроков полномочий руководителей, это будет иметь негативные результаты.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ

*Профессор Высшей школы экономики,
кандидат географических наук*

30 октября 2020 года

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЕЖИМА И МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Сегодня, в 2020, происходят события, являющиеся самым тяжелым испытанием для режима. Режим, который мы сегодня наблюдаем, существует с 2014 года, именно тогда он очень сильно изменился.

Первое. Есть несколько логик трансформации. Одни иногда противоречат друг другу, другие иногда усиливают друг друга. Одна – это обеспечение воспроизводства всей политической системы в целом. Она началась в 2014 году после присоединения Крыма. Вторая – обеспечение комфортного положения Путина в этой системе, которая началась в этом году, когда Путин в своем послании объявил конституционную реформу. Третья – реакции на вызовы извне и реакции на начавшуюся трансформацию. Эти процессы уже запущены и будут вести к серьезным последствиям, даже если Путин откажется от своих планов. Пример, когда эти логики противоречат друг другу – военный парад и референдум по Конституции. Власти важно было обеспечить голосование на красивом фоне, но это стало невозможно из-за пандемии. Власть впала в ступор и не смогла отказаться от выстроенной цепочки действий.

Мы видим изменения как реактивные, так и проактивные: для того, чтобы минимизировать негативные последствия каких-то происшествий для системы и изменения, ориентированные на будущее, смысл которых мы до конца не понимаем. Пример – законопроект о Госсовете, которого очень долго ждали, потому что считалось, что это будет ключевой момент трансформации системы, позволяющий Путину после завершения президентского срока остаться каким-то образом у власти. Сейчас понятно, что эти планы пересмотрены, и решение проблемы будет выглядеть по-другому. Еще один пример: право президента назначать сенаторов в Совет Федерации, – новая Конституция позволяет увеличить число сенаторов, которых он назначает. Планы вариативны, ружье на стене не обязательно выстрелит в конце первого акта, а когда это случится, мы не знаем.

Конституционная реформа – установление новой рамки политического дизайна и выведение из игры всех относительно самостоятельных игроков, закрепление и усиление султанизма, когда все органы власти формируются и контролируются одним человеком и его окружением. Эта новая концепция расширила свободу маневра главного игрока и парализовала остальных игроков. Одновременно произошла замена генерального прокурора. Прокуратура – ключевое звено, а не просто одна из правоохранительных корпораций. Ее реформирование «подвесило на крючок» весь бизнес. Все гарантии, которые были даны Юрием Чайкой, не действуют, а как прокуратура будет работать при Игоре Краснове, никто не знает. Т.е. произошло обнуление всех договоренностей, существовавших ранее. Никто, кроме Кремля, не может вести активную игру, остальные выжидают. Новая Конституция демонтировала большинство старых институтов, расчистила площадку. Это касается высших судов, когда судей может увольнять президент, Дума, которая рада уже тому, что она не самораспустилась, и Совет Федерации, где 30 сенаторов может назначать президент. Совет Федерации и был совсем не самостоятельным органом: президент назначает губернаторов, которые назначают сенаторов. Это назначения пакетные, при назначении варяга губернатором в регион, Кремль сразу же, в пакете дает фамилию и сенатора. В правительстве все перестроено, и премьер-министр теперь легко снимается. Все институты до предела ослаблены, а бизнес-игроки, которые могли бы как-то повлиять, находятся в неопределенном состоянии.

Третий сюжет – реформирование силового и правоохранительного блока, которое осуществляется уже давно. Первое изменение дизайна и состава этих органов прошло в 2016 году. Тогда руководители были радикально заменены – не просто замы стали руководителями, но – заменены на новых людей из других корпораций, с посадками. Это осуществляется примерно так, как сейчас – с прокуратурой. Приходит новый прокурор, не из этой системы, а из другой – Следственного комитета – и начинает менять не просто состав, но весь дизайн корпорации, это не только смена поколений – пожилых на молодых. Старых опытных руководителей нет и больше не будет.

Очень хороший пример – регионы. В последние три года происходила замена губернаторов на условных технократов – варягов. Новые руководители корпораций (это может быть даже Александр Бортников после Николая Патрушева) никогда не будут игроками с большим политическим ресурсом, как их предшественники. В МВД это – радикальная смена руководства. В Следственном комитете это – замена главы с посадкой пары-тройки генералов. Александр Бастрыкин уходит, происходят замены во втором-третьем эшелоне. И все эти корпорации сейчас ослаблены. В ФСБ, которая оставалась до последнего времени бенефициаром этих изменений, тоже происходят замены. Только что заменили Сергея Смирнова, первого заместителя директора, он – очень знаковая фигура, занимавшая должность дольше Бортникова, с 2003 года, он – одноклассник Николая Патрушева и Бориса Грызлова. Он имел непосредственное отношение – контролировал структуры, связанные с отравлением Алексея Навального и преследованиями в других силовых структу-

рах, скандалами в банковском секторе. Важны и замены во втором эшелоне, в Верховном суде и в Мосгорсуде. Это все вместе – замена «насадки» во всей репрессивной машине.

Эту логику – замену старых, неплохо работавших людей, на новых – можно видеть в короткой или длительной временной перспективе. В короткой перспективе можно видеть отставку Смирнова как следствие скандала с Навальным. Посадили несколько офицеров ФСБ с гигантскими деньгами, которые крышевали банки. Но если посмотреть шире, то увидим, что заменили руководителей отделов всех ключевых ведомств в стране: Следственный комитет, МВД, ФСБ, руководителя следственного департамента. Поэтому не обязательно смотреть, чем же проштрафился каждый из них конкретно. Вывод: репрессии будут осуществлять другие люди.

Ряд элементов системы играет ключевую роль, вне зависимости от того, как лоялен или даже эффективен человек, занимающий соответствующую должность. Их надо время от времени менять. Например, Элла Памфилова – пятый председатель Центризбиркома. Они в табели о рангах занимают в стране чуть ли не шестое место, и все гордились тем, как замечательно они проводили выборы. И Владимир Чуров, и Александр Вешняков были совсем не плохи, просто они отработали на этом месте свой ресурс. Системе важно, чтобы люди, выполняющие важные функции, не возомнили слишком много о себе, не думали, что они – ключевые игроки.

Дизайн и кадры – измерения политической трансформации. Главное – построение и отлаживание машины, где разведены силовые, политические, административные и финансовые ресурсы. Это превращает каждого отдельного игрока в винтик, он сам по себе играть не может. Если, например, он силовик – директор ФСБ, то у него не может быть политического и финансового ресурса. Там, где не происходит персональных замен, отсекаются ресурсы, как это произошло, например, с министром МВД Владимиром Колокольцевым. Если у тебя есть политический ресурс, у тебя не может быть никакого другого (как у Патрушева). Обычно в пример приводят Игоря Сечина, бывшего зампреда правительства, как того, кто сумел пройти между струйками дождя. Но, на самом деле, у него силового ресурса по сравнению с тем, что было раньше, уже почти нет.

Все сказанное еще раз показывает, что это – системные изменения, наказание неугодных, проштрафившихся, ослабевших людей.

Что произошло с преемниками, мы можем наблюдать, т. к. прошло более шести лет. Владимир Кожин, управляющий делами президента, был очень влиятельной фигурой. Пришедший ему на смену Александр Колпаков ничем не замечателен. С поста главы РЖД ушел Владимир Якунин, и на его месте мы видим просто чиновника – технократа Олега Белозерова. Он более или менее эффективно выстраивает работу на своем месте, но не превращается во влиятельную фигуру.

Подошла и реформа судов, Валерий Зорькин (Конституционный суд) и Вячеслав Лебедев (Верховный суд) будут заменены. Это же касается Совета Федерации и других корпораций. Там заместителями, возможно – сменщиками становятся новые люди. Из силовиков это и Бастрыкин, и Патрушев, и, наверное, Бортников.

Наши политические партии тоже крайне архаичны, имеют лидерами пожилых, работавших свой ресурс вождей. Их замена – вопрос ближайшего будущего. Если об этом не позаботится Кремль, то сама жизнь.

Следующая проблема – с Госсоветом. Законопроект есть, а ясности, как он будет вписан в политическую систему, нет. При этом сейчас ясности еще меньше, чем до его внесения. Его реализация приведет к деинституционализации, хотя на щит поднимается то, что это важный новый институт. Сейчас Госсовет работает по президентскому указу, где

написано, как формируется он сам и его президиум, как и с какой регулярностью проводятся заседания и того, и другого. Президиум должен работать полгода, но его до сих пор не поменяли. От каждого федерального округа там есть по губернатору, они должны собираться ежемесячно с президентом. По новому законопроекту его состав существенно и неопределенно расширяется: это спикеры двух палат и люди по назначению президента. Кто еще должен входить в Госсовет, законопроект не определяет. Там еще должны быть представители местного самоуправления и партии, имеющие представительство в Госдуме. С одной стороны, есть четкое описание ядра, с другой стороны – есть иные лица, которых включает президент. Не определена и регулярность заседаний Госсовета. Как часто он должен заседать, тоже не определяется, Конституционная реформа продолжается, но не через укрепление институтов, а через расширение полномочий президента.

Деинституционализация, которую мы наблюдаем, не временная, а постоянная. По моему представлению, Путин не уйдет с поста президента в 2024 году, он изменит конструкцию этого поста, уйдет с обременительных ежедневных, зачастую неэффективных функций, будет царствовать, а не управлять. В одном из интервью на вопрос, царь ли он, Путин, к сожалению, говорит, что – нет, так как делает и то, и другое, крутится, как белка в колесе.

Можно себе представить, что это будет двухголовый орел: Правительство и Совбез с управленческими и соответственно силовыми функциями, а Путин – короной над ними. Главное, что его волнует – сохранение контроля над силовиками.

Эти риски связаны как трансформационные, что продумывалось, но одним человеком. То же показывают неожиданные для основных игроков шаги (как предложение Валентины Терешковой по обнулению сроков). Неизбежны и накладки, сбои, потому что решения серьезным образом не продумывались. Система сейчас устроена так, что не способна осуществлять системные реформы. Пример – это неудачные попытки монетизации в 2004–2005 годах, пенсионная реформа. Механизма комплексных реформ, где сталкиваются интересы различных элитных групп, нет. Попытка что-то подкрутить и подправить вызовет лавинные процессы. Если их не удастся контролировать, это приведет к коллапсу системы в целом.

Логика многих решений понятна только в контексте и во временной перспективе. Кроме того, частная логика может входить в противоречие с общей. Пример – провалы губернаторов в 2018 году и реакция Кремля. Если губернаторы не нравятся гражданам, есть риск протестного голосования, можно сделать как раньше – найти кандидатов, которые хороши для граждан внутри региональной элиты, пусть они будут губернаторами. Кремль пошел другим путем и предпринял колоссальные усилия, чтобы избрать, например, Александра Беглова в Петербурге вопреки желанию подавляющего большинства жителей города. Демонстрировалось, что Кремль вправе и в силае продавить любого кандидата, нравится он вам или нет.

Сейчас в регионах нет точек консолидации ни в лице губернаторов, ни в лице глав заксобраний.

Легитимность, на которой базируется наша власть в целом, – это легитимность Путина – сильного вождя. Но эта легитимность входит в противоречие с любой другой легитимностью, и это проблема для системы. Если выбран губернатор, за которого люди проголосовали, то его легитимность ставит под сомнение легитимность вождя. Сегодня губернатор должен быть легитимен только потому, что его назначает популярный президент. Задача – переломить вас и заставить принять выбор, который там уже был сделан.

Еще одна характеристика политики этого года: быстрота реагирования и скорость принятия решений, что связано с большей, чем раньше, деинституционализацией. В авто-

ритарном режиме решения принимаются быстрее, чем в демократии: автократу не нужно ни с кем договариваться. В нашем режиме были различные неформальные институты, участвовавшие в принятии решений, сегодня их роль уменьшилась.

Вторая черта – быстрый пересмотр решений, которые оказались контрпродуктивными. Если раньше система настаивала на решении, будь то назначение какого-то контрпродуктивного человека или что-то другое, то сейчас система очень быстро реагирует, потому что для нее это вопрос жизни и смерти, у нее нет времени и ресурсов, чтобы настаивать на эффективном решении и платить за это. Например, объединение Архангельской области с Ненецким автономным округом. Оно было очень заметно на региональном уровне, но Кремль крайне быстро отказался от этого решения.

Третье – это участие Путина в погашении наиболее серьезных локальных конфликтов: Норильск с экологической катастрофой, Башкирия с массовыми протестами в связи с «Башсодой». Это происходит, когда на участии вождя можно набрать очки: продемонстрировать заботу об экологии, о гражданах, эффективность управления. Даже в случае с Хабаровским краем: назначение однопартийца арестованного Сергея Фургала – Михаила Дегтярева, которого напутствовал президент, рассматривалось как жест власти в сторону граждан. То, что власть ведет себя там с гражданами не так, как могла бы, тоже позитивный момент, который вызван со стороны власти боязнью ослабления.

Любой системный сбой чреват серьезными последствиями. Когда власть Ельцина ослабла, ее подхватили региональные лидеры и региональные политические элиты. Сейчас это невозможно. В регионах на чемоданах сидят технократы и спят и видят, когда им разрешат вернуться в Москву. Региональная элита разобщена, разучилась слаженно и эффективно действовать в интересах региона. В большинстве регионов (не беру Чечню, Татарстан и некоторые другие регионы) в случае сбоя системы окажется дыра. Конечно, у нас много талантливых людей, но у них нет опыта публичной политики. Этот опыт приобретается, но он требует времени, и его приобретение сопряжено с ошибками. Несколько лет должно пройти, пока культурный слой, разрушенный за 20 лет, восстановится. Слабое представительство региональных политических элит в Думе связано с их деградацией. Одномандатники, хотя бы они этого или нет, – представители регионов и должны отчитываться и выражать интересы тех граждан, которые за них проголосовали. Пока этого нет. Понятно, что развитие должно идти в сторону усиления регионов, но это не может быть сделано за ночь. Сегодня очень активно ротируется губернаторский корпус. При этом концепция такова: управлять регионом может любой, если он, с точки зрения Кремля, послушный и эффективный управленец. Сегодня ты управляешь департаментом министерства, завтра – регионом, а потом – министерством. Средний срок нахождения у власти губернатора 2,5–3 года. Отставки губернаторов происходят, когда есть сила, лоббирующая это решение, и есть фигура, которая может выглядеть как адекватная замена. В случае Москвы и Питера это необыкновенно сложно, потому что много сил завязано: найти человека, который устраивал бы всех и не привел бы к дестабилизации. Дольше всех сидят те, до которых нет дела (как до губернатора Курганской области), и нет большого числа желающих занять это место, и тех, кому тяжело подыскать замену.

Когда Путин пришел к власти, он провел дефедерализацию, дерегионализацию. До этого регионы были замкнутыми корпорациями, со своими правилами, которые могли не радовать либерально настроенного человека. Это сломали и создали систему федеральных корпораций, которые тоже выглядели как удельные княжества (как РЖД времен Якунина). Среди губернаторов много телохранителей Путина: Алексей Дюмин в Тульской области, Евгений Зиничев (бывший губернатор Калининградской области), Дмитрий Миронов (бывший губернатор Ярославской области). Они чаще всего не принимают участия

в управлении, ждут, что их карьера в силовом блоке продолжится. Никто из глав регионов не рассматривает сидение на этом посту как пожизненный проект (Чечня – исключение). Это плохо, потому что губернатор действует не из стратегических интересов региона (и своих), а исходя из алгоритма действий чиновника, чем он быстрее рапортует о выполнении приказа или намек на приказ, тем лучше. Это напоминает советские кампании. Была кампания по увеличению производства мяса. Глава Тульской области рапортовал, что он вдвое повысил производство мяса. Получил Героя Труда. А на следующий год выяснилось, что он все поголовье пустил под нож, и молока теперь нет. Это хорошая иллюстрация, как работает система губернаторов-временщиков.

С 2014 года начался монтаж этих корпораций. Можно было ожидать, что будут укрепляться регионы, но этого не произошло. Мы наблюдаем декорпоративизацию и выстраивание одной вертикали вместо многих. Здесь важный элемент – репрессии. Это наркоз, вы его вкололи и парализовали пациента. Он не мешает вам делать то, что вы хотите. Но если вы захотите, чтобы он начал что-то делать, это не всегда получается. Репрессии парализуют элиту, которая боится что-то сделать без приказа и принять на себя ответственность. В условиях гигантской страны и турбулентности существует гарантия того, что возникнут серьезные проблемы, которые невозможно будет купировать, когда их станет изрядное количество.

Вопрос о транзите стоит, но на постсоветском пространстве мы не видим ни легкого, ни быстрого транзита с уходящим в астрал лидером. Последний пример – Казахстан – совсем не вдохновляющий для автократа. Общий контур плана Путина более или менее понятен. Но как он устроен внутри, и как меняется в связи с вызовами извне – большой вопрос. Есть основания думать, что информированность автократов, включая нашего, не 100%. Решения, пусть даже эффективные, исходят не из объективной, а из искаженной информации, поэтому они не могут быть хороши во всех случаях. Это своего рода шахматная партия, которую Путин объявил 15 января и сделал ряд ходов, все шло прекрасно. Но вдруг он натывается на эпидемию и падение цены на нефть. Это обнуляет расчеты на то, что, раздав гражданам денег, власть получит благоприятную оценку того, что происходит. Отношение граждан не может быть позитивным, потому что для них ситуация напряженная и тяжелая, и дальше это будет только ухудшаться. В этой логике чем раньше ты проведешь то, что задумал провести, тем лучше, потому что потом все может поменяться. В марте Путин отказывается от этого плана, и возникает Терешкова. Это простой путь, но задача, которая ставилась, не решается. Задача Путина – не сидеть до самой смерти на своем троне. Но подкрутить систему так, чтобы она работала без него, поставить ее на автопилот. Проблема режима не в том, что есть какое-то организованное сопротивление, которое все ломает. Хотя сопротивление есть, не только публичное, но и в элитах, оно может блокировать инициативы. Поставив на автопилот, можно лететь нормально, если базовые параметры не меняются. Но сейчас ситуация турбулентная. Наладив систему с принятием всех основных решений в одном центре, переналадить ее на работу в автоматическом режиме невозможно.

Я уповаю не на сопротивление по белорусскому образцу, а на то, что система не будет способна адаптироваться к меняющемуся миру.

Мы живем в интересной стране, она всегда может удивить, и смотреть за российской политикой всегда не скучно, особенно если не ограничиваться взглядом снаружи, а пытаться проанализировать внутренние связи. Ситуация меняется по дням, а не по годам, как было раньше. Из фазы стагнации мы перешли в фазу штопора, чем то закончится – не ясно.

АЛЕКСАНДР ДУКА

*Ведущий научный сотрудник,
звездующий сектором социологии власти и гражданского общества
Социологического института Российской академии наук филиала ФНИСЦ РАН*

25 апреля 2020 года

САМОВЛАСТИЕ ЭЛИТ

ПОЧЕМУ ЭЛИТЫ СКЛОННЫ К НАРУШЕНИЮ НОРМ И ПРАВИЛ

Для начала мы должны дать некоторые определения. Начну с самого простого определения элит.

Властные элиты – это социальные образования, которые управляют. В зависимости от выбранного типа анализа и исследовательского инструментария мы можем рассматривать эти «образования» как:

- институты,
- социальный слой,
- определенные социальные группы,
- совокупность находящихся у власти индивидов.

При любом типе анализа важен такой элемент как управление, руководство.

Если мы рассматриваем элиты с институциональной точки зрения, то нас интересует, каким образом осуществляется на уровне всего общества его стабилизация, обеспечение функционирования различных подсистем общества. Здесь является существенным выработка и поддержание принципов и норм функционирования общества. Делает это, конечно, государство. Элиты в этом случае – те, кто на государственных должностях обеспечивают деятельность государственных институтов.

Понятно, что индивиды, «населяющие» государственные структуры, не живут только в них. Они в большинстве своем имеют семьи, что-то потребляют, «производят» определенный образ и стиль жизни, воспроизводят себя физически, социально, культурно. Это имеет важное значение для всего общества, так как именно в этой вроде бы частной жизни происходит создание и поддержание образцов поведения, на которое ориентируются (но которого не достигают) другие слои населения, происходит определение того, кто мы есть и чем отличаемся от не-нас. Обычно элита с этого ракурса предстает как «высшее общество», «высший класс».

Чаще всего элиту рассматривают как социальную группу, начальствующую в публичных институтах. Смысл и назначение ее – правление и управление обществом и его подсистемами. Осуществляется эта функция посредством принятия кардинальных решений, в том числе по поводу распределения и потребления общественных благ.

И наконец, элита может анализироваться как совокупность находящихся у власти индивидов. Это вожди и лидеры, которые определяют направления политики и выбор средств достижения заявленных целей. Основной механизм – подбор кадров, расстановка и контроль их деятельности. Другими словами, создание своей команды (в узком и широком смысле).

Важно иметь в виду контекстность функционирования элит. Ситуация вне властного общества и внутри него (констелляция внутриэлитных групп) постоянно меняется.

Высказанные соображения касаются полностью или частично многих видов элит. В данном случае я сконцентрируюсь на политико-административных элитах, контролирующих основные политические (представительные, законодательные) и административные (исполнительные) институты.

Они выполняют важные для всего общества или местного сообщества функции, связанные с поддержанием его существования. Они принимают «неоспоримые» решения. Они заявляют себя как «часть народа» (и для части населения это так). Это особенно наглядно проявляется у депутатов. У администраторов – та же логика. Поэтому они часто ссылаются на общественные интересы, интересы народа, его волю. Это – важное основание их легитимности, то есть признание правомерности их существования и деятельности. Их статус определен законодательно. Они действуют легально, в правовом пространстве.

Это социальные группы и личности, имеющие собственные интересы и потребности. Для них главное – сохранение собственных позиций (как группы, так и отдельных персон). Как любые группы, элиты стремятся отделить себя от других групп. Зачастую «другие» для них – остальное общество. В поведении и потреблении они стараются дистанцироваться от других. Они вырабатывают свои внутренние нормы, вне зависимости от других правил. Для них характерно деление на своих и чужих.

Существует конфликтность двух позиций этих групп и индивидов. Они одновременно по-разному себя идентифицируют. Но и обществом они идентифицируются двояко. Это связано с тем, что институты и организации имеют «человеческое» наполнение и измерение. А социальные роли, которые в них выполняют индивиды, не простые функции, а деятельность конкретных личностей со своими страстями, интересами, потребностями, чув-

ствами. Происходит смешение общественных ролей и позиций и частного существования элитных персон. В последнем также наличествуют роли и позиции (семейные, родственные, клановые, дружеские, деловые и т.п.). Кроме того, у лиц и групп, находящихся у власти и контролирующих общественные ресурсы, присутствует постоянное стремление приватизировать позицию и общественные блага, включая пространство и время.

Примером последнего может служить скандал с помощником секретаря по обороне США Дианой Уайт (2018–2019), которая заставляла в рабочее время подчиненных покупать колготки, относить вещи в химчистку, покупать еду, планировать ее личные поездки, звонить в службу опеки по поводу усыновления. Подобных случаев множество в разных странах и на разных властных уровнях. Это не только элитная проблема. На рабочем месте мелкий начальник может вести себя аналогичным образом.

Приватизация пространства может происходить разными путями. В качестве примера можно привести приезд на частную вечеринку Legal Street под открытым небом, проходившей 16 мая 2019 г. в центре Санкт-Петербурга, *министра юстиции* (что весьма примечательно) Александра Коновалова. Действо проходило на улице Рубинштейна в рамках культурной программы Международного юридического форума. При этом местные жители активно протестовали, вывешивали плакаты в окнах и на балконах, проводили одиночные пикеты. Однако реальными хозяевами публичного пространства и фактического места проживания и жизнедеятельности граждан оказались люди во власти.

Деятельность политических элит, помимо прочего, связана с принятием решений, имеющих кардинальное значение для функционирования общества. Часть таких решений связана с нарушением границ, полагаемых обществом. Это могут быть моральные (или морально оцениваемые), социальные, политические, религиозные и т.п. нормы, ограничивающие пространство взаимных предсказуемых действий власти и общества. Это то, что препятствует хаосу, произволу, беззаконию. В этом отношении вполне справедливо писал немецкий ученый Карл Шмитт в работе «Политическая теология»: «Не существует нормы, которая была бы применима к хаосу. Должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок. Должна быть создана нормальная ситуация, и сувереном является тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно, это нормальное состояние. Всякое право – это «ситуативное право». Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в его тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения». Решение по признанию нормы нормой и по ее изменению фактически принадлежит лицам, контролирующим, «владеющим» теми институтами, которые облечены правом определять, что законно, а что нет. Именно по отношению к ним применимо определение суверена, несмотря на то, что во многих современных конституциях прописан народ и его воля как начало права и государства.

Так законно ли и легитимно ли нарушать закон? В связи с этим возникает ряд вопросов. Можно ли находиться исключительно в рамках существующих норм? Как возможно какое-либо движение вперед? Как возможно приспособиться к новым обстоятельствам? И здесь вполне уместно будет привести слова французского социолога Роже Кауэя, утверждавшего: «...власть является основанием законности. Всякая власть является суровым испытанием: не злоупотреблять ею, когда это нужно, значит почти разрушить ее. Ответственность того, кто принуждает, является ужасной, а в известном смысле почти неискупимой. Но ее либо брать, либо остановить: когда необходимо, чтобы принуждение действовало, чтобы рождало порядок, даже уважение к закону теряет силу». В определенном смысле ему вторит Поль Рикер, отмечавший непростую коллизию права: «Идеализм права способен утвердиться в истории лишь при поддержке самовластия государя. Такова сфера политики, разрывающаяся между идеалом суверенитета и реальностью власти, между суверените-

том и сувереном, между конституцией и исполнительной властью, в частности, полицией... расхождение между правом и произволом является *внутренним* противоречием всякой политической власти».

Итак, политическая деятельность и, соответственно, деятельность элит имеет два основания. Или две направленности: поддержание стабильности, охраняемой законом, и нарушение этой стабильности во имя ее самой. Конечно, здесь стабильность может быть рассмотрена с двух точек зрения (связанных с определенными интересами): элит и общества. Стабильность чего? Положения собственников власти в качестве руководителей, начальников и распорядителей ресурсов или общества. На практике в силу контроля со стороны элит над основными информационными потоками это для населения оказывается трудно различимым.

Важный термин для рассматриваемой темы – **трансгрессия**. Это наиболее общее понятие, обозначающее нарушение всяческих границ, в том числе – внутриэлитных. Можно говорить о моральной, гражданской трансгрессии и т.п. Как отмечается в литературе, степень такого рода действий может быть различной – от бунтарской (разрушение границ во имя нового) до субверсивной, направленной на изменение элементов системы. И словесно выражается это различие содержательно и риторически разными словами: трансгрессия, произвол, злоупотребление, девиация, нарушение, субверсия, инновация, самоуправство, самодурство. Как видно, отношение к действию, направленному на нарушение границ, выражается в том числе в выборе слов.

Проявление нарушения границ дозволенного связано с тем, какие нормы и как нарушаются, а также с используемыми ресурсами.

Произвол связан с игнорированием внешних по отношению к властным группам запретов (включая гражданские кодексы), но он одновременно может быть ориентирован на внутренние нормы элитного сообщества. В описании *Джеймса Мейселя* это общее сознание, согласованность, сговорность. *Вильфредо Парето* самоограничение связывает с индивидуальными характеристиками членов элитного сообщества, что не отменяет группового давления или принуждения. С точки зрения всего общества и правового регулирования произвол соотносим с деспотизмом, как писал *К. Шмитт*.

Злоупотребление проявляется в нарушении границ властных ресурсов.

Девиация обычно связывается с очевидным для большинства членов общества нарушением общепринятых норм, обычно рассматриваемым как социальная патология, несущая угрозу существующему социальному порядку. Более мягкое отступление от норм трактуется как отклонение.

Политическая коррупция – нарушение правовых норм лицами, находящимися на официальных постах в государственных и муниципальных органах власти, ради реализации индивидуальных и групповых интересов.

Существует и такое понятие как элитный парадокс. Элиты должны в силу своей позиции в социальной структуре и институционально-социальном порядке целесообразно формировать новые (как реакция на требования времени) и поддерживать существующие институты. Они не только гаранты, но и «собственники», они находятся на вершине порядков, стабилизируя их (Ханс Герт, Чарльз Райт Миллс). Задача институциональных порядков – обеспечить функционирование общества. В этом их общественное оправдание и обоснование легитимности. Таким образом, элиты выстраивают институты «под общество». Но они одновременно выстраивают их «под себя» (поскольку являются частью общества с его специфическими интересами и потребностями). Одновременно, находясь в такой позиции, они получают возможность нарушать нормы, чем они и пользуются.

Помимо публичной активности в рамках своего функционала члены элиты в *публичном пространстве* действуют как частные персоны. В этом случае «запредельность» рассматривается как **скандал**. Но следует отметить, что элиты могут действовать и как частные лица. Но здесь сразу же возникает вопрос – а **могут** ли элитные персоны действовать как частные лица?

Известный социолог Поль Бурдьё писал: «Политические деятели и особенно представители государственной знати, имеющие доступ к политическому полю как к месту легитимной, официальной политики, но также государственные чиновники, как высокопоставленная знать, подчинены возможным ограничениям, применяющимся также и к частному миру. В предельном случае у них вообще нет частной жизни, поскольку последняя всегда может быть вынесена на обозрение, подвергнута тому разоблачению, которое состоит в публикации частного. Стоило бы подумать о таких сатирических газетах, как *Le Canard enchaîné* – их очевидная политическая функция состоит в нарушении границы, которую официальные или полуофициальные газеты, такие, как *Le Monde* нарушать не могут. Такие газеты разоблачают скандалы, но лишь при определенных условиях в определенных рамках, в довольно редких случаях. Есть официальные уполномоченные или уполномоченные органы, чтобы нарушать эту границу официального и частного, чтобы сделать официальным, т.е. публичным то частное, которое может противоречить официальному определению частного лица». Находясь на вершине, ты всегда находишься под прожекторами общественности. Такие люди должны подчиняться принципам публичности частной жизни. Это очень важный момент. Публичная роль становится *основной* в определении иных ролей. Соответственно, права и обязанности связаны с публичностью таких персон.

Политический скандал в современных политиях стал частью жизни. Наряду с негативными аспектами своего бытования и функционирования (политически) скандал является важным механизмом культурно-социальной динамики. Можно предположить, что существует некий *оптимум*, превышение которого приводит к разрушению или деградации системы. В социально-политическом аспекте это связано с *делигитимацией* политической системы (режима) и политических акторов.

Скандалы, разгорающиеся вокруг политиков, имеют двойственный характер. С одной стороны – это нарушение ценностей, правил, моральных кодексов. При этом соблюдение моральных кодексов обязательно для публичной жизни. Это секретно, но известно другим лицам, вызывает публичное неодобрение и вызывает потенциальную возможность нарушения репутации, потому что задействованы средства массовой информации и это широко обсуждается.

Политический скандал – это публичное событие, в ходе которого выявляется и широко обсуждается в СМИ нарушение политиком или политической организацией важных норм или морали. Это скандал, вспыхивающий после обнародования факта коррупции, связанный с политическими деятелями или элитами. Также скандал может быть связан с нарушением принятых моральных норм. Например, когда политика поймали с проститутками или женатого – с другой женщиной, с секретаршей. Выход из скандала в ряде обществ связан с определенным ритуалом. Так, если мы посмотрим американские СМИ, то увидим повторяющуюся картину. Провинившийся и разоблаченный элитарий демонстрирует свое раскаяние и примирение с семьей. Он держится за руки с женой и перед аудиторией обещает, что он никогда не будет нарушать заповеди и будет вести себя хорошо. Политические деятели могут потерять в таком случае свою должность, но это происходит не всегда. Например, с президентом США Биллом Клинтоном так не произошло.

Недавний пример скандала периода коронавирусной эпидемии. Глава Минздрава Шотландии Кэтрин Калделвуд (2015–2020) решила покинуть свой пост после того, как на-

рушила условия карантина, введенного из-за пандемии. Она дважды уезжала в свой загородный дом из Эдинбурга, находящийся в часе езды от столицы. Она сказала во время брифинга: «Я не следовала советам, которые давала другим, мне действительно жаль. Это было неправильно».

Еще один пример – Тони Херберт, мэр города с 35 000 жителями в Австралии, Уоррнамбула. Там существует кодекс правил поведения. Основной принцип поведения советника: действовать честно, беспристрастно выполнять свои обязанности в пользу местного сообщества. Общие принципы поведения: избегать конфликта между своими публичными обязанностями в качестве советника и личными интересами и обязанностями; действовать честно и избегать заявлений (устных или письменных) или действий, которые введут или могут ввести в заблуждение или обмануть человека. Мэр призывал горожан избегать публичных мест, сидеть дома. А через несколько часов его застали пьющим пиво на улице. Полиция оштрафовала его на 1044 доллара за нарушение карантинных правил. В регионе были запрещены в связи с пандемией встречи более чем двух человек. За исключением встречи соседей и людей, продолжающих ходить на работу.

Социологи Зигмунд Бауман и Леонидас Донскинс в книге о моральной слепоте писали: «Непрестанные политические скандалы сходным образом ослабляют, а то и вовсе устраняют политическую чувствительность. Для того, чтобы общество оживилось, должно произойти что-то неожиданное либо невероятно жестокое. Таким образом, массовое общество и массовая культура адиафоризуют нас». Авторы используют производное от греческого слова *adiaphoron* – неважная вещь, временная исключенность из зоны чувствительности, способность реагировать так, словно что-то произошло не с живыми людьми, субъектами, а с предметами.

В чем проблема политической морали? Торжество неолиберализма и доминирующий экономический взгляд на все сферы жизни приводит к уменьшению значения морали. В современном обществе мораль становится подчиненной эффективности и успешности. Она как бы исчезает из общественной риторики. Это видно по научным и публичным текстам, риторике властей. Это – следствие победившего капитализма.

Но мораль не исчезает. Она приобретает политико-инструментальный характер, становится инструментом в борьбе за власть. Ее сохранение и против своих оппонентов, которые в рамках современных либеральных представлений воспринимаются как конкуренты, оппоненты (но не враги). Последнее связано с возможными коалициями, союзами и персональными сменами политической идентичности, переходом из одного лагеря в другой.

Но в отсутствие моральной определенности, снижения значимости морального порядка, возникают специфические проблемы для общества и правовых институтов. Происходит ослабление общей морали. Это хорошо заметно на поведении части социальной элиты. Так, Михаил Боярский регулярно паркует свой Мерседес на встречной полосе в центре, на Невском – ему так удобно. Он прокомментировал претензии к себе словами: «Мне насрать на все». Это показывает его отношение к жизни и к себе. Это важный аспект межлических отношений, того, как мы можем коммуницировать друг с другом, не обращая внимания на нормы морали.

Исследования Левада-Центра 2018 года о том, как люди ощущают правдивость и неправдивость властей, показывают, что значительная часть населения считает, что власти или постоянно, или по большей части лгут.

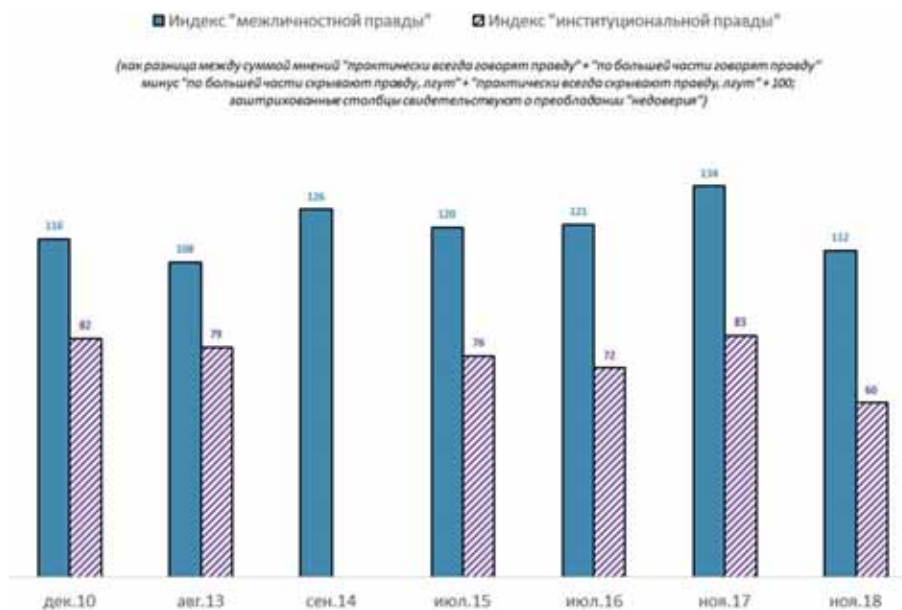

Рисунок 1. Индекс правды. Левада-Центр. Опрос 22–28 ноября 2018 года. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2019/02/Pravda-1.png>

Существует устойчиво негативное отношение к словам руководителей. При этом уровень доверия снижается.

Можно сказать, что в этом нет ничего удивительного. Еще Никколо Макиавелли в 1513 году в работе «Государь» писал: «Как похвально было бы для князя соблюдать данное слово и быть в жизни прямым, а не лукавить – это понимает всякий. Однако опыт нашего времени показывает, что великие дела творили как раз князья, которые мало считались с обещаниями, хитростью умели кружить людям головы и, в конце концов, хитростью одолели тех, кто полагался на честность». Эффективный руководитель, менеджер должен лукавить и хитрить. Какие-то механизмы, несмотря на головорезность этого времени, уравновешивали эти позиции, например, религия.

Уже в XX веке социолог Карл Мангейм писал, что когда массы вовлекаются в политику, они сталкиваются с очень важной и сложной проблемой. Люди во власти уже свыклись с двойной моралью и двоемыслием. Но массы, когда включаются в политическую деятельность, видят, что можно все. И общество начинает функционировать не очень нормально, с нравственными перекосами.

Рутинизация трангрессионных практик, своеволия элит, может привести к произволу и, как следствие, к легитимации произвола и тирании, что будет считаться нормальным и естественным.

Почему это возможно? Ресурсные возможности трангрессии элит связаны с тем, что:

- они занимают существенные важные позиции;
- это позволяет им господствовать идеологически, в культурной и духовной сферах, что дает им ресурсы;
- элиты, в отличие от большинства населения, более консолидированы;
- слабое гражданское общество не оказывает сопротивления.

Произвол становится фоном жизни обычных граждан.

Подводя итоги, можно отметить, что элита – это те, кто может делать и может себе позволить сделать, несмотря на препятствия. Препятствием являются правила (законы, принципы), институты, а также деятельность и активное противодействие граждан. Беспринципность элит – важный ресурс, они ради достижения своих целей могут перешагнуть имеющиеся моральные границы. В этом смысле их самовластие источником своим имеет их волю и ресурсное обеспечение.

Важно отметить, что элиты существуют по крайней мере в двух мирах (измерениях): публичном и частном. Это их свойство часто приводит к использованию общественных ресурсов в групповых и личных целях. И это усиливает их социетальные и социальные позиции. Но даже в случае приватизации публичного, элиты не превращаются в частных лиц. Они обречены быть на публике и исполнять свои институциональные функции. Это их уязвимое место как со стороны конкурентов, так и со стороны общества.

Могут ли элиты не нарушать границы дозволенного? Скорее всего – нет. Иначе они перестанут быть элитами.

ЮРИЙ КОРГУНЮК

Ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, заведующий отделом политологии фонда ИНДЕМ

1 октября 2020 года

ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Партии – институт, появившийся достаточно неожиданно. О парламентаризме и разделении властей писали много, это подробно обсуждалось, когда создавалась конституция США. Появление партий вызвало не очень позитивную реакцию.

Джордж Вашингтон перед тем, как уйти в отставку, написал «передовицу», которую называли его политическим завещанием. Через это эссе проходила одна мысль: не дай Бог, наш Конгресс и политическую жизнь вообще охватит дух партийности. Это странно, потому что сам он фактически был главой партии федералистов, выступавшей за превращение США из конфедерации в федерацию. Неприятным сюрпризом для Вашингтона стало появление партии республиканцев во главе с Томасом Джефферсоном. Эта партия вскоре вышла на авансцену и вытеснила федералистов на задний план.

Когда в 1831 году в США приехал будущий классик политической науки Алексис де Токвиль, он констатировал, что раньше в США было две партии, а сейчас – фактически одна. Сам он отдавал предпочтение федералистам, потому что там состояла интеллектуальная

элита. А республиканцы были не слишком демократичными и не слишком образованными. Но уже в 1832 году в президентских выборах участвовала еще одна партия – Демократическая, во главе с Эндрю Джексоном. С этого времени можно говорить о двухпартийной системе в США. Правда, Джефферсон к тому времени умер, и на месте республиканцев появилась новая партия, которую по английскому образцу называли вигами. В 1850-е годы на авансцену вышла Республиканская партия. С тех пор существует противостояние двух главных партий – Республиканской и Демократической. К этому времени уже никто в США не оспаривал необходимость существования института партий.

Строго говоря, партийная система появилась не в США, а в Великобритании – как противостояние тори и вигов, но долгое время они существовали как парламентские фракции, сильных организаций вне парламента у них не было.

В Европе первые политологические труды, посвященные партиям, были настроены к ним довольно критически. Один из них принадлежал перу нашего соотечественника Моисея Острогорского – «Демократия и организация политических партий» (1903). Первая часть книги была посвящена английским, вторая – американским партиям. Острогорский подробно рассмотрел деятельность английских и бегло – американских партий и пришел к выводу, что партии – опасный институт, который пытается монополизировать политическое пространство, и с ним нужно беспощадно бороться. Он предложил заменять политические партии движениями одного вопроса. Такие движения стали появляться в 1980-х годах, и в этот период работы Острогорского снова стали популярны.

Но в собственной политической карьере Острогорский примкнул к одной из партий – Конституционно-демократической, поскольку политическая борьба – это в первую очередь партийная борьба.

Скептически по отношению к партиям был настроен еще один классик – Роберт Михельс. В своем труде о социологии партийных образований в современной демократии (1911) он трезво описывал функционирование Социал-демократической партии Германии, с большим скептицизмом высказываясь относительно демократичности этого института. Михельс сформулировал «железный закон олигархии»: чем больше партия, тем жестче в ней иерархия, которая губит любую демократию. В «аристократических» партиях, по его мнению, демократии было больше. Михельс был социал-демократом, но потом отошел от политической жизни, уехал в Италию и там сформулировал позицию: лучше честная диктатура, чем лицемерная демократия. В конце концов, он даже вступил в фашистскую партию, в которой возглавлял социальное крыло. После Второй мировой войны, как пишут, члены этой партии массово вступали в Коммунистическую партию Италии.

Осознание того, что при всех своих недостатках партии – это институт, с помощью которого массы могут влиять на политические элиты, стало приходить позднее. Эта мысль была высказана французом Морисом Дюверже в работе «Политические партии» (1951). В это время спор уже шел о том, какова оптимальная организационная форма политических партий. Дюверже подразделял партии на кадровые, состоящие из людей, непосредственно участвующих в политике (депутаты и избранные от партии должностные лица) и массовые, у которых тоже есть свои депутаты, но основная политическая жизнь протекает все-таки вне парламента. Для массовых партий, которые анализировал Дюверже, парламентская деятельность не была главным направлением. Они больше заботились о своих членах: какие книги они читают, как проводят досуг, как организуют общественную жизнь.

Дюверже считал кадровые партии архаичным типом, а массовые – современным. Поэтому в Германии и во Франции, полагал он, партии – современные, а в США – архаичные, и в будущем они уступят место массовым. Американские исследователи (в частности, Леон Эпштейн) на это отвечали, что не наблюдают в США тенденции к вытеснению кадровых

партий массовыми и что американские партии очень адаптивны и гибко реагируют на изменение ситуации. Они считали, что это скорее европейские партии будут американизироваться, чем американские европеизироваться. Ими выдвигался аргумент, что массовая партия возникла от нужды, что их возглавляли представители неимущих слоев: денег мало, а членов – много, каждый по копеечке дал, вот вам и финансирование. Кроме того, если денег нет, рядовые члены могут помочь своей партии в проведении агитации лично. Сегодня же, говорили американцы, ситуация меняется, уличная агитация отходит на второй план, на первый план выходит телевидение. Здесь массовая партия ничем помочь не может. Нужны деньги. Действительно, именно так в дальнейшем и произошло.

В кадровой партии простое членство не имеет особого смысла. Например, в США республиканцем называется тот, кто голосует за республиканцев. На конец 1990-х годов, по данным Национального демократического института (НДИ), Республиканская партия насчитывала 1600, а Демократическая – 2600 членов. Это звучало удивительно: там одних только депутатов разных уровней несколько десятков тысяч! Выяснилось, что НДИ говорил о платных сотрудниках центрального аппарата партий в период избирательных кампаний. Если ты просто хочешь помогать партии, ты – сторонник, и это даже можно никак не оформлять. Это у нас в России среди социал-демократов стоял спор, достаточно ли человеку платить взносы, чтобы считаться членом партии, или он должен выполнять какие-то ответственные поручения.

Упадок массовых партий в Европе последней трети XX века произошел не только по тем причинам, о которых говорили американцы. В европейском обществе вплоть до этого времени сохранялись последствия бывшего сословного деления, когда каждый класс представлял собственную субкультуру (с собственными книгами, музыкой и т.п.). Это помогало превращать партию в организатора всего и вся. К 1960-м же годам политическая жизнь стала напоминать не столько войну, сколько стадион, на котором разные группы зрителей болеют за разные команды. Политика, в которой иногда интересно поучаствовать, перестала быть сосредоточением всего и вся и превратилась в одну из частей жизни. А в Америке так было всегда.

Постепенно европейские партии стали терять свою численность, переходя на новые формы работы. Но и сейчас они сильно отличаются от американских, сохранив некоторые черты массовых партий.

В 1980-е годы появилась идея, что партии превращаются в электорально-профессиональные (А. Панебьянко). Если в кадровых партиях главными фигурами были депутаты, в массовых – представители аппарата, то в профессиональных – организаторы электоральных кампаний. Это было своего рода преувеличением. Партии, как правило, не имели собственных технологов, а приглашали их со стороны. Главными же в них оставались люди, представленные в парламенте.

Кстати, американские критики Дюверже в свое время забыли упомянуть такой институт внутрипартийной жизни как праймериз – первичные выборы. Этот институт сегодня распространяется и в Европе, а в США функционирует уже больше столетия и во многих штатах закреплен законодательно. Это мешает превращению партий в органы тирании, в междусобойчики, цель которых – удовлетворить интересы лидеров, игнорируя сторонников и избирателей. Америка во второй половине XIX в. тоже переживала период, когда партийные боссы сосредоточили в своих руках все нити управления. Тогда и стали появляться праймериз, как инструмент сопротивления монополизации внутрипартийной власти. Этот институт впоследствии распространился и по Европе. Сейчас, например, он популярен во Франции. Со временем, думаю, он станет привычной частью партийной жизни, так же, как и институты партийных референдумов.

Еще одна новая тенденция – активное использование интернет-технологий, которые упрощают взаимодействие членов партии с руководством и между самими членами партий: все больше мероприятий проводится в онлайн-режиме. Если раньше представителям регионов для участия в партийном мероприятии нужно было приезжать в центр, то сейчас такой необходимости нет. Пандемия тоже внесла в это свой вклад.

Кроме этого, во многих странах с помощью интернета собираются финансы на проведение избирательных кампаний. Так было в кампании Барака Обамы. Первый президент Мексики, не принадлежавший к Институционно-революционной партии, Висенте Фокс Кесада (Партия национального действия) в 2000 году тоже собирал деньги через интернет.

Успех деятельности партий в будущем во многом будет зависеть от введения института праймериз и внедрения интернет-технологий. Если партии не применяют новые технологии, они рискуют быть вытеснены на обочину политического процесса.

Как развивалась ситуация в России? Некоторые считают КПСС образцом массовой партии. Но КПСС не партия в современном смысле слова, а особый феномен. По большому счету в России никогда массовых партий не было. Те, что появились в конце XIX – начале XX веков, были на пути к массовым партиям, но не успели превратиться даже в кадровые. Для этого нужна была разветвленная система выборов и представительных учреждений, а их в России не существовало. За 12 лет существования Государственной Думы (1906–1917) этого сделать так и не удалось. Самые крупные партии – социалистические – в Думе представлены практически не были. РС и СДПР были партиями запрещенными, подпольными. Это были клубные структуры, объединяющие интеллектуалов, которые хотели заниматься политикой, но не имели для этого условий. Преследования полиции способствовали формированию жестко иерархизированных, военизированных структур, которые нельзя сравнивать с массовыми партиями, функционирующими в условиях демократии.

Политические партии в Европе середины XX века были современными политическими организациями, а те партии, которые В.И. Ленин называл «партиями нового типа», таковыми не являлись. Это были партии старого типа – типичные организации заговорщиков, карбонариев, известные в Европе вплоть до XVIII в, а потом, по мере развития демократических институтов, сошедшие на нет. Жестко иерархизированные партии были нацелены на насильственный захват власти. Это и произошло в 1917 году, когда партий было много и среди них – даже одна массовая: эсеры нарастили свою численность до одного миллиона человек. Но выяснилось, что в политической борьбе того времени они оказались неконкурентоспособны, поскольку борьба велась не цивилизованными, а насильственными методами.

Партия большевиков оказалась больше всего приспособлена к Гражданской войне, которую она разожгла и выиграла. Та партия и государство, которое начали строить большевики, не имели ничего общего с современным политическим процессом. В начале 1920-х годов Сталин проболтался, что собой представляет Коммунистическая партия, назвав ее «орденом меченосцев». Действительно, РКП(б), позже КПСС, больше всего напоминала религиозный орден. Ее задача – контролировать все сферы общественной жизни. Партия была очень большой, массовой, но не современной.

Эта система продержалась долго, но тоже не была вечной. Для такой партии было опасно само существование внутренних фракций. Но в современных условиях ситуация другая: фракции создают возможность примкнуть к партии людям с разными взглядами, но разделяющими некоторые базовые принципы.

Когда в России начали возрождаться новые демократические партии, выяснилось, что массовых организаций не получается. Хотя КПрФ во второй половине 1990-х годов насчитывала 600 тысяч членов, у исследователей есть большие сомнения относительно правдоподобности этих цифр. Когда стали проверять численность партий, особенно тех, к кото-

рым власти относились с предубеждением, ее численность застопорилась на 150 тысячах. Конечно, КПРФ – не типичная кадровая партия, а скорее гибрид. От кадровой партии в ней – депутатский состав в парламентах всех уровней, остальное – клубы по интересам для пенсионеров, которые раз в месяц приходят на партийные собрания повспоминать о советской жизни. Реальная жизнь протекает именно в кадровой части партии. И тенденции к уходу кадровых структур на второй план пока не наблюдается.

А в «массовой» партии «Единая Россия» серые кардиналы дергают за ниточки и руководят депутатами. Депутатов много, но решения они принимают по приказу сверху. То есть это не партия, а декорация и имитация. Смотреть на «Единую Россию» как образец партийной структуры не имеет смысла.

Остальные партии тоже по большей части кадровые, вся их жизнь сосредоточена преимущественно в депутатском корпусе. Из этого образа выпадает разве что фактически полугомерческая ЛДПР. Ее предназначение – продавать обеспеченным людям депутатские корочки.

Депутаты от ЛДПР делятся на две части: тех, кто купил свои «корочки» и поэтому относительно независим от партийного начальства, и тех, кто пришел туда благодаря благоволению Жириновского и послушно исполняет все, что скажет лидер. Это скорее псевдопартийная, а не партийная жизнь.

Непарламентским партиям гораздо труднее. У «Яблоко» тоже есть свои депутаты, хотя они и не играют в партии ведущей роли. Такие люди, как Лев Шлосберг и Борис Вишневский, ведут депутатскую и партийную жизнь. «Яблоко» – тоже гибрид клубной структуры и кадровой партии. Ее гибридность – во многом следствие существования в рамках нынешнего режима.

Несколько слов об отдельных сторонах партийной жизни в сегодняшней России.

1. Молодежные движения партий. Это своего рода гетто. Если человек приходит в любой трудовой коллектив, ему не выделяют особого места. Так и в партиях молодым нужно сразу включаться во взрослую политику. Ни в одной из наших партий молодежные подразделения никаких успехов не демонстрировали.

2. Новые институты партийной жизни. Они распространяются, но с большим трудом. Например, праймериз. «Единая Россия» любит хвастаться, что она использует первичные выборы, но сразу видно, что это всего лишь имитация. В результате нередки скандалы, когда человек выиграл праймериз, но его запикивают в самый конец списка. По форме – праймериз, а по содержанию, как говорил Ленин, «чистое издевательство».

Иногда случаются курьезы вроде скандальных праймериз в ПАРНАСе в 2016 году. Часть представителей партийного руководства отказалась в них участвовать и покинула партию. Вместо них пришла группировка националиста Вячеслава Мальцева, превратившая эти праймериз в комедию. Все остальные участники отстали от Мальцева на порядок. В результате пришлось брать его после Касьянова вторым в избирательный список.

Праймериз – прогрессивный институт, но для его эффективного использования партия должна быть более-менее мощной и влиятельной. Если этого нет, всегда появится фигура, способная превратить эту процедуру в балаган.

Кроме того, из новых явлений партийной жизни стоит упомянуть партийные референдумы, функционирующие как форма прямой демократии.

3. Использование интернета. При всех плюсах оно имеет массу подводных камней. Благодаря ему профессиональным скандалистам удается превратить партийную жизнь в комедию. С другой стороны, для тех, кто его не использует, велик риск превратиться в секту.

4. Партийные системы. Изначальный смысл понятия «партия» – сторона (например, торговли). Там, где есть одна сторона, должна быть и другая. Поэтому первая форма партийных систем – двухпартийная. Но сейчас двухпартийные системы существуют только в трех странах мира: США, Новой Зеландии и Барбадосе. Во всем остальном мире, даже там, где когда-то была двухпартийная система, она уже стала многопартийной.

Нужно учесть, что партийные системы появлялись в условиях ограниченного избирательного права и мажоритарной избирательной системы в один тур. В США, например, появлению «третьей партии» противостоит картельный сговор демократов и республиканцев. Они приняли такое законодательство, при котором легче принять участие в выборах в качестве независимого кандидата, чем представителя третьей партии. Впрочем, один из американских политологов говорил: «У нас не двух-, а стопартийная система, потому что в каждом штате – свои две партии». Поэтому главным партиям удается уложить раскалывающие общество вопросы в рамки двухпартийной системы.

Там, где есть пропорциональная система, примеров продолжительного существования двухпартийной системы нет. В частности, в послевоенной Германии сначала была двухпартийная система: социал-демократы и христианские демократы. Но быстро появилась и третья партия – Свободные демократы. В 1980-х годах возникли «Зеленые». После объединения Германии появились также «Левые», а потом и «Альтернатива для Германии».

Количество основных игроков в партийной системе зависит от состояния размежеваний между крупными социальными группами и идеологиями. Двухпартийной системе чаще всего не удается исчерпать повестку дня, всегда возникают вопросы, которые раскалывают систему, создавая почву для появления третьих, четвертых и прочих партий.

По мнению Аренда Лейпахарта, число основных партий в системе вычисляется по формуле «число доминирующих размежеваний плюс еще одна». Со временем количество таких размежеваний не будет уменьшаться. В нормальной, некризисной ситуации их становится только больше.

В свое время (1967) Сеймур Липсет и Стейн Роккан, анализируя партийную жизнь Северной Европы, пришли к выводу, что во второй половине XIX – первой половине XX века тамошняя политическая борьба группировалась вокруг четырех основных размежеваний: между Центром и регионами, между церковью и государством, между земельными собственниками и промышленниками и между трудом и капиталом. Переход доминирующей роли от одного размежевания к другому переходил по мере расширения избирательного права. После введения всеобщего избирательного права доминирующим стало размежевание трудом и капиталом.

Эта концепция принимает во внимание только доминирующие размежевания. Кроме того, она имеет много других слабых мест. Так, конфликт интересов промышленников и землевладельцев зачастую интерпретируют как размежевание между городом и деревней, но в разных странах оно порождало разные политические противостояния: в Великобритании – консерваторов и либералов, а в Норвегии, например, «левых», представляющих крестьян, и либералов (скандинавские «левые» были предшественниками социал-демократов и позже стали их союзниками).

Или, например, что представляет собой в политическом плане размежевание труда и капитала: противостояние между социалистами и их противниками? Это взгляд только одной из сторон, социалистической. С противоположной стороны картина выглядит как противостояние демократии и авторитаризма.

Сказать, какая из сторон права, невозможно, потому что в политике правды нет. Между разными политическими истинами лежит или поле боя, или площадка для переговоров.

Вообще острота конфликта труда и капитала к середине XX века сошла на нет. Вопросы длины рабочего дня, оплачиваемых отпусков потеряли свою актуальность. Речь зашла скорее о масштабах перераспределения прибавочного продукта. В результате на смену конфликту труда и капитала пришло противостояние между сторонниками низких налогов и широких социальных программ.

Трансформация партийных размежеваний в Западной Европе протекала постепенно. Липсет и Роккан утверждали, что тамошние партийные системы «заморозились» в том состоянии, в каком они сформировались в 1920-е гг., но изменения стали наблюдаться уже в 1970-х.

В частности, Рональд Инглхарт в начале 70-х отметил, что на первый план вместо противостояния труда и капитала выходит противоречие по линии «Материализм – Постматериализм», в котором политическая повестка формируется вокруг вопросов культуры, сохранения природы, отстаивания прав меньшинств и т.п.

Сейчас это еще более заметно. Так, в Германии главное противостояние переместилось из социально-экономической в социокультурную область. Сегодня главными его участниками в идеологической сфере являются, с одной стороны, «Зеленые», с другой – «Альтернатива для Германии». Это главные полюсы противостояния между теми, кто смотрит в будущее, и теми, кто смотрит в прошлое. А главная задача партий, создающих правящую коалицию, – не допустить к власти «Альтернативу для Германии». «Левые» же, являющиеся, казалось бы, антагонистами «Альтернативы для Германии» в социально-экономической сфере, выступают их союзниками в вопросах внешней политики.

Вообще ситуации, когда раскол проходит через все общество, случаются очень редко. Чаще таких размежеваний много, и это в какой-то мере связано с «демобилизацией» общества. Размежевания могут накладываться друг на друга, а могут и работать в противофазе. Так, в США те, кто против аборт, одновременно выступают за свободное ношение оружия. Поэтому вполне логично их объединение в рядах республиканцев. И это работает на сохранение двухпартийной системы. Роль третьей силы пытаются играть либертарианцы, близкие к республиканцам в экономических вопросах, но расходящиеся с ними в социокультурной сфере. Но создать полноценную третью партию у них так и не получилось.

В России доминирующее размежевание проходит по линии «авторитаризм – демократия»: по одну сторону «Единая Россия» и ее сателлиты, по другую – все остальные игроки. С этим размежеванием сосуществуют и другие: между сторонниками рынка и социал-патерналистами, по внешнеполитическим вопросам (империалисты–антиимпериалисты)¹¹. Эти расколы накладываются друг на друга в самых интересных сочетаниях.

В этом отношении наша страна не уникальна, похожее наблюдалось в Латинской Америке на протяжении полутора столетий. Существовала авторитарная система, державшая в руках все рычаги власти и делавшая невозможной смену правящей партии и оппозиции. Но и там, в конце концов, начался переход к партийной системе современного типа. В Бразилии, Мексике, Аргентине, Чили произошел переход к нормальной конкурентной партийной системе. В России тоже рано или поздно произойдут преобразования, но не при нынешнем режиме.

В Латинской Америке правление военных хунт сменяло подобие демократии, потом к власти снова приходила военная хунта или доминантная партия. В Бразилии это продолжалось более 100 лет. В России с начала XX века мы тоже попали в аналогичный круг: монархия – охлократия – авторитарная диктатура – что-то похожее на демократию – потом снова авторитаризм.

¹¹ Вопрос с присоединением Крыма обнаружил с одной стороны либералов, некоторых левых социалистов и даже националистов, с другой – мейнстрим, все парламентские партии.

5. Новые партии: «Новые люди», «Зеленая альтернатива», «За Правду» и др. получили места в региональных парламентах и смогут участвовать в выборах в Госдуму без сбора подписей. Лицо следующей Госдумы может измениться, но не сильно. Власть все время старается что-то создать на праволиберальном фланге, но сразу же начинает вставлять палки в колеса любой партии, пытающейся проявлять хотя бы минимальную самостоятельность.

«Зеленая альтернатива» вряд ли может что-то получить – мы пока что не та страна, где людей волнует экология. «За Правду» будут отбирать голоса у ЛДПР, но они не конкуренты Жириновскому – демагогу от Бога.

Наше партийное законодательство изначально было ориентировано на массовые партии, предъявляя требования к численности партий: сначала 10 тысяч членов, потом – 50 тысяч. Но в 2012 г. эти требования отменили. Отсутствие требования к численности позволяет выводить на политическое поле всякие фиктивные образования типа КПСС – Коммунистической партии социальной справедливости, за которую голосуют исключительно из-за ее названия. То, что самой партии, по сути, нет, никого не интересует. Отняли голоса у коммунистов – больше ничего не требуется.

Что касается «Яблоко», у партии есть определенная колея, партия воспринимается как «старая лошадка», никакой новизны не несет. Ее задача – правильно сформулировать посылку для тех, кто раньше в политической жизни не участвовал.

У социал-демократического проекта, несмотря на неоднократные попытки его создания, в постсоветской России перспектив никогда не было. На выборах социал-демократы получали десятые доли процента. Людям, ориентирующимся на это направление, в нынешних условиях логично продолжать союз с «Яблоко».

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Партии много раз хоронили, но они продолжают существовать. Они не привязаны жестко к социальным структурам, всегда существовали всеядные партии (catch-all – «хватать всех»; термин ввел Отто Киршхаймер по отношению к европейским партиям, американские же всегда являлись такими). Только социалистические партии ориентировались на определенную классовую базу, тогда как их оппоненты никогда не называли себя «буржуазными». Например, христианско-демократические и националистические партии тоже ориентировались на определенные социальные общности, но не на классовые. Первые – на конфессиональные ценности, вторые – на идею этноса.

Кто бы в Германии XIX – начала XX века мог подумать о создании единой Христианско-демократической партии? «Католики никогда не могут объединиться с протестантами» – это считалось аксиомой. Но после падений нацистского режима это стало реальностью, так же как и привлечение к деятельности христианских демократов неверующих на основе общих ценностей.

Социальные рамки внутри общества размываются, но партиям есть, где развернуться, пока существуют политические противостояния, а само общество не является социально однородным.

ОЛЬГА ПОПОВА

Профессор, доктор политических наук, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Экспертного совета Российской ассоциации политической науки (РАПН)

20 июля 2020 года

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ: ЕСТЬ ЛИ ШАНСЫ У ДЕФЕКТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ?

Российские политические партии в XXI веке за два десятилетия столкнулись уже со значительным количеством проблем. Являясь встроенными в политическую систему институтами, для полноценного представительства интересов своего электората они должны одновременно выполнять и часть функций институтов гражданского общества. Подобная двойственность в условиях гибридного режима значительно ограничивает репертуар действий как парламентских, так и внепарламентских партий. Важными проблемами остаются аутентичность идеологического основания любой политической партии, реальность конкуренции за электорат, способность и готовность партийных организаций выстраивать свою деятельность, ориентируясь, прежде всего, на реализацию запросов населения.

На наш взгляд, исключительно важен стоящий перед всеми партиями безотносительно их политической ориентации вопрос об их (не)способности полноценно выполнять представительские функции, отражать интересы избирателей, реально влиять на принятие важнейших решений в области политического управления. Возможно, несколько странно выглядящий в заголовке термин «дефектные» в отношении партий вполне корректно от-

ражает особенности институтов в гибридных демократиях или тех политических режимах, которые явно демонстрируют тренд к автократическому характеру.

Еще в 1990-е годы, когда многие западные и отечественные ученые (А. Пшеворски, Д. Рас-тоу, А. Мельвиль) с большим оптимизмом говорили о третьей волне демократии и радостно приветствовали это, как тогда казалось, неизбежное развитие ситуации, Фрэнсис Фукуяма писал, что третья волна демократии может стать, скорее, не триумфом политического либерализма, а историей успеха «дефектного» варианта нелиберальной демократии.

В последнее время при характеристике политического режима в нашей стране ученые и общественные деятели все чаще вместо понятий «гибридный режим» использовали термин «электоральная автократия». Российский режим однозначно изменяется от электоральной демократии (по определению Г.В. Голосова) к авторитаризму.

В пользу этого вывода свидетельствуют следующие признаки.

1. Фактическая несменяемость власти. Нынешний политический класс не готов допустить к власти контрэлиту. Практически ни один из представителей власти, даже откровенно не справляющийся со своими управленческими обязанностями, не может оказаться за пределами своей группы. Мы чаще всего наблюдаем в этом случае горизонтальную мобильность, когда политик, не пользующийся авторитетом и некомпетентный управленец, остается во власти, получая почетную должность, например, в Совете Федерации или в Общественной палате.

2. Разрушение принципа баланса, сдерживания и противовеса трех ветвей власти при сохранении их относительной автономии. По всем признакам наиболее влиятельными становятся структуры исполнительной власти.

3. Доминирование принципа концентрации власти в верхних этажах управления.

4. Встраивание местного самоуправления в «вертикаль власти». Об этом свидетельствует, в частности, жесткая борьба за места в органах самоуправления в 2019 году, в том числе и между партиями, хотя многие кандидаты выступали во время предвыборной кампании как независимые.

5. Отказ от реальной конкуренции идей, идеологий, политических лидеров. Налицо замена конкурентной политической борьбы моделью патрон-клиентских отношений. Эта особенность нашего политического режима тем более примечательна, что в политической теории такое явление считается типичным для общественных отношений не очень развитых сельскохозяйственных стран Южной Европы и Латинской Америки в 1960–1970-х годах.

Пока существует возможность отрывых политических дискуссий политологов, журналистов, аналитиков, гражданских активистов о режиме, считать его полностью авторитарным все же не следует.

Публичный и научный дискурс, связанный с развитием политического режима и политических партий, постепенно меняется. В начале 1990-х годов в официальном и научном дискурсе очень оптимистично звучали тезисы о развитии политического режима, партийной системы, новых партий. После «нулевых» годов XXI века зазвучали иные сентенции – об эффектах политической волатильности или стагнации. Но при авторитарном тренде режимов в государстве невозможно избежать трансформации природы политических институтов. Основной вопрос, на который необходимо ответить: могут ли в дефектном политическом режиме политические институты, в частности, партии полноценно выполнять свои функции?

Термин «дефектный политический режим» был использован в работе двух политологов В. Меркеля и А. Круасана «Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях»¹² еще два десятилетия назад.

¹² Меркель В., Круасан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 6–17. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.01.02>.

Эти авторы показали различия дефектного демократического и авторитарного режима (Таблица 1). По многим позициям мы сейчас находимся между дефектной демократией и авторитарным режимом.

Таблица 1. ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕФЕКТНОЙ ДЕМОКРАТИИ И АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА (В. МЕРКЕЛЬ, А. КРУАССАН)

Критерии	Дефектная демократия	Авторитарный режим
Легитимация господства	Суверенитет народа	Менталитеты
Доступ к власти	Открытый	Ограниченный (ограниченно плюралистические выборы)
Эффективная монополия на господство	Органы власти легитимируются выборами и демократической конституцией (априори известный результат при определенности процедур)	Лидер/олигархические группы (выборы носят номинальный характер; априори известный результат при определенности и ситуативной изменчивости процедур)
Притязание на господство	Конституционно-правовое с частично нарушаемыми границами	Значительное
Структура господства	Плюралистическая	Полуплюралистическая
Способ осуществления господства	Конституционно-правовой	Ограниченно-репрессивный

Каковы общие закономерности функционирования партий в дефектном политическом режиме? Партии являются политическими институтами и в этом качестве взаимодействуют с властными органами. Но при этом они поддерживаются населением и частично выполняют функции институтов гражданского общества. Подобная двойственность природы этих организаций в условиях гибридного режима определенным образом ограничивает действия как парламентских, так и непарламентских политических партий.

На наш взгляд, в России имеет место развитие специфической формы патрон-клиентских отношений между органами государственной власти и политическими партиями. Патрон-клиентские отношения носят добровольный, взаимовыгодный характер как для государственной власти (прежде всего исполнительной), так и для самих партий. Исполнительная власть получает на федеральном уровне те решения, которые для нее выгодны. В ответ сохраняются преференции для определенных политических партий, прежде всего парламентских.

Первая особенность и достаточно неприятная черта этих отношений – риски смещения сути взаимодействия от обмена выгодами и убеждений к угрозам и санкциям в отношении определенных партий и конкретных партийных лидеров.

Вторая особенность – приписываемая характеристика – неформальное взаимодействие партий с так называемыми «кураторами» из политико-административной элиты, наличие «персонального патрона» у политической организации. Это – крайне негативное явление с точки зрения классической теории демократии. Как тонко заметил по этому поводу М. Бри, неформальные действия в рамках формальных демократических институтов позволяют акторам комбинировать выгоды от неформального устройства (исключение внешних акторов, гарантированность ожиданий и высокая гибкость при принятии решений) с выгодами

формальных демократических институтов, обеспечивая демократическую легитимность.

Третья особенность – смещение деятельности партий от реализации интересов электората в сторону корпоративных интересов самой политической организации.

Четвертая особенность – распространяются неформальные практики при принятии политических решений. В. Меркель и А. Круассан указывали, что неформальные институты внедряются в оболочку формальных: «В дефектных демократиях неформальные правила и образцы подрывают и ограничивают порядок функционирования формальных, демократически легитимированных институтов. Они нарушают функциональные коды формальных институтов, искажают или вытесняют их как значимые процедуры и практики принятия решений. Неформальные институты внедряются в оболочку формальных институтов и заполняют ее согласно своей функциональной логике». «Правила игры» во взаимодействии властной элиты и политических партий не ограничиваются формальными правилами; особое (подчас доминирующее) значение приобретают неизвестные многим политическим акторам неформальные правила, которые могут меняться в ходе политического взаимодействия без оповещения контрагента.

Сложность ситуации в России заключается в том, что, несмотря на конституционный принцип, согласно которому ни одна идеология не может быть государственной, как у партии «парламентского большинства», так и других партий наблюдается серьезное расхождение между партийной программой и способом позиционирования в публичной политике. Если мы говорим о «Единой России», это наиболее очевидно. Идеологическую позицию политико-административной элиты и «партии большинства» можно описать так: прикрываемый неоконсервативной государственно-риторической ультралиберальной фундаментализм (дистанцирование или обструкция политических акторов с иными идеологическими основаниями). Ультралиберальная экономическая политика сочетается с государственно-патриотической риторикой. Сходные тенденции мы наблюдаем у ЛДПР и КПРФ.

При достаточно большом количестве зарегистрированных Министерством юстиции партий сохраняется практика «продажи» партий «под ключ»; в результате этим организациям отводится функция спойлеров или спарринг-партнеров, причем не только в предвыборных кампаниях, но и при проведении информационных политических кампаний в межвыборный период.

Каналы участия партий в управлении государством значительно ограничены. Это связано с юридическими нормами, например, с невозможностью создания партийных коалиций для участия в выборах и с жесткими практиками, когда партии не могут участвовать в выборах, будучи снятыми с предвыборной дистанции по формальным, часто надуманным причинам.

После протестных событий на Болотной площади в конце 2011 – начале 2012 года и изменения нормативной базы создания партий возникла проблема избыточности числа регистрируемых политических организаций этого типа. Значительно упростив условия регистрации партий, федеральная власть использовала эффективный и эффективный прием создания почти неконтролируемого количества партий; вскоре их стало больше 70. На 1 марта 2020 г. Минюстом было зарегистрировано 47 партий. 42 из них имеют право участия в выборах. Кроме того, на 17.06.2020 г. зарегистрировано 39 комитетов по созданию партий. В стадии ликвидации находится 3 партии. Надо ли говорить, что при избыточном количестве партий большинство из них не могут сформировать достаточно широкий круг устойчивых сторонников и занять место в парламенте регионального, а тем более федерального уровня?

Следствием такой ситуации является потенциальная неустойчивость партийной системы при ограниченном числе парламентских партий. На первый взгляд, такое заявление нелогично. В федеральном парламенте представлены 4 партии, еще две партии имеют в нем

по одному представителю (это была своеобразная «благодарность» для руководителей этих организаций, хотя, безусловно, процедуры и итоги голосования строго соответствуют законодательству). В региональных парламентах представлены «Яблоко», «Коммунисты России», «Партия Роста», «Патриоты России» и т. п. На наш взгляд, идет тестирование, какие партии могут во время выборов реализовывать сценарий «высокая политическая конкуренция», а при необходимости могут прийти на смену парламентским партиям без ущерба для стабильности политической системы и режима.

Риски дисбаланса партийной системы снимаются, только если одна из партий продолжает иметь такое количество мест в федеральном и региональных парламентах, при котором любое политическое решение может быть проведено законодательно без необходимости обращения за поддержкой к другим партийным фракциям. В этом мы видим еще один дефект системы – противоречие между парламентской и партийной системой. Доминирующая партия может принимать любые решения, вне зависимости от позиций других партий. «Единая Россия» относится к категории так называемых всеобщих партий, действующих по принципу «хватай всех». В дополнение в законодательных органах власти присутствуют еще несколько партий, имеющих очень узкий сегмент электоральной поддержки. Они не могут получить большее число сторонников вследствие особенностей своих программ или узости целевой группы, которая может разделять интересы этих организаций.

Еще одна реальная проблема – партии вождистского типа. Например, ЛДПР – очень «удобная» партия, несмотря на порой жесткую публичную риторику своего основателя и руководителя. Она объединяет прежде всего представителей различных маргинальных групп. Важная ремарка: нельзя путать «люмпенизированный» и «маргинальный». Последний терминозначает не вписывающийся в свою социальную группу по каким-то причинам либо имеющий более низкий социальный статус, культурный и человеческий капитал по сравнению со своими социальными притязаниями. ЛДПР существует, прежде всего, благодаря персоне лидера. Смена лидера приведет, скорее всего, к существенному уменьшению числа членов партии, поскольку «второго Жириновского» найти просто невозможно. Безусловно, после ухода с поста руководителя ЛДПР В.В. Жириновского может быть разыгран сценарий «основатель – легендарный герой», который своим «сиянием» должен будет легитимировать деятельность преемника.

При моем достаточно негативном отношении к ЛДПР нужно признать, что это – одна из наиболее эффективных партий. Она умудряется практически полностью выбирать свой электорат при голосовании любого уровня. Другой полюс – случай «Справедливой России». Если рассматривать программу, то эта партия должна была бы обойти все партии, включая «Единую Россию». Она опирается на классический вариант умеренной социал-демократической модели идеологии с серьезным требованием пакета социальных гарантий, с очень грамотной эксплуатацией темы социальной справедливости, столь близкой многим россиянам разных возрастов. Доля людей, строго ориентированных на такие умеренные социал-демократические (но не коммунистические!) ценности, достаточно велика – не менее 20%. Проблема этой партии заключается в ее лидере. Лидер не дает партии развиваться, привлекать новых сторонников. Эта партия испортила свое реноме в глазах многих думающих, не обязательно оппозиционно настроенных людей за счет репутации спойлера и спарринг-партнера «Единой России». Есть определенные сомнения, что в случае простой смены лидера партии ситуация может измениться.

Попытки смены лидера в КПРФ, начавшиеся еще в 1990-х годах, закончились ничем. Зюганов – политический тяжеловес. Но остается открытым вопрос, идет ли партии на пользу такое «вечное» лидерство? По крайней мере, уже более десятка лет в рядах партии зреет понимание, что «лицо партии» должно быть не только интеллектуальным и преданным партийной идеологии, но еще и значительно более молодым, энергичным, харизматичным. В противном случае шансы КПРФ стать привлекательной для молодежи весьма невысоки.

Еще одна проблема «дефектных» политических институтов – это феномен партийного кокуса, о котором свыше 100 лет назад писал Роберт Михельс. Речь идет о так называемом оуклиивании, закрытии руководства партийных организаций, которые в итоге оказываются глухими к запросам партийной массы.

Морис Дюверже писал о ситуации, когда малые партии могут получить реальную политическую поддержку и стать влиятельной политической силой. Это ситуация, когда говорят о политике как об искусстве возможного. Но объективно это возможно, только если в партийной системе отсутствует политическая партия, способная, в соответствии с формальными процедурами голосования, единолично проводить нужные для нее решения.

Есть ли из партий, зарегистрированных Минюстом, те, кто мог бы захватить лидерские позиции в партийной и парламентской системах, потеснив актуальных политических акторов?

Существуют пять обязательных условий появления сильных, возможно, новых политических партий в российских реалиях.

1. Наличие большой социальной группы, которая если и не осознает свои интересы, то хотя бы фиксирует сходство условий жизни – острейшую проблему социальной атомизации и ослабление чувства социальной солидарности на фоне снижения показателей доверия граждан, как политического институционального и персонализированного, так и межличностного.

2. Наличие объединяющей идеи или идеологии – существующие традиционные идеологии не обеспечивают структуру и структурную идею программ для новых партий. Не считаю, что идеология популизма, которой руководствуется ряд организаций, сможет долго просуществовать в условиях углубления экономического кризиса и потенциального роста политической турбулентности.

3. Наличие спонсоров – представителей крупного частного бизнеса, готовых затратить большие ресурсы на поддержку этой организации.

4. Наличие организаторов, руководствующихся не только собственными карьерными соображениями (в 90% дефектных институтов эта задача для многих организаторов и активистов становится основной). «Настоящих буйных мало», – пел Владимир Высоцкий относительно людей с проблемами сознания, но для политических деятелей – романтиков и трибунов этот тезис актуален. Не привлечет сторонников лидер новой партии, «застегнутый на все пуговицы».

5. Объективная заинтересованность отдельных групп внутри правящей политической элиты в ротации партий в законодательных структурах. Значимой является не всегда публичная символическая и организационная поддержка высоких должностных государственных лиц и различных силовых структур.

Большинство лидеров политических организаций во время выборов ведут себя как временщики, делая ставку на активный электорат, который сегодня может прийти и проголосовать. Лишь немногие партии имеют ресурсы для долговременной работы с молодежью и желание делать это. Но следует понимать, с кем партиям придется иметь дело, если они действительно готовы делать ставку на работу с молодежью.

Приведу некоторые результаты социологического исследования представлений молодежи о политических организациях и их лидерах. Исследование включало два этапа и было проведено в конце сентября – начале октября 2018 г., а затем в апреле – мае 2019 г. в Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и Санкт-Петербурге. Метод опроса – личное стандартизированное интервью с 1000 респондентами (по 250 человек в каждом из регионов) на каждом из этапов.

Таблица 2. ПОТЕНЦИАЛ ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ (%)

Уровень лидерского потенциала в политической сфере (вычисленная переменная)	%
лидерские качества в сфере политики отсутствуют	63,3
низкий потенциал политического лидерства	15,3
средний потенциал политического лидерства	13,9
высокий потенциал политического лидерства	7,5
Всего	100,0

На основе моделирования – формирования подгрупп респондентов в возрасте от 14 до 30 лет в соответствии с их ответами – были выделены 4 слоя (Таблица 2). Лидерские качества в сфере политики полностью отсутствуют у 63,3% молодежи. Это – пассивная масса, которую та или иная партия может попытаться привлечь на выборы. Низкий потенциал политического лидерства у 15,3%. Средний потенциал политического лидерства у 13,9%, это группа, которая может принять реальное участие в работе партии на постоянной основе. Высокий потенциал – у 7,5%. Задача новых партий и тех партий, которые готовы остаться у власти, – отыскивать представителей этих двух последних групп молодежи и обеспечивать им продвижение по карьерной лестнице.

Таблица 3. ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА ПРОЖИВАНИЯ

Тип государства (идеология)	% от группы	Стандартизованный остаток
либеральное	28,9	+1,8
социал-демократическое (типа скандинавских стран)	17,1	+0,8
националистическое	7,9	+3,4
социалистическое (по образцу СССР)	6,6	+0,9
консервативное	5,3	+0,2
меня не устраивает ни один из предложенных вариантов	23,7	-1,5
для меня это не имеет значения	1,3	-1,0
никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить	9,2	-1,9
Всего	100,0	

В Таблице 3 показано, что почти 29% опрошенной молодежи предпочли бы жить в государстве, которое строится на принципах классического либерализма. Доля людей с социал-демократическими взглядами среди молодежи несколько ниже. Для 8% очень важна идеология национализма. При опросах взрослого населения этот показатель не выходит за 3,2%. Эти результаты показывают, что для молодежи существует определенная привлекательность националистических партий, которые готовы предлагать более радикальные идеи. Не более 7% молодых респондентов с симпатией относятся к коммунистической идеологии. Почти каждый четвертый (23,7%) считает, что ни одна из существующих идеологий его не устраивает. Заметная доля молодежи (10,5%) вообще не рефлектирует по поводу того, в каком государстве она живет или хотела бы жить. Партии и другие политические организации, если они планируют для себя длительное существование, должны учитывать характер политических взглядов молодежи.

Таблица 4. САМООЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ МОЛОДЕЖЬЮ

Самооценка политических взглядов	% от группы	Стандартизованный остаток
смешанные (из перечисленных)	35,5	+2,0
социал-демократические	15,8	-0,1
либеральные	10,5	-0,7
националистические	9,2	+3,7
коммунистические	7,9	+0,5
анархистские	2,6	+1,6
консервативные	1,3	-0,8
другие	3,9	+2,6
не имею политических убеждений	6,6	-2,7
затрудняюсь ответить	6,6	-1,3
Всего	100,0	

Самооценка политических взглядов молодежи (Таблица 4) показывает, что есть расхождение между идеологическими установками и тем, что молодежь думает о себе. Смешанные взгляды группы молодежи можно соотнести с теми, кто считает, что существующие варианты идеологии, на которых строится жизнь государства, их не устраивают. У молодежи большую симпатию вызывают социал-демократические взгляды. Готовы однозначно определять свои взгляды как либеральные чуть больше 10%. Доля молодежи, оценивающей свои взгляды как националистические, составляет 9%. Группа молодежи, ориентирующейся на коммунистическую идеологию, не превышает 8%.

Таблица 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ ЗА ПРОШЕДШИЕ 2-3 ГОДА МОЛОДЕЖИ С ВЫСОКИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛИДЕРСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Действия	% от группы	Вся молодежь
Участвовал в выборах	44,7	35,9
Участвовал в забастовках, митингах, демонстрациях	18,4	9,4
Обращался в государственные органы	22,4	20,2
Участвовал в работе общественных организаций	19,7	8,3
Обращался в общественные организации	14,5	7,1
Участвовал в несанкционированных акциях протеста	13,2	4,4
Участвовал в работе политических партий	11,8	4,6
Материально поддерживал политиков, их проекты	4,7	1,9

Опыт участия в работе политических партий (Таблица 5) у 5% молодежи, среди обладателей высокого потенциала политического лидерства этот показатель равен 12%. Нереализованный потенциал в работе политических партий невелик. Это – сигнал, который также свидетельствует о дефектах функционирования существующих политических партий.

Все работающие в парламенте политические партии парадоксальным образом дефектны. Они успешны, поскольку прошли сквозь электоральное сито, получили статус парламентских и сформировали свои фракции, но при этом партии показали неэффективность своей деятельности в плане глухоты к социальным запросам общества. Согласование интересов и позиций политических партий и значительных групп населения страны происходит плохо.

Давайте в заключение обсудим возможные сценарии дальнейших судеб парламентских партий. Пессимистический вариант прогноза: парламентские партии стремятся остаться у власти на один-два срока, пока политически активны их сегодняшние лидеры, а далее последует коллапс партийной системы с радикальным изменением состава этих организаций в парламенте. Объективно необходимо обновление руководящего кадрового состава и программ партий. Нереалистичный и оптимистический для некоторых политических сил сценарий – это когда нынешние парламентские партии уходят в небытие, а на смену им приходят «темные лошадки», удивительно быстро добившиеся успеха на выборах. Собственно, этот сценарий и не нужен. Ситуация смены всего и сразу связана с необходимостью выстраивать отношения между различными группами партийных элит. При этом будет велик риск неэффективности их работы в качестве парламентских структур. Реалистичный сценарий связан с трансформацией ряда общественных организаций в политические партии, возможна подобная трансформация и общественного движения во главе с национальным лидером.

Пока доминирующий официальный политический дискурс будет связан с консервативной государственнической идеологией, у либеральных партий шансы на продвижение в политическом поле крайне невелики. Они могут получить какое-то скромное количество мест в региональных парламентах промышленных регионов, но шансов пробиться в национальных республиках у них очень мало в силу отношений «федеральный Центр – регион», которые сложились в последние 10-15 лет.

Сейчас наша федеральная власть монолитна и стабильна как никогда, что и показал проведенный референдум по изменению некоторых норм Конституции РФ. Но мы неизбежно стоим на пороге больших перемен, и партийным лидерам придется засучить рукава. А в целом партии, прежде всего, внепарламентские, должны продолжать работать вне зависимости от особенностей политической обстановки и обратить особое внимание на площадке местного самоуправления.

АНДРЕЙ БУЗИН

*Кандидат юридических наук, член совета движения «Голос»
(признанного иностранным агентом)*

18 ноября 2020 года¹³

РОЛЬ ВЫБОРОВ В СТАНОВЛЕНИИ АНТИНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА

ПРИЗНАКИ ИМИТАЦИОННЫХ ВЫБОРОВ

Широкомасштабная «спецоперация», которую развязала действующая российская власть в 2022 году, нанесла решительный удар по российскому народу и отбросила Россию на много лет назад. Тысячи загубленных жизней, международная изоляция, падение уровня жизни, проявившееся пока не в полной мере, падение престижа страны и бытовая ненависть к российским гражданам, создание внутри страны атмосферы ненависти и ступа качества, уничтожение гражданских и политических свобод – это последствия политики руководства страны с очевидностью подтверждают антинародный характер действующей власти, ее деятельность против собственного народа.

¹³ С добавлениями в 2022 году.

Возникает вопрос, каким образом страна, формально имеющая демократическую конституцию и практически все демократические институты, включая всеобщие выборы, могла дойти до состояния антинародного режима. Как без военных переворотов и революций можно было прийти к тоталитарному режиму? В истории легко найти пример – национал-социалистическая власть в Германии, начинавшая с заботы «о здоровье, величии и благосостоянии нации», поддержанная большинством немецкого населения и закончившаяся уничтожением 16 миллионов собственных граждан и разрушением страны. В течение всех дальнейших лет немцы будут изучать, как такое могло с ними произойти.

Нам тоже пора начинать изучать. Мы перешли барьер, отделяющий демократическое государство от тоталитарного, правовое государство от неправового. В процессе этого перехода Россия все время проводила мероприятия, которые назывались выборами. Свободные, настоящие выборы во многих странах являются одним из механизмов демократического развития страны, что, собственно, записано в Конституции России (ч.3 ст.3). Правда, не достаточным, а лишь необходимым. Российские выборы и определяющее их законодательство, начиная со второй половины 1990-х годов, постепенно подавлялись другими механизмами и, в конце концов, перестали играть ту роль, которая предписана им Конституцией. Государственное и политическое устройство большой страны состоит из многих механизмов и имеет большую инертность, выборы – лишь один из них, сильно связанный с другими механизмами.

Эта лекция о том, как на протяжении 30 лет российские выборы изменялись в общем контексте политических изменений в стране, с одной стороны влияя на них, с другой – подвергаясь их влиянию. И, в конечном счете, превратились в демократическую декорацию.

Прежде чем рассматривать и иллюстрировать признаки декоративных выборов, сделаем пару замечаний. Во-первых, заметим, что выборы в современной России все-таки отличаются от выборов в СССР одним существенным признаком – наличием в избирательном бюллетене нескольких альтернатив. Во-вторых, не надо забывать, что выборы в России бывают разного уровня – федеральные, региональные и муниципальные; в каждый Единый день голосования проходит от 3 до 5 тысяч разных выборов, при этом 99% составляют выборы муниципальные. И до сих пор в России на муниципальном уровне случаются реальные выборы.

Какие признаки отличают декоративные выборы от реальных? Перечислим главные.

1. Основным участником декоративных выборов является действующая власть, которая использует административные ресурсы, то есть ресурсы, которые доверены ей гражданами для исполнения властных полномочий.

2. Эта же власть является и организатором выборов.

3. Гражданское общество находится под сильным давлением, в частности, сильно ограничены возможности создания политических объединений (партий).

4. Крупная собственность находится в руках олигархии – собственников, сращенных с властью.

5. Как следствие пункта 4 отсутствует политическое разнообразие СМИ, гипертрофированно развита пропагандистская машина.

6. Государственная власть и управление сильно централизованы и контролируются из единого центра.

Все эти признаки в настоящее время присутствуют в России. В совокупности они обеспечивают отсутствие реальных выборов. Конституционное положение (часть 3 статьи 3

Конституции РФ) о том, что высшим выражением власти народа являются свободные выборы и референдум, не работает, впрочем, также как и многие другие положения нашей Конституции.

Такая ситуация сложилась не сразу. Попробуем выделить основные моменты эволюции российских выборов, которые, однако, нельзя отделить от эволюции политической системы.

Немного истории.

Как это обычно бывает, столица государства в политическом развитии немного опережает страну в целом. Перестройка привела к крушению старой политической системы, в частности к крушению системы коммунистической номенклатуры. Однако построение новой номенклатурной системы не заставило себя ждать.

После ухода избранного на выборах мэра Москвы Г.Х. Попова и прихода на его место человека из советской номенклатуры – Ю.М. Лужкова, в Москве началось строительство новой номенклатурной структуры. Она в основном была выстроена к 1997 году. А начиная с 2000 года такая структура стала активно строиться по всей России. Методы строительства очень напоминали московские, но к ним добавилась одна немаловажная деталь: на ведущие роли вышла растерявшаяся во время перестройки структура тайной полиции (ФСБ). Заключительным аккордом построения новой номенклатуры было изменение Конституции в 2020 году.

Проведем параллели.

Сразу после прихода Лужкова в Москве были введены не предусмотренные Уставом Москвы промежуточные органы государственного управления – префектуры. То же произошло сразу после того, как Путин стал Президентом: были образованы федеральные округа. Эти нововведения способствовали централизации власти.

Затем Лужков стал строить свою империю СМИ. К 1997 году в каждом административном округе и в каждом районе была своя газета, которая бесплатно распространялась по почтовым ящикам москвичей. Путинская администрация создала свою империю телевизионных СМИ, постепенно огосударствливая основные телеканалы и добившись того, что подавляющее большинство граждан могли свободно смотреть лишь официальные каналы.

Лужков приручил московский бизнес, где-то используя бюрократические претензии к непослушным предприятиям, где-то подкармливая их жирными госзаказами. Путин проделал ту же процедуру, апофеозом которой стал рейдерский захват ЮКОСа. Следствием было лишение экономической основы для разнообразия СМИ.

Лужков фактически подчинил себе московские суды и прокуратуры, воспользовавшись слабостью и неразберихой на федеральном уровне в 90-ые годы. Позже, в 2000-х, эти структуры были подчинены федеральной власти, с использованием слишком больших конституционных полномочий Президента.

В середине 90-х администрация Лужкова вплотную занялась контролем формирования избирательных комиссий: Московской городской и территориальных. Префектуры и управы фактически начали самостоятельно осуществлять формирование избирательных комиссий, используя подконтрольные им общественные организации. Этот прием был использован в 2000-е по всей стране. В региональных и местных администрациях появились сотрудники, ответственные за выборы. В советские времена выборы были зоной ответственности райкомов партии, теперь они стали зоной ответственности администрации.

Постепенно была полностью подчинена власть законодательная. Мосгордума, избранная в 1993 году, была достаточно разнородной и могла еще служить противовесом

исполнительной власти. На выборах Мосгордумы 1997 года административный ресурс уже использовался достаточно широко, в таких его проявлениях как массивная пропаганда в муниципальных газетах, содействие администрации «желательным» кандидатам. «Мифический» (по словам Лужкова) «список Лужкова», всячески разрекламированный в лужковских СМИ, на этих выборах получил 27 из 35 депутатских мест (стоит заметить, что часть депутатов одновременно входила и в «список Лужкова», и в официальный, «демократический список». Позже, почувствовав сладость пребывания в лужковской Думе, такие депутаты были готовы на все, чтобы там остаться, и сменили партийную принадлежность). С этого момента московский законодатель стал придатком исполнительной власти.

На следующих выборах в 2001, 2005, 2009, 2014 годах администрация Москвы никогда не снижала своего представительства в Мосгордуме ниже двух третей. В 2001 году «Список 4-х» (согласованный четырьмя партиями и мэрией) победил со счетом 33:2, в 2005, 2009 годах «пролужковские» депутаты стабильно занимали 28 мест из 35. В 2014 году при использовании полностью пропорциональной избирательной системы «административные» кандидаты получили 38 мест из 45.

Неожиданность произошла в 2019 году, когда поддержанные администрацией кандидаты получили лишь 24 места из 45. Эти выборы предварялись массовыми протестами против отказов в регистрации популярным кандидатам, а также агитацией за «Умное голосование». Результатом стал не только необычный состав Думы, но и панический страх власти перед Алексеем Навальным и его инициативами.

Необычайные успехи «административных» кандидатов объясняются очень просто: во всех случаях московские власти на полную мощь включали административный ресурс. Важнейшим из ресурсов была возможность отказа в регистрации нежелательным кандидатам, который неизменно поддерживался «своими» судами. Другим важным ресурсом была массивная агитация/пропаганда.

Стоит отметить, что московские законодатели охотно помогали политехнологам мэрии. Они «подстраивали» закон под сиюминутную ситуацию. Перед выборами 2005 года, идя впереди федерального законодателя, отменили голосование «Против всех» и установили «драконовский» заградительный барьер в 10%. В 2009 году перешли на не самую справедливую систему распределения мандатов – «метод Империаля», в 2014 объявили полностью пропорциональную избирательную систему, а на следующих выборах бросились в другую крайность – полностью мажоритарную.

Поскольку одномандатные кандидаты в Москве обычно выдвигаются партиями, постольку влияние используемой избирательной системы довольно легко проиллюстрировать. Ниже размещен Рисунок 1, который иллюстрирует, что срочная замена смешанных выборов на полностью мажоритарные в 2014 году принесла «партии власти» по меньшей мере шесть дополнительных мандатов. Если бы выборы проводились по полностью пропорциональной системе, то «партия власти» вообще не досчиталась бы восемнадцати мандатов. Кстати, успех администрации в 2014 году (38:7) закрепил ее желание проводить следующие выборы 2021 года также по мажоритарной системе, однако на этот раз в ситуацию вмешалось «Умное голосование» Навального (см. мою статью в журнале «Электоральная политика» №1(3), 2020, <http://electoralpolitics.org/ru/articles/chuzhaia-pobeda/>).

(2014 г.)

Рисунок 2

Конъюнктурная смена избирательной системы была использована и федеральным законодателем в 2021 году, когда полностью пропорциональная система была заменена на смешанную. Рисунок 2 иллюстрирует этот факт.

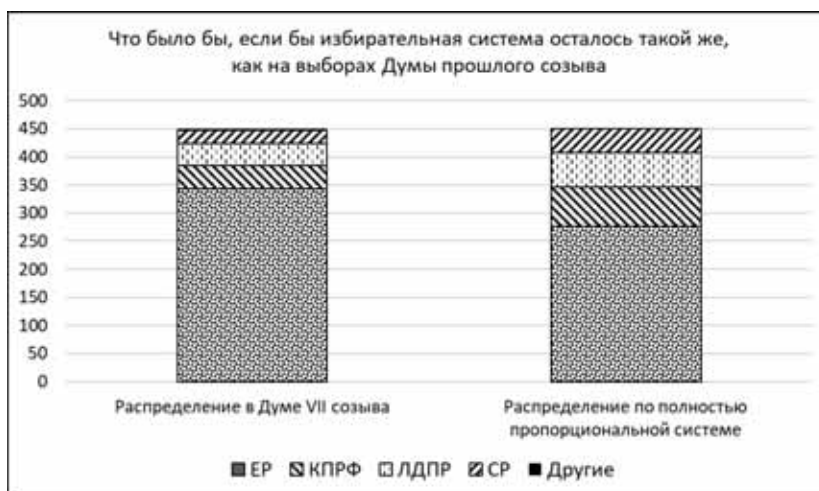

Рисунок 2

...система осталась

Из file:///D:\Архив%20выборов\2016-160918-ГД\Статистика\Расперделение%20мандатов%20-%20сравнение%20избирательных%20систем.xlsx

ЧТО ПЕРВИЧНО: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИЛИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ?

В недавно вышедшей книге Е. Лукьяновой и Е. Порошина неоднократно утверждается, что избирательная система и избирательное законодательство «являются тем волшебным ключом, который открывает либо закрывает двери демократии»¹⁴. Такое утверждение представляется слишком смелым.

Российское избирательное законодательство 1997 года по всеобщему признанию было не просто прогрессивным, оно удовлетворяло международным избирательным стандартам. Однако, как я отмечал выше, выборы депутатов Мосгордумы, прошедшие в этом же году, прошли с нарушениями закона, которые остались практически незамеченными и безнаказанными. Федеральные выборы 1999 года были последними конкурентными выборами федерального уровня, однако это произошло не благодаря законодательству, а благодаря сложившейся к тому времени конфигурации политических сил. В дальнейшем незаконное правоприменение с каждым выборами усугубляло подчинение законодательных органов исполнительной власти, что приводило к ухудшению избирательного законодательства. Ухудшение законодательства стимулировало возможности незаконного правоприменения. Образовался замкнутый круг деградации выборов.

Такое взаимодействие двух процессов в теории управления называется «положительной обратной связью», которая, как известно, приводит к экспоненциальному росту обоих процессов. Примерно к 2014 году российское избирательное законодательство в целом перестало удовлетворять Конституции и международным избирательным стандартам, а в начале 2020-х превратилось в антинародное (антидемократическое), то есть напрямую способствующее отделению власти от граждан.

Хотя процессы незаконного правоприменения и деградации избирательного законодательства происходили одновременно, стимулируя друг друга, мы все-таки должны признать, что второй процесс вторичен по отношению к первому. Но, несомненно, процесс деградации законодательства намного легче наблюдаем и достаточно хорошо отражает процесс деградации самого института выборов.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Российские избирательные законы подвергаются очень частым изменениям, что крайне отрицательно сказывается на качестве выборов (то есть, на реализации их конституционного предназначения отражать волю народа, формировать властные органы, адекватно интегрирующие народные интересы). Более того, как было сказано выше, новации избирательного законодательства часто носят конъюнктурный характер, то есть, направлены на создание преимуществ для «партии власти». На Рисунке 3 приведена диаграмма, которая иллюстрирует число законов, внесивших изменения в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...» 2002 года. Общее число этих законов за 20 лет превысило сотню.

¹⁴ Лукьянова Е.А. [и др.]. Выборы строгого режима. – М.: Мысль, 2022. –С.26, с. 189.

«Рельеф» этой диаграммы не в полной мере характеризует интенсивность атак на законодательство. Многие законы носили технический характер и отражали лишь имитацию деятельности законодателей. Мы можем выделить три момента наиболее тяжелых законодательных ударов по выборам.

Рисунок 3

Из Первый – 2005–2006 годы, когда, предвзято выборы в Госдуму 2007 года, введен единый день голосования, отменены избирательные блоки, ужесточены нормы, связанные с регистрацией кандидатов, нарушение законодательства об интеллектуальной собственности причислено к основаниям для отмены регистрации, повышен заградительный барьер, из избирательного бюллетеня фактически исключена строка «против всех», увеличена допустимая доля государственных и муниципальных служащих в избирательных комиссиях и отменена обязанность уходить в отпуск кандидатов, замещающих государственные должности категории «А», существенно ограничено пассивное избирательное право. (Возможность вводить некоторые из перечисленных новаций отданы в компетенцию региональных властей, которые не преминули этим воспользоваться. Например, московская власть сразу увеличила заградительный барьер аж до 10%, а отменила графу «Против всех» еще даже до «федерального разрешения».) В этот же период начинается борьба государства против «иностранный влияния».

Второй этап наступления на законодательство – конец 2012 года –2014 год, после «второго пришествия». Усиливается борьба с «иностранным вмешательством», что заодно снижает шансы на регистрацию «нежелательных» кандидатов. Отменяется возможность регистрации без подписей партийных кандидатов от непарламентских партий; такую возможность оставляют только за «парламентскими» партиями, при этом многократно увеличивается количество подписей, необходимых для выдвижения кандидатом. Сокращаются сроки обжалования итогов голосования и результата выборов.

Третий удар по избирательному законодательству был нанесен в связи с проведением «всемирного голосования по одобрению поправок в Конституцию РФ». Это мероприятие было проведено вопреки процедуре, предусмотренной Конституцией РФ, на основе спешно и небрежно составленных документов, которые к тому же вводили новые способы

голосования, позже внедренные и на выборах. Собственно, «всенародное голосование» 2020 года было рубежом, после которого Россию нельзя считать правовым государством: действующая власть показала гражданам пример вопиющего пренебрежения правом.

В 2021 году были существенно расширены ограничения пассивного избирательного права (в закон ввели 50 уголовных статей, наличие которых запрещало баллотироваться, причем некоторые из этих статей были политическими), введено многодневное голосование, в 2022 введена возможность Дистанционного электронного голосования, не поддающегося общественному контролю, упразднен статус члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса.

Трудно охарактеризовать то, что произошло с избирательным законодательством к 2022 году, иначе как полную деградацию. Впрочем, если учитывать, что выборы не являются автономным общественным институтом, следует признать, что они должны были оказаться в таком состоянии в ситуации перехода к тоталитарному милитаризованному государству.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В 2002 году произошло слияние двух политических сил, представлявших два крыла новой нарождающейся номенклатуры и серьезно боровшихся между собой на выборах 1999 года, – «Единства» и «Отечества». Заметим, что борьба этих сил позволила одержать победу третьей политической силе – КПРФ. Зато после слияния объединенные номенклатурщики стали доминирующей политической силой, которая начала перестраивать политический строй. При таких обстоятельствах Государственная Дума 2003 стала проводником политических решений главного законодателя – Администрации Президента.

Собственно, страна в этот момент вернулась к советской «пирамидальной» политической модели управления: верхушка, принимающая решение (АП, ранее – ЦК КПСС), и иерархически выстроенные под ней остальные государственные и общественные институты. Не стоит забывать, что верхушка в нашей стране всегда заботилась о тесной связи и подконтрольности ей силовых структур и, в первую очередь, – тайной полиции. У новой верхушки такая связь установилась естественным образом, ее не надо было устанавливать заново.

Заметим, что в это время была полностью дезавуирована декларация Конституции 1993 года о разделении властей. «Властная вертикаль» и разделение властей (как ведомственное, так и территориальное) являются противоположностями друг друга. В этом отношении СССР больше соответствовал своей Конституции, чем Россия: в Конституции СССР разделение властей не упоминалось, но было написано, что является «руководящей и направляющей силой советского общества».

Строительство новой политической системы проходило под лозунгом «суверенной демократии». Он не в полной мере отражал реальные действия Администрации Президента на политическом поле. Реальные действия описаны в начале этой статьи: подчинение судов и избирательных комиссий, огосударствление СМИ и т.д. Для упрощения управления выборами следовало укротить (укоротить) партийную систему, и внесение изменений в законы о партиях и о выборах привело к тому, что к 2007 году партий осталось всего семь. Немалую роль сыграли законодатели, которые предоставили фактически самим себе преимущество в виде возможности регистрировать только своих кандидатов без сбора подпи-

сей. В 2014 году это преимущество было еще закреплено увеличением числа необходимых подписей (на федеральных и региональных выборах) до неадекватного уровня в 3%.

Начиная с 2012 года в избирательное законодательство постоянно вносятся поправки, связанные с «иностранным влиянием». Сначала запретили баллотироваться гражданам, которые имеют двойное гражданство или вид на жительство в другой стране, потом законодатели потребовали отчетности кандидатов о наличии финансовых инструментов и недвижимости, а затем запретили баллотироваться «иностранным агентам». Последнее понятие до 2022 года было настолько законодательно неопределенным, что «иностранным агентом» суды с подачи Министерства юстиции могли признать кого угодно. В 2022 году в новом Федеральном законе «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» появилось новое определение, по которому «иностранным агентом» теперь уж точно может быть признан любой гражданин России.

Ограничения пассивного избирательного права, связанные с привлечением к административной и уголовной ответственности, которые начали вноситься в избирательное законодательство еще в середине 2000-х, расширились вместе с правоприменительной практикой. С одной стороны, ширилось привлечение к ответственности оппозиционных граждан, с другой стороны – расширялись законодательные ограничения. Признание «экстремистской» обычной оппозиционной деятельности позволило исключить из electoralного поля сторонников Навального. Оппозиционные политики просто вытеснялись из политического поля в неправовое – как законодательством, так и правоприменением. Военная операция на Украине и введение административной и уголовной ответственности за выражение мыслей о ней позволили практически зачистить выборы 2022 года.

Об антиконституционном ограничении пассивного избирательного права Общественное движение «Голос» выпустило подробные доклады¹⁵.

Стоит также отметить, что законодатель сузил не только рамки пассивного избирательного права, но и возможности других видов участия в выборах: «иностранные агенты» и «аффилированные с ними лица» не имеют права участвовать в выборах в «иных формах». Например, в качестве наблюдателей.

В течение последних лет законодатели (читай – Администрация Президента) ведут борьбу с общественным контролем. Сначала появилась норма о привязывании наблюдателей к одному конкретному избирательному участку (уничтожение «мобильных наблюдателей»). Закон потребовал заранее представлять в территориальные комиссии списки наблюдателей. При этом была принята законодательная норма, позволявшая выставлять наблюдателей от квазиобщественных общественных палат. Имитация выборов потребовала имитации общественного наблюдения. Апофеозом борьбы с общественным наблюдением стало упразднение статуса члена комиссии с правом совещательного голоса.

Наконец, спешно вводится новый способ голосования – ДЭГ (дистанционное электронное голосование). Вопреки предупреждениям специалистов он вводится так, что общественный контроль этого вида голосования принципиально невозможен. Это означает, что организаторы выборов могут с использованием ДЭГ добиться ЛЮБОГО результата, и проверить его в судебном порядке будет невозможно.

Могли ли честные, проведенные в соответствии с законом выборы предотвратить сползание нашей страны в тоталитарную пропасть? Вряд ли. В огромном общественном механизме миллионы деталей. Этот механизм обладает высокой инертностью. Заменяв одну из деталей, не поменяв другие, мы добьемся лишь того, что через некоторое время новая деталь выйдет из строя. Так и произошло с российскими выборами.

¹⁵ <https://www.golosinfo.org/articles/145272> и <https://www.golosinfo.org/articles/145784>

МАКСИМ КРУГЛОВ

*Председатель фракции «Яблоко» в Московской городской Думе,
заместитель председателя партии в Московском региональном отделении,
кандидат политических наук*

2 декабря 2021 года

ГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вся городская политика происходит в контексте авторитарной политической системы.

По сути, в стране отсутствует система федеральных отношений, и выстроена достаточно жесткая вертикаль власти. Регионы страны не обладают какой-либо самостоятельностью; а после изменения Конституции в 2021 году сейчас принимается законодательство в области развития новой Конституции: согласно новому закону, к примеру, региональных министров будут назначать из федерального правительства. Поэтому в настоящий момент любая городская политика в стране – это реализация общих принципов федеральной политики – на местах. Это накладывает свои особенности: везде запрещены митинги, везде запрещены референдумы, нет никакой региональной свободной прессы.

Однако то, что происходит в Москве, представляет значительный интерес для понимания того, что происходит в стране. Конечно, Москва – это город, в котором делается глав-

ная политика в России. Именно здесь проходили многотысячные митинги протеста в 2012 и 2019 годах, именно отсюда этот импульс получает вся остальная страна. Именно в Москве имеет место огромное протестное голосование.

Например, когда партии «Яблоко» удастся принять участие в московских выборах (а это удастся не всегда, есть запредельный запретительный барьер в виде сбора подписей), она показывает очень существенные результаты.

На выборах муниципальных депутатов в 2017 году мы получили второй результат по городу; на выборах в Московскую городскую думу, а эти выборы проходят по городским округам, – все 5 кандидатов от «Яблоко» победили, то есть заняли первые места в своих округах, став депутатами. То есть Москва – это город, в котором либеральные идеи пользуются существенной поддержкой москвичей. В этих, скажем прямо, опасных для себя условиях городская власть старается консервировать политическую жизнь и минимизировать политические риски, максимально деполитизировав общественную жизнь в городе.

Москва – очень богатый город. По уровню бюджетной обеспеченности Москва занимает первое место в Европе. Это более 3 триллионов рублей, примерно 40 миллиардов евро. Это огромная сумма; у других регионов и близко такой суммы нет.

В целом, конечно, московский бюджет – достаточно социально ориентированный. Много денег тратится на образование, здравоохранение, социальную поддержку населения. В Москве люди живут неплохо. Огромные деньги тратятся на благоустройство и строительство дорог.

По мысли столичных властей, Москва должна сверкать и сиять, быть городом-витриной.

26 миллиардов рублей выделяется на развитие светоцветовой среды города. Огромные деньги тратятся на поддержание лояльности москвичей и пиар городской власти. Например, поддержка городских СМИ в 2022 году обойдется городу в 12 миллиардов рублей (около 150 миллионов евро), а это больше всего бюджета Твери.

Эта сумма тратится на финансирование тех средств массовой информации, которые комплиментарно высказываются о городской власти. Соответственно, если оппозиция делает что-то критическое – например, выпускает документ с содержательной критикой бюджета – это не попадет ни в одно СМИ.

Огромные средства выделяются на систему видеонаблюдения. Вся Москва завешана камерами слежения, они используются, в том числе, для политической слежки за гражданами и политиками. Если человек поучаствовал в митинге, его могут через полгода задерживать на основании фотографии, которую сделала одна из камер, когда он шел на митинг. Фотографию предъявляют суду и выносят обвинительный приговор. По трем таким нарушениям человек может получить реальный тюремный срок.

КТО И КАК ФОРМИРУЕТ ПРОЕКТ БЮДЖЕТА

Принцип формирования бюджета – абсолютно кулуарный, никто (ни один депутат) влиять на него не может. Ни горожане, ни муниципальные депутаты свою позицию высказать по нему не могут.

Депутаты регионального парламента (например, наша фракция «Яблоко») могут подавать свои поправки, которые, как правило, парламентским большинством и исполнитель-

ной властью игнорируются. Полтора года назад мы решили использовать эту возможность и предоставили трибуну для муниципальных депутатов. В рамках бюджетного процесса мы предложили перераспределить расходы на благоустройство – 114,9 млрд рублей. Эту сумму разделили на муниципалитеты в зависимости от числа проживающих там жителей. Таким образом, каждое муниципальное образование, группа муниципальных депутатов или один депутат может прислать свою поправку в бюджет на сумму от 3,7 до 115 миллионов рублей на нужды своего района.

Есть в этом и доля восстановления справедливости: столичные муниципальные депутаты полностью отодвинуты от процесса принятия бюджета. В их распоряжении только 0,53% бюджета.

Муниципальные депутаты со всего города могли направить к нам во фракцию свои поправки к бюджету, составленные, естественно, по определенным критериям, мы их соответствующим образом юридически оформляли, и я вносил их на заседание парламента. Получилось более 60 поправок, которые я зачитывал с трибуны в течение 4-х часов. Ни одна из них принята не была, потому что депутаты от «Единой России» просто не голосовали. Однако было важно, что получилось прервать политическую блокаду муниципальных депутатов.

О корпусе муниципальных депутатов, как об элементе городской политики, стоит сказать отдельно. В Москве в системе баланса исполнительной и представительной власти муниципальные депутаты не значат практически ничего. У них нет никаких полномочий, все, что касается городской жизни в районах, решается на уровне управ и префектур.

Доля городского бюджета, находящаяся в ведении муниципалитетов, – 0,5%. Тоже самое можно сказать про главный представительный орган Москвы – Московскую городскую Думу. Городской парламент состоит всего из 45 депутатов(!) – на 12 миллионов жителей, с крайне ограниченными полномочиями.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ МОСКВЫ

При этом, в таких условиях полностью выхолощенного политического поля и политических институтов, Москва действительно развивается.

1. Мэрия имеет крайне технократический подход к решению проблем города.

Они не любят/не умеют/не хотят ничего обсуждать ни с москвичами, ни с оппозицией, но к своей работе привлекают действительно серьезных экспертов, добиваясь существенных результатов.

Повторюсь, городские власти полностью стараются уничтожить политику и какое-то независимое мнение горожан, но при этом Москва развивается таким образом, что составляет конкуренцию европейским мегаполисам, и в Москве живут неплохо.

2. Работа департаментов.

Каждый департамент – это вертикальная структура с плохими горизонтальными связями. Она эффективно претворяет в жизнь планы мэрии, но сбоит, когда надо решить комплексную проблему и скоординировать усилия. Начиная от переноса пешеходного перехода и заканчивая тем, что в государственном управлении называется wicked problems – проблемами, не имеющими однозначного решения. Кроме того, такая система с трудом контролирует происходящее «на земле» из-за слишком большого объема.

3. Стратегия «причинения добра» вступает в конфликт с ожиданиями и желаниями людей, потому что совсем их не учитывает.

Примеров много. От благоустройства улиц до разнесения поликлиник на филиалы или недавней реформы общественного транспорта на юге города: в сумме всем должно стать лучше, но каждому в отдельности стало чуть хуже.

4. Главный недостаток городской политики в Москве – отсутствие диалога между горожанами и городом, даже между разными департаментами города.

В этом и кроется главный недостаток городского управления в Москве – все друг другу не доверяют и не хотят разговаривать. Департаменты не делятся данными и не умеют координировать усилия, а москвичи не доверяют власти в целом. В итоге, лучшей стратегией считается принуждение, а не компромисс.

5. Существует запрос на изменение этой ситуации, на который мы стараемся отвечать институционально.

Мы понимаем, что эту проблему нужно решать со всех сторон, поэтому предлагаем законные, институциональные решения проблемы, а не устранение ее симптомов.

Наша ответственность как оппозиционной фракции – эту политику в город возвращать. Мы предлагаем и власти, и горожанам механизмы взаимодействия, стараемся формулировать институциональные механизмы участия граждан в управлении городом. Это направление мы назвали «Право на город», в честь концепции французского философа Анри Лефевра, предлагавшего остановить отчуждение города от горожан. Для нас важно, чтобы в Москве первичны были жители, а не органы управления.

Право на город – система правил, по которым горожане могут непосредственно влиять на происходящее в их районах. Эти правила должны охватить процессы благоустройства, но потом их можно расширять и на другие сферы, где важен субъективный повседневный опыт местных жителей. Например, соучаствующее проектирование – благоустройство на основе соучастия местных жителей в его проектировании.

Конечно, оно подразумевает работу профессиональных дизайнеров, архитекторов – но сначала надо получить техническое задание от жителей. Специалисты знают, как делать, но только жители знают, что делать.

КОНСТАНТИН КИСЕЛЕВ

Депутат Екатеринбургской городской Думы, кандидат философских наук, доцент

6 октября 2020 года

ПОЛИТИК В ОППОЗИЦИИ: КАК ЭТО ВОЗМОЖНО НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Я немного расскажу, как это все произошло, и как я оказался в роли депутата и политика. Я долго работал в Уральском госуниверситете и был одним из первых, кто начал преподавать политические дисциплины. Затем ушел в Российскую академию наук, дорос до должности заместителя директора института по науке. У меня своя научная школа, то есть три поколения защитившихся людей. Параллельно занимался политконсалтингом, был экспертом многих фондов, программ, вступил в Союз журналистов. И в 2013 году мы с Евгением Ройzmanом баллотировались в рамках одного списка. Ройzman его возглавлял, я шел вторым. При этом мы надеялись всего на одно место по списку, и я не хотел идти в городскую Думу. Я считал, что это не мое абсолютно, потому что я люблю работать с бумагами. Уже писал какие-то законопроекты, они принимались. И все было хорошо. Но мы взяли три места. И тогда Ройzman сказал: «Слушай, ну больше некому». И вот тогда произошло превращение политолога, политконсультанта, исследователя политики в политика. Оно произошло, естественно, не сразу.

Первый вопрос, который я хотел бы обозначить – а что значит быть политиком вообще? Можем ли мы любого депутата назвать политиком? Я думаю, ни в коем случае. Можем ли мы считать любого человека, который называет себя политиком и занимает политическую должность, политиком? Очевидно, нет. Приведу простой пример: весь первый мой созыв

рядом со мной сидел депутат, который за пять лет не сказал ни одного слова. Это нонсенс. Он политик или нет, хотя он депутат? Я думаю, что называть его политиком было бы абсолютно неправильно.

Является ли сегодня политиком, например, депутат или губернатор, который потерял должность, депутатом или губернатором быть перестал, исчез из информационного пространства? У нас есть люди, которые возглавляют массу региональных отделений – «Справедливая Россия», «Единая Россия», «Яблоко» и др. Можем ли мы считать каждого руководителя регионального отделения любой абсолютно партии политиком или нет? У меня очень большие сомнения. Даже те люди, которые по должности являются политиками, часто таковыми на самом деле не являются. Часто это просто карьерные бюрократы в понимании Макса Вебера. Мне кажется, что есть два критерия, абсолютно понятных и прозрачных. Они в каждом конкретном случае проявляются по-своему, но, тем не менее, эти критерии каждый может почувствовать на себе.

Во-первых, политиком ты становишься, когда это признают люди. Когда они видят в тебе некий потенциал, некие возможности, которые делают тебя, собственно говоря, политиком. Ты начинаешь коммуницировать, взаимодействовать, принимаешь ответственность, решаешь проблемы, ставишь задачи. Во-вторых, политиком ты становишься, когда тебя таковым признают власти. Это тоже ощущается мгновенно, особенно если ты оппозиционный политик, ты на себе это почувствуешь, об этом я немного ниже.

Кроме того, совершенно очевидно, что политик – это особая профессия. Я вновь упомяну Вебера, который об этом много писал. Профессия, которая отличается реально от профессии политконсультанта, от профессии преподавателя политических дисциплин и от профессии политического исследователя. Это абсолютно разные вещи. Например, когда я выступаю в роли политика, я бью себя по рукам и говорю – ты не политконсультант, ты не можешь сделать для себя кампанию, ты слишком причастен к этому. Чем политконсультант отличается от политика? Он не может себя отождествить с политиком, и поэтому, замечу, основной грех политконсультанта, в который он может впасть, – это отождествление себя с клиентом. Так вот, быть политиком и одновременно политконсультантом для самого себя, делать для себя кампанию запрещено. Потому что я по отношению сам к себе необъективен, я отождествляю себя в данном случае, как политконсультант, с клиентом, а это абсолютный грех.

Итак, политиком необходимо стать. И это непростой процесс. Процесс достаточно длительный, который требует времени. Предположим, кто-то стал политиком, причем политиком-оппозиционером. Оппозиционер – что это такое? Опять-таки несколько признаков стоит назвать.

Первый. Быть оппозиционером означает несогласие с властью. Если мы говорим о местном уровне, то вы не соглашаетесь с властью администрации муниципалитета. Почему администрации? Сегодня политик-оппозиционер в администрации – это колоссальнейшее исключение. Например, Илья Яшин. Он работал в исполнительной власти. Он оппозиционер, но в администрации. В остальных 99,9% случаев политик – это, как правило, либо депутат местной думы, либо журналист, который может быть политиком, может восприниматься как политик. Сегодня, например, Юрий Дудь воспринимается как некая политическая сила, а не просто как журналист. Он может это отрицать, но Дудь воспринимается всеми именно как политическая сила. Аналогично с Леонидом Парфёновым. Он журналист, но он воспринимается именно как политик, как человек, который определяет какие-то решения, мнения людей. Это может быть правозащитник, очень многие присваивают себе это понятие – «Я – правозащитник». Кстати, далеко не всегда тот человек, который так про себя говорит, правозащитником является, но правозащитник может быть политиком. Политиком

может быть эколог. У нас в Екатеринбурге появилось общество «Парки и скверы». Люди, которые его возглавляют, воспринимаются уже как некая политическая сила, а каждая персона (их не так много) воспринимается именно как политик. Гражданский активист, не обязательно экологической направленности, тоже может восприниматься, соответственно, как политик. Итак, первый признак – несогласие с властью. С властью администрации, как правило, и это несогласие видно.

Признак второй. Ты не просто не соглашаешься с властью, а ты ее критикуешь, предлагаешь что-то или не предлагаешь, но это обязательно. Другими словами, не просто несогласие, но несогласие публичное.

Третий признак. Как правило, если вы уже стали оппозиционным политиком, то вы что-либо организуете. Это могут быть самые различные мероприятия, это могут быть митинги, лекции, но эти мероприятия, во всяком случае, видны. Проще говоря, для политика важно действие.

И четвертый момент. Ваши действия становятся видны власти. Вплоть до того, что становятся критерием оценки самой власти, ситуации в регионе либо на муниципальном уровне. То есть вы что-либо делаете, а прилетает это либо главе администрации города, района, либо кому-то из губернаторского окружения: что ты там себе такое допустил, что у тебя появляются какие-то люди. Власть тебя видит, и власть тебя оценивает. У нас в Екатеринбурге все последние годы все эти признаки политика-оппозиционера отчетливо проявлялись. Люди становились политиками. Леонид Волков – муниципальный депутат, который постепенно стал политиком российского масштаба. Я прекрасно помню, как 10 лет назад мы организовывали митинг в защиту прямых выборов мэра, и тогда уже Леонид Волков стал виден, и за действия, которые он совершал, прилетало и городским, и областным властям. Сквер в Екатеринбурге я уже упоминал.

Вот вы стали политиком, вас видит власть, вас видит общество. Вы стали оппозиционным политиком, то есть вы критикуете, делаете, вас оценивают, и эти оценки сказываются на ситуации в регионе и оценках региональной либо местной власти. С чем вы начинаете сталкиваться? Это абсолютно стандартная ситуация.

Первое. Вы лишаетесь доступа к СМИ. Это – без вариантов. Например, я нахожусь в стоп-листах всех региональных и местных теле- и радиокompаний. Во всех газетах. Единственное «Эхо Москвы», которое приглашало, и с которым можно было сотрудничать. Но оно закрыто. Ну и, возможно, используя свой статус депутата, я могу иногда пробиться на местное радио. Всё. Все СМИ закрыты. Это первое, с чем вы сталкиваетесь, и это не только в Свердловской области, не только в Екатеринбурге, но это по всей стране.

Второе. Абсолютно не сомневайтесь, что если вы стали политиком в оппозиции, вас поставили на прослушку. К гадалке не ходи, одна, две или три службы, законно либо незаконно, но вас прослушивают. Это 146%, как говорят у нас в России.

Третий момент. Вас начинают постепенно лишать ресурсов, в том числе материальных. Это может быть связано с увольнением с работы, как, например, меня увольняли. Как пытаются лишить средств к существованию оппозиционного журналиста, друга Леонида Волкова Федора Крашенинникова. Это могут быть самые разнообразные вещи. Но ресурсов материальных вас будут стараться лишать. Вы начинаете испытывать некое административное давление самыми разнообразными способами. Это могут быть штрафы за участие в митингах, обыски, вызовы различного рода допросы и опросы. В свое время я три часа просидел в ФСБ, в следственном комитете несколько раз, в уголовном розыске по самым разным надуманным обстоятельствам. Может пожаловаться человек откуда-нибудь из Коми, потому что ей кажется, что Константин Киселёв – шпион. И все, тут же прокуратура

дает поручение, уголовный розыск тебя вызывает, тебя начинают допрашивать–опрашивать. То есть административное давление – это норма.

Самый мягкий способ, когда вы почувствуете, что вас признали, – с вами будут пытаться договариваться: давай, решим какие-то проблемы, одним способом или другим, ну и так далее. Самые крайние способы – вам угрожают, вот как было с моими близкими совсем недавно. Вплоть до прямого насилия.

Если со всем вы столкнулись, то вы действительно стали политиком. Если не столкнулись, то вам еще расти и расти до политика. Предположим, что вы политиком стали. Что дальше?

Первое правило – определиться со стратегией. С проблемой определения стратегии я столкнулся в 2013 году, когда мне пришлось идти в Екатеринбургскую городскую Думу, где я уже второй срок. Первое, что нужно понять для себя, если вы стали политиком, – вы играете вдолгую. Вы можете решать какие-то конкретные задачи, но эти все задачи должны выстраиваться с пониманием того, что это не пять минут, не десять, это не день, не два. Если вы стали политиком в оппозиции, то это огромный период времени. И вас оппозиционная политика уже не отпустит никуда.

Второе правило – работа с институтами и институционализация своей деятельности. Не ручное управление – сегодня я сделаю так, завтра сделаю этак, а постараться выстроить институционально всю свою деятельность.

Что это такое? Условно говоря, я захожу в Думу. Первое – мне необходим определенный статус. Естественно, меня не изберут ни председателем комиссии, ни замом председателя комиссии, ни заместителем председателя думы, никем. Нужен определенный статус. Как решить этот вопрос институционально? Я вношу на рассмотрение Екатеринбургской городской Думы, договариваясь со всеми своими коллегами, положение о фракциях. По федеральному закону они есть, но у нас это институционально не закреплено. Положение нужно. Оно выгодно всем, в том числе мне. И как председатель фракции я получаю определенные права, которые закреплены уже институционально. Закрепив права фракции, я закрепляю, в том числе, и свои политические права, получая определенную возможность действовать.

Например, сегодня происходит встреча депутатов Екатеринбургской городской Думы с мэром города и всеми его заместителями при обсуждении бюджета на следующий год. Простых депутатов туда не приглашают и не пускают, но я – человек-фракция в одном лице, от партии «Яблоко». И я как председатель фракции, хотя я и один, имею возможность там присутствовать, задавать вопросы, предлагать, критиковать и прочее. То есть институционально я за собой этот статус закрепил.

Итак, создавайте самые разнообразные структуры, если вы стали депутатом. И эти структуры будут упрочивать ваш статус. Это может быть фракция. Вторая моя попытка такого институционального закрепления была связана с созданием комиссии по этике. Была масса споров, не сразу все это прошло, но комиссия по этике создана, и теперь появился некий регулирующий орган, который может оценивать деятельность депутатов, их слова, их поступки. Он может защищать депутатов, может критиковать этих депутатов. Это структурное подразделение Думы. И я там заместитель председателя.

Необходимо было прежде всего убедить депутатов в следующем: депутаты считали, что комиссия по этике – это комиссия для наказания депутатов. Кто-то пожаловался, что депутат не так себя ведет, и поэтому комиссия будет собираться, говорить «ай-яй-яй», лишать слова или еще что-то такое. Пришлось убеждать коллег, что комиссия по этике – комиссия разнонаправленная. И сегодня большая часть дел, а я являюсь заместителем председа-

теля комиссии по этике и хорошо погружен в тему, – это дела по защите депутатов. Когда депутат обращается с просьбой разобраться, что происходит. Или какая-то структура жалуется на депутата, ты разбираешь это дело и говоришь: «Ребята, а на самом деле депутат-то здесь прав». Это все выложено на думском сайте – решения комиссии по этике, и, если вы почитаете, то увидите совершенно другой слог, нежели в официальных документах. Вы увидите некоторые примечательные решения. Причем комиссия вольна настолько, что она может публиковать свои решения, может отказаться публиковать, поскольку это связано с этическими принципами. Я просто советую – почитайте то, что выложено на сайте Екатеринбургской городской Думы. Это раз. И второе, еще раз повторю, должно быть понимание у всех, прежде чем создавать комиссию по этике, что это комиссия не по обвинению, это комиссия по защите.

Меня самого разбирали на комиссии по этике пару раз. Я, естественно, не имел права голоса, когда меня разбирали. Условно говоря, я покритиковал полицейских, начальников, они пожаловались в комиссию по этике, и комиссия сказала: «Имеет право».

Далее. Объективно структурные противоречия между исполнительными и представительными органами существуют. Не могут не существовать. Вы можете договариваться с коллегами о том, чтобы, повышая институциональный статус Думы, забирать некие полномочия у администрации города. Я это делал на протяжении всего времени в Думе. И сегодня сложилась такая ситуация, что целый ряд полномочий администрации нам удалось перетащить на себя. Например, есть такая вещь – «целевые программы». Мы утверждали с депутатами когда-то целевые программы, но вдруг оказалось, что администрация города эти целевые программы меняет так, как ей заблагорассудится. Условно говоря, мы создаем одну программу, а на выходе через два года эта программа совершенно иная. И деньги, которые мы утверждали на определенные цели, ушли совершенно на другие.

Добились, в конце концов, продавили это через очень жесткую борьбу, того, что сегодня любая информация об изменениях программ, во-первых, к нам приходит. Во-вторых, если программа меняется на определенный процент своего размера, то эта программа обязательно идет через комиссии. А если сумма достаточно высока, то изменения в программу проходят через утверждение на заседании Думы. Тем самым мы взяли и институционально решили вопрос своего влияния не просто на бюджет и корректировку бюджета, которые проходят через Думу три раза в год, а решили проблему своего влияния на текущие изменения. И теперь администрация уже думает, что и как соответственно делать.

Когда ты институционально затягиваешь полномочия не только на себя, но и на своих коллег, которые понимают, что им это выгодно, ты создаешь основы для своего влияния, это абсолютно точно. Поэтому очень много сил уходит на то, чтобы выступать с различного рода правотворческими инициативами. Но без этого никак нельзя. Просто встать и выступить на заседании представительного органа либо на заседании комиссии представительного органа – мало, это некое ручное влияние. Когда же ты понимаешь, что закрепил массу самых разнообразных полномочий за Думой, перетянув их откуда-то, ты получаешь и союзников, и повышение своего статуса, тогда ты действительно становишься некоей политической фигурой.

Я очень горжусь тем, что в конце срока полномочий в прошлом созыве удавалось реально влиять на две думские комиссии, и администрация города ничего не могла с этим сделать. Она понимала, что мы институционально стали настолько сильны, что наши практики настолько прижились в Думе, что надо было договариваться каким-то образом. И мы предлагали и добивались: давайте деньги мы пустим не по тем направлениям, которые непрозрачны, которые являются коррупционно емкими, а давайте все-таки пустим их на детские сады и так далее.

Институционализация в Думе мне понятна. Если вы не в Думе, то есть персональные и коллективные практики, которые вполне возможно закреплять. Например, совсем недавно у нас, в том числе при содействии партии «Яблоко», была реализована «Народная инициатива» по возвращению прямых выборов мэра. Прозвучало на всю страну. Такого не было еще нигде, когда люди, используя несовершенство законодательства, действительно создали практику, которая сегодня может применяться везде, повторяться в Екатеринбурге в том или ином виде вновь и вновь, и это очень круто. А если мы вспоминаем не такие далекие времена, связанные со сквером, то опрос, который прошел в Екатеринбурге, на самом деле – стратегическая победа.

По скверу было следующее. У нас есть одно из центральных мест, где люди любят гулять. Находится у театра драмы. Место не имеет названия, поэтому его люди называли «Сквер-на-Драме». И там хотели построить огромный храм вторичной архитектуры. Предотвратить начало строительства путем переговоров не удалось, хотя и я на это указывал, и мои коллеги выходили на самый высокий уровень и предупреждали, что этого делать нельзя. И когда началось строительство, а оно началось через возведение забора, привезли туда закладной камень. Люди возмутились, и несколько дней шло очень жесткое противостояние, вплоть до силового в этом самом сквере. Уже ОМОН привозили из других городов, люди ломали забор. И в какой-то момент выступил Президент, сказал, что нужно провести опрос. Кто-то был против опроса, кто-то был за опрос, по-разному было. Но опрос – это практика, которая сегодня может применяться в самых разных формах, может применяться везде. Произошел институциональный прорыв.

Еще один институциональный момент. Мы создали рабочую группу, в которую включили представителей «Парков и скверов», представителей общественности. И они влияли реально на ситуацию в рабочей группе. Удавалось через переговоры уравновесить количественно представителей от народа (как нас называли, «люди с улицы») и представителей администрации, олигархов, которые хотели строить этот храм, представителей церковной общественности. В конце концов, мы оказались в равной ситуации. И мы могли устраивать такие вещи, которые без институционализации просто были бы невозможны.

И сегодня практика рабочих групп стала нормой. Например, у нас был скандал с благоустройством зеленой зоны, которая имеет странное название – Парк XXII партсъезда. Мне трижды удавалось усадить стороны конфликта за стол переговоров. Другими словами, эти рабочие группы начали работать уже институционально. Вот есть одни люди, есть другие люди, есть одно мнение, другое мнение – садись за стол переговоров и, соответственно, разговариваешь.

Поэтому если вы не имеете статуса, но вы политик, то вот эти институциональные практики вы можете формировать, не обладая этим самым статусом. Рабочие группы, поддержка движений, народные инициативы и так далее. Чем больше таких практик, тем круче. Если вы политик, то после вас остается не выжженная земля, а создаются некие институты, вырабатывающие некие устойчивые практики.

В партийной работе институционализация тоже должна стать нормой. «Яблоко» в Свердловской области отработало такую практику, и это абсолютно политическая практика, когда для того, чтобы «Яблоко» выдвинуло двух кандидатов на довыборы, был создан механизм выборщиков, в число которых включили 19 демократических организаций или структур, в том числе сетевых. Каждая могла выдвинуть двух выборщиков. Удалось договориться практически со всеми действующими субъектами. Были даже представители городских проектов Максима Каца. При всей сложности отношений. В итоге все 19 структур, самых разнообразных, от ветеранов политики – Демократическая партия России (Герман Корелин, депутат первого созыва Госдумы) – и до самых молодых, только начинающих, поддержали кандидатов от партии «Яблоко» на выборах.

Итак, если вы политик, где бы вы ни работали – в рамках представительного органа, за его пределами – вы оставляете после себя вот эти самые институты, вот эти самые структуры, вот эти самые наработанные практики.

Третье правило – вы должны определить для себя четкую планку, которая будет защищать вас от маргинализации. Власть будет делать все, чтобы вас в маргинальность толкнуть. Чтобы сделать вас маргиналом и всем говорить: «Да это кто такие, это сумасшедшие городские». У нее есть для этого масса способов, начиная с подконтрольных СМИ и заканчивая тем, что она будет навязывать вам нужные ей практики, выполняя которые, вы оказываетесь за чертой маргинализации.

Как не оказаться маргиналом в глазах масс жителей, избирателей? Первое – необходима хоть какая-то результативность. Если вы показываете результаты в виде созданных структур, в виде определенной помощи, в виде успешных акций, в виде защищенных скверов, парков и так далее, тогда про вас скажут: «Видите, он не просто говорит». А власть будет говорить: «Да это болтун, да он только критиковать умеет, да у него за душой ничего нет». Будут у вас результаты – будет защита, вы планку маргинализации пройдете.

Второе – это особый язык. То есть ваша речь, ваши символические логики, которые будут использоваться в этой речи, они должны быть грамотнее, умнее, нежели у оппонентов. Вы не переходите на крик, вы говорите совершенно спокойно, вы четко понимаете, что некоторые символические логики, они не ваши. Например, логика, которая навязывается постоянно, – у нас незрелое гражданское общество. Если вы соглашаетесь с этим высказыванием, всё, вы сделали шаг в сторону маргинализации. Вы признали, что вы якобы какой-то умный, а все остальные идиоты. А люди это чувствуют. Они спрашивают, почему у нас незрелое гражданское общество. Всегда, когда мне начинают говорить о незрелости гражданского общества, я, наоборот, отвечаю, что у нас гражданское общество зрелое. И если я так говорю, что оно зрелое, это значит, что я получаю право спрашивать с власти. Если я утверждаю, что гражданское общество не созрело, тогда власть говорит: – «Так ты же незрелое гражданское общество, что тебя слушать, собственно говоря, ты же представитель вот этого всего «зеленого», недоразвитого».

Поэтому когда я меняю логику на противоположную, совершаю логическую инверсию, то я получаю гораздо больше прав. Я говорю, что у нас зрелое гражданское общество, значит, власть, ответь мне, потому что я представитель развитого гражданского общества, и ты передо мной в ответе. Когда я признаю незрелость, тогда власть говорит: – «Мы тебя сформируем как-нибудь, постройся в колонну и иди в этой колонне так, как тебе велят».

Очень важна аргументация в любых дебатах, в любых выступлениях. Для того, чтобы вы не казались маргиналом, для того, чтобы избавиться от этой черты, это должна быть очень четкая, продуманная аргументация по любому абсолютно вопросу, который вы обсуждаете. То есть вы должны стать экспертом для средств массовой информации, для фондов, программ, для своих оппонентов, чтобы они видели в вас эту самую экспертность. И часто именно экспертность помогает преодолеть тот самый запрет на участие в СМИ, о котором мы уже с вами говорили.

Почему мне постоянно звонят журналисты, и почему из всех муниципальных депутатов по стране от партии «Яблоко» у меня одна из самых высоких цитируемость по всем СМИ? При этом я не плачу ни копейки никаким СМИ и платить не буду. Очень просто. Потому что они вдруг видят во мне некоего эксперта, который может им детально рассказать о бюджете, о правилах землепользования и застройки, о том, каким образом у нас финансируется медицина, что у нас творится в больнице номер N, что у нас происходит в школе номер NN. Им это интересно, им это важно, поэтому упоминаемость и цитируемость растут. И экспертность просто оттягивает тебя в сторону нормальной политики от маргинальности.

Вот это правило номер три, оно чрезвычайно важно, но его достаточно сложно применять, потому что это, опять-таки говоря, колоссальная работа.

Четвертое правило – вы не только критикуете, но делаете, предлагаете. Здесь я опять-таки сошлюсь на Вебера. У Вебера есть термин «расколдовывание мира». Но если есть расколдовывание, то должно быть и «заколдовывание мира».

Что такое расколдовывание мира? Если объяснять «на пальцах», то Алексей Навальный, здоровья ему и бесконечного уважения, научился замечательно расколдовывать мир. Он показывает сущность государства, сущность коррупции буквально на пальцах, на примерах. Он снимает фильмы, которые смотрят миллионы людей. Вот это расколдовывание мира. Он это делает не просто на пять с плюсом, а на десять с плюсом.

Но есть другая техника, это техника заколдовывания, техника, соответственно, противоположная. Тоже поясню на примере. И кстати, у Навального это далеко не всегда получается. Помните, у нас были выборы, на которых власти была предложена такая штука, которая называется «план Путина»? Кто знает, что такое план Путина? Да никто не знает. Кто пощупал этот план Путина? Да никто его не пощупал. Но вдруг появилось это словосочетание, и люди, у которых не было никакого образа будущего (впрочем, и за планом Путина тоже нет этого самого образа будущего, но это оказалось такой заколдовывающей фразой), говорили: «Так я же голосую за план Путина». И вот это заколдовывание мира, это совершенно особая вещь, которая нужна политику, если он действительно желает что-либо сделать. Заколдовывать необходимо в том числе и на выборах. Если избиратели говорят, что вы все равно не победите, все равно победит власть, победит еще кто-то, то вы избирателей не заколдовали. Убеждайте их в том, что у вас есть все шансы на выборах, чтобы вы победили. Если люди начинают верить в то, что вы победите, то это фактор того, что они за вас проголосуют. Это называется электобилити, то есть уверенность людей в вашей победе. И электобилити социологи меряют ровно так же, как и рейтинг доверия. Если электобилити высокое, люди верят, что вы победите, значит, вы себе плюсуете определенное количество голосов, которое вы точно уже получите. И это тоже механизм вот этого самого заколдовывания.

Не критика, а в том числе позитив и уверенность в том, что что-то можете вы. Иногда убеждайте в том, что какое-то дело только вы можете сделать. Это очень полезно и правильно для любого политика.

Пятое правило – чаще применяйте технологию инверсии. Инверсия – это некое переворачивание. Если вы не хотите быть маргиналом, если вы хотите быть действительно политиком, серьезным политиком, вам с этой технологией так или иначе придется столкнуться. Вы становитесь властью. Все говорят «это оппозиционер», но вдруг постепенно в сознании людей и в ваших действиях принадлежность к власти начинает все больше и больше проявляться.

Лев Шлосберг, Борис Вишневский – глубоко уважаемые мной люди. Они ведут себя и говорят, как власть, хотя оппозиционеры. Очень часто они берут на себя функцию власти. Не функцию оппозиции, а функцию власти. У Шлосберга это получается великолепно. Вишневский, когда он начинает помогать врачам в период пандемии, когда он берет на себя функцию распространения масок, причем системного, не просто в ручном режиме – он ведет себя как власть. И люди, которые не видят от власти реальной помощи, а получают эту помощь от Вишневского, начинают воспринимать его именно как саму власть. И в этот момент происходит как раз инверсия. Почему она важна? Потому что по всем замерам, не только в Екатеринбурге, не только в Свердловской области, примерно треть людей голосует за власть просто потому, что она власть. Не надо никаких других причин. Это кто такой? А, это от власти. Всё! Треть людей будут голосовать за это. Эта цифра может снижаться до

25%, может повышаться в зависимости от ситуации. Но в общем и среднем треть людей за власть. Если вы становитесь властью, вы начинаете этот электорат дробить, забирать себе.

У меня был случай, когда я работал политтехнологом в одном из соседних регионов. Был кандидат, который явно относился к оппозиции. На противоположной стороне работал единоросс, самый богатый депутат Законодательного собрания, заслуженный деятель, поддержанный всеми абсолютно администрациями. Нам удалось начать кампанию раньше. Когда я приехал туда, то увидел, что наш кандидат делает абсолютно оппозиционную кампанию. Он по внешнему виду оппозиционер, по лозунгам своим, по качеству материалов оппозиционер. Тогда я говорю: «Давай мы перевернем». И мы начали действовать, как будто он победил, он уже власть. Используем соответствующие слоганы, делаем соответствующие материалы. И нам дали на это буквально две недели. Но за две недели в конкретном округе этот человек начал восприниматься как власть. И когда в этот округ вышел единоросс, он был вынужден реагировать на данного кандидата именно как на властного кандидата. Он начал его критиковать, то есть начал вести себя как оппозиция. И когда была победа с результатом 55% в первом туре, все просто были в шоке. Это как раз технология инверсии, она сработала. Поэтому не забывайте про это, будьте сильным, если вы действительно политик, и не отдавайте власти тот электорат, который составляет одну треть и голосует за власть. Это не потерянный электорат. Есть упертые люди, которые действительно за власть. А в большинстве своем этот электорат можно отнести с определенными условностями к тем, кого называют неопределившимися.

И когда вы выстраиваете технологии инверсии, вы четко должны понимать, что вы работаете, во-первых, на своих, которых эта технология только вдохновляет. Они видят, что ты сильный, они начинают верить в твою победу, твой электорат соответственно растет, если это выборы. Во-вторых, вы работаете на неопределившихся. Работать на абсолютных оппонентов – это бессмысленное занятие, это трата денег и каждый вложенный рубль в работу над однозначными оппонентами приносит минимум результатов. Работа на неопределившихся – это самая эффективная работа, и понятно, что работа на свой электорат.

И последний момент, который отличает оппозиционного политика от политика от власти, политика в старом формате, условно говоря. Как правило, политик-оппозиционер – это человек. Следуя сформулированным выше пяти правилам, вы неизбежно становитесь политиком-человеком. В стандартном политике от власти сегодня человеческого не сильно много. В 80% случаев это абсолютно точно. Он воспринимается как функция, и человечность там в лучшем случае является приложением к полномочиям. Власть, таким образом, обезчеловечивается.

Сила политика-человека, политика от оппозиции в его человечности. Мы видим его достоинства и недостатки. Видим его жизнь. Мы видим в нем человека. Это политик, которого мы уважаем. Это очень человечный политик.

Задача политика-оппозиционера – как раз соединить эти две вещи, которые у нас оказались противоположными. С одной стороны, человечность, а с другой стороны, политическую работу.

Каким образом преодолевать раскол на федеральном уровне? Нам это удастся. Первый раз это было в 2018 году, когда объединилось четыре организации, сейчас – 19 организаций и сетевых структур. По большому счету это нахождение неких институциональных механизмов, которые гарантируют права всем. Это умение идти на уступки. «Яблоко» сказало: «Кто победит на дебатах, того и выдвигаем». Это непросто сделать. Надо наступать очень часто на горло собственной песне. Я от партии «Яблоко» шел, тоже участвуя в дебатах наравне со всеми. И эта работа длится у нас в Екатеринбурге достаточно долго. Мы поддерживаем инициативы, в том числе те, которые не от нас исходят. Наши иници-

ативы поддерживаются другими людьми. Мы понимаем все сложности, все трудности. Не все люди простые, не со всеми просто разговаривать. Есть исключения из партии. Но при этом даже с теми людьми, которые критикуют «Яблоко», причем критикуют очень жестко, мы контактов не теряем. Давайте будем общаться, взаимодействовать. Не нужно совершать необратимых политических поступков по отношению друг к другу. Я понимаю, что, по Конраду Лоренцу, внутривидовая агрессия гораздо сильнее, нежели межвидовая. И поэтому лучше иногда промолчать, чем говорить. Иногда подумать, прежде чем что-либо сделать. Правило не совершать необратимых поступков по отношению к людям, которые принципиально, стратегически тебе все равно близки, должно действовать.

У меня есть наблюдения, поскольку я посетил более 50 регионов страны, в том числе и по различным электоральным вопросам. И все те пять правил, что сформулировал, плюс вывод – они все там абсолютно применимы. Я понимаю, что в маленьких городах качество управления гораздо хуже. И в маленьких городах очень часто пытаются перестраховаться, перебдеть. И давление гораздо сильнее, и административные возможности гораздо сильнее. Но, тем не менее, далеко не везде. У нас есть, например, город Асбест, где очень сильны коммунисты-оппозиционеры, вплоть до контроля за Думой. Они побеждали, и никаких проблем не было. Надежда Журавлева, которая баллотировалась в Нижнем Тагиле от партии «Яблоко», еще до баллотировки добилась для всего Нижнего Тагила снижения цен на вывоз мусора. Это для Тагила уникально. Город контролируется двумя крупнейшими корпорациями – это Уралвагонзавод, который входит в систему Ростеха, и Евраз. И, тем не менее, она добивается, создает какое-то сетевое движение, и это движение сработало.

Я знаю, что там, где главы муниципалитетов действительно вменяемы, работать проще. Например, у меня один глава знакомый постоянно награждает главного оппозиционера города. Я ему говорю: «Ты зачем это делаешь, мне даже любопытно, ты же так его поддерживаешь». Он говорит: «Так он мне помогает. Он меня критикует, и все это выходит на региональный уровень. Меня вызывает губернатор и спрашивает, – что у тебя творится? Так денег не хватает... Ну ладно, на тебе денег, чтобы тот не выступал». То есть оппозиционер добивается для бюджета города дополнительных трансфертов из вышестоящего бюджета, и глава стимулирует этого политика. Но это умный глава, это исключение. Тем не менее такая штука тоже есть.

Поэтому все общие правила – не быть маргиналом, добиваться успеха и прочее. Быть аргументированным, быть услышанным – это все работает, хоть в маленьком городе, хоть в большом.

В маленьком городе еще очень важно уметь поймать идентичность города. Как правило, проблемы местной идентичности чрезвычайно сильны. Идентичность в Екатеринбурге – это нечто особое, здесь за нее все цепляются. Если вы вдруг попадете в этот нерв идентичности в маленьком городе – вы будете суперполитиком.

Если вы приедете в Пермь, то в Перми свой город сравнивают с Екатеринбургом. Если вы приедете в Курган, то там сравнивают себя с Каменском-Уральским, это город на юге Свердловской области. А Екатеринбург себя ни с чем не сравнивает. Екатеринбург говорит: – «Мы особые, нам Москва и не нужна. Москва где-то далеко». У Екатеринбурга собственная гордость, мы особые, у нас здесь никогда не было крепостного права. И начинается разговор про этот город. Идентичность не везде такая. Очень сильная идентичность – это маркеры, практики, болезненное восприятие каких-либо изменений, которые нарушают историческую зону застройки. Очень сильная идентичность в Иркутске. Именно поэтому на Иркутск были брошены огромные деньги на губернаторских выборах. Они продавили своего кандидата, и поэтому сейчас они преследуют бывшего губернатора. Они четко видят опасность сильной идентичности. Под «они» я имею в виду Москву, Кремль, различного рода федеральные кланы.

Как воспринимается Россия из Москвы? Она не воспринимается как территория. Она воспринимается как набор неких бизнесов. Что такое Якутия? Это алмазы. Что такое Приморье? Это рыба, рыболовство, это транзит на Китай, соответственно, иные бизнесы. И всё. Когда сильна идентичность, то даже Москва начинает видеть территорию. И уже Екатеринбург не воспринимается просто как набор бизнесов – цветная металлургия, черная металлургия, титан, еще что-то. Они интересуются – что у вас там вообще происходит, мы ничего не понимаем, решайте сами. Начинает видеться территория. И когда вы видите в маленьком городе не просто набор бизнесов, набор людей, вы видите территорию, у которой есть своя история, у которой свое будущее, свой образ будущего, то вы становитесь своим, своим политиком.

Мировая практика знает подобного рода вещи, когда есть оппозиция Ее Величества, например, в Великобритании. Мы знаем, что есть права оппозиции и есть права большинства, которое сидит в палате общин. Я не думаю, что у нас нужно идти именно по этому пути. Когда я говорил про технологию инверсии, то это как раз оборачивание. И если всю жизнь называться оппозицией, вы всю жизнь в оппозиции и просидите. Нужно менять логику, показывать, что вы действительно можете добиваться чего-то, вы можете быть властью, вы и есть власть на самом деле. И когда эта инверсия произойдет не только у нас в сознании, но и в сознании избирателей, тогда это будет суперкруто.

Если Алексей Навальный продолжит называть себя главным оппозиционером, на всю жизнь оппозиционером останется. Если вы начнете называть себя третьей столицей, вот это я «запретил» в Екатеринбурге, навсегда третьей столицей и останетесь. И тогда говорить о формировании какой-либо мощной идентичности екатеринбургской уже не придется. Поэтому сегодня только глупец называет нас третьей столицей, это не так: мы – Екатеринбург, мы самодостаточны, мы мерим себя не на Москву, не на Питер. Мы мерим себя на весь мир. Мы мерим себя, если хотите, на современность. Не всегда удается, не всегда соответствуем, но тем не менее планка задана.

Выборы мэра в Екатеринбурге не будут возвращены. Уже высказались все ключевые игроки о том, что этого не будет. Но еще раз повторю: у нас гордума – место для дискуссий. Сегодня уникальная ситуация, такой Думы еще не было. Весь прошлый созыв я потратил на то, чтобы хоть сколько-нибудь Думу укрепить, хоть как-то ее сохранить как представительный орган, и бился над этим, хоть какие-то практики создать. Сегодня Дума – работающий орган, где идут битвы, в хорошем смысле интеллектуальные драки между депутатами, между депутатами и администрацией. Я точно знаю, что нам завидуют многие крупные города. А областное законодательное собрание – там подавляющее большинство просто поднимает руки. Несмотря на то, что у меня там много друзей и знакомых, но факт есть факт. Никуда от этого не деться. И поэтому я далек от мнения, что возврат прямых выборов случится. Но опять-таки «Народная инициатива» – это практика. И уже просто так от «Народной инициативы» никуда не деться.

Это институциональное действие. Например, мы собираем подписи под «Народной инициативой» нам говорят, что – это пикеты, их надо согласовывать. Вывести сбор подписей за «Народную инициативу» из-под действия законодательства об общественных мероприятиях – это было бы круто. И можно было бы собирать. Либо вы собираете подписи под выдвижением. Аналогично, сегодня вам говорят, что – это мероприятие, поэтому идите, согласуйте. Хотелось бы это вывести из-под регулирования, в том числе – федерального закона.

Создание институциональной площадки для взаимодействия с общественными инициативами – это очень сложно. Подобного рода попытки были. Одно время в Екатеринбурге были очень популярны различного рода дискуссионные клубы. Собирались по любому по-

воду, где угодно, и это как раз были люди, настроенные оппозиционно, люди, референтные для своих групп, и люди, референтные практически для всего сообщества Екатеринбурга. Последнее время это прекратилось. Но если надо что-то обсудить, люди собираются. Пока вот такой институциональной площадкой стало «Яблоко», но по конкретному поводу, по поводу выдвижения.

Есть проблемы сочетания, например, на выборах по одномандатным округам: сочетание бренда «Яблоко» и личного бренда. Это тоже факт. Моя позиция здесь такая: совсем не обязательно кандидат, который баллотируется, должен использовать бренд «Яблоко», потому что этот бренд может отнять у него голоса, если это одномандатный округ. Хотелось бы иначе, но технологически этот факт существует. И сегодня мы видим, что у нас вот эти 19 организаций, которые выдвинули по два выборщика, плюс пять человек было от бюро «Яблоко», плюс четыре человека от отделений «Яблоко», они сделали здравый выбор, они сделали ставку на тех людей, которые дадут партии «Яблоко» плюс. И, условно говоря, когда выборы будут в 2021 году, если эти люди будут выдвигаться от «Яблоко», то они будут приносить «Яблоко» голоса. Даже сегодня, если они воздержатся от использования бренда, который будет отнимать у них голоса, поскольку их рейтинг, возможно, выше, то в 2021 году они принесут эти голоса. Они будут исправлять антирейтинг, который, безусловно, есть.

Вспомните одно из правил – мы играем вдолгую, и это надо объяснять всем.

Я использую бренд «Яблоко» не очень часто. Это факт, я это признаю. И я прекрасно понимаю, что очень часто, когда начинаем использовать партийные бренды, мы не просто не помогаем, а иногда и гасим ту или иную тему. Например, я пишу текст о равенстве милитаризма и патриотизма, этот текст набирает десятки и сотни тысяч просмотров по всей стране. Если я там напишу «Яблоко», такого эффекта не будет. Все будут говорить – он смешивает политические и, условно говоря, научные задачи. Лучше этого не делать.

Если я пишу о выборах, я говорю: «Это выдвигало «Яблоко». Это на его платформе произошло выдвижение». И это правда. И от этого никуда не деться. Поэтому в зависимости от задач.

Мое глубокое убеждение в том, что при ориентации на региональные проблемы будет работать много позитивных смыслов. У нас самое большое количество обращений к депутатам – это обращения по благоустройству. Людям нужна комфортная среда, люди хотят гулять в парках, скверах. Эта тема абсолютно топовая везде. А почему жалобы идут? Это, извините меня, администрация города. Связка выстраивается простая. Это позитивная кампания, при этом объект критики, то есть объект «расколдовывания», тоже понятен. Хотя мы говорим сейчас о политике, муниципальная кампания строится не на каких-то политических темах. Строится на том, что близко людям.

Я очень доволен дебатами, потому что все дебатирующие показали знания экономики города, проблематики города, центрированы были на позитивных, понятных вещах. Выходит человек, который ни разу не был в Думе, ни разу ничего не делал, и начинает про бюджет говорить как заправский экономист. Значит, люди разбираются.

Я тоже стараюсь писать у себя в соцсетях, писать очень часто посты с огромным количеством цифр, которые, тем не менее, читаются. Мы должны знать, что у нас в городе 23 лечебных заведения. Мы должны знать, что бюджет этих заведений складывается на 16 миллиардов из одного источника, на миллиард из другого, еще на миллиард из третьего и так далее. Понимать, откуда деньги должны туда прийти.

Поэтому идентичность, проблематика местная – это то, что надо.

Хочу пример привести. Один из муниципалитетов, идет кампания по местным выборам, и кандидаты понимают, что людям гораздо интереснее на муниципальных выборах (а там выборы совмещены, они многоуровневые) обсуждать, в какой цвет будет покрашена крыша школы и какой формы будут урны, нежели там еще что-то. И они готовы зарубиться за то, красная будет крыша или зеленая. И они делают такой псевдореферендум перед избирательными участками, где они избирателям задают эти простые вопросы. И вся кампания сводится к тому, что избиратели обсуждают свои дела. Приезжает к ним человек с выборов более высоких, госдумовских либо заксобрания, и начинает их спрашивать. Они отвечают: – «Погоди со своими вопросами, ты скажи, в какой цвет урну покрасить».

Это технология, когда ты спрашиваешь людей о том, что им действительно близко, люди готовы это обсуждать, готовы тебя слушать. И они понимают, что твое мнение будет услышано – это то, что нужно сегодня. Если бы было ресурсов побольше, и выдвинутые кандидаты вот в таком режиме отработали, то явка была бы не прогнозируема в районе пятнадцати процентов, а была бы гораздо выше, потому что люди бы шли голосовать за близкую им тематику. И за людей, которые перед ними эту тематику актуализируют.

Что такое Шиес, мусорная свалка? С одной стороны, это местечковая проблема. Но она взволновала всех. Тема, казалось бы, местная и касается совсем немногих населенных пунктов, но это проблема всеобщая. Защита шиханов в Башкортостане. Аналогично. Касается нескольких сёл, городов, но это тема федеральная. События в Хабаровске с Сергеем Фургалом. Наш сквер. Когда люди в Москве пишут надписи «Екатеринбург, держись!» и потом фотографии с этими надписями мне присылают, это дорогого стоит. Когда приезжает товарищ из Лондона и говорит: «У меня в доме тебя больше знают, чем меня». Почему такое? «Потому что BBC тебя показывает». Люди смотрят.

Такие вещи – они на самом деле не местные, они общероссийские. Но мы берем крайние случаи, когда это выходит в паблик на всю страну. Если бы я готовил какой-либо текст на федеральном уровне, я бы говорил совершенно иначе. Но для меня очевидно, что есть общефедеральный тренд по целому ряду проблем, которые можно обозначить как общефедеральные, но которые будут откликаться в каждом муниципалитете, сердце будет стучать. Это идентичность, которая сегодня растет. Идентичность – реальная тема. Это экология, это мусорная реформа и все, что с этим связано. Это боль, которая откликается у всех, и каждый начинает оглядываться и смотреть на то дерево, которое посадил еще его дед, и которое сегодня закатывают в асфальт.

Это проблема доходов. Если семь лет подряд падает уровень реальных доходов, то все чувствуют на своем кармане. Здесь тоже нужно понимать, нужно исследовать. Просто приведу пример: проблема ЖКХ может стоять в двух вариантах. Первое – очень дорогие услуги. Но эта же проблема ЖКХ может стоять по-другому – качество услуг. Когда доходы падают, а цены поднимаются, на первый план выходит ЖКХ как уровень оплаты. А в какой-то другой момент у нас выходит ЖКХ как качество. Есть проблема мелкого и среднего бизнеса и проблема налогов. Люди хотят считать свои деньги и имеют на это полное право. Проблем, связанных с идентичностью, огромное количество.

ЕКАТЕРИНА ХОДЖАЕВА

*Научный сотрудник Института проблем правоприменения
Европейского университета в Санкт-Петербурге,
кандидат социологических наук*

ГОСУДАРЕВЫ ЛЮДИ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НИЗОВОГО СОСТАВА ПОЛИЦИИ

Мы проводили включенное наблюдение и интервью (порядка 100 экспертных бесед и разговоров) в шести населенных пунктах (столичные города, крупный и средний город и два сельских районных центра) двух северо-западных регионов России в 2014 году. Так или иначе, мы имели доступ к разным типам территориальных органов полиции: управления МВД по регионам, городские, районные, в т.ч. сельские (в том числе и межрайонные) отделы внутренних дел (далее ОВД). Наблюдение включало в себя участие исследователей в повседневной работе сотрудников: территориальный обход вместе с участковым, нахождение в патрульном экипаже, присутствие на разводе и т.д. (всего 130 человеко-часов наблюдений). Мы также провели анализ ведомственных документов, отчетности и архивных документов.

ИЕРАРХИЯ И «ПАЛКИ»

Структурно МВД после реформы 2011 года – это свехцентрализованное ведомство, имеющее три основных уровня управления территориальными¹⁶ подразделениями:

- Центральный аппарат осуществляет координацию на уровне России в целом;
- Управления (в республиках – министерства) регулируют полицию на уровне субъекта федерации;

¹⁶ Линейные подразделения на транспорте устроены несколько иначе.

– На уровне административного района или нескольких районов существуют низовые звенья – отделы полиции. В столичных городах регионов (почти всегда в крупных) руководство ими может осуществляться еще и городским управлением. В некоторых случаях могут вводиться более мелкие подразделения (отделы или отделения внутренних дел, подчиненные районному отделу внутренних дел) или некоторые промежуточные структуры.

Деятельность МВД РФ регламентируется ФЗ РФ «О полиции», вступившим в силу 7 февраля 2011 года.

Министр внутренних дел подотчетен Президенту РФ; нижестоящие территориальные подразделения подотчетны вышестоящим территориальным подразделениям и не несут ответственности перед местными органами исполнительной власти. После реформы полиция в России мыслит себя как федеральное ведомство. Координация региональных управлений с главами регионов и областными администрациями осуществляется через совещательные органы региональной власти – советы по антитеррористической деятельности и профилактике правонарушений. Аналогичные структуры действуют и на городском и районном уровнях.

Отдел полиции «на земле» – это обычно коллектив из 150–200 человек, включенных в различные специализированные подразделения. Линейно-штабная структура управле-

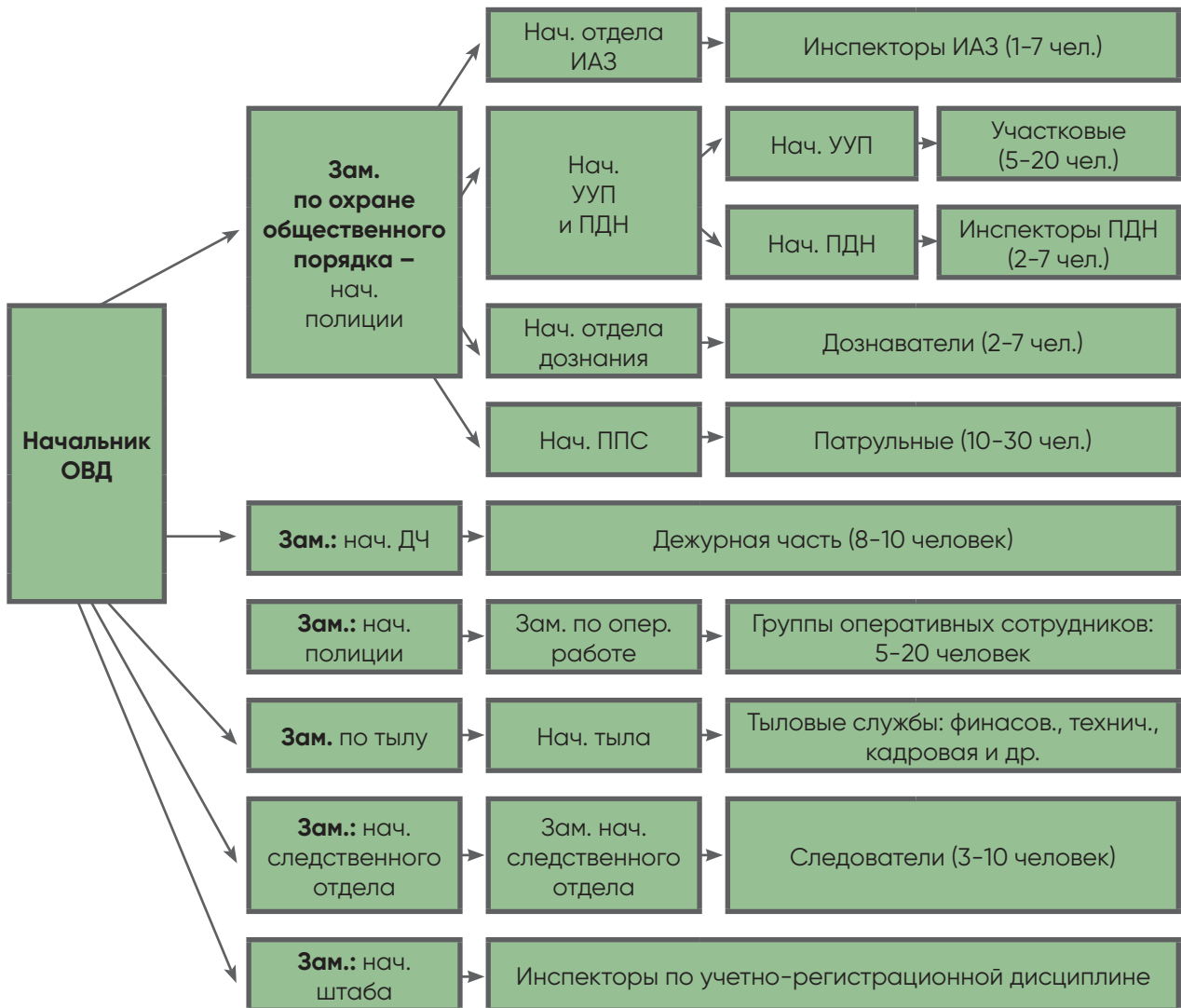

Рисунок 1. Типовая структура территориального отдела полиции средних городах (до 200 тыс. населения)

ния подразумевает, что каждый сотрудник подчиняется непосредственному руководителю (начальнику отдела и его заместителям) и одновременно, что называется «по линии», выполняет задачи, ставящиеся перед полицией на уровне центрального аппарата. Так каждый участковый, оперативник, дознаватель или дежурный так или иначе включен в свою собственную вертикаль общеминистерской иерархии и должен выполнять задачи, ставящиеся перед специализированными подразделениями на самом верхнем уровне.

В такой сложной сверхцентрализованной системе непосредственное управление превращается в работу по достижению выставленных показателей («палок»), и у каждого подразделения есть их специфический набор. Обычно их сравнивают с так называемыми АППГ – «аналогичными показателями предыдущего года» – и отслеживают их динамику, а равно и дают по ним оценку работе, как отдельных полицейских, так и всех подразделений (включая и региональные управления). Этим и объясняется удивительная стабильность показателей в работе МВД. Например, многие годы, несмотря на рост и потом падение в абсолютных значениях¹⁷ регистрируемой и расследованной преступности, показатель раскрываемости составляет чуть более 50%.

Именно раскрываемость всегда была и остается основным показателем успешности полиции. Не останавливаясь подробно на сложных нюансах внутриведомственной статистики и отчетности, скажем лишь, что у полиции есть два основных инструмента повысить раскрываемость:

1. Это политика регистрации преступлений по заявлениям от граждан, когда регистрируются наиболее перспективные для раскрытия случаи, а потенциальные «глухари» (или «темные» дела) не регистрируются и тем самым не нарушают показатели отдела. Сегодня прокуратура в порядке надзора активно следит за тем, чтобы таких случаев все же было меньше.

2. Активная оперативная и иная работа по выявлению преступлений самими сотрудниками (включая квази-провокационные действия во время рейдов и прочее). По рапорту полицейских регистрируются и расследуются наркотические, коррупционные и другие, так называемые преступления «без жертвы».

Помимо собственно преступлений и расследования уголовных дел, важна также профилактическая работа, которая в ведомстве понимается максимально просто: «отпрофилировать» – это составить административный протокол. Здесь также выставляются количественные показатели перед низовыми сотрудниками.

А чтобы полицейские, так или иначе за определенный период времени охватывали весь спектр УК и КоАП, внутри МВД используется отдельный инструмент – кампании (оперативные, профилактические и прочее). В течение таких кампаний (от 2 недель до 2 месяцев) показатели выставляются именно по определенным уголовным и административным составам, что заставляет полицейских активизировать ту или иную деятельность (рейды, патрулирование и прочее). Далее рассмотрим наиболее видимые для граждан специализации внутри отделов полиции.

ДЕЖУРНЫЕ – «РАЗДАЮЩИЙ» В ОТДЕЛЕ ПОЛИЦИИ

В любом отделе есть привратники: дежурный и его (а в последние годы нередко ее) помощники. Случайному визитеру может показаться, что это технический персонал, который лишь нажимает на кнопку открытия двери или вызывает сотрудников к гражданам. Но на

¹⁷ Так, например, в 2009–2011 гг. регистрировалось около 2 млн преступлений и чуть более 1 млн раскрывалось и направлялось в суды. Сегодня регистрируется порядка 1,7 млн преступлений и в суды направляется менее 800 тыс. уголовных дел.

самом деле оперативный дежурный – это ключевой человек в отделе, «раздающий», как бы сказали волейболисты. От него и его усилий в работе по заявлениям граждан или по указаниям руководства зависит вся нагрузка тех, кто включен в дежурство на текущие сутки, и в конечном счете, всего ОВД. Более того, если случится что-то плохое и все руководство окажется не способным осуществлять руководящие задачи на месте, именно дежурный должен принять на себя оперативное управление. Поэтому ему нельзя удаляться от отдела, все дежурные сутки он обязан быть на связи, а помещение самой дежурной части – имеет режимный статус, и внутри этого помещения никто не имеет права заходить (даже из числа сотрудников отдела) за исключением руководства.

Обычно ДЧ в ОВД – это коллектив от 2 до 8 сотрудников в одну смену. Помимо дежурного и его помощника, в дежурной части работают так называемые дежурные «по разбору» – сотрудники, которые оформляют доставленных в отдел полиции и занимаются оформлением протоколов. ДЧ также подчинены конвойные при ОВД.

Сменный характер работы подразумевает присутствие в дежурной части в течение суток (с 8 утра до 8 утра), но нередко им приходится приходить раньше, чтобы «принять» смену, и оставаться дольше, чтобы ее сдать. Это означает отчет перед руководством и передачу профильным подразделениям (чаще всего отделу дознания или следствия, а также отделу исполнения административного законодательства) поступивших за сутки материалов проверки по возможным уголовным делам или административным протоколам.

Оперативный дежурный реализует огромный перечень задач: информационных, координационных, управленческих. Он или она вечно кому-то звонит и что-то согласовывает или отвечает на звонки, для того чтобы осуществлять:

- Сбор, обработку и фиксацию информации о ситуации (как от руководства, так и от населения); это включает ведение огромного числа книг и журналов, устные доклады, передачу разным подразделениям информации, материалов, документов, сводок и т.п.;

- Управление патрулями, координацию работы участковых или патрулей по вызову, организацию следственно-оперативной группы (вызвать, дать задачу, организовать транспорт, отслеживать, не нужна ли помощь), выдачу и прием оружия каждому сотруднику (в специальной оружейной комнате, под личную подпись) и пр.;

- Контроль за работой подчиненных – проверку отработанных материалов по вызову: нередко именно дежурному, а не своему руководителю патрульные и участковые сдают заполненные за день протоколы и материалы к ним;

- Разбор с доставленными – это и допрос, проверка материалов к протоколу, составление новых протоколов и журналов (в случае задержания, выемки имущества и пр.);

- Обеспечение работы камеры содержания задержанных лиц – дежурный должен контролировать работу конвойных, проверять условия содержания;

- Организацию приема граждан в отделе (кнопка от двери в отдел, вызов сотрудника, прием заявления).

Самое главное – именно дежурный и его помощник контролируют святая святых отдела – Книгу учета сообщений о происшествиях (КУСП), от которой зависит вся нагрузка отдела. И именно он или она ежедневно докладывает на оперативных совещаниях каждое утро (и иногда и вечером) о состоянии криминогенной ситуации. Так, в порядке устных докладов (и оперативных сводок) начальство всех уровней узнает от дежурных всех уровней, что произошло за сутки и какие меры приняты.

Как и кем контролируется работа дежурного? Поскольку дежурная часть – это ключевой участок работы, внимание к ней пристальное и осуществляется в ходе постоянного личного контроля со стороны:

– Руководства отдела (и руководителей «по линиям» – это когда руководители различных подразделений ОВД участвуют в дежурстве по отделу и в том числе по своей специализации проверяют и инструктируют сотрудников ДЧ).

– Руководства вышестоящей ДЧ (личные визиты в ДЧ, тайные проверки).

– Районного прокурора по надзору (который в любой момент может нагряться с проверкой).

Что проверяют?

– Ведение документации.

– Оперативность реагирования, антитеррористическую укрепленность отдела полиции (через тайные поверки).

– Порядок в ДЧ, оружейной комнате, КЗСЛ, если есть – в ИВС.

– Работу электронных систем связи: внутри отдела полиции – единственный компьютер с выходом в Интернет стоит именно в ДЧ, чтобы проверять электронные обращения граждан.

УЧАСТКОВЫЙ – «ТЯГЛОВАЯ ЛОШАДЬ» ОТ МВД

Участковый уполномоченный полиции (в ведомственном языке аббревиатур, УУП) – это ключевой человек на «земле». Он, или с недавних пор все чаще она, представляет все МВД (с его функционалом) на определенной территории – административном участке. По замыслу – это аналог западного подхода в community policy – сотрудник, который наиболее приближен к населению, знает его специфику, выполняет в большей мере профилактическую работу и осуществляет «мягкий» контроль, помогая гражданам в решении мелких бытовых конфликтов, собирая сведения о возможных преступниках на основе доверия к нему местных сообществ. Однако на деле – участковые – это наиболее «эксплуатируемые» сотрудники низового звена полиции, которые обязаны работать в большей степени в репрессивном ключе, и собственно на профилактическую работу и душевные разговоры с гражданами времени у них не остается. Ранее, до 2011 года, объем из работы хоть как-то устанавливался общеведомственным приказом и административный участок не мог превышать в городской местности более 3 тыс. населения, а для старшего участкового (в задачи которого входит еще и координация других УУП) – 1,5 тыс. населения. Однако эти нормативы практически нигде на деле не соблюдались в силу неравномерности городской застройки, большой текучки в этих подразделениях и значительного числа вакантных позиций. А с 2011 года этот норматив был окончательно упразднен и нагрузка регулируется приказом прямого руководителя, просто исходя из штатной численности и размеров подконтрольной территории. В среднем для плотной городской застройки «свой» участок участкового сегодня – это часто до 5–7 тыс. населения, но бывает и больше, когда участковому вменяются в контроль соседние участки.

Особенностью повседневной рутины УУП оказывается удаленность от ОВД: за очень редким исключением, участковые работают в помещениях опорных пунктов охраны общественного порядка («опорники», «опорки»), разбросанных по городу так, чтобы дать место работы нескольким участковым, контролирующим соседние административные участки. Этот низовой коллектив (3–5 участковых, включая одного из них – старшего участкового) является первичной ячейкой, и от того, будут ли они работать слаженно и на основе взаимной выручки, зависит моральный климат в опорнике и общая нагрузка сотрудников. Где-то практикуется разделение задач – кто-то любит проводить обходы территорий, кто-то

не прочь оформлять определенные типы протоколов (например, по нарушениям правил парковки), и тогда группа работает сообща по всем участкам. Однако чаще всего каждый участковый реализует весь функционал на «вверенной ему земле» отдельно от коллег.

В опорном пункте УУП проводит большую часть рабочего времени, там же он ведет обязательный прием граждан. Помещение ОВД воспринимается как место начальства: здесь УУП бывают один-два раза за сутки – в начале рабочего дня при общем собрании и в конце – когда отчитываются о проведенном за день и сдают материалы, рапорты к ним и другие бумаги. Основные задачи:

- сбор и обработка информации о «контингенте», ведение журналов, паспортов (ранее и в электронном, и в бумажном виде, но сейчас чаще только электронных), выдача справок по запросам;

- работа по вызовам, поступающим материалам, заданиям от других служб или ведомств;

- сопровождение уголовных дел и составление постановлений об отказе в их возбуждении: в год в нашей стране оформляется более 7 млн таких постановлений (к нему обычно надо оформить еще и материалы, часто рукописно, – это сегодня не менее 20–40 листов бумаги), и практически все они оформлены участковыми в статусе дознавателя. Это любопытный пример, когда на это подразделение перенесена в массовом порядке непрофильная нагрузка (составление отказов в УВД формально – задача дознавателей);

- выявление правонарушений, составление протоколов, участие в рейдах: участковый, также как и дежурный, уполномочен составлять протоколы по максимально широкому набору составов КоАП, подведомственных МВД;

- контроль за исполнением административного надзора (включая «формальников» – именно участковые выявляют и оформляют тех граждан, которые в обязательном порядке должны быть поставлены под такой надзор);

- прием граждан, обход населения, в том числе контроль «контингента» – граждан, поставленных на профилактический учет, по каждому из них и по работе с ними нужно вести отдельную документацию;

- дежурство по отделу: в некоторых ОВД принято разгружать участковых так, чтобы организовывать среди них дежурство по входящим заявлениям на всех административных участках отдела. С одной стороны, это действительно позволяет всем планировать свое время и не отвлекает от рутинной работы экстренными задачами, которыми занимается дежурящий по отделу участковый. Но с другой, само суточное дежурство, если коллектив участковых небольшой, может осуществляться до двух раз в месяц и разрывать рутину работы необходимостью отдыха (которую обычно не обеспечивают и не дают «отсыпной» день).

- еще и многое-многое другое в рамках ведомственных и межведомственных кампаний или просто так: «проводить» умерших (то есть первично осматривать трупы тех, кто умер в жилье, а не в больнице и при необходимости организовывать транспортировку тела в морг), выступать в школах, красить заборы, грузить конфискованное имущество, участвовать в рейдах и т.п.).

МВД многие годы официально борется с тем, чтобы участковые работали лишь в рабочее время и только по отведенному кругу задач исключительно на своем участке: издаются отдельные приказы и указания. Однако на практике участковые используются широко по непрофильным задачам и привлекаются для охраны общественного порядка не только на своем участке. Если на его участке случилось что-то экстренное, то именно участковый будет среди ночи первым поднятым на ноги, даже если формально случившееся не в его компетенции. Это самая зависимая, не почетная, перенагруженная задачами позиция. И

поэтому неудивительно, что здесь самая большая текучка кадров. Нередко на неформальном уровне, чтобы обеспечить себе перевод в другое подразделение, участковый должен сам найти себе замену из числа других сотрудников. Сюда же часто отправляют «проштрафившихся» и близких к увольнению полицейских.

Поскольку участковые ближе всего к населению и к тому же территориально удалены, к ним существует пристальное внимание руководства, которое борется с их дискрецией. УУП контролируют:

- Начальник отдела УУП – ежедневно, несколько раз в день.
- Ответственный дежурный в отделе полиции (раздавая и следя за исполнением экстренных задач, принимая материалы и рапорты по выполнению).
- Руководство отдела полиции.
- Руководители других подразделений в отделе (и внешние ведомства) по своим линиям (отдел исполнения административного законодательства отслеживает качество составленных протоколов и материалов, следствие/дознание – материалов к уголовным делам или отказы в ВУД, подразделения миграционного контроля – работу по линии учета иностранных граждан и трудовых мигрантов, подразделения лицензионно-разрешительной работы Росгвардии – по линии контроля за оружием у населения, и прочее, и прочее).
- Прокурор по надзору, особенно если в опорнике есть клетка для задержанных.

Что контролируют:

- Ведение документации: почти на каждое действие участковый должен сделать запись в учетных журналах, составить рапорт и прочее. Все это является первичными документами контроля.
- Состояние опорного пункта, внешний вид самого участкового (последнее чрезвычайно важно – в силу огромных перегрузок не все из них успевают привести форму в порядок, кроме того и форма изнашивается ими гораздо интенсивнее, чем теми же дознавателями, которые почти всегда работают в гражданской одежде, и часто внешний вид именно участковых требует отдельных усилий по контролю).
- Качество работы по материалам – требуется как можно больше бумаг, показаний, данных.
- Обоснованность принятых процессуальных решений («отказы», «протоколы») и качество их оформления

Важно – практически никто не интересуется, довольны ли своим участковым граждане: отчетность перед населением – это симуляционные мероприятия, которые никак не влияют на оценку работы этих сотрудников.

ИНСПЕКТОРЫ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ – «ЗАБОТА» ОТ МВД

Если и есть уют и тепло в ОВД – так это кабинеты инспекторов по делам несовершеннолетних (в разных локальных традициях аббревиатур ПДН или ОДН). Здесь всегда есть мягкая мебель (диванчик или раскладное кресло) на случай необходимости уложить спать потерявшегося ребенка. А в холодильнике всегда есть еда, которую для потенциальных

«потеряшек» сотрудники приносят из дома. Тут всегда есть игрушки и нередко живой уголок. Раньше (до реформы 2011) в инспекторы привлекали людей с педагогическими образованиями. В последние 10 лет приоритет отдается людям с юридическим дипломом, и это резко поменяло эмоциональный модус работы – с «мягкого» на формальный, невовлеченный и в большей мере репрессивный стиль. Хотя на местах традиции социально-ориентированной работы еще сохраняются.

Это, за редким исключением, женское подразделение в ОВД. Мужчины если и работают, то на тех участках, где есть детский дом или детские исправительные учреждения. Формальных нормативов сегодня нет, но обычно один инспектор контролирует один-два административных участка УУП, то есть отвечает за детей и их благополучие на каждые 10–15 тыс. населения. Основные показатели нагрузки инспекторов ПДН – это число подростков и семей, состоящих на учете. Здесь нет специализации, и, также как у участковых, практикуется взаимозаменяемость. Основное рабочее место инспектора – кабинет в отделе полиции. Но прием граждан также ведется в определенные часы в опорном пункте. Раньше, до 2011 года, за счет региональных бюджетов финансировались должности отдельных школьных инспекторов, когда на 1–2 школы закреплялся отдельный сотрудник для межведомственной координации. Сегодня этот функционал выполняют обычные зональные инспекторы.

Основные задачи инспектора ПДН схожи с теми, которые выполняет УУП, но только по специализированной линии:

- Сбор и обработка информации о «подучетниках», ведение журналов, книг учета, выдача справок по запросам.
- Работа по вызовам, поступающим материалам, заданиям от других служб или ведомств.
- Сопровождение уголовных дел и составление отказов в их возбуждении.
- Выявление правонарушений, составление протоколов, рейды.
- Прием граждан, обход подучетных (часто в совместных рейдах с другими службами контроля за несовершеннолетними).
- Взаимодействие с другими «субъектами профилактики» – школы, опека, социальные службы, клубы, военкоматы и т.д.
- Дежурство по отделу, разбор доставленных и задержанных несовершеннолетних.
- Разные формы «заботы» и благотворительности. Это очень важное направление работы. Традиционно инспекторы собирают со всех сотрудников отдела полиции деньги на то, чтобы собрать подучетных детей к школе, организовать для них какие-то поездки и, нарядившись в костюмы Снегурочек и Дедов Морозов, развезти подарки на Новый год. Это почти единственная забота всей полиции о людях.

ПАТРУЛЬНЫЕ – ОПЕРАТИВНОЕ ЗВЕНО

Сотрудники патрульно-постовой службы (ППС) – это наиболее военизированные подразделения в полиции. Степень их приближенности к людям определяется тем, как устроена соподчиненность на месте. В крупных городах, особенно в региональных столицах, на уровне городского управления функционируют отдельный полк или рота, имеющая присутствия в различных районах города поближе к разным ОВД. И тогда все сотрудники ППС лишь прикомандированы на дежурные сутки к отделу, а в целом их непосредственное на-

часть находится на другом уровне иерархии. Это же определяет и приоритет в подчинении ДЧ городского, а не районного уровня. Нередко такая соподчиненность порождает конфликты между ППС и районными отделами полиции. Типовой пример – все ППС отправлены в какой-нибудь план-перехват (временный пост на дорогах), тогда как районные ДЧ нуждаются в оперативной поддержке сотрудников, выехавших на место происшествия. В этом случае ППС будет выполнять задачи по перехвату, и дежурным в районных ОВД требуется провести отдельно переговоры с руководством батальонов ППС по отвлечению патрульных от этой задачи.

Совсем другая ситуация в тех населенных пунктах, где нет городского управления МВД, и ОВД – единственный территориальный орган полиции. Здесь ППС подчинена как отдельное подразделение ОВД, а ДЧ – единственное управленческое звено. В таких случаях связь и координация, конечно, эффективнее.

Работа в ППС посменная – сутки через трое, а в случае нехватки людей – через двое. Нередко руководство формирует различные варианты «нарезки» смен, чтобы обеспечить присутствие наибольшего числа ППС в самые «шумные» дни (пятница и выходные) или в самое загруженное время суток (вечер). Например, на уровне района города в 100 тыс. населения посменно могут работать два патруля, а остальные будут работать по 8 часов в сутки, но 5 дней в неделю с 14 до 2 ночи. Такая гибкость в формировании смен имеет важное значение при распределении ограниченных людских ресурсов: текучка в этих подразделениях большая, многие должности заняты теми, кто никогда не патрулировал вообще: спортсмены от МВД, члены оркестра часто числятся де-юре патрульными.

ППС – имеет специфику всех строевых подразделений: с их постоянным ритуалом развода в начале и в конце смены, практикой вооруженного патрулирования, стрельбами и строевыми мероприятиями. Различия в условиях работы низовых существенны у пеших патрулей (включая постоянные посты в парках) или автопатрулей (водитель и два патрульных). Вторые более мобильны и находятся в привилегированных позициях.

Ключевое разделение в коллективах – это разделение на офицеров и рядовых. При примерно равном стиле работы у них разный объем ответственности и различия в размере довольствия (молодые лейтенанты получают больше возрастных и опытных ефрейторов). В крупных городах часто наблюдается непостоянный характер экипажей и патрулей. Водители автопатрулей – особая категория, которую очень сложно набрать (нужна первая группа здоровья, навык вождения и ответственность, и одновременно отсутствие у кандидата административных нарушений по линии ГИБДД), и ими очень дорожат.

Основные задачи:

- Патрулирование улиц.
- Экстренная обработка вызовов (типовые случаи – бытовые конфликты и ссоры, шум в ночное время, пьяный на улице).
- Отработка преступлений по горячим следам, включая уже разработанные планы в типовых случаях (например, «Перехват» в случае угона).
- Составление административных протоколов.
- Участие в специализированных кампаниях.

Формально служба в целом отчитывается по основному показателю – числу преступлений, совершенных в общественном месте (чем меньше, тем лучше). Но индивидуальный контроль за патрульными также присутствует.

Что контролируют:

- Ведение личных бумаг (бортовой журнал, личная книжка, тетради).
- Внешний вид.
- Качество составленных протоколов и рапортов.
- Оперативность действий (включая тайные проверки).

Кто контролирует:

- Непосредственный начальник (командир батальона или отдела ППС) – ежедневно, несколько раз в день.
- Ответственный дежурный и дежурный по разбору в отделе полиции.
- Руководство отдела полиции.
- Руководитель и сотрудники отдела ИАЗ.
- Руководство вышестоящего уровня.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ НА ЗЕМЛЕ

Работа низовых звеньев в полиции больше всего показывает, как ведомство ориентировано на процесс, а не на результат. Все сотрудники постоянно отчитываются и оформляют различные бумаги о том, как много они сделали. Единственным результатом являются статистические показатели раскрываемости преступлений и успешное выявление тех или иных правонарушений.

В результате, полиция, основной задачей которой является обеспечение безопасности и охрана прав граждан на вверенных участках, не подотчетна гражданам или местным властям, которые представляют граждан. Запредельно высокие издержки контроля над работой сотрудников первичных подразделений полиции. Эти издержки выражаются:

- в высоких расходах на содержание управленческих аппаратов и штабов, которые заняты разработкой и сбором отчетности, проверками и анализом статистики;
- в больших затратах рабочего времени рядовых сотрудников на выполнение требований бумажной отчетности о своей работе, что отнимает до половины времени от той самой работы, о которой им приходится отчитываться.

Наличествует также нерациональная организация информационных потоков внутри системы МВД. Руководство различного уровня постоянно жалуется на поток бумажных отчетов, спускаемых сверху и отвлекающих низовые звенья от «реальной работы». Однако если им самим нужно собрать сведения о том, как работает на земле, – то это будет либо такой же официальный запрос статистики, либо выезд на место с целью анализа бумаг – журналов, учетных данных и пр.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

The image is an abstract graphic design. It features a vibrant color palette of green and red. The background is a mix of solid green and red areas, with a large green shape on the left and a red shape on the right. In the center, there is a large green shape with a red halftone pattern. Scattered throughout are various organic shapes, including circles, ovals, and irregular blobs, in both green and red. The overall composition is dynamic and modern.

НАТАЛЬЯ ЗУБАРЕВИЧ

Профессор Географического факультета Московского государственного университета, доктор географических наук

10 ноября 2020 года

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Люди рождаются равными, но территории изначально не равны. Есть конкурентные преимущества, которые помогают территориям.

Есть факторы «первой природы», создающие конкурентные преимущества, они от людей не зависят. Это ресурсные факторы – чернозем, нефть, другие полезные ископаемые. И это географическое положение (экономическое расстояние), если страна или регион находится вблизи основных рынков сбыта.

Факторы «второй природы» зависят от деятельности людей. Начнем с агломерационного эффекта: благодаря концентрации населения в большом городе снижаются удельные издержки. Кроме того, в агломерациях выше разнообразие: для бизнеса это выбор поставщиков, партнеров, рабочей силы. А у человека больше выбор товаров и услуг, которые ему могут предложить. Это – экономическое преимущество. Второе преимущество – это человеческий капитал: там, где он концентрируется, развитие идет быстрее. Третье – институты по Дугласу Норту, т.е. правила игры. Для территориального развития важен столичный ста-

тус и проводимая региональная политика. Наконец, инфраструктура, без которой в России ничего не развивается.

Для модернизации важнее факторы «второй природы», хотя никто не отменял ресурсных преимуществ и географического положения.

Именно эти факторы совокупно влияют на развитие российских регионов. Страна у нас, с одной стороны, – разнообразная, с другой – большая ее часть схожа по уровню экономического развития.

Если сравнивать ВРП на душу населения нефтегазодобывающего Ямало-Ненецкого округа с Чечней или Ингушетией, разница будет в 80 раз, хотя с корректировкой на цены все-таки меньше. Но лучше смотреть по группам регионов. В России есть три региона с очень высокими показателями: Тюменская область с округами, Сахалин и Москва. Есть более дюжины относительно развитых регионов, у которых есть два типа преимуществ. Главное – экспортная экономика, и второе, хотя не у всех, наличие регионального центра-миллионника, где быстрее развивается сектор рыночных услуг.

Проблема России в гигантской «середине» – более чем половина регионов без явных конкурентных преимуществ. Они медленнее развиваются из-за нехватки ресурсов. За 20 лет, с 1990-х, ситуация почти не поменялась. Для того, чтобы двигать эти регионы вперед, нужны модернизированные институты, чтобы использовать имеющиеся, пусть меньшие, преимущества.

И есть полтора десятка аутсайдеров – преимущественно слаборазвитых республик с высокой дотационностью. Многим это не нравится, часто слышно: «Хватит кормить Кавказ!». Основная проблема этих регионов – плохие институты (правила игры). Из-за этого аутсайдеры вряд ли могут быстро развиваться. Государство им финансово помогает, способствуя воспроизводству человеческого капитала, но средства тратятся неэффективно, потому что институты не улучшаются. Слаборазвитые регионы не смогли преодолеть барьеров развития и снизить уровень федеральной помощи. Мешают базовые барьеры, изменить это очень сложно, там мощно укоренилась теневая экономика. И эти барьеры федеральная помощь уменьшить не может.

Модернизации способствует рост мобильности населения отстающих республик, перемещение в регионы, где больше возможностей для развития.

В целом дифференциация регионов по душевому ВРП с 1999 года менялась несущественно, кто-то поднялся немного вверх, кто-то опустился вниз.

Если считать в людях, 11% россиян живут в богатых регионах – лидерах, где есть деньги на социальные цели. Еще 18% живут в относительно развитых регионах, у которых ресурсов значительно меньше, но они есть. А что делать с 61% населения, которое живет в «середине»? Никаких денег не хватит на их поддержку. Около 10% населения страны живут в отстающих регионах, где бюджеты сильно зависят от трансфертов (федеральной помощи). Их и в длительной перспективе придется «кормить».

В России огромное значение имеет столичный статус. Это связано со сверхцентрализацией системы управления. Сравним Москву и Санкт-Петербург. По численности населения они различаются всего в 2,5 раза. Но показатели социально-экономического развития и доходы бюджета у Москвы намного выше, чем у Санкт-Петербурга. Это влияние столичного статуса в условиях сверхцентрализации. Москва получает не только агломерационные преимущества, они экономически объективные, но и институциональные благодаря столичному статусу, концентрации бюрократии, крупного бизнеса, людей с высокими доходами и т.д. Экономика Российской Федерации – это экономика больших компаний. Если

их не сослали в Питер, то их штаб-квартира – в Москве, здесь же и наиболее высокооплачиваемые сотрудники. Они стягивают туда свою прибыль и платят налог на прибыль в бюджет Москвы.

Возможное решение этой проблемы в виде предложения Валентины Матвиенко рассадить штаб-квартиры крупных компаний по городам – миллионикам вызывает удивление. Она забыла слово «вертикаль». Где принимаются решения? В Кремле и в Белом доме. Рассаживание по регионам обеспечит большие прибыли авиакомпаниям, потому что решения принимаются все равно в Москве. Именно поэтому рассадка по регионам – не решение. Сверхцентрализация – главный тормоз развития в нашей стране.

Теперь про инвестиции. Доля инвестиций из бюджета – 15-16%. Главный инвестор – бизнес: предприятия, организации. С 2014 по 2019 сохраняются два лидера – Москва и Тюменская область: главная агломерация и главный нефтегазовый регион. Если сложить Москву и Московскую область – единую агломерацию, в 2014 году на них приходилось 19%, а в 2019 года 21% всех инвестиций в стране. Каждый пятый рубль в России идет в столичную агломерацию. В Москве большую роль играют инвестиции из столичного бюджета. Минимальны инвестиции в слаборазвитые республики, и в основном они идут из бюджета. Эти различия устойчивы и основаны на решениях бизнеса.

Рост инвестиций из федерального бюджета чаще был связан с «большими проектами»: Олимпиада в Краснодарском крае, саммит АТЭС в Приморском крае. В 2018 году стали более важными геополитические приоритеты: Крым с Севастополем – 18%, Краснодарский край (подъезды к Крымскому мосту) – еще 8%. Ростовская область – еще 3%. Суммарно – около 30% инвестиций из федерального бюджета. Однако эти инвестиции слабо повлияли на экономическое развитие геополитически приоритетных регионов.

Вернемся к межрегиональному неравенству. Часто эксперты говорят, что региональное неравенство непреодолимо, но реальная динамика сложнее. Расчеты индекса Джини по межрегиональному неравенству, сделанные моим коллегой Сергеем Сафроновым, показывают следующее.

Дифференциация российских регионов по душевому ВРП росла до середины нулевых, что типично для стран догоняющего развития, а затем начала снижаться. Из-за роста цен на нефть выросли доходы федерального бюджета, а следом и трансферты менее развитым регионам. Это позволило нарастить их бюджетные траты (что учитывается в ВРП), поэтому неравенство стало сокращаться. В середине 2010-х федеральные трансферты перестали расти, и неравенство вновь усилилось.

Более успешна политика смягчения межрегиональных различий по доходам населения. В начале нулевых они были очень низкими в большинстве регионов, за исключением Москвы и тюменских округов. За годы экономического роста доходы населения выросли, а различия немного смягчились. Благодаря росту нефтяной ренты и перераспределения удалось поднять зарплату бюджетников, а их больше всего в бедных регионах. Выросли пособия, пенсии, в результате неравенство сокращалось более устойчиво с первой половины нулевых. Рента имеет значение. Но за последующие 10 лет с двумя кризисами мы не преуспели в смягчении региональной дифференциации денежных доходов населения.

Неравенство по безработице зависит от макроэкономических циклов. В годы кризисов межрегиональное неравенство смягчается, потому что рабочие места быстрее сокращаются в более развитых регионах. В периоды экономического роста неравенство тоже растет, поскольку новые рабочие места быстрее создаются в более конкурентоспособных регионах – в Калужской, Ленинградской, Московской областях и т.д. А в Дагестане и Ингушетии новые рабочие места почти не создаются.

Межрегиональное неравенство по уровню бедности смягчить не удалось. Российская система социальной защиты до конца 2010-х не была настроена на адресную помощь бедным. Три четверти помощи шло по категориям (ветераны труда, инвалиды и др.), вне зависимости от их доходов.

В чем отличие России от других стран догоняющего развития? В нашей стране больше возможностей межрегионального выравнивания вследствие типа политического режима и наличия ресурсной ренты. При централизованном режиме рента стягивается вверх, а если это рента от нефтегазовых доходов, как у нас, то очень много стягивается вверх. В авторитарных режимах возможности перераспределения и смягчения неравенства гораздо выше, центру не нужно договариваться с регионами.

Наиболее явным проявлением неравенства стала сверхконцентрация экономики в столичной агломерации. Что с этим делать? Горячие головы говорят: раскулачить Москву, отнять у Собянина деньги, принять специальные законы, которые касаются Москвы. Но это – правовой беспредел. Я бы предлагала другие способы: отказ от сверхконцентрации власти, а вместо доминирования крупного бизнеса добиться опережающего развития среднего и малого бизнеса.

Теперь о миграциях. Куда идут миграционные потоки? Немного – на юг, немного – в Калининград, но прежде всего – в агломерации двух крупнейших федеральных городов. Трудовой потенциал регионов стягивается и в их региональные центры, и в две столичные агломерации. Это процесс устойчивый и длительный.

Зарубежный опыт смягчения регионального неравенства разный. В догоняющих странах делают ставку на «сильных лошадок», стимулируя развитие регионов с конкурентными преимуществами. Развитые страны Европейского союза озабочены выравниванием межрегиональных пропорций через перераспределение. Раньше они просто раздавали деньги, а с конца 2000-х деньги раздаются регионам, которые предлагают свои проекты развития. Активность должна быть и сверху, и – снизу.

Для тех, кто считает недопустимым неравенство внутри России – муниципальное неравенство в Китае. Оно огромное! Быстрее растут территории с конкурентными преимуществами: побережье, региональные центры провинций, территории добычи нефти и газа. Для снижения неравенства в Китае дифференцируют региональную политику. Приоритеты для прибрежных территорий – интеграция, развитие городских агломераций, модернизация, развитие ЖКХ, производство товаров с высокой добавленной стоимостью. Для Западного слабо развитого Китая ставка делается на развитие инфраструктуры, стимулирование урбанизации, внутреннего спроса и потребления, развитие частного сектора, освоение природных ресурсов. Для депрессивного Северо-Востока – реструктуризация тяжелой промышленности и неконкурентоспособного госсектора, рост открытости, формирование динамичного частного бизнеса, снижение безработицы.

В Евросоюзе политика выравнивания проводится через Структурные фонды, это половина бюджета ЕС. Результат – сильная дифференциация между странами Евросоюза смягчилась, но выросла дифференциация между регионами внутри этих стран. Сильные, конкурентоспособные регионы развивались быстрее: большие города, приграничье, другие территории с конкурентными преимуществами.

Российские тренды отчасти похожи на тренды других стран догоняющего развития. Действуют рыночные факторы: агломерационный эффект, обеспеченность ресурсами, выгоды от местоположения. Для экономики России ускорение роста в регионах с конкурентными преимуществами – позитивный тренд. Но для социального развития страны это проблема, усиливается неравенство возможностей. Государство должно заботиться о вос-

производстве человеческого капитала на всей территории России и не допускать сильных разрывов.

Задача – поиск оптимума. Известно противоречие между равенством и эффективностью. Если важнее эффективность, нужно делать ставку на регионы с конкурентными преимуществами, они потащат за собой страну. Но с территориальным равенством будет плохо. Если важнее снижать межрегиональное неравенство, придется забирать ресурсы у развитых регионов и отдавать слабым. Как найти золотую середину?

Очень важна система налогообложения. В федеральный бюджет поступает налог на добычу ископаемых (НДПИ) и налог на добавленную стоимость (НДС). Четверть налоговых доходов федерального бюджета дает ХМАО, еще 10% – ЯНАО, в основном это НДПИ. Москва в разные годы дает 12–14% за счет НДС. Если добавить Санкт-Петербург, эти 4 региона дают половину всех налогов, поступающих в федеральный бюджет. При децентрализации этих налогов богатые станут еще богаче, а остальным достанется меньше из-за снижения перераспределения.

Давайте разбираться и с распределением налогов по уровням бюджетной системы: 56% идет в федеральный бюджет. 44% – в консолидированные бюджеты регионов. Больше всего доля налогов, поступающих в федеральный бюджет, в нефтедобывающих регионах. В результате 2/3 субъектов оставляют себе больше 60% собранных налогов, а федеральный бюджет изымает нефтяную ренту. Как изменить эту систему – простого решения нет. Регионы России имеют очень неравномерную налоговую базу, поэтому децентрализация налогов – это трудно решаемая проблема.

Исправлять нужно систему перераспределения. Пока Россия живет на ренту, неизбежно большое перераспределительное государство. Нужны прозрачные правила игры между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Федерации. Этого нет. Например, в 2014–2016 гг. федеральный бюджет не увеличивал трансферты субъектам Федерации, когда он был в дефиците. И при этом требовал от регионов выполнять зарплатные указы. В 2018 трансферты увеличили под президентские выборы. Получается – как сверху решили, так и будет.

Еще один вопрос – геополитические приоритеты бюджетной политики. Это Дальний Восток, Крым и Северный Кавказ. Доля Северного Кавказа в трансфертах из федерального бюджета велика, но хотя бы доля не растет. По доле Крыма и Севастополя – рывок вверх, это и есть плата за геополитику: каждый 12-й рубль трансфертов шел в Крым и Севастополь.

Многие регионы сильно зависят от федеральной помощи. В первую очередь это республики Северного Кавказа и юга Сибири, Крым и Севастополь. Ключевая проблема – непрозрачность помощи регионам, распределения трансфертов. Регионы держатся «на крючке», кроме того, масштабная помощь развращает – иждивенцем быть выгодно.

Каковы результаты бюджетного выравнивания? Сравним душевые расходы консолидированных бюджетов регионов с корректировкой на индекс бюджетных расходов по регионам. Подавляющее большинство регионов имеют 70–80% от среднего по России. Лидеры – Москва, Сахалин, Тюменская область с автономными округами и Санкт-Петербург, которому «докинули» на постой Газпром и Газпромнефть. За счет больших трансфертов в лидерах также Крым, Севастополь и Калининградская область. Таким образом, лидируют два типа регионов: у кого отнять не смогли, и те, кого сильнее любят. Такова наша перераспределительная политика. Доходы бюджетов всех остальных выровнены примерно «под заборчик». Чуть-чуть больше – Татарстан, но он зарабатывает сам. В СКФО лидер – Чечня, за счет больших трансфертов.

Как нужно менять перераспределительную политику? Перераспределять надо, но нужны более прозрачные правила игры. В регионах необходимо воспроизводить человеческий капитал, финансировать образование, здравоохранение. Давая деньги, федеральный бюджет должен лучше контролировать, на что они идут: на личный самолет Кадырова или на образование. Второй канал помощи – социальная политика, когда с помощью развитой системы учета можно выявить малоимущие семьи и таргетированно помогать им пособиями.

От межрегионального неравенства переходим к внутрирегиональному. Оно, как правило, сильнее там, где большая территория, редкая сеть городов, слабая инфраструктура, локализованные сырьевые и агломерационные факторы роста, большие различия человеческого капитала. В основном это центр-периферийные различия.

Разложим страну по типам населенных пунктов. Россия-1 – это миллионники и города с населением свыше полумиллиона человек, в них живет 33% населения (23% – в городах-миллионниках, 10% – в полумиллионниках). Россия-2 – это средние, среднекрупные и среднеразмерные города. Там еще очень много советского, главное – чтобы была работа и зарплата. Россия-3 – малые города, поселки городского типа и села, это еще треть населения (35%). Это территория патриархальной адаптации: картошку на огороде выращиваем, пенсию дают, и спасибо.

Модернизация страны идет по иерархической системе населенных мест: столицы, миллионники, крупные города и далее вниз. В потреблении она идет быстрее, в политике – очень медленно.

Развитию страны способствует территориальная концентрация населения. Российское население концентрируется в крупнейших и крупных городах. Этот процесс неостановим и увеличивает количество людей, которые способны модернизироваться.

Что этому мешает и какой должна быть политика, способствующая развитию? Нужно увеличивать ресурсы и полномочия муниципального уровня. Это сделать легче, чем с налогами между регионами и центром. Раньше городам оставляли 30% НДФЛ, потом – 20%, сейчас – 15%. Даже крупные города высокостатусные, 60% доходов их бюджета – трансферт (помощь) из регионального бюджета. Наряду с отсутствием собственных финансовых ресурсов муниципалитеты лишены полномочий, финансирование социальных слуг переведено на уровень регионов. Пока муниципальный уровень не получит ресурсов и полномочий, ускорение территориального развития и модернизация системы управления вряд ли возможны.

Очевидно, что необходимы децентрализация и дерегулирование, рост полномочий муниципалитетов. Но неизбежным следствием будет рост неравенства регионов и муниципалитетов, потому что выигрывать будут сильные.

Работу рыночных механизмов хорошо показывает агросектор. В Алтайском крае все идеально засеяно, чего не было в советское время. В местах, где агросектор неконкурентоспособен, село переформатируется – все больше городских дачников и нетаграрной деятельности. Пригороды в Нечерноземье более-менее живые, но сельская периферия дохнет. В Черноземье и на Юге все гораздо лучше – показатели агросектора даже не снизились советскому сельскому хозяйству. В прошлом году Россия вывезла на экспорт 42 млн тонн зерна, в стране полная обеспеченность по птице и почти полная – по свинине. Мы завозим только мясо крупного рогатого скота. В молочке тоже доля импорта сокращается. Много компаний с хорошими показателями, у них современные молочные фермы, туда много инвестировано. В тепличной отрасли тоже есть прогресс. Сельской отраслью просто полюбоваться можно, это развивающийся, конкурентный сектор экономики. Однако

его география – агроклиматически благоприятные зоны, а демографически – пригородные зоны. Периферии пустеют, там все гораздо хуже.

О федеральных территориях. В последние годы Краснодарскому краю давали из федерального бюджета 2 – 2.5 млрд рублей на поддержку олимпийских объектов. Его бюджет не мог выдержать нагрузку в виде отопления, освещения, уборки территории и др. Теперь олимпиадные объекты выделены в территориальный округ «Сириус». Подарок Краснодарскому краю, сняли с него расходные обязательства.

Обычный вопрос о переносе столицы. Вы хотите новые хоромы для начальников? В течение 10 лет 10% бюджета Казахстана шло на Астану, а не на развитие других регионов или на поддержку бедных. У нас не может быть по-другому.

За какими показателями развития регионов нужно следить? Важны динамика промышленности, инвестиции, миграция. Программы, которые пишут в регионах, не имеют при этом значения.

Очень важно понимать особенности страны при анализе возможностей и перспектив развития. Между Россией и Европой есть существенные отличия. В России была мобилизационная индустриализация, заводы строились в чистом поле, вокруг них вырастали города. Европа так не росла, там город, привязанный к производству, – редкость. Кроме того, в Европе более развитая дорожная сеть, выше территориальная доступность крупных городов.

Еще одно различие – там давно уже нет столь острой проблемы монопрофильности городов, как у нас, когда города сжимаются, если завод останавливается. Мужчины работают на отходе, женщины стараются как-то выживать в малом бизнесе, в бюджетной занятости. Это – безрадостная история. Многие монопрофильные города сожмутся до малого центра, обслуживающего свое население и окрестности. Денег у государства на стимулирование их развития нет и не будет, инвесторы туда не пойдут. Им не интересны малые удаленные города с населением, имеющим низкую квалификацию. И это означает, что поляризация территориального развития страны будет продолжаться.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВ

*Директор Института стратегического анализа компании
«Финансовые и бухгалтерские консультанты», доктор экономических наук,
член Общественного конституционного совета*

22 апреля 2021 года

ГОСРЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕН И ИНФЛЯЦИЯ

Предваряя свое выступление, хочу в качестве эпитафии процитировать Фернанду Энрики Кардозу, президента Бразилии с 1995 по 2003 год: «Если бы я был дьяволом и хотел изобрести налог на бедных, я не придумал бы ничего лучше, чем инфляция». В свое время, будучи тогда министром финансов Бразилии, он поборол гиперинфляцию, которая была в первой половине 90-х годов в Бразилии.

Высокая инфляция – это действительно очень болезненная проблема, прежде всего для небогатых людей. Наша страна тоже сталкивалась с такой инфляцией, которая в 1992 составляла более 2500%. Сейчас ситуация кардинально отличается от той. Но то, что происходит в последнее время, заставляет говорить и думать об этой проблеме.

Сначала напомним, что было с ценами, и какие есть соответствующие прогнозы.

Таблица 1. ИНФЛЯЦИЯ В РОССИИ
(Прогноз социально-экономического развития на 2021–2023 гг.)

2019	2020	2021	2022	2023
3,0 (факт)	4,9% (факт)	3,7%	4,0%	4,0%

Источник: Минэкономразвития России

Это – официальные статистические показатели. По России за 2020 год – 4,9%. Но люди обычно не соглашаются, говорят, посмотрите, что делается в магазинах. Однако инфляция считается, условно говоря, как средняя температура по больнице. Мы же естественным образом обращаем внимание на то, что дорожает больше всего. Это не сравнимо с символическими десятками долями процентов роста цен в Европе.

Таблица 2. КАК ВЫРОСЛИ ЦЕНЫ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ В 2020 ГОДУ

Россия	+ 4,9%
Германия	– 0,7%
Греция	– 2,4%
Польша	+3,4%
Франция	0%
ЕС	+0,2%
Китай	+0,2%
США	+1,4%
Япония	-1,2%
Казахстан	+7,5%

Источник: Росстат, Eurostat

В некоторых европейских странах цены в 2020 году даже снижались: на 0,7% в Германии, на 2,4% в Греции. Но в некоторых – росли: в Польше – на 3,4%, в целом в странах ЕС – на 0,2%. В Китае цены практически не росли. Из наших соседей – рост в Казахстане – 7,5%. В Японии цены снижались, в США – небольшой рост. Россия выглядит не так уж и плохо, но главное – тенденция не очень хорошая. Это – не те 2,5%, которые были 2–3 года назад и не 3%, которые были год назад.

В России инфляция начала быстро расти в декабре 2020 года. Сейчас планы по инфляции, согласно Прогнозу социально-экономического развития страны, такие: от 3,7% в 2021 до 4% в 2023 году.

Вчера опубликовали данные по росту цен с начала года по 19 апреля 2021 года.

За это время цены выросли на 2,5%. Напомню, что раньше мы фиксировали на этом уровне годовую инфляцию. Некоторые продукты подорожали значительно, больше всего

морковь – на 42%, картофель – почти на 40%. Дорожало мясо кур, куриные яйца – на 13–14%. Даже подсолнечное масло и сахар-песок, на которые попытались заморозить цены, незначительно, но выросли в цене. Подешевело только пшено, но это трудно заметить на фоне, когда остальные товары подорожали. Стали сильно прирастать цены на проживание в гостиницах, особенно – четырех- и пятизвездочных. Здесь рост цен более 22%.

Цены на топливо тоже растут, пока, правда, не очень заметно, потому что их рост регулирующие органы стараются сдерживать.

При этом инфляция различается как по регионам, так и по социальным слоям. И самая высокая она – для самых бедных, которые 50% бюджета и больше тратят на продовольствие и социально значимые товары, а они дорожают больше всего. Соответственно инфляция для тех регионов, которые богатыми не назовешь, тоже выше.

Почему выросли цены? Версия министра экономического развития Максима Решетникова: из-за ослабления рубля и роста цен на мировых рынках сельхозпродукции. Действительно, в прошлом году рубль ослабел заметно. Но сразу вспоминаются аргументы, которые раньше приходилось слышать от чиновников: люди зарплату получают в рублях, значит, нет основания для волнений. Но людей это не может не волновать, если это – причина инфляции. Рост цен на сельхозпродукцию на мировом рынке тоже может быть причиной инфляции – цены стали заметно прирастать. Но почему в этих условиях цены в ЕС не растут или даже – снижаются? Согласитесь, объяснение не вполне убедительно.

Нужно добавить еще причины роста цен, тогда получится такой их перечень:

- ослабление рубля;
- рост цен на мировых рынках продовольствия и сельхозпродукции;
- недостаточный уровень развития конкуренции;
- российские антисанкции;
- неэффективное регулирование тарифов естественных монополий;
- неуклюжие попытки государственного регулирования цен;
- климатические факторы и др.

Недостаточный уровень развития конкуренции – это фоновая причина общего характера. Федеральная антимонопольная служба пытается что-то сделать. Но ситуация не очень меняется в лучшую сторону. Экономика, в которой нет конкуренции, не может снизить инфляцию и долго оставаться в рамках приемлемых показателей. Если нет конкуренции, что будет сдерживать продавцов, производителей? Российские власти забывают об антисанкциях, введенных с 2014 года, когда пытаются объяснить, что происходит с инфляцией. Антисанкции снижают конкуренцию. Неэффективное регулирование тарифов естественных монополий: – у нас по-прежнему многие тарифы – на электроэнергию, в – ЖКХ – регулируются. Мы провели исследование: взяли те же тарифы в ЖКХ, которые регулируются, и сравнили их с теми, которые не регулируются на протяжении длительного времени (10–15 лет). Там, где цены регулирует государство, они выростали быстрее. Работает это примерно так. Тот, кому устанавливают тарифы, дает свою заявку, например, просит, чтобы цены повысили на 5%. Регулятор говорит: «Нет, 5% – много, будет 4%». Заявка же дается, исходя из негласных правил: «Проси больше, дадут меньше». А на самом деле, чтобы покрыть издержки, ему и 2% хватило бы. Это и есть неэффективное регулирование тарифов естественных монополий.

Еще одна причина – неуклюжие попытки государственного регулирования цен. Президент говорил, что не надо наводить тень на плетень, никакого госрегулирования цен у нас нет. Но, на мой взгляд, элементы этого все же есть. Соглашения об ограничении роста цен, проверки Федеральной антимонопольной службы, ценовой мониторинг, меры таможенного регулирования, субсидирование производителей и, наконец, законодательные инициативы об ужесточении наказаний – все это попытки госрегулирования цен.

Объективности ради: климатические факторы в этом году тоже имели значение. Зима была морозной, поэтому овощи выросли в цене. Многие овощи выращиваются в теплицах, что в морозную погоду требует повышенных затрат на энергообеспечение. Это тоже одна из причин. И это еще не все причины.

Что касается национальной валюты. Здесь есть два самых важных фактора: цены на нефть и санкции. Если у вас сырьевая экономика, а она такой в России остается, национальная валюта будет зависеть от цен на нефть. Санкции еще даже не ввели, а рубль реагирует. Власти должны думать, как снизить накал стационарного противостояния, а это уже – геополитический вопрос. Здесь не стоит преувеличивать значение таких механизмов (которые работают в развитых экономиках), как величина ключевой ставки Центрального банка. Наша экономика еще недостаточно развита, чтобы это имело определяющее значение. Условно говоря, можно работать стамеской, а можно – топором или кувалдой. В нашей экономике пока приходится больше работать кувалдой.

В случае отключения от системы SWIFT – это будет тяжелое испытание для российской экономики и банковской системы.

В декабре 2020 года президент обратил внимание на рост цен на подсолнечное масло, сахар, муку, хлеб и попросил правительство заняться этим вопросом. Была создана межведомственная рабочая группа. Ее работа вылилась в то, что были подписаны соглашения между Минсельхозом, Минпромторгом, отраслевыми ассоциациями, производителями и продавцами по заморозке цен на сахар – на уровне 36 рублей – для производителей и 46 руб. за килограмм в розницу – и подсолнечное масло, соответственно 95 и 110 рублей со сроком действия до 1 апреля 2021 года. Это и есть директивное госрегулирование ценообразования. Эти соглашения были подписаны в добровольно-принудительном порядке.

Стоит напомнить, что еще в 2010 году Правительство утвердило Правила установления предельно допустимых розничных цен на значимые предметы первой необходимости. Предельно допустимые розничные цены устанавливались на срок не более 90 календарных дней в случае, если рост цен в течение 30 календарных дней составит 30% и более. Но такого роста цен у нас не было. На сахар-песок цены выросли почти за год на 72%, на подсолнечное масло – почти на 26%. Но не за 30 дней. Эти соглашения были подписаны, несмотря на то что действующий порядок не предусматривал заморозки цен.

И это – очень плохо. Если у вас существует Порядок, а вы, несмотря на него, действуете по-другому, то зачем тогда этот Порядок? Потом этот документ изменили. Теперь, если рост цен в течение 60 дней составит 10% и более, тогда власти могут вводить ограничения. Это исправление было внесено после того, как цены заморозили. Много товаров может попасть под эти новые правила.

Большую активность стала проявлять Федеральная антимонопольная служба. После роста цен на кур и яйца ФАС стала организовывать проверки птицеводческих хозяйств. Сами птицеводы не без оснований говорили, что выросли цены на корма, снизились объемы производства из-за гриппа птиц, сократились поставки импортных инкубационных яиц из-за эпизоотической ситуации в ЕС. ФАС также начала проверку производителей овощей.

Еще одно направление – мониторинг ценовой ситуации. Это – распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2021 года №497-р. Оно утверждает перечень потребительских товаров и услуг (по министерствам и ведомствам). Проводится мониторинг, в случае роста цен информация направляется министерствам и ведомствам. Министерства и ведомства совместно с Минэкономразвития и ФАС проводят анализ и передают в Правительство РФ предложения по регулированию цен.

Достаточно резонансным получился законопроект о распространении ложной информации об изменении цен на социально значимые продовольственные товары первой необходимости (март 2021) – т.е. за ценовые фейки. Законопроект разработал один из депутатов «Единой России». В качестве ответственности предлагался штраф от 200 до 800 тысяч рублей или лишение свободы сроком до трех лет. Симптоматично, что ФАС в целом законопроект поддержала. Но эту инициативу притормозили.

Как известно, у нас нет ничего более постоянного, чем временные меры. Соглашение по сахару и подсолнечному маслу продлили 22 марта 2021 года на Межведомственной рабочей группе по мониторингу и оперативному реагированию на изменение потребительских цен на социально значимые товары. Также было предложено субсидировать производителей сахара при отгрузке в розницу на срок до 6 месяцев в расчете 5 рублей за килограмм. Почему 6 месяцев – понятно: в сентябре выборы в Госдуму. Как только это предложение было озвучено на заседании Межведомственной рабочей группе, тут же производители перестали отпускать сахар. Об этом писали «Известия». Производителей можно понять. Если их скоро начнут субсидировать, то зачем отгружать продукцию сейчас? Всего на это было выделено 9 миллиардов рублей. Вопрос удалось решить оперативно, и деньги быстро пошли. Ситуация разрядилась.

Были аналогичные решения и по подсолнечному маслу. Там решили удерживать таможенные пошлины.

В целом поддержка по сельскому хозяйству сейчас ненамного ниже, чем в ЕС, в последние годы мы вышли на приличный уровень.

Прогноз таков. Цены будут стараться держать до сентября (до выборов). Мы этим удержанием создаем инфляционный навес. Цены будут держать, а потом субсидии и меры таможенного регулирования прекращаются. Есть риски сильного ускорения инфляции. Инфляция значительно превысит прогнозный показатель и составит более 7%. Правительство будет расширять практику госрегулирования цен, оно будет вынуждено этим заниматься, что не радует.

Что нужно было бы делать? Необходимо как можно скорее отказываться от практики директивного установления цен через подписание в добровольно-принудительном порядке разного рода соглашений. Рыночные механизмы регулирования цен (субсидирование, таможенно-тарифные механизмы) возможны только в случае крайней необходимости. К сожалению, института принуждения становится все больше. Президент сказал, что будет налоговая донастройка, чтобы бизнес больше вкладывал в инвестиции, дивиденды бы уменьшались. Давайте признаем, что у нас все-таки рыночная экономика, хотя она кривоватая и косоватая. Когда государство начинает внедрять инородный для этой системы механизм, цены начинают прирастать, ускоряется инфляция, которая в феврале была выше, чем в январе. Десятилетия мы работали над тем, чтобы снизить инфляцию до 2,5%. Рыночные механизмы госрегулирования возможны, но в ограниченном виде и в случае крайней необходимости.

Необходимо отказаться от антисанкций. Антисанкции – запрет в 2014 году импорта продовольствия из многих европейских стран, США, Канады, Японии. Эта история не рас-

ширяется с того времени, но перспектив, что мы разрешим ввоз, например, сыров, сейчас нет. Конечно, с учетом международной обстановки, сейчас это сложно представить. И против нас все время вводятся новые санкции. Хотя Россия говорит, что санкции – это не метод, но антисанкции – это тоже санкции. Но я говорю о том, что нужно было бы делать. Вреда от них с точки зрения инфляции больше, они снижают конкуренцию. Действовать необходимо абсолютно прагматично.

Нужно повышать уровень развития конкуренции, совершенствовать регулирование тарифов естественных монополий, обеспечивать стабильный курс национальной валюты.

И нужно поумерить пыл с практикой директивного ценообразования, которая расширяется.

ЕВГЕНИЙ ГОНТМАХЕР

*Профессор Высшей школы экономики, доктор экономических наук,
член партии «Яблоко», сопредседатель Общественного конституционного совета,
эксперт группы «Европейский диалог»*

23 марта 2022 года

УКРАИНСКАЯ «СПЕЦОПЕРАЦИЯ»: ПОСЛЕДСТВИЯ СПЕЦОПЕРАЦИИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ И ГРАЖДАН

Прошел почти месяц с начала военной спецоперации, и людей волнует, что будет происходить с их жизнью. Спецоперация продолжается, и конца ей не видно. Что касается экономики и социалки: введены жестокие беспрецедентные санкции, и они не закончились. Часть санкций носит инерционный характер. В сферах, связанных с технологиями, финансами, это будет не сразу видно. Список этих санкций еще не окончательный, будут собираться и представители ЕС, НАТО и – большой семерки и обсуждать новые санкции. Там будут, видимо, приняты достаточно серьезные решения. Ежедневные изменения влияют на социально-экономическую ситуацию сейчас. Было заявление Департамента США, что, если Россия отведет войска хотя бы на границу 23 февраля, они будут готовы снимать санкции. Даже само заявление, что санкции будут ослабляться, может повлиять на социально-экономическую ситуацию в мире.

Все экономические законы и законы развития социальной сферы в нашей стране сейчас не действуют: инфляционные ожидания, паники, беготня за продуктами питания – все было, так или иначе, в нашей истории. Это повторяется.

Во-вторых, поведение бизнеса. Санкции касаются конкретных западных фирм, которые могли бы не уходить отсюда. Но они по собственной инициативе уходят из страны, таких фирм очень много.

Что касается экономики и социалки, очень много решается словами, заявлениями. Пример – отъезд тысяч IT-шников из страны. Люди едут без работы, без сбережений, сейчас вывести деньги из страны невозможно.

Стабильности, о которой говорил В.В. Путин, повторяя это как мантру, нет. Речь не идет о внешней политике. Ее нет во внутренней политике. Речь не идет о политической жизни, где забанены независимые СМИ, людей забирают за одиночный пикет и т.д. Я говорю об экономической и социальной жизни. Никакой стабильности нет, и она к нам долго не вернется. Мечтать о жизни, которая была несколько месяцев назад или – до ковида, не приходится. Это касается и бизнеса, и граждан. Обратного хода нет. В результате геополитических, политических и военных пертурбаций Россия придет к статусу кво, может быть – ненадолго. Человек падает с лестницы, на какой-то ступеньке он может задержаться, но это – не ступенька, которая идет вверх. Хроническая и органическая нестабильность – следствие того, что система государственного управления развалилась. Те навыки, что были накоплены (работали все-таки образованные люди, пришли новые поколения), исчезли. Государственное управление и раньше не справлялось с глобальными вызовами – старением населения, социальным неравенством, зеленым переходом. Хотя об этом и говорили, но наше государство даже не начало решать этих проблем. А сейчас уже открыто признают, что эти проблемы уходят на второй план, потому что существует экстремальная ситуация. Будут проблемы с продажей невозобновляемых источников энергии – нефти, угля, может быть, газа. При этом принимаются решения, которые не соответствуют уже принятым стратегиям развития до 2060 года. Все это слетело, как шелуха. Никакой стратегии, сформулированных после обсуждения целей, задач, которыми бы руководствовались президент и правительство, нет. Их и раньше не было, национальные проекты, принятые в 2018 году, опирались на указы президента и были заведомо невыполнимы. Там, где сейчас формируется экономическая политика, люди находятся в состоянии шока.

Что нас ожидает? Некоторые сравнивают нынешнюю ситуацию с 1992 годом, когда ВВП упал на 40%, и существенно, на десятки процентов, снизился уровень жизни. Но есть значительное отличие: в магазинах появились товары в отличие от советского периода, когда их там не было. Нынешняя тенденция, если тренд сохраняется, – падение ВВП не на 1–2%, а значительно больше, 5%, 10%, а пессимисты говорят – 20–30%. Но падение уровня жизни населения будет меньше. Власти понимают, что существенное ухудшение качества жизни людей нежелательно, это – чревато. Будут пособия, разные виды помощи, как вовремя ковида. Даже Росстат (хотя к их данным надо относиться скептически) заявил, что число бедных уменьшилось. Денежные пособия коснутся нуждающихся – семей с детьми и пенсионеров. В 1992 году значительная часть граждан думала, что год-два, как говорил Борис Ельцин, можно и потерпеть, а дальше все пойдет вверх. А сейчас Владимир Путин даже с обещаниями не выступает, например, с обращением к нации, что Запад нас прижимает, но через год-два мы вернемся к прежнему уровню. Он ничего не говорит, потому что перспектива на несколько лет вперед – плохая, с отрицательной динамикой.

В такой ситуации помощь населению может сработать в течение года–двух. Есть Фонд национального благосостояния, но часть его заблокирована в рамках блокировки наших золотовалютных запасов за границей. На конец 2021 года там было 14 триллионов рублей. Можно часть денег раздать населению, но люди пойдут в магазины, а там вырастут цены. Не думаю, что у нас будет, как в Венесуэле, где были пустые полки и люди дрались из-за туалетной бумаги. Последние годы у нас развивалось сельское хозяйство, мы обеспечили себя и мясом, и яйцами, в значительной степени – сахаром, другими продуктами питания. Эти элементарные продуктовые товары у нас будут. Но будет рост. Путин сказал, что не надо регулировать цены. Это – элементарный экономический закон: как только начинаешь регулировать цены, товары пропадают, возникает спекуляция и черный рынок. Но так как цены растут, несмотря на дополнительные пособия, далеко не каждый сможет эти товары купить. Поступившие деньги не до конца будут компенсировать снижение уровня жизни. Это касается не только бедных, но и работающих и получающих не низкую зарплату, потому что деньги обесценятся.

Этот процесс затронет и промышленные предприятия, у которых будет останавливаться производство, потому что они импортируют многие комплектующие, даже не потому, что нам их не будут продавать, а из-за проблем с логистикой. Сейчас для России главная проблема вообще – логистика. Европа закрывается. Это касается авиасообщения, но летают туда не так много людей. Но будут закрываться порты, отказалась работать с нами контейнерная компания Маэрск Лайн, а именно в ее контейнерах к нам приходили многие товары. Конечно, есть дороги из Китая, но они – маломощные. У нас всегда основным торговым партнером была Европа, и важны были дороги туда. А Транссиб и так перегружен. И мы еще не знаем, какие отрасли санкции затронут, например, союз, занимающийся навигационными картами, отказался обслуживать российские суда. Как российский корабль будет ходить без карты в азиатских или африканских водах? Проблемы с логистикой могут остановить многие производства, сюда добавляются прямые запреты на экспорт в Россию.

Конечно, сразу правительство не допустит закрытия предприятий, но на перспективу – не может частная экономика содержаться на бюджетные деньги. В бюджетной сфере возможна индексация зарплат учителей, врачей, военных, но, по крайней мере, тот уровень, который был, сохранится. Но в промышленности, системе обслуживания (кафе, рестораны, парикмахерские и т.д.) ситуация значительно хуже. Снижается платежеспособность населения.

В социальной сфере нас ожидают серьезные проблемы. Это – рост цен. Об этом сказал и Владимир Путин: нас ожидают инфляция и безработица. Безработица будет скрытой, рабочие места сохранятся, но люди будут работать полдня или будут просто числиться и получать какое-то пособие.

Увольнения с государственных предприятий начнутся летом, потому что в российской жизни есть цикличность. Летом люди довольны, отдохнули на грядках, поэтому и выборы в сентябре. Осенью и зимой настроение меняется, холодно. А летом – пойдут на грядки. Если дотянуть до осени, будет уже взрывоопасно. Конечно, люди недовольны и ростом цен, выражаются самыми последними словами. Но когда с предприятия увольняют треть работников, а найти работу нельзя, особенно если это – моногорода на Урале, в Сибири, в Центре, это может привести к публичному проявлению недовольства. В Москве с ее колоссальным рынком труда это не проблема, люди растворяются. К тому же летом сложно скоординироваться – кто-то в отпусках. А к осени привыкнут, как-то все рассосется. Работу найдете, но уже не по вашей квалификации. Были инженером, пойдете на стройку, будете

мигрантов выдавливать из страны. Что касается мигрантов, их доходы уже обесценились, они получают зарплату в рублях, а домой посылают валюту.

Следствием станет бедность, но сказать о конкретных цифрах сложно. Я не исключаю и нормирования, когда по местам работы будут распределять какие-то карточки, чтобы мы получали столько, сколько положено, не объедая других.

Ситуация будет сильно различаться по регионам. В крупных городах-миллионниках, куда едут люди из провинции, учатся, потом остаются и организуют свою жизнь, она будет похожей, у этих приехавших людей, никто им помогать не будет. Возникнут проблемы с работой, доходами, покупками. Появятся дефициты, серые рынки. Уже на Авито продают доллары по другому курсу. Возвращается классика в разнице официального курса валют и неофициального. В малых городах и на селе тоже будет хуже. Но там – пожилое население, которое привыкло к экстремальным ситуациям: затянуть пояса, начать сажать картошку.

Мы это скоро увидим: то исчезает сахар, то – бумага. То, к чему мы привыкли, окажется в дефиците или будет стоить огромных денег, как, например, айфоны. Есть проблема вкладов, особенно валютных, есть жесткие ограничения по снятию вкладов и переводу за границу. Но политика властей пока оставляет лазейки для тех, у кого такие накопления есть. Не все банки попали под санкции, например, Сбербанк попал только под частичные санкции, а ВТБ и банк «Открытие» – под жесткие и всеобъемлющие санкции. Но Сбербанк уже не может оперировать долларами. Герман Греф написал, что те, кто хочет перевести деньги за границу, пока может это сделать в евро, но в долларах – уже нет. Но и переводы в евро могут запретить.

В целом – либо чудом произойдет остановка этой катастрофы, потому что Россия бросила вызов всему миру. Тогда это позитивно повлияет на экономику и на социалку. Но уже сейчас в экономике и социалке такие потери, что необходим переход на новые рельсы, чтобы восполнить их. Мы во всех смыслах: политическом, экономическом и социальном должны будем переорганизовать Россию. Никто не знает, оставит ли нам история такую возможность, и сможем ли мы с этим справиться.

Сейчас это вызывает у людей депрессию, продажа успокоительных подскочила в разы. Каких бы убеждений люди ни придерживались, они понимают, что мы куда-то вляпались.

Что касается достижения «дна». В Иране люди сорок лет живут под санкциями, но они сильно исторически, культурно отличаются от нас. В Северной Корее уже несколько десятилетий – династия, там промывали людям мозги с послевоенной эпохи. А у нас даже в советский период была не Северная Корея, сейчас у нас – несопоставимый масштаб свобод. В России, скорее, латиноамериканская модель времен военных диктаторов, когда очень узкая группа людей приватизирует власть, общество эксплуатируется. Там нет никакой идеологии, это просто бизнес-проект. Сейчас в Латинской Америке страны переходят к демократии. А Куба до конца советского периода жила за счет помощи СССР. А потом они разрешили присылать валюту от родственников, а во Флориде огромная кубинская община.

Об энергоносителях. Мы продаем нефть с огромным дисконтом. Часть компаний отказывается у нас покупать. США от них уже отказались, а заместить наши энергоносители на рынках Европы – не большая проблема. Остается Китай, который будет покупать нашу нефть, возможно – Индия. Но это не может быть компенсацией от потери нашего основного партнера – Европы. Постепенно будет падать и добыча. Проблема отказаться от российского газа, которого в Европе 40%, существует, но уже ищут какие-то лазейки.

В нашей постсоветской истории первый раз Запад накладывает санкции, которые достигают каждого из нас.

Но «пробить» наше общественное мнение очень сложно, установки могут действовать очень долго.

Что касается возможных изменений в случае смены власти, то вопрос в том, кто придет. Может быть хуже, потому что власть находится в ситуации серьезной нестабильности. Путин и сам может трансформироваться, я помню его в 2000-х, когда работал начальником департамента аппарата правительства, приходилось с ним встречаться. Он тогда был сторонником реформ. Он инициировал программу Грефа, к которой есть вопросы, но с точки зрения ее наполнения, направленности, это была программа развития, прогресса. За эти годы он сильно поменялся, не один раз. Но мы еще не прошли стадию национал-левизны. Сейчас они говорят, что нужно усиливать роль государства и бороться с национал-предателями. А может быть супергосударственная политика во всех сферах, трудно даже предположить, каких еще ужесточений можно ждать. Был такой Михаил Зиновьевич Юрьев, вице-спикер Думы первого созыва от партии «Яблоко» (он уже умер). Он написал книгу о «крепости Россия», подробно описав, как это будет: каста, которая всем будет повелевать (орден меченосцев), а остальные – просто мясо, как в «Обитаемом острове» Стругацких. Боюсь, что нам придется пройти еще эту стадию, только потом будет что-то вразумительное. Сколько это займет времени? Не один год, возможно – не одно десятилетие.

Я вижу свою миссию эксперта разбираться с ситуацией, прогнозировать, разоблачать фейки, правда, в части экономики и социалки их, в отличие от военной сферы, немного. Никто, ни Владимир Соловьев, ни Ольга Скабеева на экран не высказывают и не кричат, как у нас все хорошо. Но по мере ухудшения ситуации возникнет большая пропагандистская волна. Я и мои коллеги пытаемся разобраться в ситуации и объяснить людям, куда мы движемся. Надеюсь, что российское общество остановится и поймет, что мы делаем что-то не то.

Что касается политических действий, то нужно обращаться к политикам, к партии «Яблоко», единственной заметной силе, занявшей абсолютно правильную позицию. Что касается ПАРНАСа, у них тоже позиция правильная, но их не видно, не слышно, они ушли с политической сцены, в отличие от партии «Яблоко», уже несколько лет назад.

В нашей стране реформы всегда инициируются сверху, узкой группой людей, но они становятся повседневностью и принимаются десятками миллионов. У нас начиная с 1992 года реформы не стали повесткой дня людей, не дошли до них. Люди выжидали, думали, может быть, будем жить как в Европе или сбудется американская мечта. Это – колоссальная ошибка всех этих лет, что люди не были включены в реформы. Те, кто начнет новые реформы (небольшая группа), не должны повторять ошибки, их реформы должны ложиться на менталитет, желания большого числа людей. Люди начинают соображать: пропал сахар, потом пропадут гаджеты, невозможно будет купить мобильный телефон, когда заблокируют не только фейсбук, но и ютуб, или вообще не будет интернета, только внутренняя сеть, как в Северной Корее. Если приходит группа с идеями, которые созвучны желаниям граждан, возникает синергия, это – идеальная ситуация.

Что касается лево-националистического уклона. Число левых в России немногочисленно. Это большая проблема России, что так и не сформировалась нормальная левая, социал-демократическая партия. Кстати, Миронова с его «Справедливой Россией – За правду» исключили из Социалистического интернационала. Это придет не от левых групп, но от тех, кто своеобразно мыслит и понимает, что такое социально-экономическая жизнь страны. Левизна – это уравниловка. Это может выскочить из среды военных, которых обрабатывают уже много лет. Владимир Путин перехватывает эту лево-популистскую риторику,

ему важно подчеркивать, что он опирается на большинство. Новая программа реформ, которую, наверное, будут делать молодые люди, которых мы даже не знаем, должна получить шансы на успех, если возникнет этот эффект синергии. На это уйдут годы, если речь идет о ВВП и уровне жизни. Главное – это создание институтов. У нас сейчас нет суда, федерализма, местного самоуправления, нормального гражданского общества. Все законы, принятые в последние годы, корежат ростки гражданского общества, не дают себя проявлять. Нам нужны реформы в образовании и т.д. Для того, чтобы это запустить, нам нужно несколько лет. А рост ВВП и уровня жизни будет уже следствием. Нужно платить за то, что мы идем своим путем. И сейчас расплата началась.

ОБЩЕСТВО

The image features a vibrant, abstract composition of interlocking puzzle pieces. The background is a solid orange color. Several puzzle pieces are scattered across the frame, primarily in shades of green and dark blue. One prominent piece in the lower-left quadrant is filled with a pattern of small, orange dots. The overall aesthetic is modern and graphic, suggesting themes of community, social structure, or interconnectedness.

ОЛЬГА ВЛАСОВА

*Кандидат политических наук, член Московского регионального совета
партии «Яблоко»*

26 мая 2022 года

КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА

И ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: ПОЧЕМУ РАСТЕТ ПОДДЕРЖКА НАСИЛИЯ В ОБЩЕСТВЕ?

Помимо концепции справедливого мира, обозначенной в названии лекции, есть ряд других концепций, объясняющих ситуацию, в которой мы оказались. Моя тема – на стыке социологии и политологии, а ее задача – понять, как менялись общественные настроения в ходе, так называемой, специальной военной операции. У многих возникали сомнения в результатах социологических исследований, представления, что они фальсифицируются, а люди в ответах врут. В нашей либеральной тусовке люди против военной операции, но если мы выходим вовне, то сталкиваемся с другими мнениями. В лекции я постараюсь объяснить, как это понимать.

Возникает вопрос, можем ли мы доверять результатам опросов во время войны? Существует ряд сложностей, которые связаны с разными концепциями. Многие боятся отвечать, стараются уходить от ответа. Многие стараются вообще не участвовать в опросах. Если

мы обратимся к литературе, то увидим, что это описано не только для условий войны, но и для ситуаций при авторитарных режимах. Так, например, Тимур Куран, профессор университета Дюка в США, в своей книге «Частное доверие и публичная ложь» объясняет это тем, что не опросы виноваты, а человек сам изменяет, фальсифицирует свои позиции в зависимости от ожиданий окружающих. Бытовой пример: приходит человек в гости, обстановка ему не нравится, но если люди только что сделали ремонт, он скажет, что все красиво и мило. Таким образом, человек фальсифицирует свои предпочтения. Куран выделяет два типа предпочтений: личные и публичные – общественно выражаемые, которые мы можем высказать прилюдно. Они могут не совпадать в любом обществе. Но еще больше они не совпадают в глубоко идеологизированном обществе, в котором на любой вопрос почти всегда дается однозначная оценка: черное или белое, а средних позиций не существует. Куран пишет, что такими становятся и западные общества сегодня. Простой пример: отношения к абортам: или ты – pro choice – за выбор или – pro life – за жизнь. Средняя позиция как будто никогда невозможна, и ты обязан выбрать что-то одно. Может быть, у человека и нет мнения, но общество ждет от него конкретной позиции. В политической сфере ситуация более жесткая. Прагматичные люди часто осознают ситуацию по политическим вопросам, но публично выражают позицию одобрения. Поэтому особенно в авторитарных режимах фальсификация предпочтений будет иметь еще большие масштабы, чем в идеологизированных западных обществах.

Но как различать публичные и личные предпочтения? Куран пишет об этом подробно. Общественные настроения можно исследовать, если проводить дифференциацию. Есть официальные институты, проводящие опросы, – в нашем случае это ВЦИОМ, ФОМ, которые оценивают скрытых диссидентов как тех, кто поддерживает войну. Но нужно смотреть и на негосударственных или оппозиционных исследователей, или тех, кто точно гарантирует анонимность. Если результаты тех и других совпадают, пишет Куран, то расхождений в предпочтениях нет или скрытых диссидентов – минимальное количество.

Используя стратегию, предложенную Кураном, мы проанализируем два типа опросов общественного мнения (официальные и негосударственные).

Ниже приведены данные ВЦИОМа, которые сами по себе представляют интерес. 24 марта прекратились опросы ВЦИОМа про спецоперацию, которая, тем не менее, продолжается. ВЦИОМ изменил формулировки и спросил 4 мая, объединила или разъединила специальная военная операция общество. Между этими двумя датами спрашивали, является ли эта операция информационной войной. Это свидетельствует о том, что рост поддержки операции, который наблюдался с 24 февраля, прекратился или снизился, поэтому они стали менять вопросы. Странные завуалированные вопросы, которые ставились, показывали большой процент поддержки. 4 мая на вопрос о том, сплотила ли операция российское общество, утвердительно ответил 61%, а про информационную войну – также порядка 60%.

Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете или не поддерживаете?

(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	25.II	27.II	03.III	17.III	24.III
Скорее поддерживаю	65	68	71	74	76
Скорее не поддерживаю	25	22	21	17	15
Затрудняюсь ответить	10	10	8	9	9

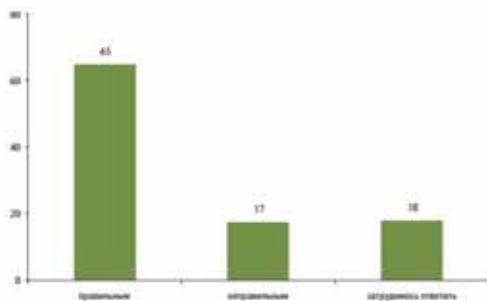
ФОМ также перестал публиковать ответы на прямые вопросы. До этого, в феврале, они фиксировали уровень поддержки в 65%. Но ФОМ всегда публикует рейтинги Путина и правительства. На фоне военной операции рейтинг Путина резко вырос (см. таблицу ниже), потом немного снижлся, но оставался на плато. Интересно, что рейтинги партий вообще никак в связи с операцией не изменились, к ним нет апелляций, связанных с этой темой.

Военная операция на Украине

Опрос «ФОМинбус» 25–27 февраля. 104 населенных пункта, 53 субъекта РФ. 1500 респондентов.

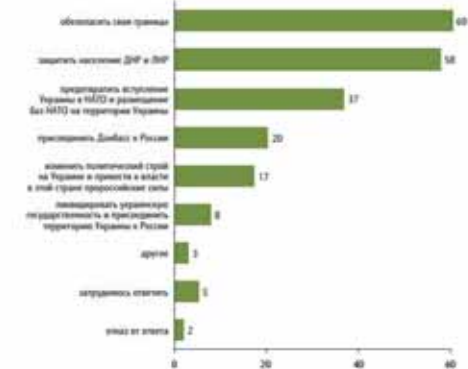
24 февраля Владимир Путин объявил о начале военной операции на Украине. Как Вы считаете, решение о проведении военной операции было правильным или неправильным?

Данные в % от всех опрошенных

Как Вы думаете, какие цели преследует Россия, чего она, в первую очередь, рассчитывает добиться в результате этой военной операции? (Картонка, не более трёх ответов.)

Данные в % от всех опрошенных

Политические индикаторы

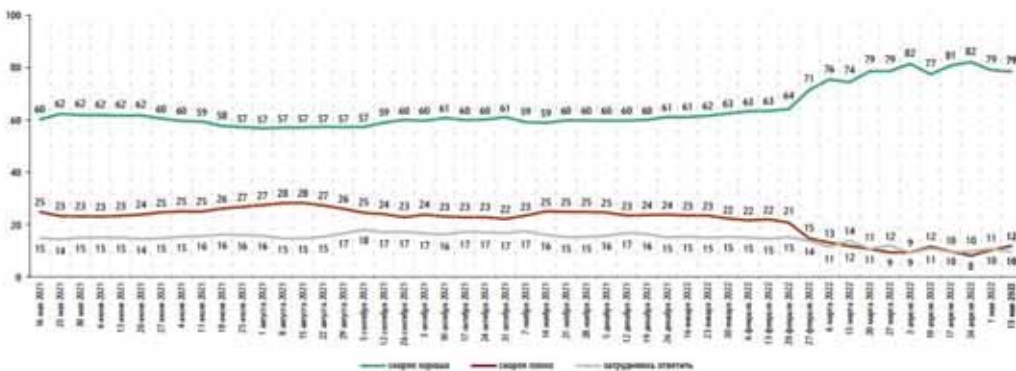
В. Путин: отношение и оценки работы

Опрос «ФОМинбус» 13–15 мая. 104 населенных пункта, 53 субъекта РФ. 1500 респондентов.

Оценка работы В. Путина

Как Вы считаете, президент В. Путин работает на своём посту скорее хорошо или скорее плохо?

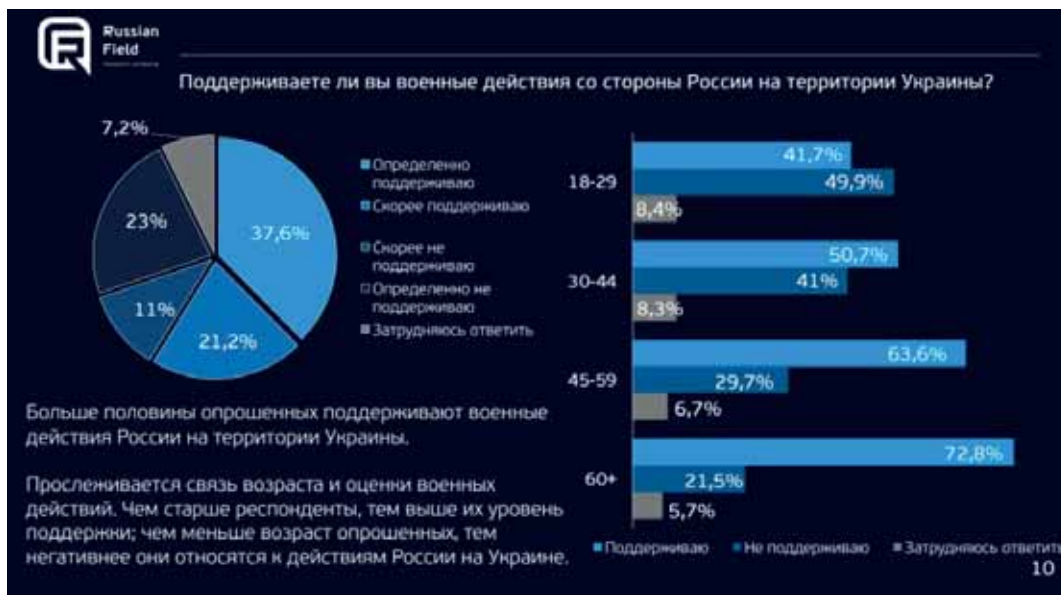
Данные в % от всех опрошенных

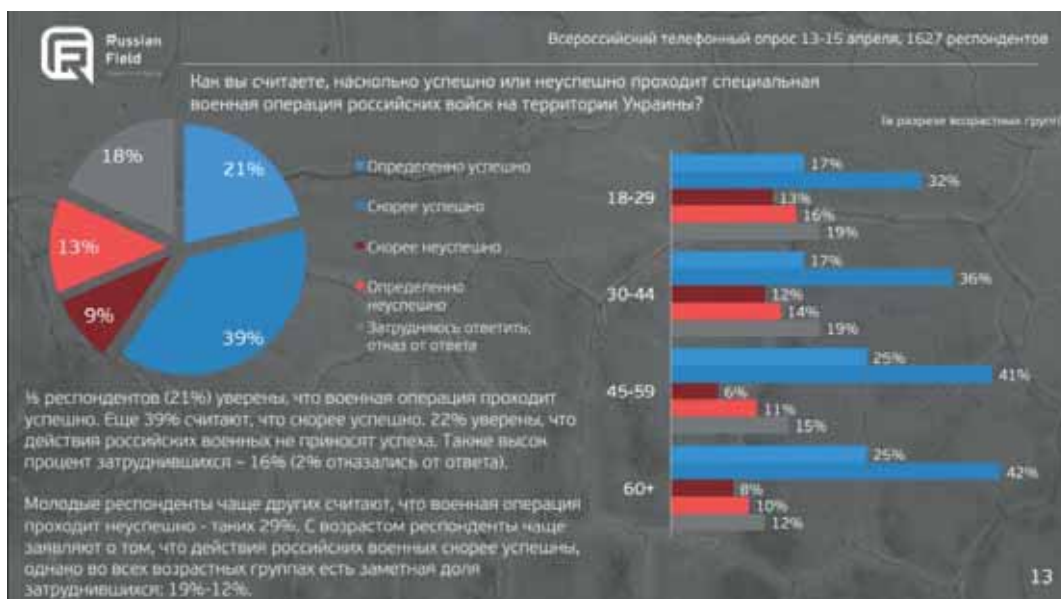
Стоит отметить, что и ФОМ, и ВЦИОМ недобросовестно себя ведут, по собственному усмотрению публикуя или не публикуя результаты опросов, что как минимум создает сложности для социологов. Поскольку они являются государственными фондами, их задача – снабжать общество данными, а не руководствоваться собственными пожеланиями.

Теперь обратимся к социологам, связанным с оппозиционными политиками или, так сказать, не замеченным в государственном финансировании. Первая служба – *Russian Field*, которая проводила опросы для Романа Юнемана и Максима Каца. 26–28 февраля у них получилось тоже под 60% тех, кто поддерживает спецоперацию. В апреле, по их данным, столько же респондентов считают операцию успешной.

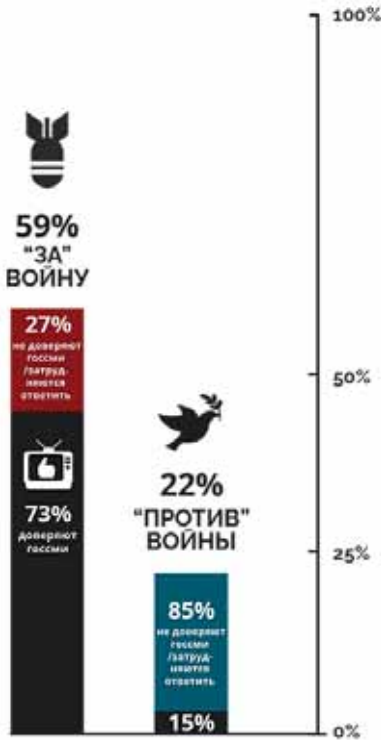
26–28 февраля:

13–15 апреля:

Еще один оппозиционный проект – «Хроники», который делает Алексей Миняйло. В начале войны этот проект показал, что 59% – за нее. Потом они проводили опросы с другими формулировками, поэтому сравнить напрямую их невозможно, но в целом число поддерживающих спецоперацию оставалось прежним.

И еще один социологический институт, данные которого тоже показывают, что значительная часть населения поддерживает операцию – Левада-Центр, который признан иностранным агентом. Они в апреле и марте показывали увеличение положительных оценок дел в стране. Хотя они и показывают, что число положительных оценок в апреле снизилось, но сами комментируют, что, скорее, снизилось внимание к спецоперации у тех, кто начал интересоваться событиями с началом операции.

Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?

в %% опрошенных

Левада-центр, @levada_center, принудительно признан иноагентом
Created with Datawrapper

Мой вывод: уровень поддержки спецоперации достаточно высок.

Для нас, тех, кто 8 лет не смотрит телевизор и общается только в близком идеологическом кругу, эти цифры кажутся нонсенсом.

С началом операции все восприняли это как шок, но потом часть людей стала находить для нее оправдания: там действительно есть нацисты, там бегают по Майдану и кричат «смерть москалям».

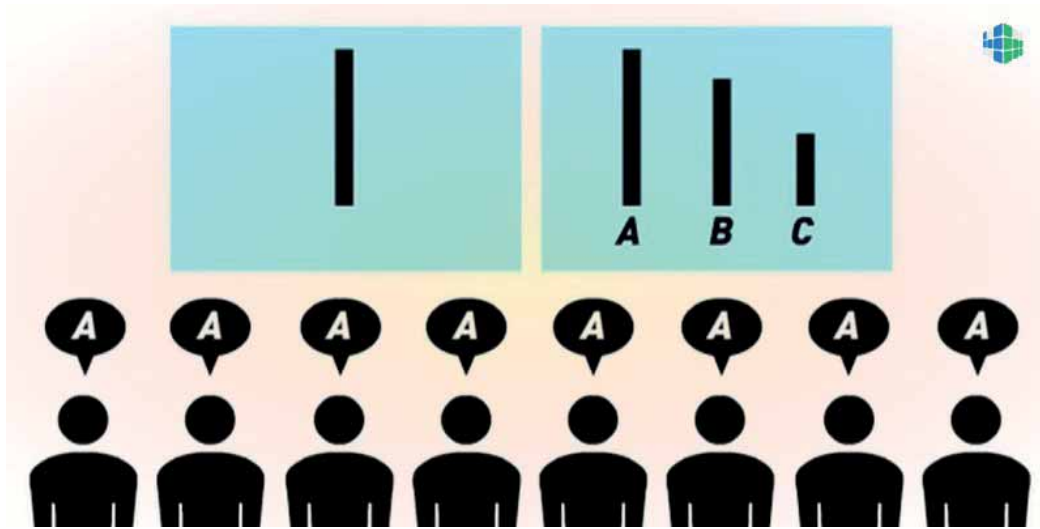
Есть психолого-политические концепты, которые объясняют это состояние.

Первая – концепция справедливого мира психолога Мелвина Лернера, профессора университета Ватерлоо и Флоридского Атлантического университета. Он пишет, что человек воспитывается так, что полагает, что мир вокруг справедлив, каждый получает по заслугам, добро будет вознаграждено, а зло – наказано. Люди склонны воспринимать события через призму этих верований и убеждений. Такая установка позволяет человеку адаптироваться к любым ситуациям. Если что-то произошло, то впоследствии все равно восторжествует справедливость. Человеческая психика не готова смириться с тем, что мир может быть несправедлив. Психика не справляется с ситуацией, и мы начинаем искать оправдания. Такой феномен встречался даже на примере заключенных концентрационного лагеря. Такую ситуацию описывает Бруно Беттельхайм. Он написал несколько психологических работ, правда, не использовал еще концепцию справедливого мира. Он писал, что больше всего при аресте недоумевали представители среднего класса, которые не представляли, что закон может быть плохим. Они не верили, что закон, порядок может быть несправедливым. Они считали, что система в целом справедлива, только в их отношении произошла какая-то ошибка. Они пытались найти толику справедливости и порядка в ситуации, а гестапо им помогало. В самом лагере (имеются в виду 30-е годы, а не лагеря смерти) также устанавливались правила. Заключенные при поступлении подписывали бумаги, что они согласны с заключением и с тем, как с ними обращаются. У них формально есть выбор – они, например, могут не подписывать бумагу. Но уже раз оказались слабыми и это сделали, то мир в целом справедлив. Это то, что мы сейчас называем виктимблеймингом: жертва сама виновата в том, что с ней случилось, пусть хоть и чуть-чуть. Так человеку спокойнее. Он думает, что если он не будет этого делать, то не станет жертвой, и на его территории не будет войны.

Еще одна теория, которая объясняет происходящее, – теория когнитивного диссонанса американского психолога Леона Фестингера. Он пишет о том, что когнитивные элементы (мысли, мнения, верования) находятся в диссонансном отношении, если одна из сторон непосредственно следует из другой. Поскольку диссонанс психологически некомфортен, его существование мотивирует личность редуцировать его и достичь гармонии (консонанс). Далее, если диссонанс существует, личность будет активно избегать ситуаций и информации, которые способны породить его. Человек сталкивается с полным несоответствием ситуации об общепринятом представлении о мире, несоответствием прошлого опыта настоящей ситуации. Естественной психологической необходимостью становится поиск выхода из ситуации когнитивного диссонанса. Человек будет стремиться снизить несоответствие между двумя своими установками любым доступным способом. Можно, с одной стороны, полностью избегать информации, которая не соответствует его представлениям, а можно просто подстроить, изменить свои установки в связи с новой ситуацией. Для людей возможность снизить нагрузку на психику важнее, чем какая-то личная истинная позиция.

Эксперимент польского и американского психолога Соломона Аша был посвящен конформизму и показывает, что люди склонны следовать за большинством. Он отобрал 9 студентов, 8 из которых были подставными. Он сказал, что проводит эксперимент по проверке зрения, и показал одну карточку с одной и другую – с тремя полосками. 30% согласились с заведомо неправильным ответом (нужно было найти равные по длине полоски) и 7% хотя

бы один раз также согласился с таким ответом. Конечно, когда мы находимся в обществе, то часто бываем склонны к конформизму.

Аналогичный эксперимент был проведен в Японии. Были другие результаты. Их связывают с системой воспитания мальчиков в Японии. И результаты отличались от результатов в США, т.к. в Японии собственное мнение имело большее значение, чем мнение сообщества.

Еще одна теория, британского экономиста Колена Друри, связана с невозвратными затратами. Наш сегодняшний парадокс в том, что специальная военная операция идет не так успешно, как должна была бы, но поддержка ее растет. И теория Друри как раз объясняет этот феномен. Затраты, которые были сделаны в прошлом на операцию, невозможно вернуть, и ситуацию невозможно изменить. Раз мы уже столько вложили, то должны идти до конца...

Важно, что высокие проценты поддержки невозможно объяснить только пропагандой и тем, что у нас общество – глупое. Во-первых, мы находимся в том типе общества, где есть альтернативные источники информации. И люди выбирают те или другие источники информации самостоятельно, пока что без принуждения. Чаще всего люди выбирают источники, которые уже соответствуют их ценностным установкам, их представлению о справедливости в мире.

Что можно этому противопоставить? Как склонить человека искать разные точки зрения и всегда все ставить под вопрос в поисках более глубоких доказательств? Ответ – повышать уровень политического образования. Беттельхайм свидетельствовал, что концентрационный лагерь проще переносили люди с высоким уровнем политического образования, те, кто точно понимал природу режима и его действия. Те же, кто считал, что это случайно, по ошибке их коснулось, деморализовались, начинали воровать и т.д.

Сейчас уже очень сложно кого-то переубедить, потому что вопрос уже не об образовании, а о каких-то имеющихся на эту минуту ценностных факторах.

Почему русские люди боятся что-то критиковать? Есть концепция политолога Сэма Грина, профессора Королевского Университета в Лондоне. Он пишет о том, что в России общество агрессивнонеподвижно. Это происходит потому, что у нас нет политических ин-

ституты, невозможно выстроить жизненную стратегию, планы, даже не ясно, как купить квартиру, т.к. денег не хватит даже на первый взнос. Поэтому любая возможность, которая открывается перед человеком, воспринимается как чудо. Чудо, которое невозможно повторить и за которое нужно всеми силами держаться. И ни в коем случае ничего не менять, если ты сумел что-то купить или построить. Общество не понимает, как могут существовать социальные лифты, осуществляться приобретения – в цивилизованных формах. Поэтому, что видно в опросах: люди за 35 с относительно высоким уровнем дохода поддерживают военную операцию, а не поддерживают молодые, у которых пока ничего нет. Не думаю, что власть будет смягчать репрессии, которые будут направлены на молодых, которые готовы идти на площадь, у которых еще нет «якорей», их удерживающих.

Поддержка операции есть, но это не значит, что она основана на ценностях и глубоких убеждениях. Мало кто склонен глубоко разбираться в вопросе. В рамках концепции справедливого мира: что услышал, то и правда. Если так считает Путин – правитель, то это и правильно, и так рассуждает большинство. Как только СМИ станут более свободными, об этом пишет Куран, эта поддержка может быстро развеяться. К сожалению, уровень образования и критичности общества таков, что любая информация из СМИ воспринимается на веру.

И часто люди уходят в свои четыре стены, занимаются детьми, отключаются от информации про спецоперацию, да и вообще про политику и общество. Им понятно, что «СВО – надолго, а войны у нас были всегда, ничего особенного в этом нет, это Запад все нагнетает». Боюсь, что люди, уставшие от операции, просто будут игнорировать информацию о ней, а не протестовать.

Глубинные интервью дают больше информации о сбивчивости, готовности менять позицию, подстраиваться. И возможны ситуации, когда люди критично настроены по отношению к власти, но считают, что если идет война, то они обязаны занимать позицию из серии «дайте мне автомат и я пойду воевать». Мы недооценивали уровень resentment и агрессивности, когда мы видели наклейки на машинах «Можем повторить». Мы думали, что это – шапкозакидательство, но это оказалось значимым настроением в обществе.

И в конце хочу тезисно обозначить важнейшие темы, о которых не удалось поговорить коротко, но которые также способны пролить свет на обсуждаемую проблему:

1. Гендерные различия в поддержке спецоперации. Для мужчин участие в войне – самое главное в жизни событие. Женщины же чаще занимают антивоенную позицию.

2. Роль уровня политического образования. У нас в обществе нет ценности наличия индивидуальной позиции. Страшно быть юродивым, не таким, как все. Здесь еще негативную роль сыграло наше коммунистическое прошлое. Если люди будут понимать, что их собственная позиция – это ценность, тогда они смогут выстоять, подвергаясь нападкам СМИ, других членов общества, и будут готовы отстаивать свою позицию, и вот тогда ситуация изменится. Но это воспитывается не за один день, не за один месяц. Мы, как партия, этим занимались.

3. Первоисточники концепции справедливого мира в обществе. Ничто так не продвигает концепцию справедливого мира, как классические идеологии и религии. В идеологиях, если ты будешь действовать при построении мира по их правилам, а в религиях – если ты сам будешь жить по заповедям, то все будет справедливо. Осознавая этот факт, совершенно не обязательно бороться с идеологиями либо с религиями, тем более что это невозможно, но важно понимать, как устроено (любое) общество, которое так или иначе имеет в своей основе нравственные правила либо идеологические ориентиры. В наш век невозможно никого переспорить, потому что каждый общается с позиции своих ценностей.

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

*Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге,
кандидат социологических наук*

21 апреля 2020 года

ПОВОРОТ

К ПРОБЛЕМАМ СТАРЕЮЩЕГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В лекции я расскажу о глобальном демографическом тренде старения населения, захватившем много стран, о его изучении и политическом дискурсе вокруг старения, обращусь к российскому контексту и открою поле обсуждения международной социально-политической стратегии активного долголетия (АД).

Мировой демографический тренд старения населения, который метафорически называют «серебряным цунами», выражается в глобальном росте численности людей в возрасте 60+ (хотя этот тренд развивается неравномерно по странам мира). По данным 2020 года число людей этой возрастной категории на планете превышает число детей младше 5 лет. К 2050 году доля таких людей достигнет 22%. В период с 2015 до 2050 года, по прогнозам демографической статистики, их численность удвоится. Такое изменение возрастной структуры стало серьезным вызовом для отдельных стран и на глобальном уровне. Основными причинами глобального тренда старения населения считается рост продолжительности жизни и сокращение рождаемости. Это характеристики так называемого второго демографического перехода. Рост продолжительности жизни – одна из основных причин

старения населения – это колоссальное достижение общества. Но это достижение, требующее осмысления и действий на глобальном, страновом, институциональном и даже на уровне местного сообщества и индивидуально-семейном уровне. В связи с этим трендом и изменяется представление о нормальном (ожидаемом) жизненном пути человека. Оптика жизненного пути интегрируется в социально-политические программы партий, государств и международных организаций. Она становится ключевой для научного анализа социальных процессов.

Жизненный путь человека как члена общества регулируется в значительной степени структурными рамками, т.е. задан социальными нормами и социальными институтами. До некоторой степени он ясен и, можно сказать, предопределен для каждого члена общества, хотя степени свободы в организации человеческой жизни на разных этапах жизненного пути существенно возросли в современном обществе по сравнению с традиционным. Практики проживания и границы, разделяющие этапы жизненного пути человека, заданы моделями социализации, системой социальной защиты, общественными представлениями о том, когда люди идут в школу, заканчивают обучение, вступают во взрослую жизнь, начинают самостоятельно себя обеспечивать, принимают репродуктивные решения с долгосрочными последствиями, выходят на пенсию и проч.

Для общества модерна – современного индустриального и постиндустриального общества – характерна возрастная стратификация на основе трехчастной структуры жизненного пути. В этом современном поле возрастных позиций детство и юность осмысливаются как пора обучения и взросления; взрослые годы – наиболее значимое время жизни, насыщенное трудовыми практиками и воспитанием детей; старший возраст конструируется как этап так называемого заслуженного отдыха или постепенного снижения активности. Эта возрастная стратификация установилась давно, и все было более-менее понятно. Однако, в нынешнем обществе нормативные границы между крупными возрастными этапами и возрастными категориями людей становятся пористыми, представления о том, как конкретные люди будут проживать разные периоды своей жизни, меняются, становятся менее определенными. Санкции за нарушение правил возраст-ассоциированного поведения становятся все менее жесткими, т.к. нормы размываются, а толерантность растет. Изобретаются новые термины, обозначающие более дробные возрастные категории: молодые старшие, кидалты, третий возраст, четвертый возраст и проч.

В этом контексте раскачивания возрастной стратификации модерна размываются и представления о старшем возрасте: таких людей становится больше, и они становятся другими, не такими, как в прошлом веке и ранее. Исследователи фиксируют постепенное изменение культурных моделей старения. Больше разнообразия, больше выбора, больше неопределенности, больше амбиций, больше рефлексии. При этом общества не сразу и не везде отвечают на новые реальности демографической картины.

Сейчас средняя продолжительность жизни в мире – почти 74 года для женщин и 69 лет – для мужчин. Сохраняется гендерный разрыв в продолжительности жизни, если в среднем это пять лет, то в некоторых странах он достигает 10 лет, как в России. Самая «старая» страна в мире – Япония. Там процент людей 65+ превышает 25%. Японское общество (как и многие другие) столкнулось с насущными требованиями организовать жизнь людей старшего возраста по-новому – происходят существенные изменения традиционной культурной модели жизни в старшем возрасте. Дело в том, что в течение многих поколений (традиционно) забота о старших родственниках лежала на плечах семьи. Эта норма «конфуцианского благочестия» в отношении к старшим (как называют ее исследователи) гендерно маркирована. Согласно ее предписаниям, женщины среднего – стержневого поколения – должны брать на себя основные обязанности о повседневной заботе и уходе

за пожилыми родителями, выполняя семейные роли невесток и дочерей. Забота и уход за стариками – это традиционная женская роль. Но эта модель не работает в современной ситуации. Современные женщины в Японии (последних поколений) интенсивно вовлекаются в процесс труда при полной занятости, а старшему поколению нужен персональный и профессионализированный уход, болезни изменились. Раньше причинами смерти в старшем возрасте чаще всего были сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, с которыми медицина постепенно научается справляться. Люди соматически дольше сохраняются. Но все больше распространяются старческая деменция и болезнь Альцгеймера. Такие люди не способны к безопасной самостоятельности, к самоконтролю своего повседневного бытия. За такими людьми нужен круглосуточный постоянный уход, и современные технологии предполагают специальное оборудование, делающее такой уход эффективным (т.е. успешным для больного и менее трудозатратным для ухаживающего). Растет профессионализация заботы-ухода. Семьи с этими задачами не справляются. В связи с этим с начала 21 века Япония (как и другие страны, столкнувшиеся с серебряным цунами) стала вкладываться в строительство пансионатов для людей так называемого четвертого возраста, немощных пожилых граждан с заболеваниями когнитивной сферы. В то же время там, как и во всем мире, в ответ на растущий спрос, получили массовое распространение оплачиваемые услуги для людей пожилого возраста. Однако рынок услуг для пожилых лишь в ограниченной степени может смягчить проблему поддержки людей старшего возраста. Рыночные услуги по уходу могут позволить себе оплатить лишь обеспеченные люди; неравенство в доступе подчеркивает разрыв между бедными и богатыми, зажиточными и экономически уязвимыми людьми старшего возраста, которые совершенно различным образом справляются с недугами старения. В связи с кризисом семейной гендеризированной организации заботы о стариках, социальные государства разрабатывают систему долговременного ухода, которая призвана обеспечить медико-социальной поддержкой всех людей, которые в этом нуждаются, и уходят от морализаторства на этот счет.

С начала 21 века различные страны внедряют системы долговременного ухода. Однако, несмотря на различия в этих системах, в каждую из них инвестируются ресурсы четырех социальных сфер (хотя и в разных пропорциях): государства, рынка, гражданского общества, семейной системы. В современном неолиберальном контексте государства экономят на социальной сфере, и все большее распространение получают монетарные инструменты социальной поддержки – разнообразные социальные программы оплаты ухода (cash for care). Самая эффективная из этих программ – когда человек, нуждающийся в заботе, по целевому страховому полису получает некоторую сумму денег, предназначенных на организацию ухода, и распоряжается ею в соответствии с собственными предпочтениями. В том числе он может внести материальный вклад в семейную заботу. (Заметим для сравнения, что в России неработающий член семьи, круглосуточно ухаживающий за пожилым родственником в режиме 24/7, после сложного оформления документов может получить социальную выплату в размере 1200 рублей в месяц. Грустная и жалкая картина. Государство поддерживает семью, которая воспитывает детей. Но не ту, которая ухаживает за престарелыми. В нашем обществе уход за пожилыми родственниками остается в основном семейной заботой – в социологии такой уклад получил название фамилистского режима заботы о пожилых.)

Итак, в последние десятилетия фамилистская культурная модель и соответствующий ей режим заботы меняются глобально. И этот тренд постепенно распространяется и на российское общество, несмотря на идеологию семейных ценностей и консервативный поворот. Это один из аспектов тренда индивидуализации. Отметим его особо значимые проявления, относящиеся к культурной модели старения. Во-первых, растет число одиноко проживающих пожилых людей, которые в связи с разными обстоятельствами не могут

ожидать поддержки семьи (они могут не иметь родственников, родственники могут проживать в других регионах и оказаться не в состоянии обеспечить уход). Во-вторых, даже при всем желании осуществить надлежащий уход – семья не может его обеспечить своими силами, из-за нехватки навыков, материальных средств и технологий. В-третьих, истощается гендерный ресурс заботы – семейный неоплачиваемый домашний труд по уходу, осуществляемый в традиционном обществе преимущественно женщинами, ограничен профессиональной занятостью женщин и не может решить проблему ухода в режиме 24/7. В-четвертых, растут потребности в современном квалифицированном уходе, и в ответ на этот спрос формируется предложение – возникают новые технологии ухода и заботы, которые обеспечиваются только во внесемейных институциях специально обученными людьми.

Таким образом, обостряется кризис заботы. Еще в 1980-е годы американская исследовательница Арли Хохшильд назвала его «глобальным похолоданием» – когда ни общество, ни семья не в состоянии полностью обеспечить потребности пожилого человека. В ответ на новые потребности в заботе о пожилых благодаря давлению сообществ и целенаправленной социальной политике государства формируется система долговременного ухода. Она сложно устроена. На этом поле действует несколько игроков. Появляется сегмент бизнеса, который занимается строительством частных домов для престарелых, создает агентства платных надомных услуг (помощники и сиделки), рынок товаров по уходу. Часто рынок домашних работников пополняется ресурсом трудовых мигрантов. Так действуют глобальные цепочки заботы. Муниципалитеты предоставляют услуги социальных работников с ограниченным списком функций. Усилия волонтеров стремятся сократить разрывы в заботе. Т.е. в условиях развитой и нормально функционирующей системы заботы о пожилых труд по уходу обеспечивают не только члены семьи, но и социальные службы, и наемные работники, и волонтеры. Это многообразие получило название ромба заботы или сети – паутины заботы. Опыт Японии, который я кратко описала выше, – лишь один из множества, который нуждается в осмыслении. (Вообще важно изучать опыт других обществ, чтобы понимать, каковы сценарии ответов на вызовы новой эпохи.)

Обратимся теперь, собственно, к нашему контексту. Россия – новая страна в отряде «стареющих» стран, но и у нас уже 13% населения – люди в возрасте 65+. К 2030 году по прогнозу Росстата их доля составит 19%, т.е. фактически пятую часть населения. Мы в этом смысле – догоняющая страна, что дает нам шанс посмотреть, как с этой проблемой справляются другие общества, какие рецепты предлагают исследователи, политики, институции, местные сообщества. Опишем факты. Обозначим тренды. Оставим религиозным проповедникам морализаторство сторонников традиционной расширенной семьи и жестких гендерных ролей. Оно не поможет ответить на вызовы стареющего общества в условиях выраженного тренда индивидуализации жизни. Исследования, которые проводят РАНХиГС, ФОМ, ВЦИОМ, Комитет гражданских инициатив, а также наша программа гендерных исследований на социологическом факультете ЕУСПб, выявляют особенности того, что происходит с людьми старшего возраста в российском обществе.

- В ближайшей перспективе в России можно ожидать прироста доли людей старшего возраста в демографической структуре.

- При этом в обществе сохраняются устойчиво культурные представления о домашней, семейной заботе, где активно используется гендерный ресурс. Эти представления культивируются идеологами традиционализма и частью политической элиты. Консервативный поворот пытается опять мобилизовать семью для решения социально значимых проблем.

- Наблюдается нехватка – кризис домашнего ресурса ухода и заботы (совсем как в Японии, о которой я рассказывала выше). Нужно ожидать ослабления межпоколенческих связей. Они необязательно разрываются, но очевидно желание семейных поколений жить

отдельно; старшее поколение также стремится «не быть обузой» для своих взрослых детей. Сокращается число пожилых пар, состоящих в браке, домохозяйства, состоящие из одного пожилого человека, встречаются все чаще, и их доля устойчиво растет. Это означает, что нужно иначе устроить социальную политику в отношении пожилых людей. В долгосрочной перспективе расчет на доступность и эффективность семейной поддержки и, прежде всего, женского домашнего труда по уходу окажется пустым ностальгирующим морализаторством и только усугубит кризис заботы.

- Гендерный разрыв в продолжительности жизни в России показывает, что вдовство в демографическом смысле все еще является нормальным этапом жизни. Феминизация старости – рост числа одиноко проживающих пожилых женщин – обусловлен тем, что мужчины в РФ часто не доживают до преклонных лет.

- Для современной России характерен феномен «преждевременного старения»: показатели здоровья, социальной активности и субъективная возрастная атрибуция российских пожилых и престарелых людей не соответствуют тому, что мы наблюдаем в развитых странах (на уровень жизни которых ориентировано российское общество). Как правило, человек в России этого же возраста выглядит и считается более пожилым, чем в других странах. Изношенное поколение переживает преждевременное старение. Исследования показывают, что в РФ уже в 62–63 года люди себя ощущают старыми, списывают себя со счетов, повторяя известную мантру: «Ну что Вы хотите в Вашем возрасте?». Эту расхожую фразу повторяют врачи, социальные работники, члены семьи, сами представители старшего поколения. Такое отношение – диспозиция «опущенных рук» – описывается исследователями как проявление повседневного эйджизма.

- Отметим, что эйджистские стереотипы разделяют в нашем обществе и сами пожилые люди. Они рассматривают себя как отработанный ресурс. У них наблюдается дефицит жизненных стратегий; они не ставят перед собой целей на будущее и осмысливают свое существование как «дожитие». Социальные условия способствуют такой уничижительной саморефлексии. Пожилой человек «выпадает» из общества, он испытывает на себе воздействие механизмов социального исключения и сам, обороняясь от недружественной среды, старается избегать публичных мест и институциональных взаимодействий.

Данные, приводимые в отчете Комитета гражданских инициатив, показывают, что в настоящее время в российском обществе у людей старше 80 лет активность максимально снижена, эти люди редко выходят на улицу, радикально сокращается круг их общения. Это связано, конечно, и с состоянием здоровья, и с уходом из жизни сверстников, но также и с тем, что общество не создает условий социальной интеграции. Исследование группы социологов под руководством Д. Рогозина показывает, что только 35% россиян в возрасте 90 лет каждый день выходят из дома. 82% россиян в возрасте 65–69 лет каждый день выходят из дома, 14% ездят отдыхать. При этом 55% людей этого возраста работают на огороде или приусадебном участке, 51% делают зарядку. Эти люди активны, но ресурсы их активности крайне ограничены.

Нарисованная мною картина показывает, что старение у нас является преждевременным, условия для благополучной социально интегрированной жизни в старшем возрасте недостаточны. Исследователи и общественные деятели, которые стремятся реформировать режим заботы о старшем поколении в российском обществе, признают, что Россия все еще остается обществом, в котором «страшно стареть», где практики достойного старения доступны далеко не всем, где культура эйджизма все еще правит бал. Чтобы реформы и низовые инициативы укоренились, важно чтобы представления о старшем возрасте как времени дожития (до смерти) ушли в прошлое. И хотя мы видим подтверждения того, что наше общество остается эйджистским, уже существуют силы, противодействующие устаревшим

и разрушительным установкам в отношении граждан старшего возраста и продвигающие социальные изменения, призванные улучшить качество жизни старшего поколения.

Несколько слов об эйджизме. Эта культурная модель отношения к людям старшего возраста долгое время господствовала и сейчас находит поддержку у многих людей, политических деятелей и институтов. Эйджизм базируется на представлении о том, что старшее поколение это – нагрузка для общества в целом и для государственного бюджета в частности, это время неизбежной прогрессирующей деградации способностей, навыков и сил отдельного человека. Сьюзен Зонтаг в своей работе «Двойной стандарт старения» (1978) пишет о том, что, несмотря на идею уважения к старшим, о старости пишут как о периоде жизни деградации и упадка, о распространенности стремлений замедлить старение, со-ответствовать критериям молодого, здорового, трудоспособного (тела).

Термин эйджизм ввел в литературу в 1971 году американский социальный геронтолог Роберт Батлер по аналогии с категориями сексизма и расизма, которые обозначают соответственно практики дискриминации по половому признаку или расовой принадлежности. Батлер выделил три взаимосвязанных ключевых элемента эйджизма: 1) предвзятое отношение (предрассудки) к процессу старения, людям старшего возраста и старшему возрасту в целом; 2) повседневные практики дискриминации в отношении людей старшего возраста и 3) институциональные практики и политические программы, которые поддерживают негативные стереотипы в отношении пожилых людей. В дальнейшем термин используется также для обозначения дискриминации и дискриминирующих практик в отношении детей и подростков.

Впоследствии исследователи предложили обновленное определение эйджизма, которое позволяет операционализировать этот сложный системный феномен и таким образом изучать его и разрабатывать способы противодействия ему. Приведем это определение: Эйджизм представляет собой совокупность негативных и позитивных стереотипов, пред-рассудков и/или практик дискриминации (позитивной или негативной) в отношении людей на основе их хронологического возраста. Итак, отметим трехчастную структуру этого феномена: действия, отношение и бессознательные установки.

Исследователи обращают внимание на то, что эйджизм может быть явным или имплицитным, формальным и неформальным. Явный эйджизм может проявляться на законодательном уровне и даже откровенно заявлять о себе в требованиях по приему на работу («после 45 лет не обращаться»). Явный, неприкрытый эйджизм может быть идеологией и составлять часть мировоззрения, о котором не стесняются заявлять. Аргументы сторонников эйджизма обычно апеллируют к обыденному знанию о никчемных и немощных стариках, опираются на сконструированные экспертные оценки, свидетельствующие о неизменных и негативных биологических особенностях и психологических свойствах представителей старшего возраста, оправдывающие их социальную изоляцию и эффекты социального исключения. Эйджизм, как правило, сочетается с другими формами дискриминации – по признаку пола (сексизм), расово-этнических характеристик. С признаками явного эйджизма современное общество старается бороться, устанавливая антидискриминационные формальные правила и процедуры на международном и национальном уровнях.

Имплицитный – скрытый – эйджизм является частью культурных представлений о старости, распространенных в обществе. Они носят амбивалентный позитивный –патерналистский и негативный – уничижительный характер, но, в основном, исследователи отмечают негативное отношение к старшему возрасту и тем людям, которые относятся к этой возрастной группе. Одной из форм эйджизма в отношении людей пожилого возраста является страх, испытываемый в отношении пожилых людей, – геронтофобия.

Опишем три ключевых элемента эйджизма поочередно. *Формирование стереотипов* – это когнитивный процесс, который предполагает создание категорий, обозначающих социальные группы и приписывание этим категориям определенных свойств. Создание стереотипов сопровождает процесс познания, оно необходимо при обработке больших объемов информации, и часто стереотипы содержат некоторое зерно истины. Так, например, стереотипное представление о старшем возрасте включает достоверное суждение о связи старения с проблемами здоровья. Ухудшение зрения, нарушение сна, ослабление функций краткосрочной памяти – все это показатели возрастных функциональных изменений, подтвержденные доказательной медициной. Однако довольно часто устойчивые жесткие стереотипы, сформулированные в другие периоды исторического развития, не соответствуют новым условиям или расходятся с индивидуальными свойствами личности. Жесткие стереотипы приносят существенный вред, когда они являются неправомерным обобщением, не соответствуют конкретным случаям и не пересматриваются. Есть стереотипы, которые препятствуют благополучной активной жизни, способствуют социальной изоляции, унижению людей старшего возраста. Именно с ними нужно бороться.

В современном обществе на смену стереотипным представлениям о старости приходит индивидуальный подход, который учитывает личностные и когортные особенности жизни в старшем возрасте и позволяет преодолеть сложившиеся в других контекстах представления о нем. Когда врач на жалобу пожилого больного человека отвечает: «Что Вы хотите в Вашем возрасте?» – это является типичным проявлением эйджизма. Такие стереотипы могут помешать выполнению профессионального долга со стороны врачей, педагогов, психологов. Предполагается, что профессионалы должны преодолевать стереотипы и анализировать ситуации конкретно и индивидуально, а не приписывать пожилым людям неспособность совладать с болезнью или освоить новое знание только из-за того, что они принадлежат к старшей возрастной группе. Такая критика стереотипов – профессиональная обязанность тех, кто работает с пожилыми людьми.

Исследователи отмечают, что эйджизм преодолеть гораздо труднее, чем сексизм или расизм. Это связано с тем, что он укоренен в культуре, подкрепляется СМИ и культурными репрезентациями, усваивается незаметно в ходе социализации личности и сопряжен иногда с практиками поддержки и снисходительно-поддерживающими паттернами поведения. Кроме того, расизму и сексизму сопротивляются общественные движения. Так, женское движение проблематизировало старые представления о женских ролях, препятствующих доступу женщин к образованию или профессиональной занятости. Движения за гражданские права чернокожего населения в США добились успехов в борьбе с расовой сегрегацией и дискриминацией. Движения пожилых людей против дискриминации по возрасту не получили большого распространения по разным причинам. Ключевой причиной является нехватка ресурсов – материальных и символических. Кроме того, сами люди пожилого возраста могут разделять сложившиеся негативные представления о старости как возрасте упадка, бессмысленного существования и обузы для общества. Политика в отношении пожилых людей в современном обществе также может создавать условия для эйджизма. Эйджизм имеет глобальное и массовое распространение. Сама повседневная лексика насыщена эйджистскими терминами, а общеупотребимые слова – старики и старухи – вызывают образы немощи и жалости. Существуют исследования, подтверждающие, что когда пожилые люди сопротивляются эйджизму и стараются самостоятельно контролировать свою жизнь и быть независимыми, они дольше сохраняют высокие показатели душевного и физического здоровья.

Эйджистские предрассудки – это эмоционально окрашенные установки, предполагающие предвзятое отношение к людям в зависимости от возрастной группы, к которой они принадлежат. Предвзятое отношение непосредственно связано со стереотипными

представлениями о старении и людях старшего возраста. Такие предрассудки включают уничижительное отношение (включая снисходительное, патерналистское). Предрассудки могут выражаться в ограждении себя от контактов с людьми пожилого возраста, ограничении доступа пожилых людей к определенным видам активности. Смысл предрассудков заключается в выстраивании барьеров, не допускающих человека к каким-либо видам деятельности. Важно, что предрассудки, сформированные у людей в ходе социализации, работают как неосознанные механизмы. Они выражаются в представлениях о неуместности тех или иных действий пожилого человека. Предрассудки способствуют развитию «политики закрытых глаз» в отношении потребностей граждан пожилого возраста. Нормально, что они падают, нормально, что они не слышат, нормально, что они забывают, нормально, что у них падает зрение. Возникает вопрос: если все это нормально, то зачем им помогать? Пусть они так и доживают, а помогать им должно не общество, а члены их семьи. Именно предрассудки мешают обсуждать возможности реформирования социальной политики в отношении пожилых людей.

Эйджистские предрассудки не всегда имеют исключительно негативный смысл. Они могут быть и доброжелательными. Патерналистское отношение, десубъективация людей старшего возраста – типичные проявления эйджизма. В семье такие предрассудки приводят к отсутствию понимания, нетерпению, росту раздражительности и конфликтам. Невнимание, игнорирование потребностей пожилых людей является формой эйджизма, основанной на предрассудках. Они считаются социально некомпетентными, не способными к принятию решений и самоконтролю, обреченными на функциональный упадок, в том числе когнитивный. Предрассудки и стереотипы в отношении старости объясняются логикой биологического цикла. Однако все эти аргументы не учитывают, что жизнь в старшем возрасте может быть организована самым различным образом.

Дискриминация по критерию возраста обозначает действия, которые ограничивают возможности людей на основе возрастных характеристик. Такие действия, как правило, являются следствием эйджистских стереотипов и предрассудков. Возрастная дискриминация проявляется на межличностном и институциональном уровнях.

Эйджизм может проявляться в разных институциональных контекстах. Взаимодействия врача и пациента, педагога и студента, поставщика услуг и клиента могут быть как контекстами проявления эйджизма, так и пространствами противодействия ему.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭЙДЖИЗМА

Постоянно сталкиваясь с повседневным эйджизмом, люди старшего возраста склонны усваивать его сигналы и воспроизводить их. Под воздействием эйджизма они начинают считать себя обузой для общества и страдают от этого. Такая самооценка приводит к ухудшению качества их жизни, психологического и физического состояния. Эйджистские стереотипы работают как самовоспроизводящиеся пророчества – так воспроизводится порочный круг негативного отношения к старикам и старости. И все это несмотря на песни «У природы нет плохой погоды...» или «Мои года – мое богатство».

Критики эйджизма признают неизбежность работы стереотипов, но предлагают сопротивляться им и стараться относиться к людям старшего возраста как к активным, независимым, способным к выбору и принятию решений гражданам, а также следовать индивидуальному подходу к каждому человеку в конкретных взаимодействиях. При этом также необходимо принимать во внимание те особенности старшего возраста, которые являются научно доказанными, статистически подтвержденными.

Самое сложное в преодолении эйджизма на уровне повседневных взаимодействий и в работе профессионалов – это сочетание двух принципов, которые даже могут показаться, на первый взгляд, противоречащими друг другу. Первый принцип предполагает учет во взаимодействиях возрастных изменений, которые возможны для людей в возрасте 65+. Второй – сопротивление негативным установкам и дискриминирующим практикам.

ОБ АКТИВНОМ ДОЛГОЛЕТИИ

Итак, в ответ на демографическое старение населения и в соответствии с программами активного долголетия эйджистский дискурс о старости как возрасте упадка стал пересматриваться. Он вытесняется идеологией активного долголетия, которая утверждает, что старший возраст имеет свои особенности, но люди в возрасте 65+ обладают огромным потенциалом для общества и для себя. И дело не только в том, что они являются социальным ресурсом, который можно мобилизовать на пользу общества и его институтов. Люди старшего возраста обладают способностями и возможностями самореализации, которые не осмыслены в полной мере научным знанием и публичным дискурсом. Новый дискурс активного долголетия является ответом глобального общества на вызовы демографического старения. Он развивается наукой (критической геронтологией), политическими силами, гражданским обществом. Социальные программы АД опираются на идею, что возраст – это социальный конструкт, его создают социальные институты и люди, вовлеченные в жизнь этих институтов. Если это так, то на смену обобщающим эйджистским стереотипам нужно формировать индивидуальный подход и руководствоваться принципом вовлечения людей в социальную жизнь и учетом их собственного выбора. Эта идеология становится основой конкретных социально-политических стратегий, рассчитанных на десятилетия, и отраслевых программ более короткого горизонта действия. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) на Мадридской конференции 2002 года сформулировала рамочную программу активного долголетия (старения) (АД). Цель программы – «оптимизация возможностей для сохранения здоровья, обеспечения социальной защищенности и участия в жизни общества в целях улучшения качества жизни в пожилом возрасте». В Мадриде были сформулированы три кита этой стратегии: активное вовлечение пожилых людей в жизнь общества; обеспечение здоровья и благосостояния в пожилом возрасте; создание благоприятных условий среды. Социальная политика в соответствии со Стратегией АД ставит перед собой следующие три основные задачи: (1) содействие занятости старшего поколения (стремление к реализации модели «продуктивного старения»), увеличение возраста выхода на пенсию, к чему Россия активно подключилась; (2) обеспечение самостоятельности и независимости в повседневной жизни; (3) обеспечение интеграции в жизнь общества.

Принципы АД опираются на концепцию прав человека, включая право на здоровье, принципы гендерного равенства, межпоколенческой солидарности, которая рассматривается как культурный ресурс (общество должно предпринимать усилия, чтобы молодые и люди старшего возраста продолжали общаться между собой). При этом предполагается использование ресурсов местного сообщества, к которому принадлежат представители старшего поколения.

В идеологии и программах активного долголетия важны принципы сокращения социального неравенства и гендерной чувствительности. Существует подтвержденное исследователями неравенство в доступе к социально-медицинским услугам, более пренебрежительное отношение мужчин к собственному здоровью, гендерный дисбаланс в осуществлении домашней и институциональной заботы – как неформальной, так и профессиональной.

Стратегия активного долголетия – это область консенсуса – она получила поддержку всех стран, входящих в ВОЗ, в т.ч. РФ. Программы развиваются. Люди 65+ рассматривается, с одной стороны, как активные действующие лица в экономике, в политической и гражданской жизни, но, с другой стороны, как благополучатели, поскольку признается, что у жизни в этом возрасте есть свои особенности, которые зависят не столько «от природы», сколько складываются как результирующие практик и институтов, в которые люди вовлекаются в течение всей своей жизни. Такая двойственная направленность идеологии активного долголетия схватывается терминами «третий» и «четвертый» возраст, которые используют критические геронтологи и сторонники реформы.

Проясним суть этих понятий. Они являются ключевыми для идеологии и политики АД. Английский социолог Питер Ласлетт ввел в социальную геронтологию термин «Третий возраст» не случайно. Таким образом он выступил с критикой эйджизма и представлений о жизни старшего поколения как периоде безусловного упадка и разрыва отношений с обществом. Третий возраст следует последовательно за первым возрастом, к которому относится детство и отрочество, и вторым возрастом взрослой жизни, к которому относится период воспитания детей и интенсивной занятости. Вместе с тем, третий возраст предшествует четвертому возрасту, для которого характерно угасание многих функций организма, и растет зависимость пожилого человека от внешней поддержки.

Питер Ласлетт рассматривает третий возраст как акме жизненного, «золотую пору зрелости». Событийно этот период жизни маркируется, с одной стороны, выходом на пенсию, с другой стороны – условным началом четвертого возраста, с которым связаны явные функциональные ограничения и немощи здоровья. Очень грубо к нему относят возрастные когорты от 65 до 80 + лет. Этот возраст рассматривается как период новых личностных достижений, ориентированных на получение удовольствия и удовлетворения жизнью. В третьем возрасте возникают новые степени свободы, и если это осознать, то можно высвободить ресурсы, как для себя, так и для своих близких и – более широко – для того, что принято называть общественно полезной деятельностью. Можно найти себе достойное применение, только если переосмыслить свои возможности и не соглашаться с уничижительными трактовками старения.

У людей четвертого возраста возможности социальной интеграции сокращаются в связи с ухудшением здоровья. Но и для этой категории «работает» идеология активного долголетия. Она предполагает развитие системы долговременного ухода, способствующей выявлению и поддержке людей, нуждающихся в социально-медицинской помощи для продолжения самостоятельной активной жизни.

Политики, адресованные гражданам третьего и четвертого возраста, различаются по странам, но предполагается, что стратегии активного долголетия везде будут адаптированы и будут способствовать изменению жизни пожилых людей. Не только они сами и их семьи будут ответственны за поддержку, но и другие социальные институты. Такие совместные усилия различных акторов социальной жизни, способствующие активному долголетию, получили название ромба заботы о пожилых. Семья, государство, гражданское общество призваны объединять усилия, чтобы поддержать человека в старшем возрасте, обеспечить ему возможность выбора и вовлечения в жизнь.

Российские власти позитивно восприняли идеологию и социальную политику активного долголетия, используя разработанную систему показателей и включаясь в соревнование с другими странами при составлении рейтингов. Один из элементов этой программы – Декада здорового старения, спланированная на 2020–2030 гг. В связи с коронавирусом и СВО очевидны корректировки, но РФ принимает участие в Декаде, задачи которой – продемонстрировать, что в стране успешно реализуется стратегия АД, и показатели индекса становятся все выше.

Комплексный Индекс активного долголетия включает кластеры показателей, охватывающие следующие аспекты жизни людей в возрасте 65+: занятость, социальное участие, степень самостоятельности, благоприятная среда. Эти индексы созданы, чтобы сравнивать страны по позициям в рейтинге АД. Приведу для примера данные комплексного индекса АД за 2016 год. Рейтинг подсчитан для 96 стран; Россия занимает в нем 65-ю позицию, между Белоруссией и Сербией. Лучший показатель – у Швейцарии, худший – у Афганистана. Наибольшее отставание Россия демонстрирует по показателям здоровья и социальному потенциалу граждан в возрасте 65+. Это означает, что проекты 3-го и 4-го возраста далеки от реализации, что наше старшее поколение переживает преждевременное старение, что политические акторы должны вложиться, чтобы жизнь улучшилась по этим направлениям.

Итак, на уровне риторики российские власти демонстрируют серьезное отношение к Стратегии АД. Эту проблематику продвигает ряд фондов и гражданских инициатив. Есть энтузиасты и в сфере бизнеса, и в академии. Большую роль в продвижении идеологии и политики АД играют семейный фонд Тимченко, Фонд «Старость в Радость» и др. Усилиями многих акторов с 2015 г. проводятся ежегодные общероссийские конференции, на которые приезжают эксперты и общественники. В 2016 году принята государственная Стратегия действий в интересах пожилых граждан до 2025 года. Одним из ключевых приоритетов стало поддержание здоровья, начались активные вложения в гериатрическую подготовку, патронаж. Гериатрическое сообщество начало поворачиваться к пожилому – хрупкому – пациенту. Система здравоохранения переходит (вовсяком случае, по ее декларациям) к системе долгосрочного ухода, есть и региональные позитивные сдвиги, и примеры. Мы видим развитие волонтерских инициатив для людей третьего и четвертого возраста.

Однако усилия по продвижению идеологии и практик АД наталкиваются на массу барьеров: нехватку финансовой поддержки, несогласованность действий ведомств и институций, смену приоритетов бюджетирования. Есть и другие структурные барьеры: устойчивость эйджизма и семейно-центричного режима заботы о стариках. В нашем обществе устойчиво считается, что основная ответственность за повседневное благополучие старшего поколения лежит на семьях, что стареть нужно в семье и рассчитывать преимущественно на семейный уход и заботу в случае немощи. Эту модель очень многие ценят, но она не соответствует действительности и потребностям. Эта семейно-центричная модель заботы о пожилых не только усиливает нагрузку на семью, которая не справляется с ожиданиями, но и тормозит развитие достойного институционального ухода и заботы для людей пожилого возраста. Это – тупиковый путь развития и жестокое отношение к семье.

АННА ТЕМКИНА

*Профессор Европейского университетов Санкт-Петербурге,
кандидат социологических наук, PhD social science,
руководитель программы «Социология здоровья и гендер»
(со-директор программы гендерных исследований)*

11 ноября 2021 года

ЧТО ТАКОЕ ГЕНДЕР?

В данной лекции речь пойдет о тех понятиях, которые использует гендерная теория для прояснения того, что такое гендер и как его можно исследовать. Мы рассмотрим, что такое роли, конструирование гендера, гендерный порядок (разделение труда, власть), гендерное гражданство, гендерный контракт. После этого мы проанализируем гендерный порядок в России.

Гендер – это сквозное измерение социальной и культурной жизни, это культурный коррелят, т.е. социокультурные характеристики пола, подвижные и изменчивые, им соответствуют определенные роли. В представлении многих гендерная роль мужчины это в первую очередь – «добытчик», а женщины – «хранительница семейного очага». Но в последнее время общество начало задумываться о различных гендерных ролях и их (не)справедливости. Они более не выглядят как природные и вечные. На формирование гендерных ролей оказывает влияние социализация и стереотипы, которые, также как и роли, могут изменяться. На гендер влияет и правовая политика, и законодательство, и социальная политика. Например, в мире уже много лет идет дискуссия о том, нужно ли применять квоты для тех, кто находится в ущемленном положении из-за своей гендерной принадлежности, – если

их применяют, то ущемленные группы получают дополнительные возможности и ресурсы.

Еще одним механизмом достижения равенства является наличие рамочного закона о гендерном равенстве. В нашей стране закон о гендерном равенстве был отклонен трижды, противники мотивировали это тем, что в Конституции Российской Федерации (Ст. 19) уже закреплено равенство. Однако этот закон очень важен, при его наличии гендер осознается как предмет дискуссии, общественного договора, как то, на что влияет государственная политика, экономика, образование и религиозные институты. Государственная политика может предоставлять больше прав, быть более чувствительной к тому, как и в чем ущемлены люди по признаку гендера – и это можно изменять.

Признается, что гендер конструируется, и на этот процесс можно влиять, однако это не значит, что человек может приписывать себе любой гендер. На гендер влияет такое огромное количество культурных стереотипов и социальных ограничений, и санкции общества за правильное и неправильное исполнение гендерной роли настолько велики, что ни о какой добровольности речи не идет. В каждом обществе существуют доминирующие гендерные нормы, которые также могут быть обозначены как гендерный контракт. Контракты создают определенные социальные предписания, как себя правильно вести с точки зрения гендерных норм и ролей. Но при этом и маргинальные (не доминирующие) практики, или альтернативные практики, во-первых, могут быть источником изменений, а во-вторых, они показывают то, что ни один гендерный порядок в обществе не является жестким, диктующим одинаковые нормы абсолютно для всех. Люди, в зависимости от своих жизненных условий, ресурсов, собственных стереотипов и представлений о гендере, могут в некоторой степени трансформировать нормы и по-разному применять их, соответственно может изменяться и гендерный порядок.

Гендерный порядок – это гендерное устройство на уровне общества – он может анализироваться на разных уровнях – на уровне личности, институтов, общества. Между этими уровнями могут существовать противоречия. Совсем необязательно, что традиционалистскую идеологию государства разделяют все без исключения, что одинаковые нормы действуют во всех социальных институтах – они могут различаться очень сильно. Но есть определенные предписания и правила, которые разделяют многие и которые поддерживаются государственной политикой.

Когда мы говорим о гендерном порядке как комплексном явлении, важно понимать *гендерное разделение труда* между приватной и публичной сферами и внутри каждой из этих сфер. Это разделение часто имеет характер сегрегации, но так происходит не всегда. Существует мнение, что женщина не может занять более высокую должность, чем мужчина. Однако есть условия (или социальные институты), где такая норма постоянно нарушается – например, в некоторых отраслях здравоохранения или образования.

Важным в гендерном порядке является измерение власти, которое связано с неравным распределением ресурсов: от материальных и символических до ресурсов управления обществом. Власть присутствует во всех гендерных отношениях, и она может быть распределена по-разному.

Еще одно измерение гендерного порядка – это социальное регулирование сексуальности и эмоциональной сферы. Даже при формальном равноправии могут существовать нормы разной сексуальной активности для мужчин и женщин, при которых сохраняются двойные гендерные стандарты.

В гендерном устройстве любого общества важны права, которые предоставляются людям по признаку пола (гендера). Они описываются в категории *«гендерного гражданства»*. Гендерное гражданство – это права и обязанности индивида по отношению к государству

и наоборот. Это и принадлежность к моральному сообществу. На гендерное гражданство может влиять сексуальность человека, в таком случае исследователи говорят о сексуальном гражданстве, которое ограничено для ЛГБТ-сообществ, которые часто исключают из морального сообщества.

В России формируется гендерная повестка, которая связана с гендерным гражданством (с правами) и в которую входят дискуссии о правах ЛГБТ, харассменте, домашнем насилии, феминитивах, о правах различных людей. Обсуждается запрет на профессии для женщин, сексуализация женского (и мужского) тела в рекламе, политика аборт.

Гендерная теория, в свою очередь, становится все более чувствительной не только к гендерному, но и к другим видам неравенств, таким как возраст, социальный статус, раса, сексуальная ориентация, религия. Это направление в гендерной теории получило название *интерсекционального* подхода.

Гендерный контракт – еще одно важное понятие, которое обозначает совокупность гендерных ролей и практик, задаваемых экономическими структурами, государственной политикой, нормами и идеологией. Это обозначение правила взаимодействия, прав и обязанностей и разделения труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства. Иными словами, это означает то, что в любом обществе кто-то должен заботиться о детях и поддержании быта. В традиционном патриархальном обществе это делает женщина. В современных обществах забота распределена между разными социальными институтами, между мужчинами, женщинами и государством, гендерные контракты очень многообразны. В Скандинавии, например, существует политика государственного феминизма. В государстве есть аппарат, который занимается гендерным равенством. Поддерживают как мать, так и отца, забота о детях во многом осуществляется за счет развитой системы доступных детских садов. В США, наоборот, государство не вмешивается в дела семьи, но запрещает всякую дискриминацию по принципу заботы о детях (нельзя даже скрыто дискриминировать женщину, у которой есть дети – ибо это дело семьи, как организована забота, а не нанимателя или государства). В России существовал специфический гендерный контракт, который называют контрактом работающей матери, – женщина несла основную ответственность за заботу, и государство ее поддерживало в этой роли, для того чтобы она могла осуществлять баланс ролей. Этот контракт и его изменения далее мы рассмотрим подробнее.

Итак, следующий вопрос – как изменялись гендерные порядки/или контракты в советское и постсоветское время? Исследователи выделяют несколько периодов, в которые проводилась разная гендерная политика, мужчины и женщины наделялись разными правами, от них ожидалось выполнение разных ролей.

Период 1918–1930 гг. – это период дефамелизации и политической мобилизации женщин, освобождения женщины от традиционной семьи, в этот период легализованы аборты, распространялись идеи сексуальной свободы женщины. Данная гендерная политика была весьма прогрессивной, но она не сработала, идеи «сексуальной революции» не были популярны у населения в целом.

Период 1936–1955 гг. Это период отката от прогрессивной гендерной политики, его главный признак – криминализация абортов – т.е. лишение женщины права самой принимать решение о деторождении. Происходит экономическая мобилизация женщин, стабилизируется гендерный контракт «работающая мать», женщина должна работать на государство и рожать детей – советских граждан.

Период с 1955 г. – это период некоторого смягчения гендерной политики, абортс опять разрешаются, частично восстанавливается в своих правах частная сфера и интимная жизнь.

И наконец, период постсоветских трансформаций, начиная с 1990-х годов, в которых одновременно происходят разнонаправленные процессы: усиливается неотредационализм, происходит консервативный поворот, но также растет интерес к феминизму, гендерные роли и контракты становятся более многообразными.

В современном гендерном порядке существуют своего рода «слои» (консервативные и либеральные) – сосуществуют разные гендерные нормы, практики, материальные и символические ресурсы. Гендерные нормы различаются в зависимости от возраста, поколения, этнической группы, религиозного сообщества. С одной стороны, стремительно усиливают свое влияние консервативные взгляды, в том числе на гендер, среди консервативных обществ. Россия – лидер.

С другой стороны, растет интерес к феминизму, усиливается эгалитарность в семьях, возникают новые представления о достоинстве, автономии, границах тела.

Противоречивые тренды сосуществуют в разных сферах. Так, гендерное разделение труда в одних ситуациях становится более равномерным (эгалитарным), в других – растет гендерный традиционализм. Женщина может работать, но основным добытчиком все равно считается мужчина. Существует вынужденная независимость женщин, например, у матери-одиночки нет другого выхода, кроме как самой стать добытчиком. Однако есть и добровольный выбор ориентации на карьеру или бездетность. Практики во многом зависят от социальной позиции и, соответственно, доступных ресурсов. Иными словами, наблюдается многообразие гендерных позиций, идентичностей, неравенств на пересечении классовых, религиозных, возрастных и сексуальных характеристик индивидов.

Чтобы описать это многообразие более систематично, условно выделим несколько трендов в современном гендерном порядке России и рассмотрим каждый из них кратко. Среди них – неолиберальной, консервативный, постсоветский и феминистский.

Либеральный гендерный тренд связан с идентичностью и практиками женщин как потребительниц на рынке, для которых характерна свобода выбора, индивидуализация и коммерциализация практик, построение «жизненных проектов», в т. ч. сознательного материнства (родительства). Материнство становится сознательным индивидуальным выбором (или выбором партнеров), женщина стремится осуществлять контроль над репродукцией, материнство и женственность выступают ресурсом индивидуализации. Гендерные контракты становятся переговорными и более эгалитарными в распределении ролей.

Консервативный гендерный тренд заключается в акцентировании традиционных гендерных ценностей, противостоянии многообразию ролей и сексуальности, многообразию семейных форм и идентичностей. Важную роль играет религия и религиозные ценности. Материнство, семья, дети становятся моральной ответственностью женщины, а сексуальность – предметом морального контроля. Предполагается, что в обществе должна существовать только одна форма гетеросексуальной монограммной детной семьи с традиционным разделением ролей, право на аборт должно ограничиваться, гомосексуальность – пресекаться или санкционироваться. Во главу угла ставится защита семейных ценностей, невинность ребенка, отказ от сексуального просвещения. Оправдание такой идеологии строится через внешние угрозы, которые исходят со стороны Запада.

Особое место отводится критике «гендера». Утверждается, что «гендер», как концепт, и «гендерная теория» привносят чуждые ценности, угрожают безопасности и стабильности страны. Появляется фигура врага в лице ЛГБТ, политкорректности, толерантности, репродуктивных прав и гендерного равенства.

Третий тренд – это воспроизводство советского гендерного наследия, в первую очередь в социальных институтах: например, в здравоохранении, в родильных домах во многом сохраняется бюрократический патернализм, женщины (требования которых как потребительниц существенно возросли) остаются «объектами» бюрократической медицинской регуляции, осуществляемой от лица государства. Государство проводит патерналистскую политику в отношении материнства в целом, поддерживая женщин как матерей (например, программа материнского капитала), поскольку материнство интерпретируется как гражданский долг, связанный с реализацией государственной демографической программы и демографической безопасности страны.

И, наконец, еще один тренд связан с распространением и ростом популярности феминистской идеологии. За последние годы изменился в сторону более положительного имидж феминизма в СМИ, в том числе в связи с обсуждением проблемы насилия (особенно домашнего), сексуальных домогательств, дискриминации. Возникли многочисленные низовые сети и феминистские инициативы, чему способствовало использование дигитальных возможностей. Женщины получают больше доступа в разные профессии (законодательство смягчилось). «Новая» маскулинность все более включает заботу, отношения становятся более эгалитарными. Материнство – это выбор, также возможен отказ от него; семьи, партнерства и сексуальности многообразны. Феминистская повестка становится все более чувствительной к неравенству и несправедливости.

Таким образом, разные ценности, нормы и роли сосуществуют, иногда пересекаются, но особенно важно то, что в определенных контекстах могут быть задействованы и усилены определенные ценности – например, консервативные или феминистские.

АЛЕНА ПОПОВА

Юристка, соавторка законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия, соосновательница сети взаимопомощи женщин ТыНеОдна, кандидатка от партии «Яблоко» в Госдуму в 2022 г.

18 мая 2021 года

ФЕМИНИЗМ В РОССИИ: БОРЬБА СИСТЕМЫ ПРОТИВ РАВНОПРАВИА, ПОЧЕМУ ВЛАСТЬ БОИТСЯ ЖЕНЩИН?¹⁸

Как понимается термин «феминизм»? Куда сдвинулось общество за последние 8 лет? Что делает государство в отношении защиты прав женщин?

Общество за этот период, в отличие от государства, сильно продвинулось. В обществе усилилась нетерпимость к насилию, которая в государстве осталась неизменной. Пример – заявление Путина, который сказал, что мы будем выбивать зубы тем, кто покушается на целостность России. Сам вокабуляр много говорит об отношении нашей власти к теме насилия. Для власти это – скрепа, поддерживается матчи́зм, «альфа-самизм». Насилие считается нормальным проявлением имперского величия. Поэтому я надеюсь на наше общество. Есть данные, которые говорят, что общество не приемлет виктимблейминг, насилие ни в каком виде. А государство увидело, что в проблематике, связанной с гендерным насилием и вообще – с правами женщин, кроется огромная проблема.

¹⁸ Текст не авторизован лекторкой.

Была принята Стратегия в интересах женщин (мы говорили об этом с Гендерной фракцией: в документе нет проблематики собственно гендерного равенства) с обтекаемыми формулировками, ее подписал Медведев. Там нет ничего о законе о домашнем насилии, домогательствах. Но много сказано о репродуктивном здоровье, раке груди.

Потом эта гендерная повестка пришла в Совет Федерации, где есть Валентина Матвиенко, председательница Совета Федерации, и сенатор – Галина Карелова, которая отвечает за женскую повестку, и там начало что-то происходить. Но все, что там происходило, играло против защиты прав женщин, особенно – в связи со сферой семейного насилия. Напомню, что в конце 2019 года началась широкая дискуссия вокруг нашего законопроекта, который называется «Профилактика семейно-бытового насилия». Рабочая группа СФ существенно кастрировала этот проект и вынесла его на обсуждение общественности.

Фундаменталистская общественность, которая считает, что борьба с насилием в отношении женщин – западное влияние, результат работы иностранных агентов, возмутилась. Но наше идеологическое направление возмутилось тоже. Мы поняли, что в том виде, который представила этот законопроект группа Кареловой, он работать не будет. Более того, это повредит борьбе за права женщин против насилия.

Наше государство симулирует борьбу за права женщин. Президент сказал, что мы наших женщин очень любим, потому что они – красивые. Так же к женщинам относятся и силовики. При этом обращения на горячую линию чаще всего поступают из семей силовиков. Женщины не могут пойти против системы, потому что они остаются без ресурсов.

Как эти проблемы связаны с феминизмом?

В феминистской повестке есть много разных направлений.

Но наше государство не терпит феминизма, заводя уголовные дела, например, на феминисток-художниц.

Есть несколько важных факторов:

– созрело поколение 14+ – 16+, которые могут бороться за свое личное пространство; среди них много не только профеминисток, но и профеминистов, которые увлекаются корейской музыкой, где размыты границы гендера, или считают, что гендерное равноправие – фундаментальный принцип жизни;

– созрело поколение 35+, женщины, молчавшие много лет, начали говорить о насилии в семье, на работе, это стало темой СМИ, как случай Маргариты Грачевой, которую муж вывез в лес, издевался, отрезал руки. Она сама много сделала для защиты прав женщин и защиты от домашнего насилия. Она говорила, что если вы озвучиваете то, что с вами случилось, вы становитесь сильными. Она говорила это на федеральных каналах, и это – очень важно. Это поколение созрело в 90-х, привыкло бороться за себя. Возникают сети взаимопомощи. Это же поколение сейчас работает на прогосударственные структуры. Многие активистки, которые помогали нам с жертвами домашнего насилия, являются прогосударственными активистками.

У нас – женская страна, по статистике – 66 млн. мужчин, 77 млн. женщин. Россия – страна разведенных работающих мам, первая среди стран ООН в течение ряда лет по числу разводов. В мае прошлого года число разводов превысило количество браков. Долгов по алиментам – более 150 млрд. Алиментного фонда нет, все разговоры заканчиваются ничем. В государственных структурах в основном – мужчины, в Думе – всего 16% женщин.

При большинстве в структуре населения женщин, они решений в политике не принимают. При этом число женщин с высшим образованием выросло за последние годы, сейчас

их – 16 млн (а мужчин – 12 млн). По данным опросов, число женщин, готовых голосовать за женщину-президента, выросло за последние 5 лет, сейчас это уже больше 40%. Но они не очень уверены, что женщина будет в этом компетентна. Поэтому базовое представление – женщина может выполнять только вспомогательные функции, и нормативные акты связаны с репродуктивными способностями женщины, но не связаны с ее политическим представительством.

При этом государственная пропаганда с конца 2018 года внушает, что феминизм – обтекаемое понятие, что для феминисток важно собраться вместе и покричать, дискриминировать мужчин. А вопрос о домашнем насилии – кошмар и ужас. В городах – миллионниках эта тенденция только усиливает объединение феминисток, особенно – юных. В случае противодействия люди всегда объединяются. А вот в провинции, где состав населения соответствует средним показателям статистики по стране (а у нас более 21 миллиона нищих, среди них 67% – женщины с детьми), поддержка феминизма снижается.

В прошлый раз я баллотировалась в Новосибирске, где выросла. В городе мы рассчитывали на поддержку фемпозитивки. Там с 2011 года много активностей, посвященных защите прав женщин. Но сейчас их почти не осталось. Люди разуверились в том, что эта повестка может дать какие-то результаты. Они даже стали соглашаться с тезисом, что пусть лучше женщины сидят дома. Варят борщ и рожают детей, будут музой для мужчины. Они получают все необходимые льготы, и нечего женщину нагружать работой. Я цитирую мнения людей, которые участвуют в опросах.

Но я – оптимистка и верю, что эта новая феминистская волна существует. Известные женщины начали называть себя феминистками. Елена Проклова рассказала о домогательствах к ней. Это озвучивается, обсуждается и вызывает острую реакцию, как оголенный нерв. Находится большое количество сторонников и противников, но эта повестка существует. Часто реакция бывает очень агрессивной. Депутат Госдумы Анатолий Вассерман сказал, что актрисы подкладывались под Вайнштейна, чтобы получить роль, а потом он стал им не нужен. Журналистки, которые обвиняли «бедного» депутата Госдумы Леонида Слуцкого в домогательствах, сами виноваты. Здесь государство, не желая того и используя жесткое давление, прибавляет феминизму большую долю молодежи. Если бы у нас была узкая повестка, например, только семейное насилие, не столько бы молодежи участвовало, что касается не только девушек, но и юношей – профеминистов, которые считают, что борьба за женские права очень важна.

Низкий поклон тем, кто продвигал эту повестку, начиная с 90-х годов. Но мы надеемся, что те, кому сейчас 16, в 18 начнут продвигать эту повестку сами, избираясь куда-то или объединяя людей. У поколения 14+ повестка связана с неприкосновенностью личного пространства, бодипозитивом, кибербуллингом, секстингом (пересылка интимных фотографий с целью вымогательства денег, что часто приводит к подростковым суицидам).

Но никто не ставил своей целью собрать разные поколения, это – большая работа.

Государство «передавило», пренебрегая женскими правами и допуская шутки: «дуры, сами виноваты», о том, как женщины одеваются и т.п. Даже ультрафундаменталисты, противники нашего закона о предотвращении домашнего насилия, начали отходить от этой риторики. Например, женщины – фундаменталистки не согласны с законом о домашнем насилии, но они за Алиментный фонд. Это же касается проблемы, связанной с беременностями у девочек 13+, выкидышами – то, что нужно профилактировать. Это – вопрос полового просвещения в школе. Верующие признают, что у женщин много проблем, и им нужно помогать. Видимо, они не по собственному усмотрению это делают. Так и в Думе: депутаты, которые раньше выступали против закона о насилии, вдруг стали его поддерживать, видимо, к ним обратились их дочери с вопросами. Это было очень заметно. Повлияла и

наша акция «Я не хотела умирать», после этого в повестку включилась молодежь. Большие города могут задавать тон этой повестки и влиять на провинцию, из которой люди могут приезжать учиться в столицу. Это хорошо видно по Екатеринбург, Самаре, Саратову, Калининграду. Активистки, отучившиеся по специальностям социологии и политологии, возвращаются и создают свои кружки.

Поэтому будущая фемповестка – молодежная, и она отличается от нашей. Если для нас важно создание Алиментного фонда, справедливое распределение семейных обязанностей, то для них – защита от домогательств, насилия. По нашей сети и другим сетям видно, что увеличивается роль экспертов, люди стремятся получить юридическое, социальное, политологическое образование. 6–8 лет назад такого не было.

Еще одна категория, о которой мало говорят, – женщины 50+. Понятно, за что бороться, есть большой опыт. Это в основном женщины, которые переживают своих партнеров, выключены из общественной жизни, заняты решением проблем выживания. Это вопрос размера пенсионного коэффициента и трудовых прав (они хотят продолжать работать), которые исчезают после 55 лет. И это тоже – фемповестка. Ответы в опросах этой группы: к феминизму отношусь отрицательно, но защиту прав женщин поддерживаю. Конкретно: право на равную оплату за равный труд, право работать после 55, быть уважаемой, желание участвовать в политике на муниципальном уровне.

В целом – давление государства вызвало желание повлиять на то, как есть сейчас; люди не живут, а выживают; женщины чувствуют, что выбираться из этого они должны сами и помогать другим женщинам. Во всех возрастных группах они понимают, что обделены финансовыми ресурсами и находятся в уязвимом положении.

Но распространено негативное отношение к феминизму во многих странах, потому что не хотят идти против течения: я мужчин уважаю, не хочу «их вешать на столбах». Поэтому наша задача – просвещение, объяснение, что феминизм такого не предполагает. Термин «феминизм» не должен вызывать негативной реакции, например, в бизнесе, который очень зависит от соблюдения принципов гендерного равенства. Это показывают все исследования: как ведется бизнес, как распределяются доходы и т.д., зависит от гендерного баланса в руководстве.

Государственная пропаганда, когда речь идет о женщинах, всегда использует понятия: «заботиться», «уважать», «беречь». И пассионарный политик, который использует такую терминологию, будет получать большое число голосов от женщин, хотя они все понимают. Для продвижения женщин-политиков очень важен положительный результат: продвижение закона, общественная кампания. Сейчас, на этих выборах, у нас не было возможности развернуть широкую общественную дискуссию.

На встречах видно, насколько велика разница в восприятии этой темы у разных поколений, нет общей повестки. Это задача, которую нужно решить.

Молодое поколение озабочено секстингом: пересылкой интимных фотографий и шантажом, который с этим связан. Вымогают деньги, чтобы твои интимные фотографии из сетей не попали третьим лицам. Киберпреступления в целом в прошлом году выросли на 228%. В том числе это связано и с домашним насилием: супруг может это использовать, чтобы другая сторона смирилась. Кибербуллинг часто приводит к подростковым суицидам. Кстати, поколение 14+ считает, что они могут выглядеть как угодно – и гендерно, и визуально. Это – их личная граница, становление которой происходит, и их это очень волнует. Что касается кибербуллинга в целом, непонятно, что с этим делать: раскрутить гайки – будет вакханалия, закрутить – цензура.

О законе о домашнем насилии, который мы продвигаем. Сейчас есть заявление Валентины Матвиенко, что он будет рассмотрен в следующем созыве. Павел Крашенинников, председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, тоже сказал, что закон будет принят. Но чем более будет консервативной новая Дума, тем меньше шансов на принятие закона. Есть риск, что из него уберут очень важные положения. В прошлом составе Думы закон поддерживали, кроме Оксаны Пушкиной, Ольга Севостьянова и еще ряд депутатов, но – «кусочно», сегодня – да, завтра – нет. Весь проект тянула на себе Пушкина. У нее очень большие заслуги, несмотря на принадлежность к ЕР, она всегда выступала за этот законопроект.

Если в следующем созыве не будет Пушкиной и Севостьяновой, будет очень тяжело. Прийти к консервативным депутатам и договориться с ними мы не сможем. Мы рассылали письма разным депутатам, есть образец письма, который мы предлагали отправлять всем депутатам Госдумы. Только Николаю Валугину ушло 5 тысяч писем.

Важно, чтобы граждане писали депутатам, не только мужчинам, но и женщинам, чтобы этот закон был принят.

Очень большие проблемы на Кавказе: женское обрезание, похищение невест, убийства чести, оставление детей папам после развода и т.д. Я – персона нон грата в Дагестане после истории с Ниной Церетилловой, которая участвовала в передаче на «Дожде», сняв хиджаб. Только сейчас она встретилась с детьми, выиграв все суды. Это – важная тема, которой надо заниматься. И прекрасно представляю, кто и как начинает закрывать женщин от мира, и почему сами женщины закрываются, не чувствуют себя в безопасности.

ЮЛИЯ ОСТРОВСКАЯ

Заместительница директора Центра социально-трудовых прав

27 января 2021 года

ДОМОГАТЕЛЬСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ¹⁹

Этот феномен называется харассментом. В русском языке нет его аналога. Во французском языке *harassé* – натравить собаку на дичь. Харассмент – это причинение беспокойства, приставание, преследование, домогательство – общий термин, который объединяет действия и поступки, которые затрагивают личное пространство или нарушают неприкосновенность частной жизни, унижают человека, приводят к пониманию неблагоприятной ситуации для него, вызывают чувство стыда или страха за свою жизнь. Сексуальные домогательства – одна из разновидностей харассмента. Ключевое значение – все эти проявления являются нежелательными. Это не только действие, но и оскорбительные замечания, непристойные предложения, психологическое преследование. Его последствия: мешает работе, делает жизнь некомфортной, создает враждебную среду, представляет собой прямую опасность не только для тех, кого преследует, но для организаций, в которых существуют такие практики.

Харассмент рассматривается как одна из форм дискриминации. Дискриминация в современном мире, по утверждению ООН, – одно из самых распространенных нарушений прав человека. Одновременно это те нарушения, с которыми особенно сложно работать

¹⁹ Текст не авторизован лекторкой.

и их искоренять. Харассмент и сексуальные домогательства – те нарушения, к которым в разных странах относятся терпимо. На международном уровне в их отношении отсутствовала норма, устанавливающая базовый уровень регулирования (минимальный стандарт).

В 2019 году произошло международно значимое событие: была принята Конвенция № 190 Международной организации труда «Об искоренении домогательства и насилия в сфере труда», дополненная рекомендацией № 206. Название было переведено так, потому что термин «харассмент» мы не используем. Рекомендация дает подробное описание, как нужно на уровне государства и организаций выстраивать практики, которые препятствовали бы проявлению харассмента.

В этой Конвенции содержится несколько ключевых элементов. Термин **«насилие и харассмент»** означает ряд неприемлемых форм поведения и практики или угрозу их, как единичных, так и повторных, **целью, результатом или возможным следствием** которых является причинение сексуального, психологического или экономического вреда, включая гендерное насилие и домогательства, здесь есть разделение прямой и косвенной дискриминации; термин «гендерное насилие и домогательство» означает насилие и домогательство лиц по причине их половой или гендерной принадлежности, которые несоразмерно воздействуют на лиц конкретного пола или конкретной гендерной принадлежности и включают сексуальные домогательства.

Это широкое определение и прагматичный подход, часто встречающийся в международном праве. В разных странах существуют разные правовые системы, и это – довольно удобный подход.

Мы можем говорить о **харассменте**, когда:

- имеет место нежелательное поведение;
- действия направлены на унижение достоинства лица или имеют такое действие, даже если не было такой цели, потому что у людей могут быть разные представления о приемлемом поведении;
- действия создают неприятную, унижительную, агрессивную или враждебную обстановку.

В случаях сексуального домогательства действие носит «сексуальный» характер.

И мужчины, и женщины могут быть участниками подобных практик. В качестве субъекта может выступать руководитель жертвы, сотрудник или клиент в сфере профессиональных услуг. Чаще всего от таких практик страдают именно женщины. Это вертикальные и горизонтальные – между коллегами – отношения. Или с участием третьих лиц, что актуально, например, для медицины, где врачи взаимодействуют с большим количеством людей, которые не являются для них коллегами.

Харассмент и домогательства могут принимать разные формы. Это:

Неприятные и нежелательные действия и предложения вне зависимости от того, сопровождаются ли они подразумеваемым или открытым обещанием выгод или негативных последствий по работе.

Вербальные – неприятные или нежелательные разговоры, словесные оскорбления и шутки сексуального характера; высказывания о сексуальной ориентации, фигуре или внешнем виде (когда такие высказывания выходят за рамки обычной вежливости); «сальные» анекдоты; угрозы, предложения, просьбы, требования сексуального характера (свидания, физических контактов, проявлений внимания и пр.).

Невербальные – неприличные звуки, свист, непристойные жесты, демонстрация изображений сексуального характера.

Физические – пощипывания, поглаживания, похлопывания по любой части тела, объятия и поцелуи, ласки и любые другие физические контакты, совершаемые без желания другого лица.

Как определить разницу между обычными дружескими отношениями и харассментом и домогательством? Когда:

- Жертва ощущает неуместность подобного отношения и чувствует его агрессивную подоплеку.
- Агрессор пренебрегает чувствами жертвы.
- Это – особенно повторяющееся поведение, которое может создавать атмосферу незащищенности.
- Зависимое положение (формальная и неформальная зависимость), например, в сфере образования, когда нет непосредственной зависимости, но есть возможность влияния на положение другого человека.

Даже не пол играет ключевую роль, а распределение власти. Зависимое положение требует большего внимания, чем горизонтальное. Какие-то просьбы и предложения могут восприниматься зависимыми людьми иначе, им может быть сложнее отказаться или сказать, что им это неприятно. Это не включает поведение, основанное на согласии.

Конвенция вступает в силу в июне 2021 года, это – важное событие, с момента ее принятия прошло два года. Предполагалось, что за это время она будет представлена национальным парламентам. Парламенты должны были принять решение, хотят ли они ее ратифицировать. Две первых страны, ратифицировавших Конвенцию, – Фиджи и Уругвай. Далее ее активно ратифицировали не европейские и не западные страны, в первую очередь – Латинской Америки. На постсоветском пространстве ее не ратифицировала еще ни одна страна. В России мы тоже пока не видим такой работы, нет ни общественного обсуждения, ни официальной информации. Конвенция открыта и далее для ратификации. Мы можем на нее ориентироваться как на высокий международный стандарт, который прямо посвящен этой проблеме. Конечно, есть Европейская Конвенция и Конвенция МОТ об общем запрете дискриминации, есть Конвенция ООН о запрете всех форм дискриминации в отношении женщин. Эти документы тоже защищают от практик харассмента.

В случае ратификации страны обязаны имплементировать положения этой конвенции, приводить законодательство в соответствие с ее положениями. Также открывается система регулярной отчетности. Страны обязаны предоставлять информацию в МОТ, как реализуются положения этой конвенции, какие существуют проблемы и препятствия для того, чтобы это было эффективно.

МОТ хороша тем, что даже не ратифицировавшие конвенцию страны обязаны отчитываться, хотя и реже, о том, что препятствует ратификации.

Предполагается, что в случае ратификации государство должно:

- ввести запрет на насилие и домогательство;
- проводить соответствующую политику, противодействующую насилию и домогательствам;
- принять комплексную стратегию в целях осуществления мер, препятствующих насилию и домогательствам;

- создать и упрочить механизм правоприменения и мониторинга;
- предоставить жертвам доступ к правовой защите и поддержке;
- наказывать виновных лиц;
- разработать инструментальные средства и руководства, а также проводить обучение и профессиональную подготовку и информационно-разъяснительные мероприятия в доступных форматах сообразно обстоятельствам;
- обеспечить действенные средства информационных проверок и разбирательств случаев насилия и домогательств, в том числе – с участием инспекции труда и других компетентных органов.

Пока Конвенция не ратифицирована и российское законодательство не содержит термина «харассмент» или его аналога, у нас существуют довольно общие нормы, которые касаются запрета дискриминации. В Ст. 19 Конституции записано, что:

Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Ст. 21 Конституции гласит:

Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

В Ст. 3 Трудового кодекса РФ – «Запрещение дискриминации в сфере труда» – существует ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях (Ст. 5.62 КоАП РФ): Дискриминация влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

Есть регулирование и в Уголовном кодексе. Ст. 136 УК РФ «Нарушение прав человека и гражданина»: Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Все эти нормы не создают эффективную систему защиты от харассмента и домогательств. Ровно так же, как в России не существует эффективной защиты от дискриминации.

Есть еще несколько статей в УК о понуждении к действиям сексуального характера.

Ст. 133 УК: Понуждение к действиям сексуального характера:

1. Понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей) – наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

2. То же деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), – наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Но эти нормы не касаются всех упомянутых действий. Вряд ли можно себе представить, что если вас похлопали по какой-то части тела или что-то сказали, вы стали бы обращаться к такой сложной процедуре.

Кроме того, мы знаем, что произошли изменения в Ст. 128.1 УК о клевете:

Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности либо тяжкого или особо тяжкого преступления, – наказывается штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Это было возможно и раньше, когда жертва подобных практик об этом заявляла. И также – возможность свободно обсуждать этот опыт и свободно высказываться.

Когда нет механизмов государственной защиты, особая роль возникает у работодателя и шире – у всех лиц, наделенных полномочиями принимать властные решения. Это может касаться, например, общественных организаций, когда у вас нет наемных работников. Вы можете создать в своей организации атмосферу, безопасную для всех. Это практики пока только развиваются, мы – в начале пути. Не все организации имеют оформленные правила в отношении дискриминации или харассмента. Благодаря широкому обсуждению в СМИ этой тематики и работодатели, и работники стали больше обращать внимания на эту тематику.

Мы можем применять положения Конвенции на локальном уровне, вне зависимости от ее ратификации. Об ответственности и особой роли работодателя там сказано так:

Работодатель должен принимать все необходимые меры, чтобы:

- не допустить в своих организациях харассмента, насилия и домогательств;
- пресекать их;
- наказывать за них.

В случае насилия/харассмента работники могут обратиться к работодателю. В этом случае он незамедлительно должен провести расследование вместе с представителями работников и принять необходимые меры. В России нет обязательств работодателя или организации это делать, это – добрая воля лиц, которые принимают решение. Высокотехнологичные компании говорят о важности разнообразия, о том, чтобы получать доступ к талантам. Другие работодатели этим не интересуются и даже не реагируют на жалобы.

В странах с хорошо развитым антидискриминационным законодательством это является обязанностью.

Практика, которую обобщала МОТ до принятия Конвенции и – после, и во время пандемии, когда эти проблемы обострились, позволяет нам сделать вывод, что является эффективным на локальном уровне.

Один из аспектов касается сферы охвата этой конвенции, это – сфера ответственности организаций на локальном уровне. Сфера охвата трактуется Конвенцией очень широко.

Конвенция защищает работников и других лиц в сфере труда, безотносительно их договорного статуса, лиц, проходящих профессиональную подготовку, стажеров и учеников, волонтеров, соискателей, лиц, выполняющих обязанности и несущих функции работодателя. Последнее описано в социологической литературе как парадокс, когда женщина, выполняющая функции руководителя, все равно подвергается харассменту со стороны подчиненных мужчин.

Конвенция применима ко всем секторам, государственным и частным, как в формальной, так и в неформальной экономике.

Охватываются все ситуации, связанные с работой:

- на месте работы;
- в местах, где работники принимают пищу, отдыхают, в раздевалках, санитарно-бытовых помещениях;
- во время служебных командировок;
- во время профессиональной подготовки;
- во время мероприятий или социальной деятельности;
- в ходе коммуникаций, связанных с социальной деятельностью, включая те, которые обеспечиваются информационно-коммуникационными технологиями;
- в жилых помещениях, предоставляемых работодателем;
- во время дороги на работу и с работы.

МОТ говорит, что участились случаи киберпреследований, запугиваний и преследований с помощью сети интернет или мессенджеров.

Источниками таких практик могут быть и работники, и работодатели, а также – третьи стороны, включая клиентов, потребителей, пользователей, представителей услуг, пациентов, учеников и студентов, если это – сфера образования, общественности и т.д.

Мир труда является важной средой для борьбы с домогательствами. «Мир труда» состоит из всех его аспектов, включая:

- физическое рабочее место, в т.ч. – когда дом является рабочим местом;
- дорога туда и обратно;

- посещение учебных или общественных мероприятий, связанных с работой;
- технологии, связывающие участников мира труда;
- последствия домашнего насилия в мире труда (это предусматривает дополнительный отпуск или доступ к психологу, если есть корпоративный психолог, который разбирает трудовые конфликты).

Об этом мы можем все думать. Во-первых, это оценка рисков для работников или – волонтеров в общественной организации, насколько безопасной и дружественной является среда, существует ли специфика, связанная с условиями. Потом – провозглашение политики нулевой толерантности к насилию, дискриминации, харассменту, домогательствам. Это – проведение обучения для сотрудников, волонтеров и других лиц, насколько это доступно, для того чтобы знакомить их с этой политикой и проблемами. Наконец, разработка алгоритма реагирования на такие жалобы, для того чтобы их устранять и предотвращать появление таких практик.

Все организации очень разные, поэтому представление, что можно использовать один документ для всех – не очень хороший путь. Намного эффективнее, если мы исходим из потребностей и специфики конкретной организации с привлечением сотрудников к обсуждению таких практик, МОТ также рекомендует привлекать представителей профсоюзов и работников. А в небольших организациях все заинтересованные лица должны участвовать в этом процессе. Это могут быть и те, кого привлекают для обсуждения, – представители профильных НКО. Особенно это важно для транснациональных корпораций, которые часто калькируют западные политики, проводя онлайн-обучение с курсом, который просто переведен на разные языки. Но это не является эффективным, и люди не пользуются этими механизмами защиты, даже если в организации они разработаны.

В России перспектива ратификации Конвенции довольно туманна. Нам доступно применение локальных политик там, где это доступно. С другой стороны, диалог профсоюзов (они принимали участие в обсуждении и голосовании, как КТР, так и ФНПР) и бизнес-общества. Есть случай «Новой газеты», принявшей эту политику в редакции вместе с центром «Насилию нет». Не все работодатели хотят это делать публично, потому что существует представление: если есть такая политика, с этим были какие-то проблемы. Такие кодексы есть у транснациональных компаний, таких как Пепси-кола, иногда они их публикуют. Есть у всех больших и небольших международных организаций, это есть на их сайтах.

Что касается расследований, есть рекомендации, но нет одной универсальной процедуры, потому что существуют организации большие и – совсем небольшие. Там, где есть профсоюзы, они должны участвовать в таких расследованиях. Если нет профсоюзов, должны участвовать представители работников. Это может быть специальная должность или специальный комитет. Если есть один ответственный сотрудник, это должна быть женщина, если два – то женщина и мужчина. Но это могут быть и внешние люди – приглашенный психолог, который не находится в подчинении и может независимо действовать. Можно предусмотреть анонимную процедуру таких жалоб. Часто люди не заявляют, потому что знают, что на следующий день коллеги будут их обсуждать, это – травмирующий фактор. Работники должны понимать, к кому обратиться, и процедуру в целом. Пострадавшим, жертвам таких практик бывает сложно об этом говорить. Потому что общество часто обвиняет не виновника, а жертв. Клеймо жертвы может долго оставаться с человеком.

В вузах, например, этические кодексы не содержат упоминаний о харассменте или домогательствах. Есть проблема, о которой говорили профсоюзы: этот инструмент может быть использован против неудобных преподавателей. Международные профсоюзы говорят, что лучше, если это будет не работодатель, принимающий решения по своему усмотрению, а коллективный договор, содержание которого согласовывается обеими сторонами. Профсоюз является стороной, которая контролирует соблюдение этого договора. Почти во всех вузах есть профсоюзы, но этой темой они, как правило, не занимаются.

Если случай – за пределами организации, ситуация намного сложнее, потому что это не под контролем работодателей и организации. Мы должны сами принять решение, важно нам на это реагировать или нет. Кроме того, у нас нет возможности расследовать ситуации, которые происходят в личной жизни.

Но в целом в России мало возможностей и инструментов. Но кампания профсоюзов за принятие Конвенции идет во всем мире.

ДЕНИС ВОЛКОВ

Директор Левада-Центра (организация признана иностранным агентом в РФ)

21 мая 2020 года

ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ НЕ ПРИВИВАЮТСЯ ОТ КОРОНАВИРУСА

На минувшей неделе российские власти сделали несколько громких заявлений об успехах кампании вакцинации от коронавируса (правда, данные между собой не сошлись, и их пришлось уточнять). По официальным данным, хотя бы одну порцию вакцины получили больше 14 млн человек, из них около 10 млн – две, т. е. прошли полный курс вакцинации.

Казалось бы, предпосылки для успеха есть. Россия одной из первых разработала собственную вакцину от коронавируса. Пункты вакцинации открыты по всей стране. В крупных городах даже необязательно ходить в поликлинику: прививку можно сделать в торговых центрах. Привившимся обещают единовременные выплаты, подарочные карты, бонусные мили, бесплатные билеты в театр, угощают мороженым. Президент неоднократно повторял, что в стране есть все ресурсы для вакцинации, чтобы, по его расчетам, уже к осени в России сформировался коллективный иммунитет к заболеванию.

Но на деле россияне не торопятся прививаться, и социологические исследования показывают, что причины сопротивления вакцинации выходят за рамки медицинских.

Согласно статистике, на сегодня полностью привито всего 9,7% населения, и по этому показателю Россия сильно отстает от многих стран мира. С самого начала сделать прививку были готовы лишь около трети россиян, в других странах этот показатель был в два-три раза выше. Доля желающих вакцинироваться не менялась на протяжении почти года

и только в последние месяцы начала постепенно снижаться (добравшись до 26% в конце апреля), потому что часть желающих уже сделали прививки. А вот число противников вакцинации плавно нарастало с 54% в августе 2020 года до 62% в конце апреля 2021. По мере того как сокращается число новых заражений и отступает страх заразиться, все меньше людей готовы делать прививку.

Опросы четко показывают, что прививаться готовы, прежде всего те, кто опасается заразиться (чаще всего люди старших возрастов), кто верит в естественное происхождение вируса, у кого тяжело болели или умерли от коронавируса близкие, те, кто доверяет коронавирусной статистике и власти в целом. Во многом – это пересекающиеся группы. С одной стороны, это люди, которые демонстрируют более рациональные отношения к эпидемии: это болезнь, она опасна, поэтому лучше сделать прививку. С другой – те, кто доверяет властям и у кого государственные инициативы не вызывают вопросов. Но даже в этих слоях до половины респондентов не готовы прививаться.

Не хочет вакцинироваться подавляющее большинство тех, кто не боится заразиться коронавирусом. Чаще всего об этом говорит молодежь, среди которой распространено убеждение, что болезнь ее не коснется. С другой стороны, это люди менее образованные и с большей готовностью разделяющие конспирологические теории: они склонны видеть в коронавирусе новое биологическое оружие (таких порядка 64%), не просто не доверяют коронавирусной статистике, но считают официальные цифры завышенными (таких чуть больше четверти населения), в различных карантинных ограничениях они видят «эксперименты власти над населением» и желание нажиться на продаже масок и перчаток. Наконец, это те, кто не доверяет власти и с подозрением относятся к любым ее инициативам.

Это лишь самые общие характеристики, возможны исключения из правил. Если судить по социальным сетям, среди ярких критиков Кремля, среди оппозиционных политиков и независимых журналистов много тех, кто уже привился. Они руководствовались пониманием того, что коронавирус – опасное заболевание, и потому хотели бы уберечь себя от рисков. Однако на массовом уровне недоверие к президенту и правительству в большинстве случаев автоматически означает нежелание прививаться от коронавируса: так, в апреле среди сторонников Владимира Путина людей, готовых сделать прививку, почти в три раза больше, чем среди его противников (33% против 12%). Поэтому хотя бы отчасти низкая готовность делать прививку – результат нарастающего отчуждения граждан от власти, которое наблюдается на протяжении последних нескольких лет.

На прямой вопрос о причинах своего нежелания прививаться респонденты чаще всего говорят, что они опасаются побочных действий вакцины (так называемой побочки), и что вакцина все еще «сырая», сделана слишком быстро, не проведены все нужные испытания; об этом одинаково свидетельствуют опросы и результаты фокус-групп. И хотя создание отечественной вакцины для кого-то стало поводом для гордости, почти у половины респондентов это с самого начала вызвало «недоверие» и «сомнение».

Люди на фокус-группах объясняли, что их смущала невероятная скорость разработки российской вакцины, гонка между странами, каждая из которых хотела зарегистрировать вакцину первой в ущерб тщательности клинических испытаний. Респонденты часто высказывались в том духе, что пусть сначала привьются другие – врачи, бюджетники, военные, граждане других государств: «пусть все остальные будут кроликами, а мы подождем и посмотрим». При этом большинство не желающих прививаться не доверяют любой вакцине против коронавируса: согласно различным исследованиям, к иностранным вакцинам россияне относятся еще хуже, чем к отечественной.

Радикальные антипрививочники, согласно опросам, могут составлять до 10% населения. Но большинство предпочитает давать уклончивый ответ. На фокус-группах такие респонденты говорят, что они «не против вакцины, но и не за». То есть, конечно, они против, но,

на всякий случай, напрямую об этом не говорят, подозревая в модераторе представителя государства. Вместо этого они говорят, что в их конкретном случае имеются противопоказания и хронические заболевания, ссылаются на отрицательный опыт друзей, которые после прививки чувствовали себя плохо, рассказывают о знакомых врачах, которые по секрету не рекомендовали им «ставить вакцину». Поэтому они предпочитают «не рисковать» и «пока подождать». При этом кто-то ждет «улучшенной версии», «доработанной» вакцины. Но большинство, похоже, надеется, что власти поговорят-поговорят да и забудут про вакцинацию – и проблема как-то рассосется сама собой.

Другие респонденты верят в собственный иммунитет, профилактическую силу козьего молока, коньяка, гомеопатии или дыхательных упражнений. Они уверены, что вирус их не коснется (раз они до сих пор не заболели) или, что болезнь пройдет легко.

Также среди участников опросов и фокус – групп встречаются люди, которые в духе передач Никиты Михалкова считают вакцинацию «чипированием», но это явно маргинальная точка зрения. Это не мешает большинству россиян, врачей и, возможно, значительной части российской элиты считать коронавирус искусственным творением человека и новой формой биологического оружия. Популярность этой версии, которая противоречит научным исследованиям и имеет все признаки теории заговора, – это еще один симптом общего недоверия к официальной информации о коронавирусе. Не приходится удивляться, что в современной России, где враждебность и недоверие к интеллектуалам и интеллектуальной работе стала нормой, научные объяснения звучат менее убедительно, чем геополитическая конспирология. Но, как показывают опросы, такие представления оказываются очередным барьером на пути всеобщей вакцинации.

Объясняя свое нежелание делать прививку, некоторые респонденты признаются, что не чувствуют сигнала сверху: «пример должна показать власть», «власть у нас не делает прививки», «когда закон будет, тогда и сделаем, а так нет». Для многих добровольный характер вакцинации означает, что она не обязательна: «было бы надо, никого бы не спросили» и всех привили, «как это было в Советском Союзе». Поэтому без серьезной настойчивой агитационной кампании охватить прививками всю страну не удастся. Так, согласно опросам, добровольную вакцинацию от гриппа обычно проходят лишь порядка 15% россиян. Но в этом случае люди не столь принципиально выступают против – прививка от гриппа воспринимается довольно спокойно и в целом считается безопасной. Большинство просто не видит в этом необходимости. В случае с вакциной от коронавируса предубеждение против прививки намного сильнее.

Но даже при всем нежелании прививаться, большая часть участников фокус-групп говорит, что они, скорее всего, сделают прививку, если их будут вынуждать пройти вакцинацию на работе, сделают ее обязательным условием для доступа к социальным услугам и развлечениям или для поездок за границу.

Но российские власти не спешат агитировать население сделать прививки, пустив вакцину на экспорт и зарабатывая на этом геополитические очки. Отсутствие массовой и массивной пропаганды вакцинации вызывает удивление – ведь российское государство умеет убеждать и принуждать, если видит в этом необходимость. Достаточно вспомнить прошлогоднюю мобилизацию населения на голосование за поправки к конституции. Казалось бы, появился повод использовать пресловутый российский агитпроп на благое дело, но этого не происходит. Возможно, власти опасаются идти наперекор общественному мнению.

Напомним, что прошлой весной во время всероссийского карантина люди были настолько фрустрированы неопределенностью и карантинными ограничениями – особенно плохо воспринималось закрытие предприятий, ограничения на передвижение и штрафы,

дистанционное обучение школьников – что авторитет власти пошатнулся. Рейтинг одобрения деятельности Владимира Путина тогда впервые за долгие годы на несколько месяцев опускался ниже психологической отметки в 60%, что должно было заставить власти по-нервничать. С тех пор чиновники действовали осторожнее: осенью в России – в отличие от многих других стран – не было второй волны карантинных ограничений, а сегодня не принуждают прививаться массово. А, может быть, полагая, что «Боливар не выдержит двоих», кремлевские политтехнологи берегут агитационные ресурсы для осенних выборов в Госдуму. Две крупные агитационные кампании за один год – слишком сложно или слишком дорого. Но верить в этот вариант, довольно циничный, совсем не хочется.

Наконец, российские элиты могут быть просто не готовы убеждать людей в том, во что не верят сами. Похоже, что единого мнения о необходимости всеобщей вакцинации нет ни среди врачей, которые отвечают за нее по долгу службы, ни в политическом руководстве. Так, Владимир Путин, настаивая на скорейшем разворачивании массовой вакцинации, сам прививаться не спешил. А когда это все-таки произошло, все было обставлено настолько секретно (процесс вакцинации не показали федеральные телеканалы, Путин не сказал, какой вакциной он был привит, и т.п.), что многие засомневались, а была ли прививка: «президент, говорили, сделал, только непонятно, сделал или нет», «не факт, что он привился», «даже если бы показали, и то не факт», просто «вкололи витаминчики», – говорили скептики на фокус – группах. Некоторые восприняли отсутствие однозначного сигнала так, что власть боится ответственности: «Сейчас люди провакцинируются, а через два года из-за этой прививки пойдут осложнения. Кто ответственность возьмет за это? Никто не возьмет!» В итоге ответственность переложили на граждан: хотите прививаться – прививайтесь, не хотите – не прививайтесь. Неудивительно, что вакцинация буксует.

Оказывается, проще изобрести собственную вакцину от коронавируса, наладить ее массовое производство и развернуть инфраструктуру по ее распространению в масштабах большой страны, чем убедить собственных граждан в необходимости сделать прививку. Вакцинацию тормозят высокий уровень недоверия российского общества к официальной информации о ходе пандемии, о числе заболевших и умерших, и недоверие к власти в целом. Складывается впечатление, что многие россияне сегодня просто не в состоянии поверить в способность своей страны в короткие сроки создать действенную и безопасную вакцину. Научному знанию о коронавирусе и вакцинах многие обычные граждане, медицинские работники и представители власти предпочитают разнообразные конспирологические теории, и это тоже заставляет людей сомневаться в пользе вакцинации от коронавируса. С бесконечными разговорами в телевизионных ток-шоу о том, что наша вакцина самая лучшая, похоже, тоже переборщили – далеко не все оказались готовы поверить, что «все кругом дураки, одни мы умные».

Проблема усугубляется тем, что власти до сих пор не смогли послать обществу единый, четкий и однозначный сигнал о том, что коронавирус – опасная болезнь и прививаться необходимо. Видимо, окончательной уверенности в правильности такого развития событий долго не было (а возможно, что и до сих пор нет) ни среди специалистов, ни во власти. Много месяцев все ограничивалось дежурными призывами и бюрократическими отчетами под телекамеры. И когда Владимир Путин в конце апреля в послании Федеральному собранию наконец сказал «всем гражданам России – пожалуйста, сделайте прививку» – это не произвело никакого эффекта. Как следует из результатов опроса, проведенного буквально на следующей неделе после послания, процент не готовых привиться «Спутником V» остался таким же, как и в феврале: 62%.

В результате большинство людей предпочитает откладывать вакцинацию как можно дольше. В таких условиях и с такими темпами вакцинации коллективного иммунитета, о котором говорят власти, достичь получится еще нескоро – даже не к концу лета, а не раньше следующего года.

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

ГАСАН ГУСЕЙНОВ

Профессор Свободного университета, доктор филологических наук

28 апреля 2020 года

НОВОЯЗ ИЗ СТАРОЯЗА²⁰

Вместе с глобальными потрясениями в современной России меняется и ее язык, который журналисты называют «неоновоязом» (отсылая к термину из романа Оруэлла «1984»). Новояз – это «хлопок» вместо «взрыва», «структурная трансформация» вместо «кризиса», «отрицательный рост» вместо «падения», «высвобождение» вместо «увольнения». В последнее время появляются и новые жаргонизмы, описывающие неоновояз (например, «хрюканина» – о речи телепропагандистов). Неужели и в самом деле нам придется признать, что этот неоновояз – «клоачный язык»? Какова механика его закрепления, кто на нем говорит? И главное – как, и как долго дальше жить с этим языком?

«Отжать и откатить, распилить и отмыть. Кому двушечку вклеить, кого в сортире замочить». До буквального значения всей этой вербальной юшки и докапываться не надо: она сильна своей, как любят говорить в России, «энергетикой». Энергетикой мутной, потому что никогда не додумываемой до конца... Мутная энергетика и заставляет некоторых, в остальном вменяемых, людей повторять блатной говорок уголовников и спецслужбистов. Как получается, что так много самых обыкновенных людей ни с того ни с сего начинают пользоваться блатным, уголовным и им подобными лексиконами с некоторой чуть ли не нежностью? Анна Фрейд, дочь великого Зигмунда, еще в 1936 году описала парадоксальное явление: жертва насилия ради самосохранения может отождествить себя с насильником и

²⁰ Обновленный в 2022 году текст лекции «Современный русский политический язык».

даже объявить насильника своим «спасителем», «наказывающим» ее «поделом»... Первый признак готовности к такому самоотжествлению – это переход на язык насильника.

Прошло три года с тех пор, как в России начали всерьез опасаться дурного влияния покемонов и судить за перепосты. Изменения в языке, в речевом поведении людей готовились обстоятельствами и политической системой последней четверти века.

Для понимания сегодняшнего дня нужно заглянуть в относительно недавнее прошлое.

Что было в Советском Союзе от смерти Сталина до конца 60-х годов, когда началась ресталинизация, когда началось удушение оттепели? После 1956 года, после XX Съезда, где было объявлено, что сталинский режим был преступным, имя Сталина не упоминалось до середины 60-х, до конца оттепели. Это имя впервые вернулось с положительным флером в 1967 году. Первым толчком после оттепели стал 1965 год, 20-летие Победы. А потом, по нарастающей, Сталин стал возвращаться – не только подпольной фотографией. Десять лет в промежутке между 1956 и 1965 годами были упущены с точки зрения социального и морального развития страны. Сталинская эпоха не анализировалась на уровне языка. Ни одна из ее основных формул – «лес рубят, щепки летят», «кто не с нами, тот против нас», «уничтожение кулачества как класса», а их десятки! – не была подвергнута разбору, все осталось. Краткий курс истории ВКП(б), все формулы, которые в нем содержались, перенеслись в следующую эпоху, только имя Сталина было вынуто. Люди возвращались из лагерей, их реабилитировали, но реабилитировали условно. Люди до конца своих дней скрывали, что сидели, и что их ни за что ни про что отправляли в лагерь. Сотни тысяч, если не миллионы людей, прошедших через мясорубку, должны были о ней молчать. И этот же опыт молчания о главном повторился в 90-е годы, когда было решено не проводить люстрации, то есть не закрывать ход в политическую систему хотя бы руководящим сотрудникам советского партийно-государственного аппарата.

Итак, не было проведено десоветизации языка, анализа того, почему огромная страна рухнула, почему пришлось Советский Союз распустить, почему он стал, очевидно, нежизнеспособен. Ни в одном из бывших государств Советского Союза, включая даже продвинутые балтийские страны, эта процедура не была проведена. Сейчас ею постепенно начнут заниматься, наверное, на Украине быстрее, чем на Руси, где намечается пока отказное движение. Сопоставление этих двух эпох мне кажется правильным еще и потому, что оно показывает речевые опоры глубокой депрессии, в которой общество находилось на протяжении 70-х – первой половины 80-х годов. Речевые приемы пропаганды должны были по-своему противостоять кошмару афганской войны, другим общественным проблемам, стать ответом на фрустрацию, которую общество перенесло после формального прощания со сталинизмом при фактическом его сохранении как некоей ценности. Вот эта ценность полежала – полежала да и снова проснулась сейчас в головах некоторых россиян, но теперь уже – в виде надежды на сталинизм как на инструмент восстановления великой страны. Отказ от гласности конца 80-х – середины 90-х годов стал фундаментальным признаком политики начала XXI века. Попытка подчинить идеологическим рамкам средства массовой информации привела к интеллектуальной, моральной и психической катастрофе, внутри которой мы сейчас живем. Эта катастрофа и выражена в языке.

ЛОЖЬ КАК СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ИСТИНЫ

Десятки миллионов людей в РФ абсолютно нечувствительны ко лжи, фундаментальной политической, социальной, моральной лжи, которая льется по всем каналам средств массовой информации, даже когда люди признают, что российская пропаганда насквозь лжива. Ложь как сознательный отказ от истины, сознательная демонстрация того, что истины не существует, что есть только то, что мы сейчас здесь решили наворотить, заведомо зная, что это ложь. И то, что огромное общество россиян, понимая, что это – ложь, ее глотает, воспроизводит из каких-то соображений, и стало катастрофой. Катастрофа – это разговоры об Украине, что там какие-то фашисты, бандеровцы пришли к власти, что это был «государственный переворот». Какие-то там «народные республики», «Новороссия», «единое государство», «один народ» – вся эта омерзительная ложь принимается людьми, и это только один пример, на самом деле их гораздо больше.

Вслед за речью люди немедленно начинают воспроизводить повадки 30-х годов. При чем воспроизводят их и подданные, и правящие, хотя и в разных регистрах.

Общество принимает язык насильника. Если в этих терминах говорить об обществе, которое начинает говорить языком телевидения, то это показатель того, что общество как бы изнасиловано им. Это всегда, конечно, искушение – сказать, что общество хорошее, но ему навязали какие-то слова. Но, может, правдивее теория, что эти слова соответствуют каким-то образом обществу, и телевидение просто до некоторой степени подстраивается под него.

Бывшие советские граждане, несколько поколений, которые воспитаны страхом и террором, невозможностью возразить или сказать какие-то важные слова, просыпаются после 10–12 лет свободы, и вдруг чувят большую палку, которая может ударить по голове, и немедленно начинают воспроизводить повадки 30-х, 40-х, 50-х, 60-х годов. Это потрясающе. В этом смысле, конечно, само общество такое же омерзительное, как его средства массовой информации. Ситуация очень тяжелая. Совершенно непонятно, на какие силы внутри этого общества можно опереться. Круг людей вменяемых и не подверженных этому натиску лжи в современной России, по моим наблюдениям, очень незначительный. Эти люди разбросаны, многие из них находятся во взвинченном состоянии, поэтому трудно от них добиться уравновешенного подхода. Я думаю, что очень полезным для нашего общества является сдержанное давление со стороны цивилизованных стран в виде экономических и политических санкций. Это может с годами привести к переменам, но может и не привести, потому что механизмы порождения лжи, морального разложения общества действуют с большой эффективностью: Киселевы, Соловьевы, телевидение – страшное оружие массового поражения. Это совершенно небывалая ситуация в истории, потому что не было никогда таких средств воздействия на массы. Старое радио не обладало такими инструментами. Современное телевизионное производство эмоций совершенно дезориентировало людей. Люди бегут за этими эмоциями, торопятся самовыразиться. Интеллектуальное критическое обсуждение, размышление атрофировано. Из этой ситуации своими силами нельзя выйти, без воздействия извне. В один клубок слепились «потребитель информации» и «производитель эмоций» – страшных эмоций в том числе: сюсюканья к себе и каким-то своим котикам и попкам и ненависти, слюны и яда к врагам. Это варево интересно наблюдать, но своими средствами носители современного русского языка из этого состояния выйти не могут. Им могут помочь какие-то внешние среды, например, демократизирующаяся Украина, но сама современная Российская Федерация как самая крупная носительница русского языка сейчас в силу политических и медийных особенностей к самолечению приступить не может.

НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОСОБО КРУПНЫХ РАЗМЕРАХ

Разогретое языковое поле с огромным количеством слов-ловушек и группа людей, берущая на себя смелость «контролировать» общество, конечно, используют это поле в качестве минного. Вас подталкивают к употреблению слов, которые легко объявить пропагандой, экстремизмом, провоцированием ненависти. Когда вы эмоционально перегрузили собственное население, вам легко спровоцировать его на произнесение слов, запретных в данный момент. Каталог этих слов вы можете произвольно дополнять новыми или убирать из него какие-то слова. И внутри этого есть более опасный механизм: люди, которые контролируют (или делают вид, что контролируют) поле общественного поведения, присвоили себе право на тотальный алогизм. Это поле, на котором незаметна ложь, мотивировка разных политических действий. Мы, как мародеры в условиях кризиса на Украине, решили Крым оттащить в надежде утопить. Они разваливаются на куски, за ними ничего нет – это просто нарушение международного права в особо крупных размерах с применением спецсредств. Но как из колоды крапленых карт выбрасывается то одна, то другая мотивация, люди глотают их и готовы глотать дальше, потому что это эмоционально близко, им от этого теплее. Они отделили себя от остального мира и считают его виноватым. И это было сделано с помощью языка – не с помощью подачек, никто ничего от этого не получил, наоборот, все потеряли. С помощью чисто речевых манипуляций в средствах массовой информации был захвачен врасплох русскоязычный народ.

Вот представитель России ООН на заседании Совета Безопасности обращается к британскому коллеге со словами: «Ты глаза-то не отводи. Что ты глаза отводишь?.. Не смей оскорблять Россию больше». Это неожиданно в устах дипломата, это сравнивали с поведением людей из криминальной среды. Но вот что любопытно – совершенно нейтральное изложение этой истории вызывает у разных читателей противоположные реакции. Кто-то комментирует, что криминальные тенденции в России вышли наружу, а кто-то замечает: какой молодец этот российский дипломат, задал остальным.

Это реакция – «мы особенные», желание быть признанным в своем естестве. Какие-то люди говорят: «Мы страшные, ужасные, нам надо от самого дна оттолкнуться, чтобы куда-то наверх плыть». А другие отвечают: «Да погоди, чего нам отталкиваться, ведь больше нет такой страны, которая может себе такое позволить. Посмотри на карту мира, на состав Совета Безопасности ООН. Мы одни можем так харкнуть, гакнуть, плюнуть кому-то в рожу, и ничего нам за это не будет, потому что мы ядерная держава и постоянный член Совета Безопасности». Эти два высказывания могут быть внутри одной семьи. Интеллигентский хлюпик будет переживать, до какого состояния довели Россию-матушку, а его боевитая жена, наоборот, кулаком по столу: все нормально, хватит лить сопли, мы всем еще надерем задницу. И в том, и в другом случае это эмоция без анализа и без критики. Нет средств массовой информации, которые позволяют вам спокойно критически разобрать предмет. Разбора не предлагается, предлагается эмоциональное припечатывание.

ПРАВООТСТУПНИЧЕСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕЗМОЛВИЕ

В чем смысл, как действует это высказывание, которое потеряло и не имело никаких последствий, кроме одного: оно расширило область допустимого. После того, как так можно выступить в ООН, можно любого соседа назвать любым словом – не только соседа по континенту, а соседа по дому. Можно объявлять снос пятиэтажек полезной санитарной акцией: наконец, станет красиво, а «бомжатник» мы выкорчем. Если кто помрет – ничего, будет меньше пенсионеров. Область допустимого расширилась до массового правоотступничества благодаря тому, что то один, то другой человек что-то скажет, что в ином обществе имело бы для него последствия, а здесь ничего – молодец, крутой малый. У нас последние лет двадцать складывалась практика повсеместного, повседневного мелкого и крупного правоотступничества – по словечку, по жесту, по действию, по убийству одного политика, одного журналиста. Курочка клюет по семечку, и постепенно оказывается, что выклевано все это поле. Главным же правоотступничеством так называемого простого человека является молчание. Нежелание высказываться о политике и жить в политике. Кажется, что это естественно и просто, ведь политика – «грязное дело». Но на самом деле, грязное дело – это культура молчания, политическое безмолвие.

АЛЕКСАНДР ШИШЛОВ

*Депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга,
исполнительный секретарь Федерального политического комитета партии «Ябло-
ко», кандидат физико-математических наук*

22 июня 2022 года

БОЛОНСКАЯ СИСТЕМА: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Попробуем разобраться, что такое Болонская система, каково ее прошлое, настоящее и будущее. Это целый комплекс международно-правовых документов, организаций, межвузовских и межправительственных соглашений. Россия 20 лет в ней участвует, и для многих вузов она стала неотъемлемой частью вузовской образовательной политики. Поэтому у меня есть некоторый оптимизм: возможно, те люди, которые понимают преимущества этой системы, не будут спешить с реализацией резких заявлений, которые сделали власти.

Почему в последнее время стали говорить о Болонской системе? Первым было заявление секретаря Совета Безопасности Николая Патрушева. Он сказал еженедельнику «Аргументы и факты», что «целесообразно отказаться от этой системы и вернуться к лучшей в мире модели советского образования». Сама эта формулировка «лучшее в мире советское образование» уже вызывает вопросы. Такие слова имеют более идеологически-пропагандистский характер, чем содержательный. Дальше начались выступления представителей Минобрнауки и Государственной Думы, других деятелей о том, что нужно выйти из Болонской системы (кстати, точнее ее называть общеевропейской системой высшего образования, а не просто по названию города). Печально, что после того, как политики вы-

ступили с такими заявлениями, некоторое число ректоров вузов решило их поддержать – их заявление появилось в мае.

Существует межправительственная группа, которая отвечает за реализацию болонских договоренностей. Она собирается два-три раза в год, в апреле этого года было последнее заседание, а до этого 18 марта собиралось бюро группы. Это было после 24 февраля, и они не могли не отреагировать на спецоперацию и выступили с инициативой о приостановке участия России в Болонском процессе. Это понятно, потому что трудно совместить ценности правового государства, принципы общеевропейской системы образования с тем, что происходит в ходе спецоперации. Поэтому на заседании 11 апреля было принято решение о приостановке участия России и Белоруссии в Болонской системе. Все эти решения доступны в интернете. В них подчеркивалось, что если ситуация изменится, Россия и Беларусь смогут вернуться к взаимодействию в рамках Болонского процесса.

Увы, это не единственный международный институт, взаимодействие с которым было приостановлено после 24 февраля.

Я считаю бессмысленным обсуждать сейчас тезис, что в СССР была «лучшая в мире система образования». Утверждать, что какая-то система лучше, можно только на основе количественных и качественных данных, а главное – мы живем в другое время, в других условиях.

Что касается критики Болонской системы, первый аргумент касается несовместимости двухступенчатой системы: бакалавриат – магистратура с советским специалитетом. Но это сомнительный тезис. Покажу на собственном примере. Я поступил в 1972 году на математико-механический факультет Ленинградского университета, на первом – третьем курсе у нас были общие, а потом – специальные дисциплины – по кафедрам, что очень близко к теперешней магистратуре. Болонская система вполне совместима с российской системой образования. При этом далеко не все российские вузы на нее перешли. Сохранились вузы, где остался специалитет, отдельный вопрос – о медицинских вузах, там другая система. Кстати, во всех международных документах нет закрепления точной продолжительности обучения: бакалавриат может быть где-то – три, а где-то – четыре года.

Если кому-то хочется «выйти» из Болонского процесса, то это сделать не так просто. Ведь изменение учебных планов и программ в конкретном вузе – процесс трудоемкий и длительный, часто – не только творческий, но и бюрократический процесс с утверждениями и т.д. Это знают все, кто имеет опыт работы в системе высшего образования. Для того чтобы изменить сроки и содержание образовательных программ, требуется немало времени и усилий.

Второй аргумент против общеевропейской системы высшего образования – утечка мозгов: зачем тратить бюджетные деньги, если студенты потом уедут. Этот аргумент, на мой взгляд, – спекулятивный. Потому что в России часто отсутствуют возможности для самореализации. Пример: развитие «зеленой экономики», которая позволит предотвратить или уменьшить драматические изменения климата – в России специалисты в этой сфере несравнимо менее востребованы, чем в мире. Еще одна сторона – уровень и качество жизни: любой человек смотрит и на это. Если мы хотим, чтобы люди не уезжали из страны, нужно создавать для этого условия.

Вернемся к Болонскому процессу и его истории.

Название связано с местом, где состоялась встреча европейских министров по образованию – в 1999 году в итальянском городе Болонье. Там и была принята декларация, которая дала старт реформе системы высшего образования в Европе. Тогда декларацию подписали 29 европейских стран, сейчас в процессе участвуют 49 – почти все страны

Европы. За два года до этого, в 1997 году, была принята Конвенция о взаимном признании дипломов. Ее целью было способствование мобильности специалистов на европейском рынке труда. Раньше при переезде людей из страны в страну возникали проблемы с признанием квалификации. После принятия декларации было создано несколько рабочих групп по разным направлениям, исходя из тех целей, которые государства перед собой ставили. А цели были вполне естественными: повышение качества высшего образования, удовлетворение потребностей в высшем образовании, соответствие требованиям национального и европейского рынка труда. В то время происходило расширение Европейского Союза, развивались интеграционные процессы, естественно, они затронули и сферу высшей школы. Кроме того, важны были цели обеспечения мобильности студентов, выпускников, преподавателей. Идея была в том, чтобы студенты могли получать образование в разных вузах. При этом курсы, которые они прошли в других вузах, должны были зачитываться в общий портфель получения квалификации. Для этого была сформирована европейская система зачетных единиц – «кредитов», которые можно «зарабатывать» в разных вузах. Похожая система есть и в США, но там она более сложная.

Еще одной новацией было европейское приложение к диплому. Многие вузы, которые участвовали в процессе, в том числе российские, выдавали такое приложение к диплому. Это дает возможность признавать дипломы и сопоставлять квалификацию. Есть и практика выдачи одновременно двух дипломов – российского и зарубежного вуза, когда они организуют совместные учебные программы.

Следующее преимущество – это гибкие образовательные программы и гибкие траектории с использованием программ разных вузов. Если студент на один семестр выезжает в другой регион или другую страну, то получает возможность учиться по другим программам, что дает существенное преимущество. Когда человек получает представление, как люди живут в другой стране, другой культурной среде, это – важный элемент квалификации, да и общего развития.

Болонская система способствует расширению возможностей получения междисциплинарного образования, когда студент заканчивает бакалавриат по одной специальности, а магистратуру – по другой. Многие современные технологические достижения рождаются на стыке «классических» отраслей. Например, когда бакалавриат по журналистике, а магистратура – по экономике. Или бакалавриат – по математике, а магистратура – по биологии, что дает возможность готовить специалистов в новой отрасли – математической биологии.

Еще одно преимущество Болонской системы – вузы получают возможность привлекать иностранных студентов. Это означает, что вузы увеличивают свой бюджет, т.к. иностранные студенты платят деньги за обучение.

Если вспоминать историю, решение о вхождении России в Болонский процесс созрело в среде вузовских преподавателей, научных работников. Главную роль в этом тогда играл Санкт-Петербургский университет, а также университет Дружбы народов, университеты Урала и Сибири. Я тогда возглавлял думский комитет по науке и образованию, и мы вместе провели несколько конференций, в т. ч. – международных, в результате сформировалось доминирующее мнение. Однако были и противники, например, ректор МГУ. Но «процесс пошел», он был поддержан лидерами вузовского сообщества, партией «Яблоко». Мы сделали все, чтобы инициатива была поддержана на государственном уровне. Сначала мы были в меньшинстве, но потом удалось убедить и представителей других фракций. В 2003 году было принято постановление Государственной Думы – обращение к Правительству о присоединении к Болонскому процессу. Это постановление получило 357 голосов. И в сентябре 2003 года мы участвовали в Берлинской конференции министров образования, и

было принято решение о нашем участии. Это было историческое решение, которое открыло новые возможности, но и создало новые конкурентные вызовы для вузов.

Один из главных результатов вхождения России в Болонский процесс, на мой взгляд, – это новые жизненные перспективы, открывавшиеся перед миллионами студентов и преподавателей, которые получили возможность учиться и преподавать в зарубежных вузах.

То, что сегодня встал вопрос о выходе из Болонского процесса – очень тревожно. Те, кто об этом говорит, м. б., не совсем понимая, о чем речь, хотят закрыть нашу систему высшего образования. Мы это уже проходили, когда страна была отрезана от остального мира, а иностранные научные журналы можно было получить только в спецхране. Были времена, когда кибернетика и генетика считались буржуазными науками. Это привело к технологическому и научному отставанию, которое мы так и смогли преодолеть. И те представители власти, которые пытаются вернуть новый железный занавес, ведут страну к новому отставанию, к падению уровня и качества жизни.

Я думаю, что нужно стремиться сохранять принципы взаимодействия между вузами в европейском образовательном пространстве, хотя сейчас это – крайне сложно. Очень важна более смелая позиция профессионального сообщества, понимающего, к каким последствиям приведет изоляция России в сфере высшей школы. Многие представители вузов и науки такую позицию, хотя и осторожно, высказывают. Что касается ректоров, они встроены в административную пирамиду и зачастую склонны исполнять волю вышестоящего начальства. Но бороться с самоизоляцией в образовательной и научной сфере должны не только политики, но и те, кто работают в этих сферах, – без них труднее надеяться на успех.

ЭМИЛИЯ СЛАБУНОВА

*Депутат Законодательного Собрания Республики Карелия,
член Федерального политического комитета партии «Яблоко»,
Заслуженный учитель России, кандидат педагогических наук*

4 декабря 2020 года

ШКОЛА

НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ МЕСТОМ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ²¹

Три месяца продолжается специальная военная операция на Украине. Столько же своя особая «спецоперация» идет на территории России, которая затрагивает не только взрослых, но и детей. В школы поступают методички о том, как объяснять детям происходящее. Учителя с энтузиазмом проводят «Уроки мужества», где-то даже показывают младшеклассникам «Бесогон ТВ». Мы видим также попытки государства объединить детей в очередное движение и усилить контроль за их образованием и воспитанием. Ситуация со «специальной военной операцией» потребовала экстраординарных мер по обработке сознания наших граждан – как взрослых, так и юных, и по формированию нужного власти общественного мнения. Поэтому то, как бесцеремонно началась эта обработка даже совсем маленьких детей и не только в школах, но и в дошкольных организациях, если и не удивило, то вызвало сильные эмоции.

²¹ Текст лекции переработан в 2022 году.

В учительском сообществе существуют такие же полярные мнения относительно «спецоперации», как в обществе в целом. Надо учитывать и то, что педагоги – наиболее административно зависимые люди. Материально необеспеченные, и в силу этого еще более зависимые. Я много раз говорила и писала, что бедность выгодна власти. Учителя получают зарплату 20–30 тысяч или ценой неимоверной нагрузки и дополнительных работ имеют 40 тысяч рублей, что тоже смешные деньги, учитывая и рост цен, и те требования, которые предъявляются учителю, начиная от его внешнего вида и заканчивая его квалификацией, что тоже требует дополнительных расходов.

Депутат Петрозаводского городского совета Ольга Тужикова недавно обратила внимание на школьные «Уроки мужества» и попросила прокуратуру их проверить. В одной школе Петрозаводска, помимо «Уроков мужества» еще и директор выступила с чтением стихотворения с оскорбительным текстом, который вообще унижает достоинство граждан другого государства. Ольга Тужикова сделала запросы в прокуратуру, в Министерство образования и спорта Республики Карелия, а также уполномоченному по правам ребенка. Прокуратура пока не ответила. Уполномоченный, что называется, умыл руки, сказав, что работает только в дополнение к тем мерам защиты, которые применяют другие органы власти. Зная, что направлены еще обращения в прокуратуру и в министерство, он сказал, что дождется их ответов и будет реагировать исходя из этого. Министерство образования и спорта прислало ответ из серии «и нашим, и вашим». С одной стороны, они признали, что не должно быть никакой идеологической обработки детей, но в то же время – «поступали рекомендации» провести такие уроки.

Мы понимаем, что все наши органы управления образованием находятся в единой вертикали, и сейчас их поставили фактически в условия военного времени. Поэтому они действуют исходя из тех приказов, которых нет в официальных документах, но которые звучат по телефонам и в других циркулярах. У них и самоцензура прекрасно работает: они понимают, как нужно вести себя для того, чтобы получить одобрение вышестоящих руководителей.

На днях стало известно, что со следующего года во всех российских школах появится должность советника директора по воспитательной работе. Эту идею Администрации президента поддержало Министерство просвещения. Конечно, во всех школах есть заместители директора по воспитательной работе. Кроме того, и сам директор является, за редким исключением, специалистом с высшим педагогическим образованием, который, в том числе, руководит и воспитательной работой. Более того, есть Федеральные государственные образовательные стандарты, которые включают требования к организации образовательного процесса и к образовательной программе. В соответствии с ней каждая из школ формирует уже свою образовательную программу. В ее структуре есть программы внеурочной деятельности, воспитательной работы, программы социализации и профориентации и масса других подпрограмм, с помощью которых и содержательно, и технологически, и организационно выстраивается все то, что мы в широком смысле называем воспитательной работой в школе, начиная от воспитательных элементов на уроках и заканчивая крупными мероприятиями и общешкольными проектами. Можно сказать, что в школах существует целая инфраструктура воспитательной работы.

Поэтому непонятно, что это будет за человек такой – советник по воспитательной работе. Какой у него будет функционал, на каком основании он будет советовать, если все эти документы принимаются решением педагогического совета школы. Более того, родителей знакомят с образовательной программой, они подписывают заявление, что ознакомлены с этими документами. И вдруг появится человек, который будет вносить какие-то изменения? На основании чего? Вопреки решению педагогического совета? Это просто

вмешательство в сложившуюся и соответствующую всем регламентам и стандартам деятельность школы. Я считаю это недопустимым. Расценивать это можно только как введение дополнительного внешнего контроля. Можно предположить, что, скорее всего, это будут люди, согласованные со спецслужбами, и которые будут изнутри контролировать работу школы. Это не что иное, как еще более жесткий контроль и более жесткое включение педагогов и детей в качестве винтиков в авторитарную, а правильное сказать, уже в тоталитарную систему.

Здесь надо вспомнить, как эта идея появилась. Всерьез о ней заговорили в начале 2021 года после январских митингов. Тогда активное участие в этих протестах в разных городах России приняли как раз школьники и студенты. После этого, как пишут СМИ, в Администрации президента решили ввести в школах такую должность – советника директора по воспитательной работе. Все это делается для того, чтобы поставить под тотальный контроль детей и педагогов, потому что и некоторые педагоги принимали участие в этих акциях. Но для того чтобы не возникало таких страхов у нашей власти, нужно в первую очередь сделать так, чтобы работали каналы обратной связи, предусмотренные российскими законами и Конституцией в том числе. Это – возможность для граждан беспрепятственно выражать свою позицию, высказывать свое отношение к происходящим событиям с помощью митингов и шествий. Нужно, чтобы работали те каналы обратной связи, которые предусмотрены законом «Об обращении граждан», а граждане сейчас тысячами и тысячами пишут эти обращения, получают отписки и остаются неудовлетворенными такими ответами, тем, что не решаются важные для них проблемы. И они видят выход только один – выйти на улицу.

Если государственные институты не будут работать на благо людей и обеспечивать каналы обратной связи, как, например, общественные советы при органах власти, которые по факту формируются исключительно по принципу лояльности, – если ничего этого не будет в нормальном рабочем порядке, то власть должна понимать, что наступит тот момент, когда люди выйдут на улицу в таком количестве, с каким им будет уже не совладать. Но, к сожалению, у нашей власти даже инстинкт самосохранения не работает. В результате того, что перекрыты каналы обратной связи, они не получают правильной, нужной информации, в связи с чем и принимаемые решения не соответствуют реальности. Это мы видим и на примере «специальной военной операции».

Мы сегодня наблюдаем еще одно характерное явление – возвращение советской традиции по написанию доносов. Даже школьники сейчас начали этим заниматься. Уже есть несколько случаев доносов на учителей за их антивоенную позицию. Как в этой ситуации быть учителю, который не поддерживает официальную линию, не поддерживает «специальную операцию», но при этом не хочет остаться без работы и отказываться от своих убеждений? В первую очередь, учитель должен оставаться самим собой и ни в коем случае не отказываться от своих взглядов. Важно объединяться с единомышленниками, которые придерживаются такой же точки зрения. И еще важно иметь защиту. Такой защитой может быть политическая партия, принципы которой соответствуют взглядам учителя. В данном случае это партия «Яблоко». Будет сложнее осуществлять репрессии в отношении педагога, если за ним стоит серьезная политическая сила.

Что касается взаимоотношений с детьми, то здесь нужно находить правильные слова. Обязательно говорить о том, что время и история дадут правильные оценки, и что вскроются многие вещи, которые позволят сделать верные, а не скоропалительные выводы. Надо говорить, что у меня есть собственная точка зрения, она не совпадает сегодня с официальной, но это мое личное мнение, и что человек имеет право на свою позицию. И никто в правовом демократическом государстве, как это записано в первой статье Конституции РФ, не может подвергнуть его наказанию за свое мнение, если только это мнение не приводит к ущербу для других людей.

Совсем недавно была ситуация еще хуже, когда донос написали родители на ученика 3-го класса. Отец увидел в школьном чате своего ребенка, как один из его одноклассников написал «Слава Украине». Он тут же сообщил об этом в школу.

Недавно отмечалось столетие пионерии. Накануне этого юбилея появились сообщения о том, что в нашей стране создается новое Общероссийское движение детей и молодежи. Некоторые увидели в этом возрождение той самой пионерской организации. Когда в системе образования нет никаких существенных изменений и развития, нужно создавать видимость какого-то процесса. Почему бы не объявить о создании нового детского движения и тем самым создать иллюзию серьезных намерений? Потому что сегодня власть не успевает за временем – ни содержательно в системе образования, ни по материально-техническому состоянию. Еще когда Медведев был президентом (с 2008 по 2012 гг.), он объявил проект «Наша новая школа». Одно из его направлений называлось «Школа не должна быть ветхой». К сожалению, школа остается ветхой.

Программы капитального ремонта, которые сейчас начали проводить, не успевают за той разрухой, которая накопилась. Я даже не представляю, как будет выполняться инициатива, недавно прозвучавшая, о подъеме флага в каждой школе. Согласно федеральному закону, поднятие государственного флага возможно только за пределами здания, то есть на улице. А те спортивные площадки, которые есть в школах, находятся в таком состоянии, что будут только дискредитировать пафос этой инициативы. Не говоря о том, что никто не может сделать ремонт школьных стадионов, не хватает средств даже на то, чтобы их зимой чистить. Как будут в 8 утра зимним утром выводить туда детей, в эти сугробы, чтобы поднять флаг, по-моему, никто об этом не задумывался. Хотя там много других вопросов о реализации этой инициативы и соответствии ее федеральному закону. Там очень много нестыковок. Авторы этой инициативы не удосужились прочесть закон, примерно как та прыгунья с шестом, которая прочитала Конституцию, только когда ее включили в рабочую группу по внесению изменений в этот документ, «какая, оказывается, интересная книжка», удивилась она. Так и тут, прочитали бы закон и увидели, что на зданиях школ всегда должен находиться и находится государственный флаг. Как это вообще будет выглядеть? Флаг будут поднимать, а потом опускать, и так каждое утро? То есть видимость создают и здесь, и там.

«Спецоперация» поставила задачу сделать все для того, чтобы взять под контроль общественное мнение, сознание граждан, создать необходимую для власти консолидацию общества вокруг этого «мероприятия». Для этого же здесь понадобились и дети, чтобы они это все рассказывали дома и несли этот заряд консолидации в семью. Создается это все по старым лекалам. К сожалению, у нас ничего не могут придумать нового. И понятно, почему.

Когда нет образа будущего у страны, а вместо этого – черная дыра, мы не понимаем, куда движется страна. Как сказал господин Песков, президент знает, куда он ведет страну. Но у нас нет возможности убедиться в этом, потому что он ни с кем этим знанием не поделился. И так как нет образа будущего, то и содержательное наполнение этого нового детского движения никто пока внятно не смог объяснить. В том числе и министр просвещения. Я читала его комментарии на эту тему, они содержательно совершенно пусты.

Если мы вспомним пионерскую организацию, то у нее была идея, которая реализовывалась в рамках существовавшей тогда коммунистической идеологии. И там был образ будущего. Хоть и утопический, но он был. К этому и должна была готовить детей пионерская организация. В условиях отсутствия образа будущего нет содержания и нет никаких перспектив у этого движения. У нас уже есть российское движение школьников, было молодежное движение «Наши». Мы видим, что это все рассыпается, именно потому, что нет внутри

этого содержательного «клея», который бы объединил всех участников. Это очередная попытка, как и во многих других вещах, ехать вперед, но при этом смотреть в зеркало заднего вида.

Даже название этого движения – «Большая перемена» – соответствует этому ощущению. Что означает это название, и какое содержание вкладывается в понятие «перемена»? Это перерыв между уроками или перемена как изменение? Значит ли это, что все, что связано со сферой детства, готовится к какому-то переходу от одного состояния к другому? Тогда скажите, пожалуйста: от какого и к какому? Я понимаю, что будет вложено много средств для того, чтобы на первых порах создавать какие-то красивые картинки, видео- и фоторепортажи, чтобы поддерживать иллюзию, что это все заработало, но, на самом деле, это никуда не «уедет». Через год это все будет уже на тормозном пути.

От государственной пропаганды сейчас трудно защитить даже взрослых, детей тем более. Но, тем не менее, мы должны приложить все усилия для этого, в первую очередь, усилиями тех взрослых, которые понимают опасность пропаганды.

Нужно использовать любую возможность, чтобы влиять на власти всех уровней, на руководство школ, доказывая незаконность таких действий, и силой того общественного мнения, которое есть, понимая поляризацию этого мнения, консолидированно это делать. Есть и такие родители, есть и педагоги, которые такие действия предпринимают, и общественные организации. Это трудно, но это можно и нужно делать.

Я думаю, ситуация будет меняться, и этот пропагандистский пафос будет терять свой накал, начнет приобретать другие формы – объяснений и оправданий. Хотя это не меняет пропагандистскую суть, но, безусловно, такие трансформации будут, в сторону большей размытости и другой тональности. Будут меняться и настроения в семьях после того, как более ощутимыми станут последствия «спецоперации», и со стороны семьи начнет выстраиваться защита от пропагандистского влияния.

Чтобы дети действительно испытывали гордость за свою страну, чтобы у них был не искусственно привитый патриотизм, а настоящий, очень многое нужно делать. В первую очередь, страна своими достижениями в экономике, социальной сфере, культуре, науке, спорте, космосе должна воспитывать этот патриотизм. Для любого гражданина, хоть маленького, хоть взрослого, всегда предметом гордости являются достижения своей страны. Когда это достижение не в виде каких-то военных операций, а достижения зримые, осязаемые, которые выражаются в качестве жизни людей, благоустройстве городов, поселков и деревень, в международном признании. Это все выражается как в том, что человек видит вокруг себя, так и в цифрах статистики. В том числе, когда доля экономики страны в масштабах мировой из года в год повышается, а не понижается, как это происходит сейчас у нас.

Дети должны учиться, заниматься спортом, дополнительным образованием в совершенно других условиях. Я всегда говорила и буду говорить, что именно школа должна быть местом завтрашнего дня. Школа должна быть тем местом, заходя в которое, любой человек увидит: Россия будет вот такой. Школа должна всегда опережать время и быть тем местом, где уже сегодня наступило завтра.

То есть в ней должно быть все самое лучшее, самое передовое, самое современное. Потому что детям жить завтра, и они этот завтрашний день должны видеть уже в школе. А что мы видим в школе? Например, у нас в Карелии много городских школ, заходя в которые, ты попадаешь как будто 60-е годы прошлого века. А сколько еще сельских школ, заходя в которые, ты думаешь, что попал в 30–40-ые годы! Когда туда привносят еще и организации вчерашнего дня, и модели общения, когда все должны строим в пионерских галстуках

шагать, как мы недавно видели это на Красной площади, это путешествие во вчерашний день без машины времени.

Кроме того, у детей должна быть возможность видеть свою страну. Хотя бы в масштабах своего региона. Все памятные и исторические места должны быть доступны для детей. Когда это становится дорогим удовольствием, и дети не могут доехать из своих поселков до столицы своего региона, чтобы побывать в музее или в театре, о каком патриотизме можно говорить? Должны быть приведены в порядок все объекты культурного наследия, мимо которых ребенок зачастую идет в школу, когда он видит разрушенные старинную усадьбу, храм или квартал исторической застройки, когда это все руинизируется и того и гляди превратится в прах. Можно много говорить о традиционных ценностях, но при этом дети видят реальное отношение к этим ценностям. Это и отношение к старшему поколению, к тем же ветеранам. Когда пожилые люди имеют пенсию 15–20 тысяч рублей, какое чувство патриотизма этим можно вызвать? Так же, как когда мы видим хищническое отношение к природе, где и свалки, и вырубки, и пожары, с которыми никто не может совладать, засоренные реки и озера, мусорные свалки на городских улицах.

Можно много слов сказать о патриотизме, но когда дела взрослых демонстрируют ровно противоположное, откуда возьмется этот патриотизм? Дети чувствуют этот когнитивный диссонанс. Когда какой-то чиновник говорит о патриотизме, а через месяц его за взятки арестовали, то грош цена его словам. Результаты той политики, которую дети наблюдают, должны быть другими. И это не должны быть постоянные ссылки на то, что несчетное количество внешних врагов мешает нам хорошо жить.

НИКОЛАЙ МИТРОХИН

*Сотрудник Центра исследований Восточной Европы (Бремен),
кандидат исторических наук*

25 марта 2021 года

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

КАК СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА: ЧТО ВАЖНО ЗНАТЬ²²

Патриархия всегда презентует себя как представитель всего православного русского народа, либо групп верующих, которые не хотят принимать индивидуальные налоговые номера или что-то еще. На самом деле ее влияние на граждан, в силу сложной матрешечной системы, сильно ограничено. Активное ядро прихожан сильно правее российского правительства и администрации президента и относится к их инициативам с большим подозрением. Достаточно посмотреть на инициативы, поддержанные администрацией в области ювенальной юстиции или налогообложения. Реакция – резко негативная.

Ядро православных прихожан резко негативно и ксенофобски настроено и по отношению к Западу, ориентировано на закрытость, традиционность (а не неотрадицион-

²² Текст не был авторизован лектором.

ность, которую изображают российские медиа и политические спикеры). Поэтому они не считают российское правительство выразителем своей политической воли или тем, с кем хотелось бы сотрудничать. Не случайно неоднократно предпринимались попытки создать православные политические партии, но они никогда не выигрывали, и их кандидаты никуда не проходили, даже в таких ультраправославных районах, как Сергиево-Посадский в Московской области.

Священники на местах настроены тоже правее Патриархии, отражая позицию прихожан и той среды, в которой они выросли, связанную с большей консервативностью, патриархальностью, традиционностью, русским национализмом. Мировоззрение священников и прихожан в значительной степени совпадает. Они готовы терпеть власть епископов, потому что они переводят их страхи и ожидания на язык, понятный власти, и обеспечивают получение от этой власти тех или иных материальных ресурсов, которые позволяют приходам РПЦ чувствовать себя лучше, чем без этих ресурсов.

Вместе с тем, у РПЦ есть опции и для по-иному настроенных прихожан: государственных, военных, либералов. Она предлагает не маленькую повестку, что характерно для небольших, но единых в своих представлениях религиозных групп. В Москве, например, есть несколько общин с либеральными священниками, такие же есть в университетских центрах, в областных городах, священники-евреи. Туда ходит либеральная интеллигенция. Они будут чего-то требовать, чем-то будут недовольны, но будут находиться в ограде церкви.

В Украине спектр – еще шире. Есть священники – сторонники русского мира, у которых висит российский флаг. А есть священники проукраинских взглядов с украинским языком, со службами, учитывающими особенности данного конкретного села.

В этом – стратегия по-настоящему больших конфессий. В католичестве – еще более многообразные варианты исполнения богослужения, идеологических аспектов, в зависимости от конкретной страны.

РПЦ не настаивает на языке богослужения – церковнославянском, а допускает его на языке народов России, вне России – на русском языке. Сейчас пытаются ввести больше элементов современного русского языка, что поддерживает Патриарх. Это – реализация целей и задач церкви – сделать широкие рамки для прихожан, соблюдая общую теологическую концепцию и административно-иерархическое устройство церкви.

Интересы у прихожан разные. Кто-то хочет ходить в милитари и иметь батюшку – бывшего десантника, а кто-то – выпускника филологического факультета МГУ, который говорит, что Бог есть любовь.

Это хорошо для расширения церкви, но не с точки зрения политической, чтобы прихожане отдавали голоса за какого-то конкретного кандидата и поддерживали монолитную идеологию. Чем больше городская или сельская община, тем больше она шагает с государством не в ногу.

Есть миф, поддерживаемый государственными телеканалами, что существует тандем церкви и государства, точнее, администрации и церкви. Эта точка зрения РПЦ – отдел Администрации президента Путина – популярна в оппозиционных СМИ и социальных сетях. В реальности РПЦ, как крупная общественная организация, которая жила и вне государства или в оппозиции к нему, имеет свои интересы. Сейчас ее интересы совпадают во многом с интересами государства, и она старается выбить из него ресурсы, которые хотела бы иметь любая общественная организация и политическая партия для осуществления своих интересов. Интересы РПЦ – в укреплении, увеличении, постройке новых храмов, получении новых прихожан, расширении своего влияния на различные социальные группы, пода-

влении конкурентов. Кирилл, еще не будучи Патриархом, мечтал, что в школе будут преподаваться основы православной культуры, если не с первого, то с 4-го по 10-й классы, что церковь будет на селе получать денежные вливания.

Вместо государственного телевизионного канала РПЦ получила право на частные каналы. Они нашли спонсора, и у них появился «кривой» Царьград, вещающий на узкую аудиторию. Это совсем не то, о чем они мечтали: получить 5-ю кнопку и ресурсы, чтобы ее заполнять.

Отказ от серьезных просьб не означает, что не остается поля, на котором они могут действовать.

Но на самом деле, хотя РПЦ и администрация президента говорят о единстве, у них свои, различающиеся интересы. Государство, в лице Путина, не очень хочет платить РПЦ за услуги, которые они не представляют. А РПЦ не получает того, что хочет получить. Для публичного имиджа – это как свадьба Пугачевой и Киркорова. У них были различные интересы, но были и общие: взаимные презентации, хайп, поддержание лица перед публикой. Президент делает вид, что он в большой дружбе с Патриархом Кириллом, регулярно его поздравляет. Но если Патриарх обращается с просьбами, он получает хорошо если 10% от желаемого. Основные успехи РПЦ в отношении с российским государством пришлось на период правления Дмитрия Медведева, когда под влиянием его жены Светланы Патриарх пошел на введение православного воспитания в школе. Поддерживались капелланы в российской армии и еще ряд направлений. Путин не поддерживал всего этого в первые сроки своего правления, не поддерживает и сейчас.

РПЦ, когда она в этом заинтересована, лоббирует инициативы, не поддерживаемые государством. Например, вопросы ювенальной юстиции, кассовых аппаратов в приходах (они добивались, чтобы этого не было). Церковь не может продавать золотые изделия в своих киосках, как это было до 2000-х годов.

Аналогичные процессы происходят и во внешней политике. РПЦ отказалась поддерживать агрессию против Грузии в 2008 году. РПЦ не взяла приходы в Южной Осетии и Абхазии, которые хотели к ней присоединиться, говоря, что они принадлежат к Грузинской православной церкви, они могут оказывать материальную помощь, но не более того. Аналогичная ситуация произошла в отношении Украины. С одной стороны, Патриарх в личном качестве содействовал началу военной операции, известно о его указании послать Игоря Гиркина (Стрелкова) на разведку в Киев, а потом в Крым. Но формально РПЦ не признала аннексии Крыма. Там действует Украинская православная церковь, единственная украинская институция в Крыму. Патриарх не пришел на торжественный акт присоединения Крыма и Севастополя к России. Формальных претензий украинской стороны к РПЦ быть не может.

У РПЦ взаимовыгодное сотрудничество с Администрацией президента, она остается крупнейшей общественной организацией, которая реально поддерживает Администрацию президента, хотя бы на декларативном уровне, чего многие не делают. Как крупнейшая общественная организация, она старается лоббировать свои интересы, в том числе – через законодателей, как и крупные, в т. ч. сетевые организации. Есть ветераны, есть возникшие ниоткуда Дети войны, которые считают, что если они родились в 1945–1951 годах, то имеют право на получение субсидий из бюджета.

Что касается структур, близких к РПЦ и готовых применять насилие, у них – собственные интересы, как у казаков. Они декларируют, что они – православные, но епископы в этих регионах поняли, что они в церковь не ходят. Они приглашают священников на казацкие круги, но часть из них – старообрядцы, часть – склонна к язычеству. Они часто прикрыва-

ются православием, когда, например, громили кришнаитов в Ростове-на-Дону в середине 90-х. Епархия при этом говорила, что не давала благословления и их туда не посылала. Казаки могут говорить хоть от лица православных, хоть от лица российского народа, но это – праворадикальная группировка.

А «Сорок сороков» – это не самостоятельная организация, а охрана, нанятая Патриархом. Там состоят праворадикалы и неонацисты. Сам Патриарх придерживается околофашистских взглядов. Они ситуативно используются для встреч с либеральной общественностью. У Патриарха после 2012 года обида на либералов, которые его раньше поддерживали. Мне кажется, что «Сорок сороков» – экстремистская группировка и должна рассматриваться в этом контексте.

С другой стороны, государство дает какое-то финансирование, возвращаются храмы. Поддерживается строительство храмов за границей, поскольку государство видит себя там мягкой силой. Если само не дает деньги, то заставляет бизнесменов финансировать строительство объектов за рубежом.

Но РПЦ старается не участвовать в избирательных кампаниях и не поддерживать власть без острой необходимости. На региональном уровне политтехнологи знают, что православный контингент – не те, с кем стоит работать для того, чтобы обеспечить переизбрание чиновника «Единой России».

За консервативную идеологию в России отвечает несколько разных институций, людей. Значение Никиты Михалкова или Владислава Суркова не меньше, чем у Патриарха Кирилла. Но никто не обсуждает влияние Союза кинематографистов, хотя влияние российских фильмов выше, чем храмов РПЦ.

Существует мифология, что церковь очень богата, огромные расценки на все требы, священники ездят на Мерседесах. Люди просто обращают внимание на крупные храмы, которые на несколько порядков богаче обычных приходов. А реально – у РПЦ практически нет собственных капиталов и невысокие доходы. Они живут на деньги спонсоров и прихожан, которые платят за свечи. Но если сравнивать, например, с доходами Российской футбольной лиги, доходы РПЦ почти незаметны. Можно сравнивать с доходами среднего металлургического производства, которых в стране несколько десятков. Доходы священников и епископов сравнимы с доходами представителей региональной элиты. Вряд ли есть епископ, из дома которого можно было бы вывезти 500 млн рублей, как у последнего арестованного губернатора, это скорее – в сто раз меньше, что соответствует экономической значимости РПЦ в масштабах страны. Мы не знаем, сколько зарабатывают священники. У них есть теневые доходы, свой бюджет. Настоятели храмов могут получать 50 тысяч, а платить священнику 20–30 тысяч. С моей точки зрения, необходимо регулирование финансовых отношений в религиозных организациях без вмешательства внешних сил.

Мы ничего не знаем о других религиозных общинах – свидетелях Иеговы, пятидесятниках и т.д., как распределяются деньги, какие конфликты возникают между руководителями сетевых структур и руководством.

Патриарх, придя к власти, объявил о программе строительства 200 храмов в Москве, но для многомиллионного города, население которого все время растет, это не так много. Действительно, с учетом Новой Москвы, храмов не хватает. Кроме того, народ стал ленивым, не хотят ехать в Центр на службу. Люди, которые посещают окраинные храмы, говорят, что они заполнены. Этой программе исполнилось уже 10 лет, но темпы строительства ниже, чем в 90-е годы. За прошлый год, например, было построено 10 православных храмов. Реально они построили 100 храмов, сохранив темпы, которые были до прихода Кирилла.

Партия «Яблоко» поддерживала протесты против строительства храмов, но протесты были не везде, это было только в трети мест, четыре или пять точек в Москве было и есть. Возникает вопрос: в какой степени это – местные жители, а в какой – активисты из других районов. Происходила мобилизация левых радикалов. И у кого есть правота – неясно.

РПЦ – не самая закрытая структура. Попробуйте узнать о бюджетах ветеранских организаций: какие государственные деньги туда приходят, как они распределяются, кто командует и т.д.

Ковид поставил церковную жизнь на паузу, но практики целования икон или рук священников не изменишь.

Реальное влияние прихожан на священников – это право жалобы или – грубой силы: не допустить священников к алтарю, устроить скандал. Это регулярно происходит. Де-факто существует только карман священника, куда собираются деньги, а потом раздаются.

Почему преследуют свидетелей Иеговы? Свидетель рассказывал, что они давали взятку лично Собчаку в обход Путина, и теперь он реализует план мести. Для охваченных шпиономанией руководителей России практика еженедельных отчетов свидетелей Иеговы в центр – в США, неприемлема. И они не были готовы к тому, что нужно будет не только запрещать, но и сажать.

Из представителей Хизбут – Тахрир аль – Ислами, фундаменталистской исламской организации, сидят уже сотни человек, эта история продолжается десятки лет.

Надо строить буддийские храмы, сотни мечетей в Москве.

АЛЕКСАНДР ГНЕЗДИЛОВ

Режиссер, член Федерального политического комитета партии «Яблоко»

28 апреля 2022 года

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

КРОВОПРОЛИТИЕ В ДРАМАТУРГИИ И ДРАМАТУРГИЯ КРОВОПРОЛИТИЯ

Основной реакцией культурной среды на нынешнюю волну цензурных запретов и преследований будут, я полагаю, скрытое сопротивление и возвращение к тому Эзопову языку, который процветал в советское время, когда искусство использовало намеки, ассоциации и аллегории, чтобы говорить со зрителем о волнующих его современных проблемах. Есть смысл поговорить о том арсенале «патронов» Эзопова языка, который есть у современного российского театра.

Конечно, это может быть не только драматургия. Театр уже давно делает поэтические композиции, инсценировки по художественной прозе, использует в своей работе документальный материал. Я сам в марте этого года выпустил в Творческом объединении «Гнездо» премьеру по тайным дневникам немецкого антифашиста Фридриха Кельнера. Наша работа называется «Одураченные. 1938–1941», и в формате видеоспектакля ее можно посмотреть и на YouTube, и в других социальных сетях.

Но все же нам следует как-то сфокусироваться, поскольку потенциально тема совершенно бездонная. И я решил остановиться на драматургии. Но даже так невозможно дать вам сегодня полный обзор военной темы в ней за все две с половиной тысячи лет суще-

ствования драматического театра. Так что мы возьмем лишь несколько имен из первого ряда, абсолютных классиков – и их сравнительно малоизвестные произведения (или малоизвестные и незамеченные повороты внутри их прославленных произведений), так или иначе связанные с войной.

Мне показалось это перспективным еще и потому, что нам, людям, присуща своего рода склонность к «модернизации». Что я имею в виду? Нам порой кажется, что тирания, войны, жестокость, насилие, произвол, трайбализм, «готтентотская мораль», ксенофобия, нетерпимость существовали практически всегда, испокон веков. А вот антивоенные идеи, идеи гуманизма и человеческой свободы – это все кажется нам часто порождением сравнительно недавнего времени, максимум нескольких последних столетий.

На самом деле это не так. И, если обратиться к истокам мировой литературы вообще и мировой драматургии в частности, мы найдем там весьма любопытные и близкие себе вещи. Не буду подробно останавливаться на том, что в древнейших известных нам литературных произведениях, таких как эпос о Гильгамеше или «Илиада» и «Одиссея» Гомера, война является значимой, а порой и стержневой для сюжета темой.

Вспомним лишь, что у того же Гомера Троянская война между ахейцами-греками и троянцами не принесла счастья практически никому из ее участников. Троя, как известно, была уничтожена, все ее защитники пали, кроме Энея, который считается прародителем Ромула и Рема, легендарных основателей Рима. Ну а греки одержали, конечно, победу, однако мало кому из них эта победа послужила к добру.

Некоторые, как знаменитый Ахилл и его возлюбленный Патрокл, погибли еще во время осады Трои. Предводитель ахейского войска Агамемнон вернулся с победой домой в Микены после десятилетнего отсутствия и был там убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом. Одной из причин этого убийства стало, кстати, принесение Агамемноном в жертву богам своей родной дочери Ифигении – ради успеха в войне. Этот сюжет с жертвоприношением дочери ляжет в основу трагедии Еврипида (480–406 гг. до н. э.) «Ифигения в Авлиде». Ну а после убийства Агамемнона дети его и Клитемнестры, Орест и Электра, отомстят матери и Эгисфу за смерть отца. И гибель Агамемнона, и месть его детей запечатлел Эсхил (525–456 гг. до н. э.) в своей знаменитой трилогии «Орестея».

И даже хитрец Одиссей, сумевший выжить, еще долгие годы вынужден был скитаться после войны, а, вернувшись, наконец, домой в Итаку, обнаружил, что его жену Пенелопу обхаживают назойливые женихи, принуждающие ее к новому замужеству. Одиссей перебил всех женихов, и на этом как бы «хэппи-энде» все кончается. Но другие мифы сообщают, что позднее хитроумный Улисс все же погиб в бою, сраженный не узнавшим его собственным сыном.

Оставляя Гомера позади, перейдем к уже упомянутому мной Эсхилу. Его называют «отцом трагедии». Впрочем, на самом деле это не первый известный нам драматург. Мы знаем несколько более ранних имен – Феспис, Фриних... однако их произведения до нас не дошли, не сохранилось почти ни одной их строки. У Эсхила же мы знаем названия примерно 90 пьес, но до нас дошли лишь 6 его достоверных произведений и еще одна пьеса, предположительно ему принадлежащая. Это произведения V века до нашей эры, им почти 2 500 лет.

Эсхил жил и писал в эпоху греко-персидских войн. Царство Ахеменидов пыталось покорить греческие города-государства. Считается, что Эсхил был, в составе афинского флота, участником важнейшего морского сражения при Саламине (480 год до н. э.), а возможно также – и сухопутной битвы при Платеях в следующем, 479-м году, когда войско персов подверглось практически полному разгрому. Во всяком случае, что такое война, Эсхил хорошо понимал на собственном опыте. Все дошедшие до нас его произведения написа-

ны после 479 года до н. э., и потому в них этот его военный опыт присутствует. Остановлюсь на двух эсхилевских пьесах, которые особенно тесно связаны с проблематикой войны.

Первая из них – видимо, самая древняя пьеса в мире из уцелевших до наших дней. Это «Персы». Их написание относят к 472 году до нашей эры. И вот смотрите! Первый драматург, чьи пьесы дошли до нас. Древнейшая, архаичная, на наш взгляд, драматургия. Но уже тогда тему войны Эсхил раскрывает не со стороны греков и их войска, не со стороны «своих» – а со стороны заклятого противника своего города, со стороны персов. (И даже он, видимо, был не первооткрывателем такого приема: известно, что в 476 году до н. э. драматург Фриних написал не дошедшую до нас пьесу «Финикиянки», где финикийские женщины оплакивали своих мужей, опытных мореходов, нанявшихся в персидский флот, разгромленный афинянами.)

Этот ракурс будет впоследствии множество раз использоваться и в театре, и в кинематографе. Достаточно вспомнить, например, всем известные «17 мгновений весны». Мы видим там вымышленный сюжет из истории Великой Отечественной войны, представленной нам с другой стороны фронта, из стана гитлеровцев, из Берлина за пару-тройку месяцев до его взятия советской армией.

Точно так же Эсхил смотрит на недавние сражения глазами персов. И, с одной стороны, это способ возвеличить победы афинского войска. Такой ракурс истории придает ей оттенок объективности: вот как наши враги посыпают голову пеплом и с горечью переживают собственные поражения. И ведь даже они вынужденно признают мощь греческой армии – и притом мощь совсем неожиданную, ведь казалось, что эти маленькие разрозненные полисы не смогут сопротивляться могучей империи персов и уж тем более побеждать ее огромную армию!

Но в тоже время у этой медали есть и вторая сторона. Она заключается в том, что как только ты выводишь на сцену врага, то, если ты достаточно талантлив и делаешь не голую карикатуру, то невольно начинаешь смотреть на него как на человека. Это произошло даже с героями тех же «17 мгновений весны». Притом что эти руководители разведывательных и карательных структур Третьего рейха вышли и грозными, и пугающими, и отвратительными – но будучи сыграны с большим обаянием такими нашими актерами, как Броневой, Табаков и другими, они стали героями анекдотов, теряя ореол опасности, и вообще, как ни парадоксально, стали нашему народу ближе.

Все действие «Персов» на сцене находится хор, изображающий персидских старейшин. Здесь надо, кстати, напомнить, что и хором, и исполнителями ролей в античном театре (так же как и в традиционном театре Востока, например, в Но или Кабуки, и в английском театре времен Шекспира) были исключительно мужчины. (Поэтому очень потешно звучит порой брюзжание обывателей, что какой-либо режиссер «извращает» Шекспира или ставит его «не как у автора». Так ведь у Шекспира все роли в пьесах играли мужчины. Вы уверены, дорогие борцы с современным искусством, что хотите театр, который точно следует автору? Чтобы и Джульеттой, и Офелией были не девушки, а юноши? Ведь театр, где играют женщины, – это уже была некоторая модернизация и отступление от изначальной, архаической традиции.)

Так вот, основной актер в «Персах» Эсхила играл царицу Атоссу, мать отправившегося воевать с греками царя Ксеркса. Она и хор на протяжении спектакля встречались с еще тремя персонажами. Всех их играл один актер (Эсхил как раз ввел второго актера, создав тем самым драматическое действие на сцене, а до него единственный исполнитель мог быть в диалоге только с хором). Эти три персонажа – гонец, который приносит весть о поражении персидского воинства, потом вызываемый Атоссой дух ее покойного супруга, царя Дария I, и, наконец, сам разгромленный Ксеркс.

Хор формулирует, что означает для мира победа граждан греческих полисов над восточной деспотией (здесь и далее перевод Соломона Апта):

*Азия больше не будет
Жить по персидской указке.
Больше не будут народы
Дань приносить самодержцам,
В страхе не будут люди
Падать наземь. Не стало
Царской власти сегодня.
Люди язык за зубами
Сразу держать перестанут:
Тот, кто свободен от ига,
Также и в речи свободен.*

И когда Атосса вызывает дух Дария и хор вопрошает его:

*К какому же, владыка Дарий, речь свою
Ведешь итогу? Как народу Персии
Благополучней выйти из такой беды?*

Тот, сам потерпевший поражение от греков при Марафоне, отвечает своему народу:

*Войной на греков не ходите в будущем,
Каким бы сильным войско наше ни было (...)
Возмездье это видя, вечно помните
Элладу и Афины. Своего добра
Не расточайте и, богатством собственным
Довольствуйтесь, не зарьетесь на чужой кусок.*

Мы видим в этот момент врагов, которые, проигрывая, способны страдать и одновременно делать на основе своих страданий разумные выводы, закладывающие основу для прочного мира. И это весьма показательно. Обычно ведь полагают, что отцом-основателем психологической драмы является Еврипид, который будет творить на несколько десятилетий позже Эсхила. И это, конечно, справедливо.

Но все же даже в самых древних пьесах мы находим некоторый след надежды, что жители соседней державы-агрессора способны на определенную рефлексию, способны измениться и изменить свою политику, отказаться от агрессии в пользу мирного сосуществования – и, может статься, Азия и сама станет столь же свободна, сколь Афины. Сам этот взгляд на историю с позиции врага очень важен. Это тренинг нашей способности смотреть на вещи с разных сторон, то, что может зародить в нас эмпатию, умение ставить себя на место другого и сочувствовать ему.

Вторая пьеса Эсхила, о которой я хотел бы поговорить сегодня, очень малоизвестна. В отличие от «Персов», о ней почти никогда не говорят. Эта пьеса называется «Просительницы», и в ней мы не видим непосредственно боевых действий. Она начинается с результатов прошедшей войны, и по ходу ее действия складываются условия для войны будущей.

Как это происходит? В Грецию, к городу Аргос прибывает через Средиземное море (маршрутами современных мигрантов из Северной Африки) царь Ливии Данай со своими 50 дочерьми – Данаидами. Они бежали от войны, проигранной ими Эгиптидам. Эти 50 сыновей Эгипта, брата Даная, вознамерились силой взять Данаид в жены.

Вынужденно бежавшие девушки вместе с пожилым отцом укрываются под Аргосом в священном месте, припадая к расположенному на холме алтарю. Они просят царя Аргоса Пеласга об убежище и спасении. Мы видим в этой пьесе беженок (и беженца – в лице царя Даная) – от войны и от связанного с войной насилия.

«Просительницы» особенно важны еще и потому, что в них впервые в известной нам драматургии (и именно в связи с темой войны!) появляется тема демократии. Когда Пеласг встречается с Данаидами, он отвечает на их мольбы, что не может сам принять решение – давать ли им чреватое войной Аргоса с Египтидами убежище или же нет (перевод С. Апта):

*Не к моему вы очагу домашнему
Припали. Если вся страна в опасности,
Пусть весь народ решает, как избежать бед.
И обещать вам ничего не вправе я,
Не посвятивши в дело горожан своих.*

Царь Аргоса пытается найти возможные основания для отказа Данаидам в убежище:

*А если, как ближайшим вашим кровникам,
Сынам Египта право дал закон страны
На вас жениться – кто перечить станет им?
Нет, докажите, что у вас на родине
Им права на женитьбу не дает закон.*

(Очень, кстати, узнаваемая сегодня ситуация. Недавно в Дании были разбирательства, закончившиеся отставкой министра из сестринской для «Яблоко» либеральной партии и ее уголовным осуждением. Когда в Данию прибыли беженцы из Сирии, там были супружеские пары, в которых девушка по датским законам была еще несовершеннолетней. Возник непростой вопрос: как быть? В Сирии все было легально, а в Дании – это растление несовершеннолетней. Министр Ингер Стойберг приняла решение разлучать такие пары, но суд позже встал на сторону супругов, а сама Стойберг получила уголовный приговор. Теперь, покинув партию «Венстре», которая ее не поддержала, она сдвинулась на правый фланг датской политики).

Царь же Пеласг объясняет Данаидам, что:

*Решенья, не спросив народ,
Я не приму, и даже если б знал, как быть, –
Чтоб – мало ль что случится – не сказали мне:
«Чужим помог ты, а свою страну сгубил».*

В общем, узнаваемые проблемы стран, которые должны сейчас решить, как быть с потоком беженцев, какую помощь оказать жертве агрессии, как при этом не втянуть в войну свою собственную страну и так далее... «Добра не жду я, но хочу добра», – говорит Пеласг, стремясь остаться в стороне от военного конфликта, ограничиться гуманитарными шагами, избежать вовлечения в войну, чтобы не стать одной из ее сторон.

*Данаиды умоляют его:
Думай, о царь, защити гостей:
Предавать не надо тех,
Кто бежал в такую даль
От насилья злого.
Не позволяй, чтоб нас, просительниц,
Словно кобылиц, от кумиров прочь
Повели, потянув за пестрый лоскут*

*Головной повязки, за платья край.
Ты поверь нам: что ни выберешь,
Дому твоему, отпрыскам твоим
Все равно суждена расплата войной.*

В итоге на совет жителей Аргоса уходит старый Данай, сообщающий, вернувшись, дочерям, что на совете:

*Разногласий не было.
Взметнулись, рассекая воздух с присвистом,
В одном порыве руки, и решил совет:
Мы будем жить свободно в этом городе
И неприкосновенно. Нам убежище
Предоставляют. Кто нам в помощи
Откажет и в защите от насилия,
С позором будет изгнан из родной страны.*

Но дальше к берегам Греции прибывают Эгиптиды. Их глашатай пытается силой оттащить Данаид от алтаря, чтобы угнать на эгиптидский военный корабль. На мой взгляд, это одна из самых эмоциональных и пронзительных сцен античной драматургии, написанная человеком, знающим не понаслышке, что на деле представляют собой бедствия войны.

И когда вновь появляется Пеласг, заявляя, что девушки под защитой его города, глашатай угрожает войной уже и жителям Аргоса, требуя не вмешиваться и отдать Данаид во власть их кузенов, желающих также стать и мужьями. Мол, если горожане попытаются остановить насилие – они и сами станут жертвами войны. Но царь и аргосцы уже выбрали путь сопротивления злу, и потому Пеласг успокаивает Данаид:

*Ступайте смело в город. Ваши покровители
Здесь я и каждый гражданин. Ведь принято
Решенье это всеми. Силы нет сильней.*

В этот момент, в момент подготовки к решающей битве оканчивается действие «Прометеев» Эсхила. Мы могли бы остаться в Афинах V века, обсуждая другие преломления военной темы – будь то «Антигона» Софокла, драматургия упоминавшегося мной ранее Еврипида или, например, «Лисистрата» и «Мир» Аристофана. Но посмотрим на другие эпохи и страны.

Завоевания Александра Македонского привели к распространению греческой культуры по всей Азии вплоть до Индии и эллинистическому влиянию на искусство различных народов. Мы не можем уверенно говорить, какое воздействие античная драматургия оказала на зарождение санскритской драмы – но драма эта возникает именно на западе Индии, куда дошли войска Александра, и именно в те века, когда там еще существовали государства-наследники эллинизма.

С искусствами менее эфемерными и сиюминутными, чем театр, проще. В прическах и складках одежды гандхарских статуй будд и бодхисаттв мы видим явные параллели с античной скульптурой. Это так называемый греко-буддизм. Ученые смогли проследить и то, как бог ветра и бог грома начали свой путь из Древней Греции и понемногу, видоизменяясь, через всю Азию достигли Японии.

Было и обратное влияние: легенда о судьбе исторического Будды (Сиддхартхи Гаутамы) пришла через Ближний Восток в христианскую Европу. Так основатель буддизма стал христианским святым под именем «Иосаф, царевич индийский». Впоследствии мотивы жи-

тия Иоасафа (искаженное от «бодхисаттва»), а внутри них и идеи буддизма, легли в основу пьесы «Жизнь есть сон» (1635) классика драматургии испанского барокко и впоследствии католического прелата Педро Кальдерона де ла Барки (1600–1681).

Что же до гандхарского греко-буддизма и санскритской драмы, то театральное искусство с запада Индии, упрощаясь, проникало понемногу в Среднюю и Центральную Азию, а оттуда по Великому шелковому пути в Китай и затем уже, в совсем примитивном виде – в Корею и потом Японию. Там, в Японии, из ритуальных и развлекательных представлений с участием музыкантов, певцов, танцоров и кого-то вроде скоморохов, заново возник театр.

Как и в Древней Греции, сперва появился герой, ведущий диалоги с хором. Потом – как в пьесах у Эсхила – возникает второй актер и их взаимодействие с протагонистом, потом уже третий... В Японии это произошло в искусстве Но, средневекового японского театра, сформировавшегося в XIV веке.

Первую труппу Но, видимо, создал актер и драматург Канъами Киёцугу (1333–1384). Наиболее же значительным и известным деятелем Но стал его сын Дзэами Мотокиё (1363–1443). Он был не только драматургом, актером, руководителем труппы и школы, но также и теоретиком театрального искусства, автором целого ряда исключительно интересных трактатов, создателем своеобразной и глубокой театральной системы. Поразительно, что эти работы созданы были, например, за несколько столетий до Станиславского!

Вполне естественно, что драматургия Но также касалась темы войны. Философия Но была тесно связана с преобладавшим тогда в Японии буддизмом. Сюжеты пьес Канъами, Дзэами и их последователей, отчасти схожие с европейскими трагедиями, но имеющие и различия с ними, часто выявляли столкновение двух логик, двух систем ценностей.

Одна из них – и возможно, вы слышали о ней – это логика бусидо. Это понятие образуется двумя словами: «буси» – воин, самурай и «до» – это путь. Путь самурая. Это определенные обязанности и обязательства, вассальная преданность, верность своему долгу, исполнение приказов вышестоящего... В реальности все было куда сложнее, но таков в теории был образ идеального самурая, которому надлежало соответствовать.

Но параллельно существовала иная, не менее древняя и не менее укорененная в тогдашнем японском обществе система представлений, о которой нам известно куда меньше. Это парадигма «рокудо». Здесь «до» – уже знакомый нам путь (или, в данном случае, «пути»), а «року» – это число «шесть». То бишь «6 путей».

Это буддийская религиозная идея о существовании шести типов живых существ. Среди них (по нисходящей) – боги, люди, асуры (могучие и воинственные полубоги), животные, ненасытные демоны и обитатели ада. Все они, как реальные, так и мифологические существа, якобы могли в следующей жизни перейти (в зависимости от своих поступков в жизни нынешней и от их соответствия постулатам буддизма) на ступень выше или ниже. Таким образом, следовало не ухудшать, а всячески улучшать свою карму, получая за это воздаяние при перерождении.

И поскольку буддизм, как и другие мировые религии, провозглашает недопустимость убийства, идея рокудо неизбежно оказывалась в напряженной противоречии с идеей бусидо, ведь самураи времен феодальных распрей нередко сталкивались с обязанностью убить противника на поле боя. Этот конфликт стал важной темой в драматургии театра Но, приверженного более гуманным ценностям рокудо.

Пьесы Но строго подразделялись на 5 видов – о богах, о воинах, о женщинах, о безумных, о демонах. Тема борьбы между рокудо и бусидо, разумеется, касалась в основном

пьес второго типа, посвященных воинам-буси. Сегодня мы коснемся одной такой пьесы Дзэами Мотокиё под названием «Ацумори» (1423).

Несколько лет назад я в Культурном клубе партии «Яблоко» показал видео настоящего спектакля. Но по этой пьесе, синхронно дублируя его по книге с русским переводом пьесы. В ней как раз рассматривается столкновение между, с одной стороны, воинским долгом и выполнением отданного тебе начальником приказа, которому ты вроде как обязан, как хороший служака, подчиняться любой ценой – и, с другой стороны, вечных нравственных общечеловеческих ценностей.

В чем заключается сюжет «Ацумори»? На сцене появляется монах Рэнсэй, сообщающий зрителю, что его мирским именем было Кумагаэ-но Наодзанэ, и он был самураем. Ему выпало принять участие в междоусобной войне годов Гэмпэй (1180–1185) между влиятельными самурайскими кланами Минамото и Тайра. Он воевал за Минамото и бился здесь, на этом самом морском берегу, в большом сражении.

Остатки разбитого войска Тайра спешно садились в лодки, отплывая к своим кораблям. И тут Наодзанэ заметил отставшего знатного воина, метавшегося у кромки волн. Это был Тайра-но Ацумори. Кумагаэ-но Наодзанэ вступил с ним в бой, но, когда с головы Ацумори упал шлем, увидел, что сражается с юношей, почти что мальчиком. Однако Наодзанэ следовал бусидо и, победив, безжалостно умертвил юного Ацумори.

Он действовал по правилам и поступил так, как должен был поступать самурай, верный своему долгу. Но после убийства Наодзанэ ощутил угрызения совести, понимая, что этот учтивый и изнеженный отрок (Ацумори играли в маске женского типа, отличающейся лишь прической), даже на поле боя не расстававшийся с любимой флейтой, не мог быть ему достойным противником. Раскаиваясь, самурай постригся в монахи.

Теперь он пришел на узкое побережье Ита-но Тани, где когда-то в бою убил юного Ацумори. И тут вдруг он услышал звуки флейты. Мимо шли косившие траву крестьяне. Один из них – на самом деле дух Ацумори. Заговорив с монахом о давно минувшем бое, узнав, кто перед ним, и увидев раскаяние убийцы, призрак называет себя и предстает во втором действии перед Рэнсеем в подлинном обличье и великолепном наряде.

Мы узнаем, что дух Тайра-но Ацумори также не находит себе покоя. Во-первых, он одержим жаждой мщения, но, кроме того, к моменту смерти Ацумори он и его род были слишком избалованы богатством и властью, слишком суетны и далеки от понимания рокудо – и теперь посмертно юноша расплачивается за это (перевод Татьяны Соколовой-Делюсиной):

*Увы, зачем
не думали о том, что жизнь мелькнет
мгновенной искрой, высеченной камнем,
возможность упустили мы познать
Учение, зовущее к добру,
а ведь его так трудно в жизни встретить.*

Но, сошедшись лицом к лицу, монах и дух взаимно облегчают муки друг друга. Призрак Ацумори прощает убийцу, а бывший самурай молится за упокоение духа своей жертвы:

*«Вот он, мой враг», – промолвил,
готовясь нанести удар...
Но коль врагу ты воздаешь добром,
за упокой души моей молитвы
возносишь Будде, будем рождены
в едином лотосе в грядущем мы, Рэнсэй.*

*Не враг ты мне теперь. Молись же
за упокой души моей,
молись же.*

Вернемся теперь на Запад и обратимся к самому известному и, пожалуй, самому гениальному драматургу мира Уильяму Шекспиру (1564–1616). Многие его пьесы так или иначе касаются темы войны, но сегодня я хотел бы вместе с вами заглянуть в два произведения – одно прославленное и одно – малоизвестное.

Прославленная пьеса – это «Отелло» (1603). Она кажется простой и всем известной. Мы думаем: а, это история о ревности! Или: а, это история о клевете! Но я думаю, что оба ответа неверны: суть пьесы не в ревности и не в клевете.

Чтобы убедиться в этом, представим себе, что Яго не оклеветал Дездемону, а на самом деле уличил ее в романе с Кассио и сообщил об этом Отелло. Далее всё по пьесе: Отелло следит за женой, убеждается в правдивости доноса и убивает жену за измену. И что? Разве исчезновение клеветы из сюжета делает убийство менее трагичным или менее преступным? Разве убивать нельзя только верную жену?

Так что главным событием пьесы является отнюдь не обман. А убийство. Которое совершает Отелло (и именно он, а не Яго выбирает такое решение). Именно убийство создает трагедию. Извлеки мы его из сюжета – и он рухнет. Снова представим себе на секунду: Яго сообщает (лживо или нет) об измене Дездемоны, Отелло ревнует, но не убивает ее, а просто идет плакать или пьянствовать. Или и сам заводит роман на стороне. Или разрывает с женой и уезжает в другую страну. Есть без убийства трагедия? Нет. Это другой жанр и другая пьеса.

Именно лишение одним человеком жизни другого придает и клевете Яго, и ревности Отелло, и его ошибке роковое, фатальное, непоправимое значение. С этой ошибкой Отелло не может жить и убивает себя. А не будь ее – он, конечно, страдал бы, но чувствовал бы себя правым и вправе. Он аргументирует это убийство до того, как узнает о лжи Яго.

И именно это чувство собственной правоты, убежденность в своем праве миловать и карать, даже отнимать жизнь другого человека, и создает катастрофу, приводя Отелло к краху, когда вскрывается ошибка, которую уже невозможно исправить. Но почему Отелло совершает это убийство? Ответ, разумеется, не в его цвете кожи или в южном темпераменте. Такие преступления совершаются людьми всех национальностей на всех континентах.

(Кстати, Отелло, заметим вскользь, не негр и не мавр-араб, а бербер-туарег, коренной житель Северной Африки. Это проявляется в его биографии, в его репликах и, особенно, в мистическом значении платка – который совсем не носовой или шейный. Это все отдельный, страшно интересный вопрос, не имеющий к нынешнему предмету разговора никакого отношения.)

Эта готовность убивать, способность совершать поступки, которые с легкостью могут оказаться непоправимыми ошибками, возникает из судьбы Отелло. Шекспир прописывает это не столь подробно, но он – гений, и отдельные штрихи, разбросанные по пьесе, настолько ярки, что без труда позволяют нам уловить общую картину. Вот Отелло говорит венецианскому сенату в I акте (перевод Бориса Пастернака):

*Начавши службу мальчиком в семь лет,
Я весь свой век без малого воюю.*

Потом, в одной из сцен III акта, Яго упомянет, что у Отелло на глазах разорвало ядром его родного брата. Так что подоплека тут совсем не ксенофобская, это совсем не про «Отелло рассвирепел и убил Дездемону». Нет, это история о человеке, который стал солдатом

с раннего детства и практически всю свою жизнь (а генерал Отелло уже немолод) провел на войне.

Вы, может быть, видели репортажи о мальчиках на Ближнем Востоке, которых с раннего детства учат стрелять и орудовать ножом. Или о целых отрядах детей-солдат (как мальчиков, так и девочек) в Африке – причем это дети, украденные из своих семей, искусственно лишенные корней, «перепрограммированные» (у нас модно теперь на ТВ призывать к «перепрограммированию» детей и подростков из соседних стран) и потом безжалостно убивающие – порой своих же соотечественников – по приказу очередного преступного диктатора или просто мафиозного бандита.

Вот эти дети-солдаты – это будущие Отелло. Трудно вообразить и легко понять, в каком страшном мире они живут, как трудно им довериться, и как суровы они могут быть с реальным или мнимым предателем, которым для Отелло стала Дездемона. Прощать предательство для такого воина равнозначно смерти. Проверил, вроде убедился – и казнил.

И ведь Пастернак в своем переводе использует как раз это слово. Отелло говорит у него «Я плачу и казню, совсем как небо». Он и выносит приговор, и исполняет его. Ложное ощущение своего права на убийство выковано в нем годами и десятилетиями войн, тех жестоких боев, в которых он участвовал с детства, тех походов в пустыне, когда снисходительность к одному предателю могла обернуться гибелью всей армии, а ответственность нес он как командующий.

Это история о деформации личности на войне. Человек, наделенный немалыми талантами и достоинствами, не злой и не аморальный, но глубоко искалеченный нравственно, не имеющий иного опыта, кроме войны, не знающий другого способа действий, не видящий другой логики существования, этот Отелло – и есть воплощенная трагедия.

Вторая, малоизвестная, пьеса Шекспира, о которой мы поговорим, – одна из его исторических хроник, «Генрих VI». Огромное произведение (целых три части, в каждой из которых по пять актов) охватывает почти полвека жизни и правления (1422–1471) слабого монарха, вступившего на трон младенцем после смерти своего отца Генриха V. Эта хроника – самое большое произведение Шекспира, раннее (1591–1592) и очень неровное. Первая его часть посвящена в основном Столетней войне, а вторая и третья сосредоточены, прежде всего, на междоусобной войне Алой и Белой розы.

Так вот: очень мало кто знает, что в первой части «Генриха VI» у Шекспира среди персонажей появляется Жанна д' Арк. Отчасти эту малоизвестность можно объяснить тем, как именно там появляется французская национальная героиня. Сначала все вроде бы укладывается в рамки канонической легенды: при дворе дофина Карла, наследника престола и фактического главы французского сопротивления английскому нашествию, появляется девушка, безошибочно узнает принца в толпе придворных и сообщает ему, что ей было видение, и он должен отдать под ее командование французскую армию.

Позднее, взывая к одному из соотечественников-феодалов, перешедших на сторону оккупантов, Жанна говорит (перевод Евгении Бируковой):

*Взгляни на плодородную страну,
Взгляни на Францию, на край богатый, –
Ее селенья все и города
Обезображены разгромом вражьем.
Как смотрит мать на хладного младенца,
Когда глаза ему закроет смерть, –
Смотри на Франции недуг жестокий.
Взгляни на раны, роковые раны,*

*Что ты нанес ее груди больной.
В другую сторону направь свой меч,
Рази вредящих родине твоей,
А не того, кто ей помочь хотел бы;
И капля крови, из груди отчизны
Исторгнутая, пусть тебя печалит
Сильнее, чем озера вражьей крови.*

Но! Дальше наступает предпоследняя сцена, где участвует Жанна (акт V, сцена 3). И тут мы обнаруживаем, что всю непобедимость Жанны д'Арк и все поражения англичан от нее Шекспир объясняет тем... что она на самом деле ведьма и призывает духов зла не хуже, чем Макбет в одноименной трагедии.

Вы знаете, что есть понятие «демонизация противника». Когда, например, ты обзываешь своего соседа и наркоманом, и неонацистом, и бог знает кем еще – и все это лишь для того, чтобы как-то оправдать свою собственную непростительную низость. А здесь вот, в «Генрихе VI» Шекспира, тот самый случай, когда врага демонизируют не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле этого слова.

А как же! Ну ведь не мог пламенный английский патриот Шекспир со сцены лондонского театра заронить в головы зрителей мысль, что Жанна побеждала их соотечественников потому, что она и ее соратники бились против полчищ агрессора на своей родной земле. Или что эта деревенская девушка в критический для своей страны момент неожиданно оказалась талантливым полководцем и харизматичным лидером. Увы, вместо этого – открыто шовинистическая истерика в духе «у нас – разведчики, а у них – шпионы».

И потому, в последней сцене с участием уже попавшей в плен Жанны, она у Шекспира отрекается от родного отца, и он, старый пастух, сам (сам!) призывает англичан ее сжечь. Но мало этого! Великий Бард делает Орлеанскую деву... еще и беременной от неизвестного любовника. Так, беременной, ее и уводят по пьесе на костер. «Разврат! Подрыв традиционных ценностей! Мол, правильно сожгли», – как бы намекает читателю автор. Вильям наш, так сказать, Шекспир.

Все это пропагандистское позорище а-ля «распятый мальчик» – очень яркий пример того, что даже гениального писателя безумие квасного патриотизма низводит одновременно до подлости и бездарности. И счастье, что Шекспир этой пьесой лишь начинал, а не оканчивал свой творческий путь.

Совсем другой образ Орлеанской девы мы найдем спустя два столетия в одноименной трагедии Фридриха Шиллера (1759–1805), но сегодня обратим лучше внимание на другое произведение великого немца, совершенно замечательное, но очень малоизвестное. Это написанная им в 1797–1799 годах драматическая трилогия о выдающемся полководце Тридцатилетней войны, герцоге Альбрехте Валленштейне (1583–1634): пьесы «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна».

Конечно, образ реального герцога Валленштейна сильно видоизменяется, романтизируется и приукрашивается Шиллером. Он создает трилогию в годы, когда на европейской политической сцене возникает будущий Наполеон, молодой генерал Бонапарт. И, подобно героям «Войны и мира» Толстого, Пьеру Безухову и Андрею Болконскому, Шиллер видит в Наполеоне шанс на силовое, но воссоединение Европы вокруг прогрессивных идей и прекращение войн. Такую концепцию автор постулирует уже в прологе к трилогии, заявляя, что в конце XVIII века (перевод Льва Гинзбурга):

*Мы ясно видим пред собой
Гигантских сил могучее боренье
Во имя высшей цели и борьба
Везде идет за власть и за свободу.*

Одним из приближенных и наиболее верных соратников Валленштейна является в трилогии молодой полковник Макс Пикколомини. Его устами драматург называет тех, в ком видит подлинных виновников войны. Это императорский двор. Таким образом, в «Валленштейне» предвосхищается крылатая фраза одного из американских генералов XX века, что войны ведут военные, но начинают их политики. Обращаясь к императорскому посланцу, Макс говорит (перевод Николая Славятинского):

*Я вам скажу открыто, Квестенберг:
Когда я вас сегодня увидал,
Негодование сжало сердце мне.
Помеха миру – вы, и только вы!
Так пусть хоть воин вас к нему принудит.
И сам этот воин, герцог Валленштейн, говорит в пьесе, что он:
Имперский полководец
Для блага всех, во имя общей пользы,
А не для славы только одного.*

Слова «общей» и «одного» выделяет в тексте сам Шиллер. При этом он вовсе не наивен: его Валленштейн (так же, как и герой другой пьесы Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе») сполна проходит искушение властью, весьма неразборчив в средствах, словом, совсем не является воплощением добродетели.

Эту роль Шиллер отдает вымышленному персонажу, все тому же Макс Пикколомини. Он, с юных лет оказавшись в боях Тридцатилетней войны, вопрошает своего отца, генерала Октавио Пикколомини, который станет главной движущей силой в гибели Валленштейна:

*Скажи, где цель и где моя награда
За тяжкий труд, что всю расхитил юность,
Опустошил мне сердце и коснеть
В невежестве оставил пылкий дух?
Ведь этот лагерь – шум и брань солдат,
Сигнал горниста, ржание коней,
Размеренный порядок на ученьях,
Треск ружей, сабель звон, слова команды –
Что это все для жаждущего сердца?
Бездушное ничтожество! Но есть
Иное счастье, радости иные!*

Эти иные радости мирной жизни Макс открывает для себя, впервые за долгие годы покинув армию, чтобы сопровождать в безопасный тыл дочь Валленштейна (и свою возлюбленную) принцессу Тэклу. Вернувшись из поездки, он с восторгом говорит отцу, что мечтает об окончании войны:

*Блажен тот день, когда бездомный воин
Вернется к жизни прежней, человеческой.
Со знаменем развернутым идут
Под мирный марш веселые солдаты,
И зеленью украшены их шлемы,
Последнею добычею с полей!*

Без помощи петарды, сами настезь
 Ворота городские распахнулись;
 А на валу ликующий народ
 Приветствиями воздух оглашает..
 И колокольный звон благовестит
 За днем кровавым – мирную вечерню!
 Из городов и сел, и деревень
 Бегут к солдатам радостные толпы
 И замедляют им их путь домой..
 Старик-отец, счастливый тем, что дожил,
 Жмет руки возвратившемуся сыну;
 Тот как пришлец в родной вступает дом,
 Давным-давно оставленный; широко
 То дерево раскинулось над кровлей,
 Что некогда тростинкой колебалось;
 Вот, покраснев, идет навстречу дева,
 Она тогда была еще младенцем.
 О, счастлив тот, кому отворят дверь,
 Кому раскроют нежные объятия..

Теперь мы почти пропустим в своем обзоре XIX век. В нем можно найти разные взгляды на войну. Вот, например, точка зрения Достоевского, который в «Дневнике писателя» на полном серьезе доказывает, что «мир, долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война».

Здесь же Достоевский пишет, что «в некоторых случаях, если не во всех почти (кроме разве войн междоусобных), – война есть процесс, которым именно с наименьшим пролитием крови, с наименьшею скорбью и с наименьшей тратой сил, достигается международное спокойствие и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношения между нациями».

Практически Оруэлл, «Война – это мир». Правда, сам Достоевский ни на какой войне не был. Но... вот все, что осталось от слезинки ребенка, как только появилась надежда, что русская армия может занять Стамбул – сакральный для православного монархиста Царьград-Константинополь. Так и просится в федеральный телеэфир, на одно из ток-шоу.

А вот «Патриотизм или мир?» (1895) – спорная, но поражающая своей твердостью статья Толстого, прошедшего Кавказскую (описанную позже им в «Хаджи-Мурате») и Крымскую войны. Лев Николаевич пишет, что две эти вещи, мир и патриотизм, несовместимы: «Мы не только не должны желать увеличения своего государства, но желать уменьшения, ослабления его и всеми силами содействовать этому. И так и воспитывать молодые поколения».

Эти цитаты убеждают нас, что как приверженцы милитаризма и шовинизма, так и убежденные сторонники мира сегодня опираются на немалую культурную и историческую традицию. И вот, уже в 1904 году, Владимир Книппер говорит о русско-японской войне с Чеховым:

«Когда я выразил надежду на победу русских войск, то отлично помню, как сидевший на диване Антон Павлович, волнуясь, снял пенсне и своим низким голосом веско мне ответил: «Володя, никогда не говорите так, вы, очевидно, не подумали. Ведь наша победа означала бы укрепление самодержавия, укрепление того гнета, в котором мы задыхаемся».

Эта победа остановила бы надвигающуюся революцию. Неужели вы этого хотите?» Я был сражен и уехал пристыженный, глубоко задумавшись над этими словами и тем волнением и силой, с которыми они были сказаны Антоном Павловичем».

Русско-японская война велась за контроль над китайской Маньчжурией и Кореей. В колониальных войнах участвовали в это время и другие страны Европы – что отражалось порой в литературе и в театре. Вот, например, замечательная и крайне малоизвестная пьеса «Толпа» (1914) будущего лауреата Нобелевской премии по литературе, британца Джона Голсуорси (1867–1933).

Героем «Толпы» является вымышленный политик, сравнительно молодой и очень перспективный член палаты общин Стивен Мор. Он уничтожает свою карьеру парламентария и государственного деятеля, а потом и свою семейную жизнь, выступая против начала Великобританией новой агрессивной захватнической колониальной войны.

Родные и близкие убеждают его одуматься и придерживаться максимы «моя страна, права она или нет». Они говорят, что «бывает время, когда совесть одного человека должна покориться общему настроению, чувству всей страны». Как замечает сам Мор, «Дело не в том, прав я или нет, а в том, что вы все заставляете меня трусливо отмежеваться от своих взглядов только потому, что они не популярны».

Тут, к слову, можно вспомнить о столь же непопулярной в 1999 году, но твердой позиции партии «Яблоко», выступившей против Второй чеченской войны – или аналогичную позицию партии по Крыму в 2014 году. Что ж, как говорит в «Толпе» у Голсуорси Стивен Мор, «по крайней мере, история не скажет: «И они совершили это без единого протеста со стороны своих общественных деятелей!»»

Газеты набрасываются на Мора с очень узнаваемой риторикой. «Мы не желаем иметь ничего общего с бредовыми речами выроodka, который в такой момент бесчестит свою страну!», – пишет одна из них, а другая вторит: «В момент национального кризиса мы надеваем на таких людей намордник, как на собак, подозреваемых в бешенстве».

Однако Мор упорствует: «Мы готовимся силой навязать нашу волю и нашу власть народу, который всегда был свободен, который любит свою страну и ценит свою независимость так же, как и мы. И сегодня я не мог сидеть здесь молча и ждать, когда это начнется. Раз мы бережно и заботливо относимся к нашей стране, мы должны так же относиться и к другим странам. Я люблю свою страну, потому я и поднимаю свой голос».

Встречаясь с делегацией избирателей своего округа, политик защищает свое право занимать в парламенте антивоенную позицию вопреки мнению тех, кто еще недавно голосовал за него. Он напоминает, что и во время избирательной кампании выступал против войны. Один из делегатов, Бэннинг, возражает: «Я ведь не говорю, что ваша точка зрения была лишена здравого смысла до начала военных действий. Мне и самому никогда не нравилась наша политика в этом вопросе. Но сейчас льется кровь наших ребят, и это совершенно меняет дело».

В ответ Мор напомнит, что английские солдаты пришли туда с войной, как оккупанты: «Вообразите себе такую картину: в нашем собственном графстве, допустим, где-нибудь в Черной Долине... тысяча бедняг-иностранцев, мертвых и умирающих... и уже вороны вьются над ними. В нашей собственной стране, в нашей родной долине, поруганной, оскверненной. Разве вы стали бы горевать о них, называть их несчастными? Нет, для вас это будут захватчики, вторгшиеся на чужую землю, вороватые псы! Убить их, уничтожить их! Вот как вы бы к этому отнеслись, и я тоже».

И далее он подчеркнет: «Я не сказал ни слова против наших солдат. Если я кого-нибудь обвиняю, то в первую очередь правительство за то, что оно посылает в огонь солдат, и газеты за то, что они подстрекают правительство, и вас всех за то, что вы у них на поводу и творите такое, чего каждый из вас сам по себе никогда бы не сделал».

Впрочем, мы слышим голос не одного лишь Мора. Его бывшие избиратели также представляют характерный срез общественного мнения. Когда Мор говорит, что реальной целью войны является захват чужой страны, один из его оппонентов заявляет, что «откровенно говоря, это было бы не так уж плохо», зато другой уверяет, что «нам не нужна их проклятая страна, нас просто вынудили принять такие меры».

Когда Мор отправляется в турне по английским городам с антивоенными митингами, его друг Мендип тщетно старается урезонить его: «Ты думаешь, что люди уже переросли инстинкты, но это не так. Они знают одно: что кто-то покушается на некое подобие их самих, которое они привыкли называть Англией. Их что-то захватывает, куда-то несет, и они уже ничего не соображают».

Собственно, подобные взгляды Мор встречает и в своей семье: его тесть – старый генерал, брат жены уходит на фронт и гибнет. После этого Мора оставит жена. И даже восьмилетняя дочка сообщает ему, что «в книжках по истории наша страна всегда самая маленькая. И мы всегда побеждаем. Вот за что я люблю историю». Что же, кто-то любит самое маленькое, кто-то – самое большое. Главное тут: слышать, что «мы всегда побеждаем».

Посвященная колониальным войнам, «Толпа» была закончена в 1914-м, в год начала Первой мировой войны. Интересно, что, едва закончив страстную антивоенную драму, Голсуорси поддержал вступление Великобритании в войну. У него для этого был веский аргумент – необходимость поддержать маленькую Бельгию, ставшую жертвой вероломного нападения Германии.

«Что мы собираемся сделать для Бельгии – этой самой доблестной из маленьких стран, попавшей под железную пядь?», – писал Голсуорси в августе 1914 года, и здесь взгляды писателя не слишком отличались от его героя Стивена Мора, полагавшего, что «великие державы должны изменить свою политику в отношении слабых наций».

Дела также не расходились у Голсуорси со словами. Знаменитый 47-летний писатель просил отправить его на фронт, а получив отказ из-за возраста и нездоровья, отправился во Францию работать санитаром в полевом госпитале, где провел три года.

Благородному подвигу Бельгии, которая отказалась сдаться и пропустить немецкую армию во Францию через свою территорию в обход французской линии обороны, сочувствовали тогда и в России. Знаменитый драматург Леонид Андреев написал в 1915 году сценарий «Король, закон и свобода», посвященный бельгийскому сопротивлению и экранизированный фирмой кинопромышленника Александра Ханжонкова.

В это же время, по другую сторону фронта, в Германии, молодой писатель Лион Фейхтвангер (1884–1958) становится одним из первых, кто для высказывания на остросовременные темы обращается к античным героям и сюжетам. Это был тот самый Эзопов язык. Но тогда он Фейхтвангеру не помог: его пьесу «Мир» (1915), в основе которой были сюжеты двух комедий Аристофана («Мир» и «Ахарняне»), запретила театральная цензура военных времен в кайзеровской Германии.

Перед нами древнегреческий полис, политики которого практически единодушно убеждают горожан в необходимости войны, оправдывая ее высокими патриотическими мотивами. Но находится человек по имени Дикеополь, который выступает категорически против боевых действий. Причем, в отличие от политика Стивена Мора, торговец Дикеополь ру-

ководствуется в этой своей антивоенной позиции отнюдь не морально-идеалистическими, а сугубо практическими, даже, шкурными, соображениями. Он хочет торговать с другими городами, он хочет сладко спать, вкусно и сытно есть, не страдать от экономических ограничений и всячески радоваться жизни.

Именно с такой мотивацией герой Фейхтвангера выходит на городскую площадь, чтобы заявить о своих убеждениях и потребовать изменения проводимой в Афинах политики. Его бесит фальшивый пафос «патриотов на зарплате», о чем он говорит вполне недвусмысленно (перевод Ефима Эткинда – кстати, высланного из СССР в 1974 году за инакомыслие и участие в диссидентском движении):

*Пришел в театр, жду искусства,
Высокую классическую страсть.
Актеры же твердят, – ох, чтоб им было пусто!
Что должен я на поле брани пасть...
Ну, пусть посмеют горлопаны
Вопить с трибуны, что война
Полезна людям и нужна.
Не дам произнести ни слова
Я тем, кто ненавидит мир
И хочет прославлять мундир:
Нет, я перекричу любого.*

Герой хорошо знает, каковы его противники – среди которых жаждущие славы военачальники, примкнувшие к ним циничные и корыстные дипломаты, а также беспринципные согластатаи в штатском:

*Чудовищно нахальные,
Страсть как национальные,
Патриотизмом дышащие
И ненавистью пышущие...
Такие его речи вызывают естественную ярость у правящей элиты:
Как можем мы терпеть такую критику?
Он осмелял афинскую политику.*

И Дикеополь хорошо понимает, чем ему грозят открытые антивоенные высказывания:

*Полиция, цензура, прокуроры
Преступника живьем готовы съесть,
Нагромождавая обвинений горы.
Но если с уст твоих слетает лезть
И ты подонкам куришь фимиамы,
Тебя возносят господа и дамы,
В тебе находят доблесть, ум и честь.
Не миновать того, что будет.
Мужайся, сердце, и держись.
Пускай они меня засудят.
Душой не покривлю ни в жисть.*

И точно, Дикеополя немедленно хотят арестовать по доносу:

*О, господин, он агитатор,
Властей не уважает он.
Он, вероятно, провокатор
И к нам подосланный шпион.*

*Он пораженец и смутьян,
Он диверсант и шарлатан.
Он, затаив свое коварство,
Поносит наше государство.*

Однако и Дикеополь не лезет за словом в карман:

*Вон, идиот, фанатик,
Военный психопатик!
Крикун, карманный солдафон,
Бахвал, вояка, изверг – вон!*

Впрочем, есть у него и более содержательная аргументация в защиту своей позиции, не связанная с бранными эпитетами в адрес стервятников, делающих свою карьеру или бизнес на трупах соотечественников. Рассказывая о себе, Дикеополь, этот мнимый «подосланный шпион», объясняет, кто он такой и в чем на самом деле заключается его позиция:

*Да, я не прятался в кусты,
Не льстил воинственным бандитам,
Кому война – статья доходная,
Не стал пузатым паразитом,
Богатство не съедал народное,
Не потрошил казну Афин
И в поле не ходил солдатом,
Я просто честный гражданин,
Я на войне не стал богатым,
Поверьте, люди, казнокрада
Давно на свалку бросить надо.
Цена ему – дырявый грош,
Лишь для помойки он хорош.*

К тому же у героя находятся защитники и единомышленники среди горожан:

*Ужели вы покроете позором
Свободную республику Афин?
Ведь это называется террором,
Его не стерпит вольный гражданин.
Как, вы ему заткнуть хотите глотку
За то, что он о мире держит речь?
Нет, миротворца не дадим упечь,
Ступайте лучше сами за решетку!*

В итоге, в этом политическом памфлете «холодильник побеждает телевизор» и большинство общества берет власть в свои руки, чтобы закончить войну и вернуться к радости бытия, к мирному и благополучному существованию города. Фейхтвангер оканчивает «Мир» молитвой богине Тишине:

*Избавь людей от ссор и вечной битвы,
Останови струящуюся кровь,
Внемли же нам, внемли словам молитвы,
И пусть на свете царствует любовь.
Пускай не льются в наши уши
Потоки гнусной клеветы,*

*Пусть ложь не разъедает души,
О дружбе сбудутся мечты.
Пусть язвы исцелит и раны
Твое дыхание навек,
Пусть не клянут друг друга страны,
И человека – человек.*

Затем, в течение XX века к античным сюжетам, зачастую касающимся военной темы, будут обращаться многие драматурги, и особенно французские: тут и «Троянской войны не будет» Жана Жироду, и «Мухи» Жан-Поль Сартра (в основе которых «Орестея»), и «Орфей» Жана Кокто, и «Антигона» Жана Ануя... К этим произведениям отчасти примыкает и «Калигула» Альбера Камю.

Впрочем, в СССР была собственная (и немалая) традиция псевдо-антики в драматургии: это и «Римская комедия» («Дион») Леонида Зорина, и «Беседы с Сократом» и «Театр времен Нерона и Сенеки» Эдварда Радзинского, и «Забыть Герострата» Григория Горина...

Обращаются к героям Древней Греции и драматурги современной России. Я хотел бы закончить сегодня диалогом главной героини и предводителя войска из «Лизистраты» Леонида Филатова (1946–2003), написанной известным актером и поэтом на сюжет Аристофана в середине 1990-х. В наши дни эти строки Филатова можно нередко встретить в социальных сетях:

Предводитель

*Пока вы тут беспечно верещали:
Мужчина, он такой, мол, и сякой!
Бесстыдницы, мы вас же защищали,
Оберегая глупый ваш покой.*

Лизистрата

*Постой!.. Ты что-то путаешь в запале!
Известно ведь любому пацану:
На вас не нападали. Вы – напали.
Вы первыми затеяли войну!*

*Вы гражданам защиту обещали,
А получился форменный скандал!..
Кого и от кого вы защищали,
Когда на вас никто не напал?
Ах, сколько на земле людишек подлых!
Такие уж настали времена!..
Вы подлость преподносите, как подвиг,
И просите за это ордена!*

Предводитель (надменно)

*Позвольте вам заметить с укоризной –
И поскорей возьмите это в толк! –
Мы выполняем долг перед Отчизной,
Священный перед Родиною долг!*

Лизистрата (раздумчиво)

Пред Родиной, конечно, неудобно...
Долги, конечно, надо отдавать...
Но почему она – в уплату долга –
С вас требует кого-то убивать?
И коль у вас пред ней долги такие,
Что даже жизнь – в уплату их – пустяк,
То хочется спросить вас, дорогие,
Зачем же вы одалживались так?
Коль Родина удар наносит сзади,
Да так, что аж в глазах потом круги,
То лучше, дорогие, не влезайте
Вы к этой страшной Родине в долги!
Ведь ваши сыновья поймут едва ли –
Из-за каких таких возвышенных идей,
Зачем и для чего вы воевали
И сиротили собственных детей!..

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

*Депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга,
заместитель Председателя партии «Яблоко», кандидат технических наук*

8 мая 2020 года

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ СЕГОДНЯ

Одной из любимых тем для обсуждения с Борисом Натановичем Стругацким на протяжении двадцати лет нашей дружбы была эта – в каком именно из «миров братьев Стругацких» мы живем сейчас?

Ответ на этот вопрос менялся – по мере того, как менялась наша жизнь.

Да и в последние годы – после ухода Бориса Натановича – этот ответ продолжает меняться.

И с каждым изменением я не устаю (хотя и горько) удивляться: как же точно они все это предсказали!

Может быть (как не раз шутили мы, их читатели и ученики), братья Стругацкие были или прогрессорами из другой звездной системы, или «контрамотами», живущими из будущего в прошлое и потому совершенно точно знавшими наше будущее?

Впрочем, давайте по порядку.

Мир, в котором сами братья Стругацкие хотели бы жить, был хорошо известен: это был светлый и радостный «мир Полудня», так привлекательно изображенный в повести «Полдень. XXII век».

Затем этот мир продолжили «Малыш», «Далекая Радуга», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Парень из преисподней», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер».

Этот мир так и не реализовался по известным историческим причинам, но он был необычайно привлекателен!

Это был мир «коммунаров», на героев которого мы в юности (и не только) очень хотели быть похожими. Звездолетчики Леонид Горбовский и Марк Волькенштейн, великолепная четверка из Аньюдинской школы – Геннадий Комов, Атос-Сидоров, Александр Костылин и Польш Гнедых, доктор Мбога и штурман Кондратьев, прогрессоры Антон – он же благородный дон Румата, Максим Каммерер – он же Мак Сим, и Рудольф Сикорски – он же Странник...

Это был мир победившего коммунизма – где удовлетворены все базовые потребности человека, главной движущей силой становится потребность в познании окружающего мира и его загадок, а главной проблемой – ограниченность человеческих ресурсов и возможностей на пути этого познания. Где труд на благо общества считается естественной обязанностью и потребностью каждого. Где жизнь разумного существа признана безусловной и высшей ценностью, а проявление агрессии и недоброжелательства по отношению к ближнему – вопиющее исключение. И где политические проблемы сменились этическими (хотя не упростились при этом).

Помните, например, «Далекую Радугу»?

По замыслу авторов, это должна была быть последняя повесть о далеком коммунизме. А получился единственный у Стругацких «роман-катастрофа» – хотя гибнет в ней не Земля и не ее часть, а земная колония на далекой планете Радуга, превращенной в гигантский полигон для экспериментов по нуль-транспортировке (ставшей вполне себе обыденной вещью в «Жуке» или «Волнах»).

«Далека Радуга» – это повесть о том будущем, где единственная проблема – откуда взять энергию для удовлетворения растущих потребностей ученых. Кстати, в 1962 году, когда написана повесть, вера в могущество физики была всеобщей, физики уверенно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года». И мысль Стругацких о том, что вовсе не обязательно отдавать науке безусловный приоритет, как сказали бы сейчас, в «бюджетном финансировании», выглядела весьма спорной...

«Смысл человеческой жизни – это научное познание», – говорит один из героев «Далекой Радуги», физик Альпа. И добавляет: «Мне грустно видеть, что миллиарды людей сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, которое они называют искусством. Наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют картины, рифмуют слова... а ведь среди них много потенциально великолепных работников».

Физик так и не решается продолжить эту нехитрую мысль, и вместо него это делает Леонид Горбовский: мол, хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые конвейеры для производства ульмотронов (нечто вроде аккумуляторов энергии огромной мощности)...

В будущем, обрисованном в «Далекой Радуге», на полном серьезе обсуждается такая проблема: не перебросить ли в науку часть энергии из Фонда Изобилия? Значит, верили Стругацкие тогда, что будет в Мире Полудня и Изобилие, и Фонд. Верили в то, что будет обсуждаться идея во имя чистой науки «поприжать человечество в области элементарных потребностей». Верили в то, что одни будут выдвигать лозунг: «Ученые готовы голодать», а другие отвечать им: «А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты...».

Впоследствии, заметим, эта вера иссякнет довольно скоро – уже в «Малыше», не говоря о «Парне из преисподней», «Жуке в муравейнике» или «Волны гасят ветер», люди Полудня озабочены куда более сложными проблемами – и куда более грустными.

Впрочем, как известно, мечты о коммунизме растаяли, когда вместо него в 1980 году объявили Олимпиаду. И в начале 90-х, после распада Союза, окончания построения «развитого социализма с человеческим лицом» и начала «шоковых» экономических реформ, мы оказались совсем в другом мире – в мире «Хищных вещей века», в нарождающемся обществе потребления.

«Страна Дураков», куда приезжает бортинженер «Тахмасиба», а ныне – агент спецслужбы Совета Безопасности Иван Жилин (герой «Пути на Амальтею» и «Стажеров», по времени относящихся к концу 20 – началу 21 века, за столетие до «Мира Полудня») – это уже сформировавшееся общество потребления.

Термин, в 1970 году придуманный Жаном Бодрийяром, еще не был в 1964 году, когда писались «Хищные вещи века», известен Стругацким – вместо него они писали об обществе изобилия, но смысл был практически тот же самый.

Мир, где обеспечен материальный достаток (при 4-часовом рабочем дне), где «на пятьдесят тысяч человек было пятнадцать тысяч легковых автомобилей, пятьсот вертолетов и шестьдесят тысяч телевизоров». Где «восемьдесят процентов населения было занято в сфере обслуживания». И где приезжающим гостям – таким, как Жилин – предлагали «веселиться и ни о чем не думать».

Критика «общества потребления» и неразрывно связанного с ним понятия «мещанство» в советские времена была чрезвычайно распространена. За отсутствие в нем пропагандируемого при строительстве социализма и коммунизма стремления человека к сознательному труду на благо общества, за примат материального над духовным, за стремление к обогащению и удовлетворению личных потребностей в ущерб потребностям общественным, и так далее, и тому подобное. Недаром эпиграфом к «Хищные вещи века» (кроме цитаты из Андрея Вознесенского, откуда, собственно, и взято название книги) были выбраны слова Сент-Экзюпери: «Есть лишь одна проблема – одна-единственная в мире – вернуть людям духовное содержание, духовные заботы».

Надо ли удивляться, что в упомянутом 1964-м (через три года после того, как было торжественно обещано построение коммунизма к 1980 году) братья Стругацкие, мечтавшие жить в «Мире Полудня», были уверены, что написали антиутопию, изобразили мир, в котором каждому уважающему себя человеку тошно и стыдно жить? Борис Стругацкий не раз об этом вспоминал – как и о том, что когда-то один мудрый читатель задал им совершенно неожиданный вопрос: «А чем, собственно, так уж плох этот ваш мир? Ведь, на самом деле, он существует по принципу „каждому – свое“, а это далеко не самый плохой из принципов существования».

И тут, по словам Бориса Натановича, «выяснилось, что это – мир, не лишенный, разумеется, своих недостатков, в чем-то – убогий, в чем-то – пакостный, в чем-то – даже непе-

реносимо отвратный... Но при всем при том – содержащий в себе немало светлых уголков и оставляющий, между прочим, широчайший простор и для духовной жизни тоже. Ведь человек в этом мире – свободен. Ты волен в этом мире стать таким, каким сможешь и захочешь. Выбор за тобой. Действуй».

И тогда, по словам Бориса Стругацкого, отношение авторов к этому миру, как к антиутопии, переменилось. Они поняли, что этот мир, конечно, не добр, не светел и не прекрасен, но и не безнадежен в то же время – он способен к развитию. Он похож на дурно воспитанного подростка, со всеми его плюсами и минусами. И уж во всяком случае, среди всех придуманных миров, как говорил Борис Натанович мне году этак в 1993-м, он кажется наиболее вероятным. Мир Полудня, скорее всего, недостижим, считал Борис Стругацкий, а мир «1984», слава богу, остался уже, пожалуй, позади.

Забегая вперед – ах, как они ошиблись, великие! И с «наиболее вероятным», и с тем, что оруэлловский мир «остался позади»! Аркадию Натановичу не суждено было это увидеть, а вот Борис Натанович увидел и появление «министерства правды», и возрождение «двоемыслия» и «мыслепреступлений»...

В завершение – две убийственно актуальные цитаты из «Хищных вещей века».

«Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу – дерьмо».

«До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков? Почему вы не желаете утруждать свой мозг? Почему вы так не хотите думать?»

90-е годы закончились, наступила «путинская эпоха» – тут-то окружающий нас мир и стал похож на Город времен правления Фридриха Гейгера из «Града обреченного».

Этот мир, нарисованный авторами в далеком 1972-м (и лишь через полтора десятилетия удалось напечатать книгу), – один из этапов загадочного Эксперимента, где возражать высокому начальству можно, это не есть неслыханный подвиг, но стоит ли рисковать? Пользы не будет никакой, зато «неудовольствие большого человека» вызвать можно. Помните? Как там объяснял одному из главных героев «Града», на тот момент – редактору городской газеты Андрею Воронину, другой главный герой – Изя Кацман?

«Вас ведь никто не тронет: вы – желтоватая оппозиционная либеральная газетка. Вы просто перестанете быть оппозиционными и либеральным. Вас еще поблагодарят, подбросят вам бумаги, чтобы вы повысили тираж, повысят вам оклады и расширят штат... И только потом, если вам вздумается вдруг брыкаться, только тогда вас возьмут за штаны и уж тут несомненно припомнят вам все ваши либерально-оппозиционные бредни... Но только зачем вам брыкаться? Вы и не подумаете брыкаться, наоборот!»

Как в воду глядели – стоит только вспомнить, как «сигнал», посланный во время разгрома НТВ в 2001 году, был правильно понят. Очень многие, чтобы не иметь неприятностей, перестали быть оппозиционными и либеральными, за что получили повышение тиражей и расширение штатов – после чего и не думали брыкаться. И часть бывших вполне себе демократических и либеральных «золотых перьев» сразу или постепенно превратились в ярых охранителей и реакционеров, старающихся не вспоминать про свои «либерально-оппозиционные бредни».

И еще две актуальные цитаты из «Града обреченного»:

«Уничтожать надо вовсе не просто те бумаги, где ругают нашего вождя. Ругать тоже можно по-разному. Уничтожать же надо бумаги, написанные умными людьми!»

«Ты не был болваном, – сказал Изя. – Ты был хуже. Ты был оболваненный. С тобой ведь по-человечески разговаривать было нельзя. Я знаю, я ведь и сам долгое время был таким».

Если бы этим в нашей стране и ограничилось – было бы еще полбеды. Но, как известно, на первых оборотах закручивания гаек российская власть не остановилась. Она пошла дальше. Гораздо дальше.

После осени 2003 года – ареста Ходорковского и «дела ЮКОСа» – в России наступило время «Гадких лебедей», где возразить президенту считалось уже почти подвигом. И лишь очень немногие могли себе это позволить, не рискуя практически всем.

Приведенное ниже – как сегодня написано.

«В мире все обстояло по-прежнему. Одна страна задерживала торговые суда другой страны, и эта другая страна посылала ноты протеста. Страны, которые нравились господину Президенту, вели справедливые войны во имя своих наций и демократий. Страны, которые господину Президенту почему-либо не нравились, вели войны захватнические и даже, собственно, не войны вели, а попросту производили бандитские злодейские нападения. Сам господин Президент произнес двухчасовую речь о необходимости раз и навсегда покончить с коррупцией».

Стоит только включить телевизор – и станет понятно, что именно по этой нехитрой «методичке» уже давно работают российские телепропагандисты, описывая происходящее в мире.

«Господин Президент изволил взвинтить себя до последней степени, из клыкастой пасти летели брызги, а я достал платок и демонстративно вытер себе щеку, и это был, наверное, самый смелый поступок в моей жизни, если не считать того случая, когда я дрался с тремя танками сразу. Но как я дрался с танками, я не помню, знаю только по рассказам очевидцев, а вот платочек я вынул сознательно и соображал, на что иду...». (Заметим: по первоначальному замыслу авторов, главный герой «Гадких лебедей» Виктор Банев, от лица которого ведется рассказ, должен был быть капитаном пограничных войск).

И еще:

«– Скажи, а ты как – сначала напишешь, а потом уже вставляешь национальное самосознание?»

– Нет, – сказал Виктор. – Сначала я проникаюсь национальным самосознанием до глубины души: читаю речи господина президента, зубрю наизусть богатырские саги, посещаю патриотические собрания. Потом, когда меня начинает рвать – не тошнить, а уже рвать, – я принимаюсь за дело...»

«Есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, более или менее отдаленном. Они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. Скажем, господин президент. Что бы он делал, если бы у нас не было нашего великого прошлого? На что бы он ссылался и откуда бы он взялся вообще?»

Опять же, аналогии очевидны – уже давно опора на «славное прошлое» (где удивительно уживаются «православие, самодержавие, народность» и победа в Великой Отечественной) стала почти что единственной для российского политического режима.

«Они вышли на проспект Президента. Здесь было много фонарей и попадались прохожие – торопливые, согнутые многодневным дождем мужчины и женщины. Здесь были освещенные витрины и озаренный неоновым светом вход в кинотеатр, где под навесом толпились очень одинаковые молодые люди неопределенного пола, в блестящих плащах до пят. И над всем этим сквозь дождь сияли золотые и синие заклинания: «Президент – отец народа», «Легионер Свободы – верный сын Президента», «Армия – наша грозная слава».

«Государственный аппарат, господа, во все времена почитал своей главной задачей сохранение статус-кво. Не знаю, насколько это было оправданно раньше, но сейчас такая функция государства попросту необходима. Я бы определил эту функцию так: всячески препятствовать будущему запускать свои щупальца в наше время, обрубать эти щупальца, прижигать их каленым железом... Мешать изобретателям, поощрять схоластов и болтунов...»

«Когда речь заходит о господине президенте, все это не имеет значения, все мы становимся трусами. Почему мы все такие трусы? Чего мы, собственно, боимся? Перемены мы боимся. Нельзя будет пойти в писательский кабак и пропустить рюмку очищенной... швейцар не будет кланяться... и вообще швейцара не будет, самого сделают швейцаром. Плохо, если на рудники... это действительно плохо... Но это же редко, времена не те... смягчение нравов... Сто раз я об этом думал и сто раз обнаруживал, что бояться, в общем, нечего, а все равно боюсь. Потому что тупая сила, подумал он. Это страшная штука, когда против тебя тупая, свинья со щетиной сила, неуязвимая, ни для логики неуязвимая, ни для эмоций...»

«– Ваш намек, – сказал Виктор, – напомнил мне один разговор – мой разговор с его превосходительством господином референтом господина Президента по государственной идеологии... Его превосходительство вызвал меня в свой скромный кабинет – тридцать на двадцать – и осведомился: «Виктуар, вы хотите по-прежнему иметь кусок хлеба с маслом?» Я, естественно, ответил утвердительно. «Тогда перестаньте бренчать!» – гаркнул его превосходительство и отпустил меня мановением руки».

Ах, как многие, желая по-прежнему иметь кусок хлеба с маслом, в последние годы перестали «бренчать»!

«Продаваться надо легко и дорого. Чем талантливее твое перо, тем дороже оно должно обходиться власть имущим».

Ну, это просто жизненный принцип очень многих «мастеров пера» в последние полтора десятилетия. Впрочем, тут же – и продолжение:

«Моральные ценности не продаются, Банев. Их можно разрушить, купить их нельзя. Каждая моральная данная ценность нужна только одной стороне, красть или покупать ее не имеет смысла. Господин Президент считает, что купил живописца Р. Квадригу. Это ошибка. Он купил халтурщика Р. Квадригу, а живописец протек между пальцами и умер».

«Это что-то вроде демократических выборов: большинство всегда за сволочь...».

«Именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку».

И, наконец, знаменитое:

«Будущее создается тобой, но не для тебя».

Но и время «Гадких Лебедей» закончилось – 18 марта 2014 года, с аннексией Крыма и началом необъявленной войны с Украиной.

И пророческим стал «Обитаемый остров», рисующий жутковатый образ тоталитарного мира, в котором власть держится на «промывке мозгов», тщательно воспитываемой преданности к вождям и ненависти к врагам, как внешним, так и внутренним, которыми объявлены «выродки», не восприимчивые к излучению башен.

«Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на нервную систему каждого человеческого существа этой планеты. Мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего исступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Человеку, находящемуся в поле излучения, можно было элементарными сред-

ствами внушить все, что угодно, и он принимал внушаемое как светлую и единственную истину и готов был жить для нее, страдать за нее, умирать за нее».

«Поле было всегда. Незаметное, вездесущее, всепроникающее. Его непрерывно излучала гигантская сеть башен, опутывающая страну. Гигантским пылесосом оно вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение по поводу того, что кричали газеты, брошюры, радио, телевидение, что твердили учителя в школах и офицеры в казармах, что сверкало неонами поперек улиц, что провозглашалось с амвонов церковей. А дважды в сутки, в десять утра и в десять вечера, гигантский пылесос запускали на полную мощность, и на полчаса люди переставали вообще быть людьми».

Именно это – превращение «человека мыслящего в человека верующего вопреки бьющей в глаза реальности» мы наблюдаем сегодня у очень и очень многих. При этом башни-излучатели в нынешней России после марта 2014 года включают на полную мощность не по два раза в день на полчаса, как на Саракше, а круглосуточно. Ведь почти все российское телевидение, с его часами ненависти ко всему, что ненавистно власти, с бесконечными соловьевыми-киселевыми-поповыми-скабеевыми-шевченко-норкиными-андреевыми-багдасаровыми и с устранением любых сомнений в правильности действий «Неизвестных Отцов»... простите, президента и его администрации, – просто калька с излучения башен Саракша.

Это излучение, мощность которого пробивает защитные барьеры, позволяющие человеку сомневаться, думать, анализировать, сохранять способность к критическому анализу действительности, действует на большинство российских граждан. И лишь меньшинство «выродков», объявленных «национал – предателями» и «пятой колонной», невосприимчиво к излучению...

А еще на Саракше, как в любом тоталитарном мире, все поставлено на службу Государству, безраздельно властвующему над жизнью любого. И крайняя нищета в «Районах, Еще Не Достигших Процветания» сочетается с фанатичной верой в необходимость отдавать все силы на нужды обороны от коварных врагов, как внешних, так и внутренних. К бывшим провинциям старой империи – Хонти и Пандее, провозгласившим независимость в тяжелые времена, относятся так: «Вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав» (не это ли мы видели в последние годы, когда с телеэкрана раз за разом требовали «идти на Киев?»).

Ну, а правители – «Неизвестные Отцы» – это «анонимная группа наиболее опытных интриганов, остатки партии путчистов, сохранившиеся после двадцатилетней борьбы за власть между военными, финансистами и политиками. У них две цели, одна – главная, другая – основная. Главная – удержаться у власти. Основная – получить от этой власти максимум удовлетворения». Разве что, правители у нынешней России не анонимные – а все прочее, как нетрудно заметить, уверенно сходится.

Частично, впрочем, мир «Обитаемого острова», в котором мы оказались после Крыма (и написанный, как рассказывал мне Борис Стругацкий, по образцу советского общества 40-х годов, причем «Боевая Гвардия», борющаяся с «выродками», должна была напоминать НКВД), оказался совпадающим со средневековым миром «Трудно быть богом».

Вокруг сегодня – множество узнаваемых по «Трудно быть богом» деталей.

Мир, с точки зрения лавочников, «совсем не плох: цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книголюбцев сажают на кол». Это вам не «не смутное время» – «прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость» (совсем как пропагандистские сравнения путинской эпохи «стабильности и порядка» с «лихими 90-ми»). И король в этом мире «по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку».

Правда, в этом мире «горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства».

Правда, в этом мире господствует «ощущение наползающей тени. Непонятно, чья, непонятно, откуда, но она наползает и наползает совершенно неотвратимо».

Правда, в этом мире, когда после торжествовавшей серости приходят черные, дают «пять розог без целования за невосторженный образ мыслей».

Недаром в земном аналоге этого мира – России начала 21 века – правит почти два десятка лет и намеревается править дальше несменяемый дон Рэба.

Помните, как все начиналось?

«Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький...».

«Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями...»

«Он никто. Он ниоткуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не златолюбец – временщик, думающий лишь о золоте и о бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать...»

«Мы тут ломаем головы, пытаюсь втиснуть сложную противоречивую фигуру орла нашего дона Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером и Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком. Он предал и продал все, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть струсил и кинулся спасаться к Святому Ордену».

Но не стоит надеяться, что после «настоящего макроскопического воздействия» удастся, как мечтает благородный дон Румата, увидеть «спины серой сволочи, озаряемые лиловыми вспышками выстрелов, и перекошенную животным ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы и медленно обрушивающуюся внутрь себя Веселую Башню».

Последнее. В каком мире мы живем сегодня? Ни в одной книге Стругацких, пожалуй, нет точной аналогии. Смесь из «Обитаемого острова», «Трудно быть богом» и «Гадких лебедей». Мир, где «умные нам не надобны, надобны верные». Именно такие и расставлены на большинство государственных постов после двух десятилетий негативного отбора. Они умеют запрещать и карать, воровать и обманывать, пресмыкаться перед высшими и унижать низших. Но категорически не умеют принимать верные решения в сложных ситуациях и думать о благополучии граждан, а не о собственном.

Что же, менять этот мир придется самим – без прогрессоров с другой планеты.

МЕЖДУНАРОДНАЯ, ВНЕШНЯЯ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

The image features a vibrant red background. A large, light green circle is positioned in the upper left, partially overlapping a smaller, solid dark green circle in the lower right. A halftone pattern of small dots is scattered across the scene, appearing to emanate from the intersection of the circles and extending towards the bottom left.

НАТАЛИЯ БУБНОВА

*Ведущий научный сотрудник Национального исследовательского
Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской Академии Наук, кандидат исторических наук*

15 октября 2020 года

АМЕРИКАНСКИЕ ВЫБОРЫ НА ПИКЕ ЭПИДЕМИИ КОВИДА И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В США происходят бурные события. Грядут президентские выборы, которые на этот раз пройдут в условиях пандемии и резкой политической поляризации страны. Сегодняшние президентские дебаты отменили, так как американский президент Дональд Трамп, являющийся кандидатом от Республиканской партии, заболел ковидом и не согласился перенести их в онлайн. Поэтому, в отсутствие непосредственного доступа к участникам президентской гонки в США, сами поговорим о ее повестке. Традиционно, в ходе американских избирательных кампаний всегда доминирует внутренняя проблематика. Но для нас, как россиян, важно будущее российско-американских отношений и международной политики, поэтому не меньшее внимание будет уделено также и этим темам в преломлении к американской президентской гонке. Чак Хейгл, министр обороны США при Обаме, когда-то говорил: «Когда Америка в раздрае – то весь мир в раздрае». Можно соглашаться с этим утверждением или нет, но ситуация в США, безусловно, оказывает влияние на международное положение в целом.

Самые острые вопросы в Америке сейчас – ковид и протесты. Еще полгода назад казалось, что Трамп побеждает, главными вопросами тогда были: экономика, экономика и еще раз экономика. Производство в то время росло, повышался уровень жизни, создавались рабочие места, происходило дерегулирование экономики, снижались налоги – что позитивно воспринималось американским населением. А потом все обнулil коронавирус. Началось падение ВВП, в США считают, что они потеряли на этом 16 трлн долларов. Произошло сокращение рабочих мест, в мае оно составило 22 млн – хотя потом 10 млн восстановились. На сегодняшний день в США насчитывается 216 тыс. погибших от ковида. А до конца года по прогнозу будет 380 тысяч. А еще по всей стране происходят протесты и горят пожары: в Калифорнии – один за другим пять страшных пожаров. «Черные лебеди» летят из-под ног Трампа. По рейтингам сейчас впереди кандидат от Демократической партии Джо Байден. А еще, когда в те же самые дни в СМИ при этом пишут, что Трамп не заплатил 750 тыс. налогов, то это тоже сказывается на его репутации.

Демократы выдвинули обвинение, что он плохо справляется с эпидемией ковида, в качестве главного аргумента против Трампа. Но и сама жизнь его тоже, можно сказать, выдвинула. В чем его обвиняют? В том, что не ввел с самого начала федеральные меры по борьбе с пандемией, отдал все на откуп Штатам. Говорил, что наука ничего не знает и часто ошибается, высмеивал медицинские прогнозы и свидетельства, пропагандировал лжелекарства, утверждал, что дети ковидом не заболевают, не ввел вовремя обязательное ношение масок, не предписал соблюдать социальное дистанцирование, не закрыл города, магазины, школы: во всяком случае – не сразу. Не закрыл границы, говорил, что ковид сам «испарится», и т.д. А потом вдруг было опубликовано его интервью с автором книги «Вся президентская рать» Бобом Вудвортом, в котором Трамп признавался, что знает, что болезнь заразна, и среди заболевших высокий уровень смертности, но не хочет этого говорить людям, чтобы «не сеять панику». А Трамп тем временем в избирательную кампанию запустил на телевидении и в социальных сетях видеоролик, где главный вирусолог страны, основной американский спикер по данному вопросу, доктор Энтони Фаучи говорит, что ни один человек не справился бы с эпидемией ковида лучше. И сколько бы сам Фаучи потом ни повторял, что данную фразу вырвали из контекста и что он хотел сказать нечто совсем иное, но ролик все крутится и крутится. Трамп сваливает все на Китай, называет ковид «Китайской болезнью», говорит, что «они не должны были выпускать заразу из страны». Можно только представить, как ему обидно, что если бы не Китай, то все, ну или очень многое, ко времени проведения выборов было бы в его пользу. Не случайно на предвыборном Конгрессе республиканцев были приняты новые меры против кампании Хуавэй, которая давно преследуется в США.

Трамп обвинял демократов, что они политизируют проблему ковида, подрывают веру в его вакцину. Обвинял Байдена в плагиате при выработке предлагаемой демократами программы по борьбе с ковидом. Ссылаясь на эпидемию свиного гриппа в 2009 г., с которой демократы не смогли в то время справиться, и 60 или 70 млн. американцев тогда заболели.

Демократы, как и республиканцы, тоже не считают возможным «снимать с Китая ответственность» за ковид. Но при этом Камала Харрис во время дебатов с действующим вице-президентом Майклом Пенсом говорила, что политика Трампа в отношении Китая стоила Соединенным Штатам и многих жизней, и больших денег, рабочих мест и репутации.

Демократы говорили, что, в отличие от республиканцев, у них имеется четкий план по преодолению пандемии, и это, во-первых, отслеживание контактов и тестирование. А во-вторых, распространение достоверных, научно доказанных сведений о болезни: что она заразна, передается воздушным путем, что несовершеннолетние тоже болеют, а вак-

цину нужно применять, когда наука докажет, что она работает. Кроме того, необходимо ношение масок и закрытие еще большей доли экономики (республиканцы утверждали, что демократы требуют закрыть половину предприятий). А меры Трампа по борьбе с пандемией были представлены демократами как символ неправильной политики, фактически олицетворение общего коллапса его правления.

Трамп при этом предпринимает действия, которые как будто специально служат для подтверждения правоты демократов. Он устраивал массовые мероприятия вокруг Белого дома. И заболел и он сам, и его жена, и сын. А когда он слег с ковидом, с ним продолжали непосредственно близко общаться множество помощников и сотрудников, некоторые из которых тоже заразились (всего в его окружении заболели 30 человек). Обратное в Белый дом из военного госпиталя Трамп переехал раньше срока, всего через несколько дней после того, как попал туда, при этом медицинские данные о его болезни не обнародовались. Он говорит: «Мы уже преодолели пик», но цифры – другие, и все это видят. А он при этом не носит маску, просто-напросто не желает ее надевать: наверное, потому, что лицо без маски лучше воспринимается.

Еще одна проблема – расовые протесты, которые после убийства полицейскими Джорджа Флойда, произошедшего практически «на виду» у всей Америки, поскольку оно было заснято на камеру (9 минут видеосъемки!), были неизбежны. Вообще у афроамериканского населения – огромное накопленное недовольство, большая мера гнева, зачастую недомога белым американцам. Но в теперешнем случае, в сложившейся сейчас в США ситуации, в своих протестах к ним присоединились левые. Можно было бы предположить, что к «ядерному», то есть базовому, электорату Трампа – состоящему в значительной степени из белых американцев без образования – могли бы при таком положении дел добавиться напуганные жители благополучных пригородов, которые не хотят погромов. Когда-то, в 1968 г., именно таким образом другой представитель Республиканской партии, Ричард Никсон победил на президентских выборах, тоже происходивших тогда на пике протестов.

Но число тех, кто полагает, что Байден лучше справится с протестами, все же больше (45% против 42%). Еще выше доля тех, кто считает, что Байден лучше справится с расовыми противоречиями: их 55%. В ходе президентских дебатов Трамп декларировал, что сделал для чернокожих больше, чем все другие президенты, создал им рабочие места, их доходы повысились. Тогда как его соратники по Республиканской партии утверждали, что говорить, будто бы в Америке «системный расизм» – оскорбительно. Трамп позиционирует себя как президента закона и порядка. Но многие находят доказательства расизма в его словах и действиях. Как, например, когда он одобрительно обратился в адрес группы белых супрематистов (сторонников идеи о превосходстве белой расы) Proud Boys, сказав им: «Stand back and stand by». И не важно, что он всего лишь (пользуясь избитым выражением школьных уроков литературы) «хотел сказать»: «Погодите». Но его слова были истолкованы как призыв к сторонникам-радикалам. Хотя, с другой стороны, и в самой группе Proud Boys, как было видно на широко транслировавшейся видеозаписи, скандировали, как лозунг, слова президента «Stand back and stand by» – восприняв их как клич быть готовыми и отвечая на него своим громогласным речитативом с месседжем: «Мы готовы!» Как расистское было воспринято и заявление Трампа, что жители белых пригородов боятся, когда туда переселяются афроамериканцы. Критиковали его и за то, что, когда проходили спровоцированные расистами массовые столкновения, он сказал, что «и с той, и с другой стороны – прекрасные люди». Трамп поддерживал ксенофобские инвективы, будто бы его предшественник, первый темнокожий глава Белого дома, Барак Обама родился не в США (из чего следовало, что он, по американским законам, не имел права быть президентом). А Камалу Харрис, кандидата в вице-президенты от Демократической партии (у которой мать родом из Индии, а отец – с Ямайки), Трамп назвал «монстром» и «коммунисткой», а хуже

ругательства в Америке нет.

Байден, со своей стороны, выдвигает целую программу борьбы с расовой проблемой: это перестройка всей системы криминальной юстиции США, создание лучших условий экономической самореализации для афроамериканцев, реформа полиции, сокращение финансирования полиции в пользу социальных программ, запрет полиции применять так называемую практику придушения (от такого погиб Флойд), создание общенационального реестра полицейских, чтобы сотрудник органов правопорядка, совершивший нарушение, не мог затем переехать и поступить на работу в другом месте. Эти меры не новы, но они не везде осуществляются, многое отдано на откуп штатам.

Что касается внешней политики, то знаменитый лозунг Трампа «Америка – превыше всего!» можно перефразировать как «Выгода – для Америки! И это превыше всего!». Он рассматривает отношения с другими странами с сугубо меркантильной точки зрения. Трамп подвергал сомнению необходимость существования НАТО и говорил о монетизации «оборонных услуг» союзникам. США при республиканской администрации вышли из многих международных договоров: Парижского соглашения по климату, из НАФТА, Транстихоокеанского соглашения, почти согласованной договоренности по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству с европейскими странами. При Трампе Соединенные Штаты отказались и от почти всех соглашений по ограничению вооружений: Договоре о ракетах средней и меньшей дальности, Договоре об открытом небе, не продлили Договор о стратегических наступательных вооружениях, подвергли сомнению релевантность Договора о запрете ядерных испытаний. Рейтинги США в мире пошли по наклонной. А рейтинг у самого Трампа ниже, чем у китайского лидера Си Дзен Пина. Но республиканцы, напротив, убеждены, что вот как раз таких – напористых, корыстных, стремящихся к своей выгоде – уважают в других странах.

А Байден говорит об открытости миру, выступает за глобализацию. Байдена называют самым либеральным из американских президентов, а его кандидата в вице-президенты Камалу Харрис – самой либеральной из действующих сенаторов. В своей речи в Берлине, посвященной 75-летию окончания Второй мировой войны, Байден сказал, что сейчас Америка – не та, какой она должна быть. И заявил: «Мы вернемся», – имея в виду, по-видимому, и себя, и собственную партию, и политику, которую он отстаивает.

Байден выступает за «возвращение американского лидерства» и за восстановление евро-атлантической солидарности, основательно подорванной политикой Трампа. Он не собирается требовать от партнеров по НАТО возмещения расходов за «оборонные услуги» и обвиняет Трампа, что тот готов иметь дело с диктаторами и обижать союзников. Байден выступает с жесткой критикой России и намерен оказывать ей противодействие. И даже написал статью вместе со своим бывшим советником Майклом Карпентером под названием «Как противостоять Кремлю». Однако же он считает, что президент РФ Владимир Путин – прагматик, и с Россией можно решать конкретные вопросы там, где есть общие интересы, но настойчиво проводить американскую линию. Байден обвиняет Трампа в «потакании» Путину, а его соратники в Демократической партии даже подозревают республиканского президента в тайных связях с российским лидером. Многие демократы не могут простить России имевшего места, с их точки зрения, вмешательства в предыдущие американские выборы, которые они проиграли. Между тем, связи Трампа с Россией расследовали, но не нашли подтверждения подозрениям о сговоре. Тогда как руководимая им республиканская администрация ввела рестрикций и ограничений в отношении России больше, чем любая другая до нее.

Программный директор Российского совета по международным делам Игорь Тимофеев считает, что результаты выборов в США для России могут быть либо «радикально нега-

тивными», либо «умеренно негативными». И, по его мнению, это будет зависеть не от фигуры президента, а от неожиданных скандалов, как это было, например, пару лет назад с делом Скрипалей.

Трамп поставляет оружие Украине, Байден тоже собирается это делать, он говорит об «ужасающей агрессии России на Украине» и считает необходимым «призвать Россию к ответу». Нельзя не вспомнить, что, будучи вице-президентом в администрации Барака Обамы, Байден отвечал там за «Украинский проект». Уместно также в этой связи упомянуть, что он в те годы, наперекор своему шефу, выступал за поставки летальных вооружений Украине (хотя и говорил впоследствии, что не поддержит ее наступательных действий на востоке страны). Что касается постсоветского пространства в целом, то Соединенные Штаты совсем не обязательно всегда и везде будут занимать позицию, противоположную российской. Например, в армяно-азербайджанском конфликте у России и США не прослеживаются конфликтующих интересов, и совместно с Францией они сделали общее заявление по поводу ситуации вокруг Нагорного Карабаха.

Приоритетом с точки зрения внешней политики Вашингтона в последние годы, безусловно, является Китай, и главной темой в американской повестке национальной безопасности объявлена «конкуренция великих держав». Трамп хвастается, что уже изменил торговый баланс с Китаем на сотни миллионов долларов. При этом во время дебатов он утверждал, что, в случае победы Байдена на президентских выборах, «США будут захвачены Китаем», что «Си и Путин – прекрасные игроки в шахматы, и они переиграют Байдена». А Байден, в свою очередь, критиковал Трампа за развязанную им экономическую и политическую войну с Китаем. Демократы говорят, что не будут портить отношения с Китаем, но одновременно намерены «удерживать позиции». Однако Северную Корею Байден, в отличие от Трампа, не собирается делать одним из приоритетов своей внешней политики, хотя и сохраняется необходимость дальнейшей проработки, в том числе на международном уровне, эффективной линии в отношении ее ядерной программы.

Байден – за более конструктивное, цивилизованное поведение, как на Ближнем Востоке, так и в мире в целом. Он выступал с критикой произошедшего в начале года убийства американским дроном иранского генерала Касема Сулеймани, командующего спецподразделением «Аль-Кудс» в составе Корпуса Стражей Исламской революции. Раньше он критиковал и имевшее место еще при Обаме убийство руководителя «Аль-Каиды» Бен Ладена. Байден выступает и против существования американских секретных тюрем на Кубе и в других странах мира.

При Бараке Обаме и при Дональде Трампе были предприняты меры для уменьшения американского военного присутствия в этом регионе, который, с развитием энергетической самодостаточности США после начала разработки ими сланцевых месторождений нефти и газа, потерял свою особую приоритетность для Вашингтона. А Байден (который и раньше выступал против американских военных действий в Сирии) заявлял, что американцы не должны там быть ради нефти. При этом, кто бы ни пришел в Белый дом, важно сохранить то, что в США обычно называют механизмами «деконфликтики», включая: налаженные линии связи между российскими и американскими военными в Сирии, оповещение о предстоящих операциях вблизи зоны, контролируемой противоположной стороной, и меры по предотвращению случайных вооруженных столкновений.

Как известно, Трамп в начале 2020 г. в Дохе подписал соглашение с Талибаном о выводе американских войск из Афганистана. А Байден всегда выступал против американского участия в афганской войне и на протяжении своей политической карьеры последователь-

но придерживался этой позиции. Так что свертывание американского военного присутствия в этой стране продолжится, кто бы ни победил на выборах.

Тема Латинской Америки возникла напоследок, на завершающем этапе избирательной кампании, когда Трамп приехал во Флориду, где в ходе своего выступления утверждал, что Байден «хочет сделать Америку коммунистической, как Куба, или социалистической, как Венесуэла». Он, наверное, не знал при этом, что Байден раньше резко критиковал режим Николаса Мадуро, так что последний даже заявил, что тот хочет его свергнуть.

Оба участника американских президентских выборов говорят о проблеме контроля над вооружениями. Однако Трамп рассматривает данный вопрос с точки зрения неопита и прагматика: чтобы это принесло какую-то сугубо практическую выгоду, хотя одновременно говорит, что не против контроля над вооружениями, не желая отдавать этот козырь демократам. Для Байдена проблема контроля над вооружениями более, так сказать, сущностна, субстантивна: он занимался этим, еще работая в администрации Обамы. Он выступает за продление Договора СНВ, хотя есть технические проблемы, связанные с необходимостью успеть осуществить это не позднее чем через несколько недель после начала следующего президентского срока. А Договор РСМД уже не вернуть, но при Байдене, вероятно, можно будет обсуждать вопрос о запрете развертывания ракет средней и малой дальности в тех или иных регионах мира, в частности в Европе. Он также говорил о возможности пересмотра вопроса о размещении ядерного оружия и американского воинского контингента в Польше. Байден может вернуться к Договору об открытом небе, в котором участвуют 34 государства и который используется в инспекционных целях для взаимного контроля, тогда как Трамп готов вот-вот выйти из него. Байден давал понять, что не прочь вернуться и в Иранскую сделку. Что же касается самого Ирана, то переговоры с ним об этом возможны. Но в Иране обижены на Соединенные Штаты, из-за прекращения выполнения Вашингтонских своих обязательств там потеряли 5 млрд долларов и могут, в свою очередь, выдвинуть условия, которые окажутся неприемлемыми для американского руководства.

Что касается экономики, то Трамп подчеркивает, что уровень безработицы в Соединенных Штатах составляет не предсказанные 10%, а «только лишь» 8%, и предупреждает, что демократы, мол, хотят отменить все принятые при республиканском правлении сокращения налогов и ввести новые налоги. Те, в свою очередь, утверждают, что это будут налоги только на богатых, которых поддерживал Трамп и которые были бенефициарами его налоговой политики. Демократы, действительно, хотят ежегодно собирать дополнительно 4 трлн долларов налогов, но за счет состоятельных граждан, а налоги на семьи с доходом менее 400 тыс. в год обещают не увеличивать. Традиционно демократы выступают за большее государственное участие в экономике, а республиканцы – по возможности за его минимизацию, уменьшение регулирования экономики и ее регламентирования, а также за снижение тарифов. При этом Байден высказывается в пользу инновационной экономики и обещает финансовые вложения в научные исследования на благо ее развития. Байден – за возобновляемые источники энергии, за чистую энергетику, он со скепсисом относится к традиционным видам ископаемого топлива, собирается вернуть США в Парижское соглашение по климату и выступает против бурения в Арктическом национальном заповеднике.

Во внутренней политике важным является вопрос о том, будет ли расширен состав Верховного суда, где с добавлением новых членов, предложенных Трампом за время его правления, стали превалировать консерваторы.

Кроме того, остро стоит проблема, связанная с иммигрантами, и в частности с «дри-мерами» – проживающими в США, ввезенными туда в малолетнем возрасте, но уже давно взрослыми детьми незаконных иммигрантов. Трамп активно боролся с незаконной имми-

грацией и с пребыванием в стране иммигрантов – «дримеров» – и пытался отметить принятый при Обаме закон о легализации их положения. А Байден, напротив, считает, что это жестоко – выгонять из страны людей, которые в ней выросли, и что положение тех, кто много лет живет в США, должно быть узаконено. Однако же та стена, которую на протяжении многих лет пребывания Трампа на посту президента воздвигали на границе с Мексикой, и которая стала одним из его любимых проектов, может многим в Соединенных Штатах нравиться, поскольку американские граждане, в связи с происходившим увеличением притока мигрантов, были встревожены вторжением «чужого» в их жизнь.

Демократы традиционно против криминализации абортов, а республиканцы хотели бы, чтобы Закон от 1973 года о праве на аборт, известный как *Roe versus Wade*, был пересмотрен. Существует большая вероятность того, что консервативный Верховный суд США может отменить *Roe versus Wade*.

Демократы выступают за увеличение финансирования инфраструктуры, развитие общественного транспорта, обеспечение прав ЛГБТ, расширение социальных расходов. Они за «медицину для всех» и за сохранение Закона Обамы о здравоохранении, так называемого *Obama Care*. В случае его отмены 20 млн. граждан США потеряли бы медицинскую страховку. Но республиканцы задаются вопросом: почему мы должны платить большие страховые взносы за остальных? И Трамп неоднократно пытался отменить этот закон.

Демократы – за инвестиции в образование, за бесплатные двухлетние *community colleges*, аналогичные российским техникумам и колледжам, за списание по 10 тыс. долларов долгов тем, кто когда-то взял кредит на получение образования. В отличие от Трампа, Байден постоянно в ходе избирательной кампании использует тезис о правах человека – как во внутренней политике и в социальной сфере, так и применительно к внешнеполитической повестке.

Проблема в том, признают ли республиканцы результаты голосования. Эти выборы беспрецедентны тем, что мы не знаем, что будет в ближайшие дни, недели и месяцы после них. Как говорится по-английски: *suspense*, тревожная неопределенность. Трамп ни разу в ответ на прямой вопрос не сказал, что признает итоги выборов. А только лишь утверждал, что, если они будут подсчитаны правильно, то победа будет за ним и все будет окей. Впереди несколько дат между 3 и 10 января, которые могут стать роковыми: в том числе 6 января, когда результаты голосования будут подсчитаны и объявлены в Конгрессе.

В России и в некоторых европейских странах прямые выборы, а в Штатах – по сути, выборы выборщиков: граждане отдают свой голос за кандидата одной из двух партий, но по сути за список выборщиков, который каждый из участвующих в выборах претендентов определяет во всех без исключения штатах, и официально дело затем решается на последующем голосовании Коллегии выборщиков. Всего 538 выборщиков. Чтобы кандидат был выбран президентом, за него должны проголосовать 270 из них. Недавно в США был принят федеральный закон, который позволяет штатам запрещать выборщикам голосовать не так, как проголосовали избиратели в штате в целом (что, впрочем, бывает не так уж часто). В каждом штате выборы регулируются своим законом. Система выборов контролируется специальными органами, только они имеют право ставить ящики для голосования, почтовые ящики. Но Трамп даже сказал как будто в шутку: проголосуйте два раза. И хотя это совершенно противозаконно, случалось, что устанавливали почтовые ящики в непредусмотренных местах.

Что касается впечатления от кандидатов. Байден – не орел, но на излете. Вместе с тем он производит впечатление, пользуясь принятым в российском дискурсе словом, интеллигентного человека – с большей нормальностью, рассудительностью и значительным опытом государственной работы. Камала Харрис, выступая в паре с Байденом в качестве

кандидата на пост вице-президента, добавляет недостающих задора, молодости и красок. А Трамп особенно нравится людям без высшего образования, потому что он – down to Earth (буквально, «близко к земле»), то есть, говоря по-русски: такой, как обычные люди, понятный, и ляпы ему прощают, потому что они бывают у всех. Впрочем, и у Байдена нередко случаются оговорки.

Байден, который изначально не испытывал такого внутривнутриполитического противодействия на внешнеполитическом направлении, как Трамп, может в большей мере полагаться на дипломатические методы в реализации своего курса. США никуда не денутся, не распадутся на части, несмотря на политический раскол и разлад, останутся важной мировой державой с сильным экономическим, политическим и военным потенциалом, с которой придется выстраивать взаимодействие в решении таких важнейших мировых проблем, требующих международного сотрудничества, как борьба с эпидемиями и климатическими изменениями, обеспечение устойчивого развития и кибербезопасности, мирное освоение космоса и разработка природных ресурсов в условиях неконфликтных отношений в Арктике. Для России в том случае, если удастся выстраивать конструктивные двусторонние отношения, было бы проще договариваться с Байденом о мерах по контролю над вооружениями. Необходимо сохранять в действии и укреплять действующие договоры, использовать наработанную структуру, механизмы, принципы подсчета и режимы инспекций и разрабатывать новые соглашения в данной области. Новой перезагрузки не предполагается, но следует не допустить мирового военного взрыва, а для этого нужно искать общие подходы к деэскалации международной напряженности, стремиться к мирному урегулированию конфликтов, избегать военных инцидентов, которые могут случиться в результате регионального кризиса, недопонимания, отсутствия координации действий, сбоя в коммуникациях.

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ

*Академик Российской Академии Наук, доктор исторических наук,
руководитель Центра международной безопасности Института мировой
экономики и международных отношений РАН,
член Федерального Политического комитета партии «Яблоко»*

27 января 2022 года²³

ОБОРОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Сейчас только ленивый не использует понятие «стратегическая стабильность», а в СМИ его склоняют совершенно произвольно. Если хочется оправдать какие-то свои действия, то говорят об укреплении стратегической стабильности, а если осудить чужие, то, наоборот – о несоответствии стратегической стабильности. Поскольку это понятие лежит в основе представления о вероятности войны и особенно пугающе – ядерной войны, психологическое воздействие такого аргумента гарантированно.

Между тем, стратегическая стабильность – не просто аналог тезису «миру – мир», а концепция, которая имеет четкий стратегический смысл и ряд военно-технических эле-

²³ Текст лекции с добавлениями 2022 года.

ментов. Это понятие было согласовано 30 с лишним лет назад, в 1990-м году, и включено в совместное Заявление тогда еще СССР и США. Оно легло в основу всех последующих договоров об ограничении стратегических вооружений. В Заявлении это понятие было емко сформулировано как состояние стратегических отношений сторон, исключающее нанесение первого ядерного удара.

«Первый ядерный удар» – понятная формулировка, потому что именно нанесение такого ядерного удара было бы началом ядерной войны, которая, по всей вероятности, положила бы конец всей нашей цивилизации.

Что такое «стратегические отношения сторон»? Это понятие охватывает всю совокупность материальной базы и концепций применения стратегических ядерных сил СССР и США, а с недавнего времени и стратегических обычных высокоточных вооружений. Но оно не охватывает тактическое ядерное оружие, которое к стратегическим отношениям сторон не относится. Правда, оно может быть использовано в ходе обычной войны, и именно эскалации такого конфликта все сейчас боятся в свете трагических событий на Украине.

Военно-технические составляющие стратегической стабильности – учет соотношения наступательных и оборонительных вооружений; уменьшение зарядов на стратегических носителях, в первую очередь – на ракетах морского и наземного базирования; предпочтение средствам повышенной выживаемости: например, грунтово-мобильного типа, как известная ракета «Тополь», ракетам на подводных лодках. Эти средства трудно поразить до старта, и потому они не допускают нанесения противником разоружающего ядерного удара, избавляющего агрессора от возмездия. Так создается баланс сил сторон, предотвращающий начало войны. И это состояние по идее должны были закрепить договоры об СНВ на пониженных уровнях вооружений и с меньшими затратами.

Исходя из этого, стратегическая стабильность – это политика ядерного сдерживания сторонами друг друга, которая опирается на соглашения по ограничению стратегических вооружений. Если эти соглашения объемные, то стратегическая стабильность устойчива. Ни у одной стороны нет возможности и, тем самым, стимула нанести разоружающий ядерный удар с целью разоружить противника, избежать ответного удара и победить в войне. Это выглядит как самая устойчивая фигура – пирамида, демонстрирующая стабильное соотношение сил сторон.

Между заключением текущего договора СНВ-3, который был недавно продлен, и нынешней ситуацией прошло больше десяти лет. Имела место беспрецедентная пауза в переговорах по стратегическим вооружениям. Эти переговоры длятся уже полвека, они начались в 1969 году. За это время было заключено десять крупных договоров и соглашений по ограничению, сокращению и запрещению стратегических вооружений и ракет средней дальности. Но и военно-техническое развитие не стоит на месте. За десять лет появилось много новых систем вооружений, которые расшатывают стратегическую стабильность и делают ядерную войну более вероятной.

Каковы факторы дестабилизации? Это:

- развитие высокоточных ударных систем большой дальности с обычными боеголовками, что позволяет нанести удар по другой стороне без использования ядерного оружия и угрожать применением своих ядерных сил, если противник смог выжившими силами нанести ответный ядерный удар;
- программы противоракетной обороны глобального и регионального уровня, которые подрывают принцип стратегической стабильности, т.к. могут отразить ослабленный нападением ответный удар;

– развитие агрессивного воздействия на управляющие системы (космическое оружие, информационная война, кибератаки на системы управления), что сокращает необходимое для принятия решения политическим руководством время, и все это, включая технические и политические ошибки в условиях дефицита времени, ложные тревоги систем предупреждения, увеличивает опасность ядерной войны.

Но развивались не только технологии. За эти десять лет были разрушены многие договоры, которые укрепляли стратегическую стабильность, начиная с договора по ПРО, с которого в 1972 г. начинался этот полувековой процесс. США вышли из этого договора в 2002 г., а потом последовал целый ряд негативных решений, разрушавших систему разоружения и подрывавших стратегическую стабильность. Это – выход США из договора по ракетам средней и меньшей дальности в 2019 году при администрации Трампа; выход из договора по открытому небу в 2020 г., который напрямую относился к безопасности Европейского континента; намерение отказаться от продления договора СНВ-3, срок которого заканчивался в 2021 году. После смены администрации и прихода Байдена этот договор был сразу продлен на пять лет (по условиям договора, который был подписан в 2010 году, его можно продлить один раз, не более чем на пять лет). Это дает нам время для ведения переговоров по этим вопросам, не вися в пустоте, но опираясь на его важные положения. Он основательно сократил стратегические вооружения сторон и предусматривает систему контроля, транспарентности, предсказуемости стратегических сил. Таким образом, СНВ-3 укрепляет стратегическую стабильность как минимум до 2026 г.

Кроме того, в 2021 году начались переговоры в Женеве, сначала в июле, потом – в октябре. Возникла перспектива заключения следующего договора по стратегическим вооружениям. Конечно, возникли сложности. Потому что за 10 лет изменились приоритеты и представления США и РФ о стратегической стабильности. США предложили в новом договоре сократить как стратегическое, так и тактическое ядерное оружие. Ранее речь о тактическом оружии не шла. Россия предложила ограничить как ядерное, так и неядерное стратегическое вооружение (высокоточные системы большой дальности). Это – очень серьезное различие, оно создало бы большие трудности в переговорах, но они были вполне разрешимы. Однако вмешалось два события, которые смешали все карты.

Первое событие. Россия неожиданно для всех в конце 2021 года выдвинула к США и их партнерам по НАТО требование дать ей обширные гарантии безопасности. Было представлено два проекта договора, один – с США, второй – с НАТО, в которых предусматривалось:

– во-первых, дать гарантии прекращения дальнейшего расширения НАТО на Восток, в первую очередь, что в НАТО не будут включены Украина и Грузия;

– во-вторых, что все силы и вооружения НАТО будут выведены из новых государств, которые вступили в Альянс после завершения Холодной войны. Конкретно – после 1997 года: до этого в НАТО были 16 государств, а с того года поэтапно вступили еще 14: страны ЦВЕ, Балтии, наконец, встал вопрос о приглашении Украины и Грузии. Россия в течение четверти века выступала против расширения НАТО, но тут вопрос уже поставила ребром.

Кроме этого, Россия предлагала ограничение ракет средней и меньшей дальности, вывод ядерных вооружений из Европы, меры по повышению доверия, отказ от проведения военных учений вблизи границ друг друга.

Ответ НАТО был предсказуем: они гарантий отказа от дальнейшего расширения не дали. Выводить инфраструктуру и силы из государств, которые вступили после 1997 года, отказались. Все остальное – предмет переговоров: по ограничению масштабов учений и их территориальному разведению, по сокращению количества ракет средней дальности и пр.

В соответствии с Хельсинкским актом 1975 года, каждая страна может выбирать для себя союзы, в которых она хочет участвовать. Но там же было сказано о неделимости безопасности: нельзя укреплять свою безопасность за счет другой страны. На первом положении делала упор НАТО, на втором – Россия.

Я всегда считал и сейчас считаю процесс расширения НАТО на Восток деструктивным процессом. Но это не было стратегическим планом НАТО, которая, наоборот, поначалу пыталась замедлять процесс. Такая цель была у государств, которые стремились вступить в НАТО. Возникает вопрос – почему? В Варшавском договоре было шесть государств, он распался в 1991 году, кроме России, все дружно «переехали» в НАТО, а потом туда стали отправляться страны Балтии – Эстония, Латвия, Литва. Наверное, они чувствовали угрозы своей безопасности со стороны России и искали в НАТО защиты. В 1992 году был создан аналог Варшавского договора – ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности). В него вошли шесть стран помимо России – Белоруссия, Армения, Казахстан, Таджикистан и Киргизия. Но с того времени в него никто не попросился – напротив, многие стремятся отдалиться, тогда как в НАТО вступило 14 государств.

Принцип неделимости безопасности относится не только к России, но и к этим странам, они тоже могут претендовать на неделимость безопасности. Наверное, Грузия и Украина считают, что со стороны России этот принцип был нарушен. Все ли Россия сделала, чтобы у них не было желания «нырнуть» под зонтик НАТО? Наверное, не все, и этот вопрос не так прост, как его представляют наши СМИ.

Как реагировала Россия на ответ НАТО? Россия официально заявила в лице министра иностранных дел, что нас этот ответ не устраивает. НАТО не дала положительного ответа на два главных требования, а военно-технические вопросы такого значения не имеют.

Как бы я старался договориться с НАТО? Я бы отложил первый и второй пункты на будущее и начал переговоры по тем пунктам, которые не вызывают вопросов: неразмещение ракет средней дальности, меры доверия, ограничение маневров и прочее. В ходе таких переговоров мы могли бы все время повторять, что требуем, чтобы НАТО не расширялось, что мы против вступления в него Грузии и Украины, и от этого зависит подписание и выполнение других соглашений. В каждом соглашении должна быть статья, что каждое государство имеет право на выход, и в случае расширения НАТО мы будем иметь право выхода из этих договоров. Одновременно, чем шире и глубже был бы пакет дополнительных соглашений из наших двух проектов договоров с США и НАТО, тем больше была бы безопасность Украины и Грузии и меньше для них стимулов искать защиты у НАТО. Была гарантия успеха такой политики? Нет, гарантии не было, но чтобы знать наверняка, стоило хотя бы попробовать.

Однако, как известно, было принято другое решение: вместо дипломатии использовать военную силу. Результаты мы видим и слышим каждый день. Даже пресс-секретарь президента Песков назвал их трагическими, а недавно сам президент Путин признал, что в ходе военной спецоперации гибнет много людей. И конца-краю этому пока не видно. К тому же существует большая угроза эскалации военного противостояния и прямого вооруженного конфликта России и НАТО. Могут столкнуться корабли, самолеты, ракетные удары могут достичь территории России и стран НАТО, и это может послужить триггером военного столкновения и далее – вплоть до глобальной ядерной войны.

Мы сейчас переживаем самый большой кризис со времени Берлинского, 1961 года. Тогда почти дошло до прямого столкновения – танки сторон были выведены на прямую наводку друг против друга. А через год произошел Карибский кризис, когда за тринадцать дней едва успели предотвратить ядерную войну и прийти к соглашению. Если сейчас мы вступим в такой кризис, я не уверен, что дело закончится миром.

Второе обстоятельство, относящееся к стратегической стабильности, возникло в середине 2021 г. Американские ученые из калифорнийского Монтерейского института международных исследований обнаружили, анализируя данные от коммерческих спутников, три огромных базы в пустыне Китая. Там велось строительство для трехсот шахт межконтинентальных баллистических ракет Китая. Китай до последнего времени придерживался умеренной ядерной политики, у него было менее 400 ядерных боеголовок, чуть больше, чем у Франции или Англии, но в разы меньше, чем у США и России. Видимо, Пекин изменил свой курс для того, чтобы сравняться с РФ или США. Это – тектонический сдвиг в мировой политике. Китай, который уже является второй или даже первой экономикой мира по ВВП (в зависимости от подсчетов), добавит и ядерный потенциал, не уступающий США и РФ.

Это означает изменение всего порядка в Тихоокеанском регионе. США обеспечивает гарантии безопасности союзникам и партнерам на Тихом океане: Японии, Южной Корее, Тайваню, Австралии, Филиппинам, Сингапуру, Малайзии. Китайский ракетный рывок поставит под сомнение гарантии безопасности со стороны США. Возможны вооруженные столкновения Китая и США вокруг Тайваня, как и в других зонах региона, причем китайское ракетное наращивание резко изменит соотношение сил в пользу Пекина. Получив военное превосходство, КНР пойдет и дальше – в Индийский и Северный Ледовитый океаны, что уже коснется интересов России.

Сейчас мы не называем отношения с Китаем, как в 50-ые годы, «дружбой навек», но – по новомодному «стратегическим партнерством». Однако соотношение весов в этом партнерстве резко изменится не в пользу России. Сейчас Китай существенно опережает нас по экономическому потенциалу, но отстает по ядерному. В ближайшие 10–15 лет Китай станет опережать нас по всем параметрам, и это создаст для России серьезные проблемы. Это – уже упомянутое освоение Арктики, которую Китай считает общемировым достоянием. Он имеет самые большие возможности использовать Северный морской путь и океанский шельф для освоения ресурсов Арктики, для чего строит атомные ледоколы и уже имеет самый большой в мире военный флот (кроме авианосцев, которые тоже энергично строит).

К тому же в Китае очень популярен дискурс о том, что в середине XIX Россия присвоила миллион квадратных километров исторической китайской территории, пользуясь его слабостью. Природные ресурсы этих краев для Китая очень привлекательны. Как показывает недавний опыт, территориальные претензии могут быть отложены в долгий ящик, но извлечены в любой удобный момент и выдвинуты на первый план. Для нас эти угрозы несравнимы с расширением НАТО, которая не смеет думать о территориальных претензиях к России и не покушается на наши природные ресурсы.

Изменение ядерного баланса между США и КНР в пользу последнего будет означать и для России серьезные сложности на переговорах с США, наряду с фактическим «замораживанием» этих переговоров из-за украинского конфликта. Для американцев главными станут переговоры с Китаем, а Россия будет утрачивать роль главного контрагента во взаимодействии с США по вопросам ядерного разоружения и стратегической стабильности. Главная гонка вооружений, а затем – и переговоры о ее ограничении, будут иметь место, прежде всего, между США и Китаем, а роль России будет отодвигаться на уровень третьей ядерной державы, как роль Франции, Великобритании, Индии. Для России это весьма неблагоприятный вариант развития событий.

Для того, чтобы исправить положение, необходимо, в первую очередь, добиться прекращения огня, а затем – мирного урегулирования конфликта на Украине и вокруг нее. Совершенно очевидно, что это нужно по множеству других, еще более важных соображений, помимо поддержания стратегической стабильности. Как показал украинский конфликт,

стратегическая стабильность сама по себе – не гарантия мира и даже не гарантия от ядерной войны, которая может последовать в результате эскалации локального кризиса, несмотря на договоры по контролю над вооружениями.

Но давайте на минуту представим себе, как бы выглядела нынешняя ситуация, при всей ее остроте, если бы ко всему прочему в стратегических отношениях России и США не было стратегической стабильности как результата полувековых переговоров по этой проблематике. Если бы одна из двух сверхдержав или обе они обладали возможностью эффективного первого (разоружающего) ядерного удара по противнику, и вопрос был бы лишь в том, кто «нажмет кнопку» первым.

Отсюда следуют главные выводы.

- Прекращение огня в центре Европы – минимальное условие хотя бы для возобновления диалога по стратегической стабильности между Россией и США, который снова был прерван с конца февраля 2022 г. Мирное урегулирование конфликта создаст благоприятные политические условия для укрепления стратегической стабильности на основе следующего договора по СНВ.

- Стабильность стратегических отношений двух ядерных сверхдержав служит важнейшим дополнением к другим, параллельным усилиям по поддержанию мира и предотвращению военных конфликтов.

- Даже в случае возникновения таких конфликтов, стратегическая стабильность дает шанс удержать их в определенных рамках и избежать эскалации к всеобщей ядерной катастрофе. Это является абсолютно необходимым, хотя и недостаточным условием мирного процесса.

- В нормальной международной ситуации стратегическая стабильность, как продукт режимов контроля над вооружениями, позволяет ограничить масштаб, интенсивность и экономические издержки военно-технического соперничества, обеспечивает транспарентность и предсказуемость стратегических отношений государств.

- Стабильность, переговоры и договоры по стратегическим и другим вооружениям между США и Россией являются важным условием обеспечения интересов последней в формирующемся геостратегическом треугольнике РФ – США – КНР, укрепляют российскую безопасность, как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.